

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

ПАНТЮХИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

**ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Кондратьева Наталья Владимировна

Ижевск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1. Местоимение как часть речи	16
1.2. История изучения удмуртских местоимений	30
1.2.1. Первый этап (1726 г. – сер. XIX в.) – начало фиксации и описания ...	30
1.2.2. Второй этап (1851 г. – нач. XX в.) – начало научного описания	43
1.2.3. Третий этап (1920-е гг. – 1961 г.) – становление терминологии и историко-сопоставительного анализа	48
1.2.4. Четвертый этап (1962 г. – до наших дней) – синхронное и диахронное исследование местоимений	54
Выводы по Главе 1	60
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА	
2.1. Существующие классификации и принципы дифференциации личных местоимений	63
2.2. Послеложно-личные местоимения	69
2.3. Взаимно-личные местоимения	73
2.4. Местоимения, образованные от основ вопросительных местоимений <i>куд-</i> ‘который’, <i>кин-</i> ‘кто’	84
2.5. Инклюзивное местоимение	93
2.6. Предлагаемая классификация местоимений удмуртского языка	96
Выводы по Главе 2	100
ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	
3.1. Семантика собственно-личных местоимений	103
3.2. Грамматические категории собственно-личных местоимений	122
3.2.1. Категория лица	122
3.2.2. Категория числа	126

3.2.3. Категория падежа	133
3.2.3.1. Именительный падеж (Номинатив)	140
3.2.3.2. Винительный падеж (Аккузатив)	149
3.2.3.3. Родительный падеж (Генитив).....	161
3.2.3.4. Дательный падеж (Датив)	174
3.2.3.5. Разделительный падеж (Аблатив)	186
3.2.3.6. Творительный падеж (Инструменталь)	203
3.2.3.7. Лишительный падеж (Абессив)	215
3.2.3.8. Соответственный падеж (Адвербиаль)	221
3.2.3.9. Направительный падеж (Аппроксиматив)	225
3.2.3.10. Вторичные пространственные падежи	228
Выводы по Главе 3	234
ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	
4.1. Происхождение собственно-личных местоимений	236
4.2. Генезис падежных маркеров в структуре собственно-личных местоимений ...	245
4.2.1. Винительный падеж (Аккузатив)	246
4.2.2. Родительный падеж (Генитив)	250
4.2.3. Дательный падеж (Датив)	254
4.2.4. Разделительный падеж (Аблатив)	254
4.2.5. Творительный падеж (Инструменталь)	256
4.2.6. Лишительный падеж (Абессив)	257
4.2.7. Соответственный падеж (Адвербиаль)	258
4.2.8. Направительный падеж (Аппроксиматив)	258
4.3. Морфонологическая вариативность падежных форм собственно-личных местоимений	259
4.4. Чередование гласных в основе сингулятивных местоимений	265
4.5. Варьирование гласных в падежных суффиксах собственно-личных местоимений	269

Выводы по Главе 4	275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	278
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	285
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	289
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	295
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	327
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	328

ВВЕДЕНИЕ

Личные местоимения, наряду с вопросительными и указательными, составляют древний и устойчивый пласт лексики во всех языках мира. Они являются основными актуализаторами коммуникации и мыслительной деятельности индивида. Антропоцентричность языка, необходимость указания на участников диалога (говорящего или адресата), отсылки к объекту придают личным местоимениям особый статус. Структурно-системное описание данного разряда является важной составляющей в изучении языковых явлений в целом и исторических изменений в частности.

Диссертация посвящена исследованию семантических и грамматических характеристик собственно-личных местоимений удмуртского языка: категорий числа, лица, формальных и содержательных характеристик падежных форм местоимений, а также генезиса вариантов местоименных основ и падежных суффиксов. Кроме того, решены сопутствующие теме вопросы состава личных местоимений в удмуртском языке, поскольку до сих пор не существует однозначной интерпретации номенклатуры лексем вторичного образования с личными суффиксами. В работе представлены принципы выделения личных местоимений, которые могут быть использованы в типологических исследованиях финно-угорских языков. На материале современных диалектов и письменных памятников предложена реконструкция некоторых падежных форм удмуртских собственно-личных местоимений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного изучения собственно-личных местоимений удмуртского языка с точки зрения семантико-грамматических характеристик, их функциональных особенностей и диалектного разнообразия.

Синхронический анализ личных местоимений способствует углубленному пониманию современных особенностей коммуникации носителей удмуртского языка, выявляя взаимосвязи между грамматическим строем и прагматическими характеристиками языка.

Изучение системы личных местоимений позволяет выявить глубинные исторические связи исследуемого языка с родственными, что важно для понимания процессов развития и путей формирования его грамматической структуры. Система личных местоимений удмуртского языка генетически связана с общим финно-угорским (уральским) языком-основой. Тем не менее процесс формирования числовой оппозиции, большей части падежной парадигмы и её смыслового содержания проходил в общепермский период. Образование диалектных вариантов падежных показателей, расширение падежных значений возникло в период самостоятельного развития ареальных единиц удмуртского языка. В этой связи весьма актуальным становится и комплексное описание современных диалектных падежных форм с привлечением примеров из памятников письменности XVIII–XIX вв., поскольку их сравнение позволяет установить некоторые архаичные и инновационные особенности и проследить пути развития местоименных парадигм склонения.

Степень изученности темы. Обращение к проблемам морфологии личных местоимений удмуртского языка имеет 250-летнюю историю. Однако спорные вопросы и неизученные явления остаются до сих пор. Описание грамматических категорий лица и числа личных местоимений в научных трудах ограничивается несколькими предложениями, поэтому можно с уверенностью сказать, что в удмуртском языкознании данные вопросы не освещены. Грамматическая категория падежа удмуртских личных местоимений рассматривалась, начиная с первой грамматики – «Сочиненій принадлежащих къ грамматикѣ вотскаго языка» [1775]. Впоследствии диалектологами была описана вариативность падежных форм в различных говорах [Aminoff 1896: 24, 29–30; Тепляшина 1955: 199–203, 1970а: 183–187; Кельмаков 1970б: 340–343, 2005; Насибуллин 1972а: 153–154; Карпова 2020: 239–250; Люкина 2016: 91–93 и др.]. Особенности парадигмы склонения удмуртских местоимений литературного языка рассмотрены в специальном разделе «Грамматики современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 167–187], в учебном пособии для студентов «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» [УУК 2011: 108–140]. Семантика падежных форм личных местоимений в целом

соответствует семантике падежных форм имен существительных, данная тема нашла отражение в исследованиях удмуртского языковеда Н. В. Кондратьевой [2011а]. Генезису падежных маркеров посвящены труды [Wichmann 1923–1924; Емельянов 1927; Uotila 1936; Серебренников 1963; Bartens 2000; Csúcs 2005; Кондратьева 2011б]. Обобщающая работа по происхождению, развитию основ и падежных показателей пермских личных местоимений сделана Г. В. Федюновой [2008а], но удмуртские диалектные местоименные формы рассмотрены не в полном объеме, такую задачу коми лингвист перед собой и не ставила. Тем не менее, несмотря на достигнутые результаты в изучении морфологии удмуртских местоимений, степень изученности отдельных языковых явлений остается недостаточной. Ни в одном из научных трудов не отражена семантика личных местоимений. Нет специальной обобщающей работы по морфологии удмуртских личных местоимений, которая включала бы диалектные формы, полную номенклатуру основ и формальных показателей личных местоимений.

Объектом настоящего исследования являются местоимения удмуртского языка.

Предметом изысканий стали лексико-грамматические характеристики и функциональные особенности собственно-личных местоимений (1-го и 2-го лица *singularia tantum*, 1-го и 2-го лица *pluralia tantum*, инклюзивное 1-го лица, 3-го лица единственного и множественного числа) удмуртского языка.

Цель диссертационного исследования заключается в системном представлении морфонологических, морфологических, синтаксических и семантических характеристик личных местоимений удмуртского языка. В соответствии с поставленной целью решались следующие **задачи**:

- а) рассмотреть основные этапы развития грамматической теории местоимений в удмуртской лингвистике;
- б) определить разряды вторичных личных местоимений удмуртского языка;
- в) описать семантическую структуру собственно-личных местоимений в свете теории референции;

г) проанализировать грамматические категории лица, числа, падежа собственно-личных местоимений;

д) упорядочить состав морфем личных местоимений и выявить морфонологические варианты падежных маркеров собственно-личных местоимений в диалектах удмуртского языка;

е) сопоставить и систематизировать гипотезы о возникновении и развитии падежных суффиксов и становлении системы склонения собственно-личных местоимений в целом;

ж) проанализировать семантику падежных форм собственно-личных местоимений.

Используемые в работе **методы исследования** определяются его целью и задачами. Применяются описательный, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, метод количественного анализа, языкового эксперимента, контекстуального анализа. Описание формальных и семантических характеристик падежей проводится с помощью стандартных приемов морфологического и семантического анализа падежей. Частотность употребления лексических единиц выявлялась на основе количественного анализа. Сбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной и частичной выборки из художественных, публицистических, диалектных текстов, ресурсов Национального корпуса удмуртского языка; анкетированием носителей языка различного возраста.

Теоретической и методологической базой настоящей работы стали труды отечественных и зарубежных лингвистов: А. М. Пешковского [2001], В. В. Виноградова [1986], Е. В. Падучевой [1985; 2019], О. Н. Селиверстовой [1988], Н. Ю. Шведовой [1998], В. А. Плунгяна [2011], Е. Н. Сидоренко [2021], К. Е. Майтинской [1979; 2009], Б. А. Серебренникова [1963], Т. И. Тепляшиной [1970а], В. К. Кельмакова [1998; 2003; 2004б; 2005а; 2005б], И. В. Тараканова [2003; 2007], Л. Л. Карповой [1997; 2020], Н. В. Кондратьевой [2011а; 2011б], Г. В. Федюновой [2000; 2005; 2008а], Г. А. Некрасовой [2002; 2023], Т. Э. Уотилы [Uotila 1936]; Р. Бартенс [Bartens 2000], Ш. Чуча [Csúcs 2005] и др.

Основной **источниковой базой** послужили опубликованные диалектные тексты, сбор которых велся во второй половине XIX в., с 1950-х годов XX в. до начала XXI в. Б. Мункачи, Ю. Вихманном, Т. И. Тепляшиной, В. К. Кельмаковым, Р. Ш. Насибуллиным, М. Г. Атамановым, Л. Л. Карповой и др. Для отображения более полной картины синхронного функционирования морфонологических падежных форм личных местоимений в удмуртских диалектах был привлечен материал, полученный автором от носителей языка. Всего проанализировано 2294 диалектных словоформ и словоупотреблений.

Частотность употребления личных местоимений и их падежных форм в художественной литературе (результаты могут рассматриваться как частотность употребления в литературном языке) определялась на основе фрагментов из 10 литературных произведений XX века, из которых методом сплошной выборки были отобраны местоимения с 250 страниц текста признанных удмуртских писателей разных поколений, которые являются представителями различных диалектных территорий: повесть В. Ар-Серги «Тулкымъёс вылын – пыжед» (Завьяловский район УР), роман П. А. Блинова «Улэм потэ» (Увинский район УР, детство провел в Селтинском районе УР), роман Р. Г. Валишина «Тӧл гурезь» (Калтасинский район РБ), роман-диалогия И. Г. Гаврилова «Вордӱськем пальёсын» (Можгинский район УР), повесть Кедре Митрея «Секыт зӱбет» (Игринский район УР), роман М. А. Коновалова «Гаян» (Можгинский район УР), роман Г. Д. Красильникова «Арлэн кутсконэз» (Алнашский район УР), роман Г. С. Медведева «Лӧзя бесмен» (Балтасинский район РТ), роман Г. К. Перевощикова «Йӧвалег» (Игринский район УР), рассказы М. П. Петрова (Менделеевский район РТ), роман П. К. Чернова «Тулысысен сӱзьылозь» (Алнашский район УР), комедия С. П. Широбокова «Яратон ке ӧвӧл» (Шарканский район УР). Всего было выделено 2964 словоупотребления. Заметим, что диалектные особенности использования личных местоимений в произведениях прослеживаются лишь в выборе литературного варианта, который ближе к диалекту писателя. Например, варианты accusativной, dative форм плюральных местоимений. При недостаточности иллюстративного материала примеры были

отобраны из полного объема указанных произведений, других художественных и публицистических текстов методом частичной выборки. Также были привлечены ресурсы Национального корпуса удмуртского языка (<https://udmcorpus.udman.ru>). Всего таким способом был отобран 191 пример.

При включении языковых примеров мы придерживались следующих принципов:

а) орфография и пунктуация сохранены в том виде, в котором они представлены в источниках, за исключением примеров из грамматики Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1851], которые из-за сложности передачи знаков переведены на финно-угорскую транскрипцию, удмуртское *ö* в примерах, взятых из словаря Б. Мункачи «A votják nyelv szótára» [Munkácsi 1896] передано знаком *ö*, вместо стандартного для финно-угорской транскрипции *ę* т. к. этим знаком в другой работе ученого [Munkácsi 1952] представлен редуцированный *ъ* (в финно-угорской транскрипции – *ê*);

б) при паспортизации примеров, извлеченных из художественных текстов, указаны автор, дата издания и страница; из публицистических текстов – обозначены название печатного издания, год, номер. Примеры из опубликованных диалектных материалов снабжены указанием на автора, год издания сборника, научного труда и на страницу. К материалам, полученным от носителей диалектов, ссылка представлена аббревиатурой – первых букв фамилии, имени, отчества;

в) перевод примеров на русский язык осуществлен максимально близко к оригиналу. При имеющемся переводе на русский язык чаще всего оставлен авторский перевод. Пример переведен заново лишь в том случае, если в авторском варианте опущены важные для данной работы особенности употребления личных местоимений;

г) в работу включены примеры из бесермянского языка (до 2022 г. бесермянского наречия удмуртского языка), традиционное обозначение его как наречия удмуртского языка оправдано с точки зрения диалектологии: специфические особенности на фонетическом, морфемном, грамматическом уровнях являются закономерным развитием для любой ареально обособленной единицы языка.

Научная новизна исследования заключается в том, что в удмуртском языкознании проведено специальное исследование, посвященное изучению синхронии и диахронии удмуртских местоимений, выявлению их междиалектных особенностей функционирования. В диссертационной работе впервые:

- 1) дана периодизация изучения класса местоимений удмуртского языка;
- 2) предложена новая классификация местоимений удмуртского языка;
- 3) проведено четкое разделение между личными местоимениями и притяжательными формами других разрядов местоимений;
- 4) выделены вторичные по происхождению личные местоимения;
- 5) определен статус ранее не изученных трех взаимных местоимений – *одйг-оглы* (*ог-оглы*), *одйг-огед* (*ог-огед*), *одйг-огез* (*ог-огез*) ‘друг друга’;
- 6) предложено решение вопроса о частеречной принадлежности так называемых послеложно-личных местоимений;
- 7) выявлены грамматические характеристики инклюзивного местоимения 1-го лица, также являющегося усилительно-личным местоимением;
- 8) представлены транспозиции собственно-личных местоимений;
- 9) описана семантика падежных форм собственно-личных местоимений;
- 10) рассмотрено по возможности максимальное количество морфонологических вариантов падежных форм;
- 11) выявлены архаичные падежные формы местоимений 1 pl., 2 pl. в памятниках письменности конца XVIII – начала XIX в.;
- 12) выдвинута гипотеза об относительно длительном самостоятельном развитии говоров северного и южного диалектов на основе свидетельства языкового материала.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что изучение местоимений как универсального средства выражения и осуществления референции тесно связано с важными проблемами общелингвистического характера. Теоретическое значение имеют предложенные в работе критерии дифференциации личных местоимений вторичного происхождения от неличных местоимений и дериватов другого порядка – словоформ и слов других частей речи.

Дается комплексное описание грамматических категорий личных местоимений удмуртского литературного языка и диалектов с точки зрения синхронии и диахронии. Предложенная классификация местоимений может служить для дальнейших теоретических исследований финно-угорских языков, поскольку во многих из них представлено несколько разрядов местоимений, обладающих грамматической категорией лица. В работе проводится анализ семантики личных местоимений с точки зрения референции, выявляется их способность к транспозиции. Исследование категории падежа личных местоимений включает в себя инвентаризацию корневых и формообразовательных морфем, выявление генезиса местоименных основ и падежных суффиксов, описание семантической структуры каждой единицы словоизменительной парадигмы. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что проведенное диссертационное исследование вносит свой вклад в решение актуальных вопросов описательной грамматики и сравнительно-сопоставительного изучения удмуртских диалектов.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты найдут применение в вузовской практике преподавания морфологии, исторической грамматики, диалектологии. Материалы могут быть использованы при составлении учебных пособий, академической грамматики удмуртского языка, могут внести определенный вклад в типологическое и сравнительно-историческое исследование личных местоимений.

Апробация результатов исследования проведена на международных, всероссийских конференциях: X Международном симпозиуме «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, лексикологии и стилистики» (Ижевск, 2016), VI Всероссийской научной конференции «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы» (Ижевск, 2020), Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (Ижевск, 2021), II Международной научной конференции «Актуальные проблемы удмуртоведения в свете компаративистики, контактологии и типологии языков и литератур», посвященной 80-летию профессора

В. К. Кельмакова (Ижевск, 2022), VII Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Современное финно-угроведение: наука – общество – культура» (Йошкар-Ола, 2024), VII Международной научно-практической конференции «Этнокультурное образование как феномен современной педагогической науки», приуроченной к 95-летию Г. Н. Никольской, доктора педагогических наук, Отличника народного просвещения РСФСР и СССР, заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики и Российской Федерации, автора серии учебников «Удмурт кыл» (Ижевск, 2024); Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвященной 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, 2024), XX Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Валея Кельмаковича Кельмакова (Ижевск, 2024); II Международной научно-практической конференции «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности» (Йошкар-Ола, 2024), Всероссийской конференции «Свой» – «чужой» в контексте исследований языка, художественной литературы, изобразительных искусств и культуры» (Санкт-Петербург, 2025), Международной научной конференции «Перевод Библии как фактор развития национальных языков, взаимодействия культур и традиций народов России», посвященной 80-летию доктора филологических наук, иеродиакона Михаила Атаманова (23–24 сентября 2025 г., г. Ижевск).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Местоимения удмуртского языка представляют собой группу слов, выделяемых на основе: а) лексико-семантических значений, б) референциальных признаков, в) синтаксической роли в предложении. Данные критерии позволяют дифференцировать личные (собственно-личные, усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные, неопределенно-личные, отрицательно-личные, определительно-личные) и неличные (указательные, притяжательные, взаимные,

вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные, определительные) местоимения.

2. Формирование системы собственно-личных местоимений удмуртского языка является результатом длительного развития лингвистического строя на основе дейктических элементов, восходящих к уральскому (финно-угорскому) праязыку. Формы аккузатива, генитива, датива, аблатива, инструменталю собственно-личных местоимений *singularia tantum* возникли в общепермский период.

3. Становление парадигмы склонения собственно-личных местоимений *pluralia tantum*, формирование абессива, адвербиалю, аппроксиматива *singularia tantum* происходило в период самостоятельного развития удмуртского языка. Преобразование в системе личных местоимений привело к изменению их семантических характеристик: усилительно-личное местоимение 1-го лица приобрело дополнительное значение инклюзивности.

4. Аккузатив собственно-личных местоимений *pluralia tantum*, парадигма склонения инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы (с тобой, с вами)' сформировались в период обособленного развития говоров северного и южного диалектов удмуртского языка. В северном диалектном ареале парадигма личных местоимений обогатилась вторичными пространственными падежами. Северный и южный типы парадигмы склонения инклюзивного местоимения образованы по аналогии со склонением собственно-личного (эксклюзивного) местоимения 1-го лица *ми* 'мы' и субстантивным склонением множественного числа соответственно.

5. Диалектные падежные суффиксы собственно-личных местоимений *мон* 'я', *тон* 'ты', *со* 'он, она', *ми* 'мы', *асьмеос* 'мы (инклюзивное)', *тй* 'вы', *соос* 'они', кроме аккузативных показателей, представляют собой морфонологические варианты, возникшие в результате фонетических изменений, сочетания падежных и личных суффиксов, морфологической аналогии.

6. Местоимение *асьмеос* 'мы, мы сами' является многозначной лексической единицей, проявляющейся в двух типах референции: а) в качестве инклюзивного личного местоимения указывает на единство участников речи – говорящего и

слушающего, б) как усилительно-личное отсылает к антецеденту – субъекту предиката, которому местоимение подчинено.

7. В истории изучения удмуртских местоимений можно выделить четыре этапа: от фиксации единичных лексем и неполных парадигм склонения (1726 г. – сер. XIX в.) через поиск способов научного описания (1851 г. – нач. XX в.), становление терминологии и историко-сопоставительного анализа (1920-е гг. – 1961 г.) до комплексного изучения в синхронии и диахронии (1962 г. – по настоящее время).

Структура работы. Диссертация включает введение, четыре главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, источников и использованной литературы и приложения. Во введении дается краткая характеристика исследования. В первой главе представлена теоретическая база исследования и характеризуются основные этапы изучения удмуртских местоимений. Во второй главе представлены результаты эмпирического исследования, направленного на определение состава собственно-личных и личных местоимений вторичного происхождения в удмуртском языке. В третьей главе описана семантика и морфологические категории лица, числа и падежа собственно-личных местоимений, их семантика, генезис падежных суффиксов. Выявленные территориальные морфонологические различия собственно-личных местоимений дают основания для выводов в сфере исторической морфологии, которые представлены в четвертой главе. В Заключении подводятся основные итоги работы и обрисовываются перспективы исследования.

Общий объем работы составляет 327 страниц. Список литературы включает 278 единиц, в том числе 26 наименований на иностранных языках. В работе имеется 24 таблицы и 5 рисунков.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Местоимение как часть речи

Класс местоимений – одно из наиболее сложных и противоречивых явлений в грамматике. Проблема статуса местоимений в системе языка остается одной из основных. Еще с античности их включали в ряды частей речи, но до сих пор поднимаются вопросы их классификации, поскольку, опираясь на традиционную систематизацию, не удастся подвести под общие требования частеречных признаков: они не обладают общностью парадигматики, тождественностью синтаксической функции, наличием общекатегориального значения. Сложная и порой трудноуловимая семантическая сторона местоимений также привлекала внимание ученых различных лингвистических школ.

Термин «местоимение» восходит к латинскому «*pronomen*» ‘вместо имени’. Удмуртскими лингвистами предлагались два термина: «*ниминти, ниминт’и*» [Верещагин 2002: 202] и «*нимвоитос*» [Яковлев 1930: 42]. Первое является калькой с русского ‘вместо имени’, второе указывает на одну из функций – ‘заместитель имени’, именно оно закрепилось в учебной и научной терминологии [Тараканов 2003; УУК 2011: 108–139; Вахрушева, Тимерханова, Ураськина 2020: 153–161].

Разнообразие трактовок сущности местоимений, местоименных слов в европейской и отечественной, прежде всего русской, лингвистической традиции связано с тем, выдвигают ли исследователи на первое место морфологический признак, чаще всего падежное словоизменение, или связывают местоимения с речевой ситуацией и выявляют функциональные признаки. Вопрос о месте местоимений в системе частей речи является дискуссионным. Существуют две противоположные позиции. Одни лингвисты рассматривают их как знаменательную или служебную часть речи, другие языковеды не обособляют в

самостоятельную лексико-грамматическую группу, распределяя по разным частям речи либо выводя из системы частей речи.

Ф. Ф. Фортунатов слова-местоимения не выделяет в отдельную часть речи. В курсе «Сравнительное языковедение» (1901–1902) он рассматривает части речи как категорию чисто грамматическую, т. е. классифицирует слова с учетом их грамматических форм и распределяет их на три группы: полные, частичные и междометия. Полные слова (глаголы, существительные, прилагательные, инфинитив, причастие, наречие, деепричастие) в свою очередь ученый делит на слова-названия и слова-местоимения, последние включены в состав двух частей речи: как слова «соотносительные с существительными» и «изменяющиеся по родам подобно прилагательным» [Фортунатов 1956: 157].

А. М. Пешковский, последователь грамматической традиции фортунатовской школы, считает, что местоимения не могут быть выделены в отдельную часть речи, поскольку являются внеграмматической группой. В ее состав входят местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоимения-наречия. Специфика местоимений, по мнению ученого, состоит в том, что у них «неграмматические части слов (корни)» имеют «субъективно-объективное значение», т. е. «выражают различные отношения самого говорящего и мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Пешковский 2001: 154]. Так, исследователь в состав местоимений-существительных, напр., наряду с традиционными личными местоимениями, включает слова *по-моему*, *по-твоему*, *по-ихнему* и т. д. Его оригинальная классификация прономинативов основана на значении их корней, поскольку у корня «совсем нет вещественного значения, <...> основное значение формальное и добавочное – формальное» [Пешковский 2001: 155]. Местоимения разделены им на 11 групп: личные, возвратные, указательные, обобщительные, совокупные, выделительные, вопросительные, относительные, восклицательные, неопределенные, отрицательные [Пешковский 2001: 156–158].

Ряд языковедов наделяет местоимения особым статусом и также не включают их в систему частей речи (Е. В. Падучева [2024], Н. Ю. Шведова [1998]). По мнению исследователей, местоименные слова как бы возвышаются над всеми

остальными лексемами, находятся на своем особом, самостоятельном уровне функционирования знаков и не могут рассматриваться в одной плоскости с номинативными классами слов либо в силу своих смысловых абстракций [Шведова 1998], либо из-за своей ведущей роли в референции¹ [Падучева 2024], т. е. в соотношении языковых выражений с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями, положением вещей в реальном мире. Например, Е. В. Падучева отмечает, что местоимения не являются грамматической группировкой слов (частью речи), однако образуют лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции, это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотношенности высказывания с действительностью. Местоимения несут в себе главный груз и конкретной референции (в предметной сфере), и универсальной, экзистенциальной [Падучева 2024: 10–11].

Среди тех исследователей, кто выделяет местоимения в отдельную часть речи, нет единого мнения об их полноточности. Еще Аристотель делил слова на «значащие» (имя и глагол) и «незначащие», в число последних были включены и местоимения [Кубрякова 2004: 116]. Основоположник русской грамматики М. В. Ломоносов [1755] в труде о российской грамматике также определял местоимения как служебную часть речи. Ф. В. Буслев, учитывая синтаксическую роль слов в предложении, относит местоимения к служебным частям речи, кроме того, указывает, что вспомогательные слова обозначают логические приемы и отношения между субъектами и объектами речи: «Рассматривая отдельные слова, составляющие речь, замечаем между ними следующее различие: одними говорящий выражает все разнообразное содержание речи; другими же – этот разрозненный материал связывает в стройное целое для передачи своей мысли слушающему; первыми означает предметы, их свойства и действия; последними – логические приемы, употребляемые в составе предложения, и отношения к себе,

---

¹ Референция – соотношение и соотношенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями. Референция как действие (соотнесение) осуществляется говорящим: это отдельный компонент в составе речевого акта. Референция как результат (соотношенность) – это отношение, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта [Падучева 2024: 79].

как лицу говорящему, – к лицу слушающему и к предмету речи. Слова первого разряда именуются нами частями речи знаменательными, кои суть: имя существительное, имя прилагательное и глагол (за исключением вспомогательного); последнего разряда – служебными, а именно: местоимение, имя числительное, предлог, союз и глагол вспомогательный» [Буслаев 1959: 287]. Данную позицию поддерживает и В. А. Плунгян. По его мнению, местоимения образуют «замкнутый класс особых полностью грамматикализованных» слов. Но, в отличие от служебных, «местоимения не являются грамматическими показателями при словах какого-то другого класса (т. е. не являются “модификаторами”, как, допустим, аналитические показатели наклонения или времени); они являются автономными полностью грамматикализованными корнями, не содержащими никаких лексических сем» [Плунгян 2011: 230].

А. А. Шахматов, в отличие от многих языковедов, выделяет три группы частей речи: знаменательные, незнаменательные, служебные. Именно ко второй группе он относит «местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия» [Шахматов 1952: 118].

Небольшую грамматически обособленную группу – «предметно-личные» местоимения и производные от них – В. В. Виноградов разграничивает как отдельную часть речи. Остальные разряды местоимений, по его словам, «рассеяны по разным грамматическим категориям. Они не образуют самостоятельного грамматического класса» [Виноградов 1986: 266]. Вслед за А. А. Потебней (который в свою очередь придерживался взглядов Штейнталя) В. В. Виноградов считает, что в ранний период развития языка указательные слова составляли отдельный грамматический класс местоимений, но в процессе эволюции грамматического строя языка они слились со знаменательными частями речи и растворились в них [Виноградов 1986: 268], поэтому не удивительно, что ученый называет их «грамматическими пережитками местоимений»² [Виноградов 1986:

---

² Л. В. Щерба также характеризует местоимения как «пережитки»: «а вообще надо признать, что в этой области (местоимений – *Т. П.*) в русском языке в настоящее время не наблюдается никакой ясной, отчетливой системы: старая группа местоимений распалась, а новых отчетливых противоположений местоименных прилагательных и существительных <...> не выработалось. Это в общем и не удивительно. Словечки местоименного

264]. К группе «бесприютных» местоимений лингвист относит личные местоимения, вопросительные *кто*, *что* и производные от них отрицательные, неопределенные местоимения, синтаксические идиоматизмы типа *не кто иной как* [Виноградов 1986: 265]. В данной же работе ученый указывает, что его точка зрения поддержана известным финно-угроведом Д. Б. Бубрихом³: «Местоименные слова – это в основном семантический разряд слов, отнюдь не грамматический... Они могут тянуть и к существительным, и к прилагательным, и к наречиям, и к счетно-измерительным словам (которые сами тянут к разным частям речи), и вообще к чему угодно. Исключительное их семантическое своеобразие приводит к появлению исключительных синтаксических и морфологических особенностей. Особенно ярко это сказывается у тех личных местоимений, которые тянут к существительным (*я*, *ты*...). По отношению к языкам типа индоевропейских, финно-угорских и т. п. не приходится колебаться в выделении их в особую часть речи. Вот здесь и годится термин «местоимение». Довольно ярко то же сказывается у некоторых других местоименных слов именного склада, чаще всего у тех, которые отвечают на вопросы *кто* или *что*» (цит. по: [Виноградов 1986: 266]).

Суждения В. В. Виноградова о местоимениях как о «грамматических пережитках» в дальнейшем нашли отражение и в академических грамматиках русского языка. Основным классифицирующим признаком местоимений-существительных рассматривается их морфологическая особенность в выражении рода, числа, падежа, отличная от существительных [Грамматика 1970: 305–309; Грамматика 1980: 529]. В отдельную часть речи были выделены личные *я*, *ты* (мн. ч. – *мы*, *вы*), указательное *он* (*она*, *оно*, *они*), возвратное *себя*, вопросительные *кто*, *что* и производные от них неопределенные и отрицательные местоимения. Остальные «указательные слова» распределены между прилагательными, числительными, наречиями [Грамматика 1970: 305–306].

характера немногочисленны, но играют значительную роль в структуре языка, и всякие пережитки сохраняются здесь чаще всего, успешно сопротивляясь логическим унификационным стремлениям коллективного языкового творчества» [Щерба 1957 :69].

³ Опечатка: должно быть Д. В. Бубрихом.

В «Грамматике современного русского языка. Фонетика и морфология» отражен традиционный взгляд на частеречный состав языка. Местоимения рассматриваются в одном ряду со знаменательными классами слов. К данной части речи отнесены местоименные существительные, местоименные прилагательные, которые распределены по семи разрядам: личные (включено и возвратное *сам*), притяжательные, вопросительно-относительные, указательные, определительные, отрицательные, неопределенные [Грамматика 1960: 385–386]. Положения, рассматриваемые в научном труде, стали основой для учебных пособий, например, [Валгина 2002: 155–160]. Подобная точка зрения отражена и в «Грамматике современного удмуртского языка. Фонетика и морфология», в которой к местоимениям также отнесены местоименные числительные [ГСУЯ 1962: 167].

Некоторые лингвисты рассматривают местоимения и семантически наполненные слова в разных плоскостях [Кубрякова 1978; Федюнева 1990; Сидоренко 2021; Шарандин 2021]. Е. С. Кубрякова выделяет местоимения в самостоятельную часть речи, которая расположена как бы поперек других знаменательных частей речи; они, демонстрируя иные способы представления имеющихся значений, как бы подстраиваются под имеющиеся значения, модифицируя их в заданном направлении, выражая значения дейктические, указательные, заместительные и т. п. [Кубрякова 1978: 44]. Г. В. Федюнева, рассматривая коми местоимения (и числительные), также отмечает их «поперечность», соотнесенность с именами существительными, прилагательными и наречиями с сохранением собственных категориальных значений [Федюнева 1990: 32–33]. Е. С. Сидоренко, выделяя местоимения в отдельную часть речи, подчеркивает, что это знаменательная часть речи. Местоимения обособляются от других частей речи не как чисто лексико-грамматический класс слов, а скорее семантико-функциональный. Лингвист считает, что распределение местоимений по другим знаменательным частям речи невозможно, т. к. противоречит основным законам логики, обязательным для всех научных классификаций, по нескольким причинам. Местоимения и назывные слова имеют различные способы отображения действительности. За каждым знаменательным словом закреплено постоянное

содержание. Местоимения же представляют собой проекции данных слов. «Денотативная основа местоимений по объему равна сумме денотативных основ слов, выраженных категориально соотносительными частями речи» [Сидоренко 2021: 153–154]. Д. И. Арбатский, учитывая лексические и грамматические свойства слов, их соотнесенность с синтагматическими классами (предметность, процессуальность, качество, обстоятельство, количество), способность выполнять определенную синтаксическую роль, выделяет четыре класса частей речи. В первый класс объединены местоимения: «признаковое содержание этих слов непостоянно, оно меняется в зависимости от конкретного употребления. Главное назначение местоимений заключается в обобщении синтагматических классов. <...> Охватывая все основные синтагматические классы в предельно обобщенном виде, местоимения играют важную роль в построении полной, развернутой семантической структуры предложения» [Арбатский 1990: 5]. Исследователь делит местоимения на следующие разряды⁴: лично-предметные: *мон* ‘я’, *со* ‘он, она, оно’, *кин* ‘кто’, *ма* ‘что’; атрибутивные (качественные): *та* (*тауз*) ‘этот’, *таче* ‘такой’; обстоятельственные: *ку* ‘когда’, *кытын* ‘где’, *татын* ‘здесь’; количественные: *көнә* ‘сколько’ [Арбатский 1990: 6].

Обобщая работы предшественников, Л. А. Шарандин предлагает рассматривать местоимения в качестве самостоятельной системы частей речи, противопоставленной системе назывных слов, поскольку максимальная степень обобщения и абстракции позволяет местоимениям выполнять функцию выразителей частеречной семантики всех частей речи вместе взятых [Шарандин 2021: 75–76].

Таким образом, имеются различные мнения о местоимениях с точки зрения частеречной классификации слов: а) местоимения, как смысловое ядро языка, выводятся из системы частей речи [Падучева 2024; Шведова 1998]; б) распределены между знаменательными частями речи [Фортунов 1956; Пешковский 2001]; в) поставлены в один ряд со служебными частями речи [Ломоносов 1755; Буслаев 1959; Плунгян 2011]; г) выделены в особую

---

⁴ Полный список местоимений не представлен.

(незнаменательную) группу частей речи [Шахматов 1952]; д) местоимения-существительные выделены как знаменательная часть речи, остальные отнесены к именам прилагательным и наречиям [Виноградов 1986; Грамматика 1970; Грамматика 1980]; е) рассматриваются как знаменательная часть речи, равноправная остальным [Грамматика 1960; ГСУЯ 1962; Арбатский 1990] или «поперечная» им [Кубрякова 1978; Федюнева 1990; Сидоренко 2011]; ж) представлены в качестве отдельной (второй) системы частей речи, параллельной («зеркальной») системе знаменательных частей речи [Шарандин 2021]. Но ни у кого не вызывает сомнений, что класс местоимений представляет собой естественную систему: это исторически сложившийся класс функционально единообразных слов, которые «находятся друг с другом в отношениях постоянного и тесного взаимодействия, их организующего и сопрягающего. Все малые организации, участки, составляющие систему в целом, обладают впечатляющим сходством формального и смыслового строения и функциональной предназначенности; никакой другой класс не характеризуется такой строгостью и стройностью внешней и внутренней организации и такой значимостью для языка в целом» [Шведова 1998: 7–8].

Разнообразны взгляды ученых на семантику местоимений. Она зачастую ассоциируется с их функциями. Научные трактовки о семантической «пустоте» местоимений большей частью связаны с выдвиганием на первый план их заместительной функции. «В лингвистической литературе характеристика местоимений как специализированного класса слов-заместителей получила чрезвычайно широкое распространение: как «заместительные слова», «субституты» (Л. В. Щерба, Л. Блумфильд, З. З. Харрис), «репрезенты» (Ф. Брюно), «местоимения» (в узком понимании) (А. М. Пешковский, М. В. Панов)» [ЛЭС 1990: 295]. Эти слова оценивали как лишенные собственного значения и переключали внимания на их функции. Характеристику местоимений как семантически «пустых», «бессодержательных» слов находим у С. Д. Кацнельсона: «все дейктические слова обладают необычайной емкостью. Они могут охватить любую точку пространства и времени, любую вещь и любое лицо.

<...> Стоит, однако, отвлечься от ситуации речи, как значение таких слов мгновенно теряет свою чувственную определенность и расплывается, как туман» [Кацнельсон 1965: 5].

Данная точка зрения подвергается критике со стороны других лингвистов. Например, Е. М. Вольф считает, что «выступая «заместителем» той или иной полнозначной единицы, местоимение не приобретает ее значения... Присущие местоимению семантические признаки характеризуют его роль в тексте как дейктического слова» [Вольф 1974: 4–5]. В свое время именно на особое свойство местоимений быть указательным словом заострял внимание и В. фон Гумбольдт. По его мнению, уже в момент своего появления этот класс представляет собой строго организованную систему, основой которой, очевидно, была дейктическая категория [Гумбольдт 1985: 114].

О. Н. Селиверстова поясняет, что возникновение представлений об отсутствии у местоимений значения (или о его непостоянстве) было вызвано несколькими причинами: во-первых, местоимения не характеризуют объект в соответствии с его «собственными» свойствами, во-вторых, местоимения не имеют постоянного класса денотации, в-третьих, значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста, что в их значении есть что-то еще, что при этом не удается определить (этим объясняются частые ссылки на конкретизацию местоименного значения в речи) [Селиверстова 1988: 29–30]. По мысли исследователя, против трактовки местоимений как слов-заместителей можно выдвинуть два аргумента: «местоимения часто не имеют антецедента, т. е. не соотнесены ни с одним существительным предшествующего или последующего текста <...> Местоимения имеют свое значение, отличное от значения тех существительных, с которыми они могут соотноситься в речи» [Селиверстова 1988: 27–28].

Взгляд на местоимения с позиций теории замещения не разъясняет специфики местоименного значения и с точки зрения М. А. Шелякина. Он отмечает, что слова неноминативного типа не заимствуют у номинативных их

значения, не употребляются в их значениях. Местоимения могут указать на неизвестный предмет, который для говорящего не имеет словесного обозначения (сравните: *Что это такое?*). А при указании на известный предмет имеют в виду не его качественные признаки, а только его наличие в поле зрения говорящего (сравните: *Наконец-то он идет!*). Лингвист отмечает главное отличие местоимений от слов номинативного типа: дейктические языковые знаки не выражают качественной определенности однородных предметов, по которым различаются и опознаются, а выделяют разнородные предметы по признаку соотнесенности с говорящим лицом [Шелякин 2001: 109].

Ряд ученых также особо подчеркивает связь значения местоимений с речью, речевой ситуацией. «Рассмотрение любой ситуации речевого общения предполагает выделение как непосредственного субъекта речевой коммуникации, так и воспринимающего субъекта» [Гуреев 2023: 70], поэтому в исследованиях на первый план выдвигается дихотомия «я – ты», в которой доминирующая роль предоставлена личному местоимению я. При анализе диалогических, нарративных коммуникативных ситуаций принимается во внимание эгоцентрический аспект их возникновения. В русле языкового антропоцентризма выстроены исследования многих современных лингвистов. Рассмотрим, как в некоторых из них представлено видение личных местоимений.

Согласно взглядам Р. О. Якобсона, индексные символы, к числу которых относятся и личные местоимения, – «шифтеры», представляют собой сложную категорию, лежащую на пересечении кода и сообщения [Якобсон 1972: 98]. Исследователь цитирует Беркса: «Местоимение “я” обозначает лицо, которое говорит “я”. Таким образом, с одной стороны, знак “я” не может обозначать свой объект, не будучи соотнесенным с ним по “условно принятому правилу”, и в разных языках это же значение закреплено за разными последовательностями звучаний, <...> из чего следует, что “я” – это символ. С другой стороны, знак “я” не может обозначать свой объект, не “находясь с ним в реальной связи”: слово “я”, обозначающее говорящего, реально связано с высказыванием и, следовательно, функционирует как индекс» [Якобсон 1972: 97].

Местоимения, как неотъемлемая часть речевой ситуации, определяются как «дейктические (указательные) слова» [Бюлер 2000: 74], «шифтеры» [Есперсен 1958: 92], «актуализаторы» или «средства перехода от языка к речи» [Бенвенист 1974: 288]. К. Бюлер одним из первых начал исследование дейктических единиц языка. Согласно разработанной им теории речевого акта, противопоставляются два языковых поля – поле указания, в котором функционируют дейктические знаки, непосредственно связанные с ситуацией общения, и символическое поле, организующее назывные слова, в большей степени ситуационно независимые. Соответственно указательные знаки получают «точную интерпретацию» в диалоге, а символические – в синтаксическом и семантическом контексте [Бюлер 2000: 136]. Он уточняет, что «в языке есть лишь одно-единственное указательное поле, семантическое наполнение указательных слов привязано к воспринимаемым указательным средствам и не обходится без них или их эквивалентов» [Бюлер 2000: 73].

Один из ярких представителей функциональной грамматики О. Есперсен заостряет внимание на том, что, исследуя местоимения, нужно основываться не только на семантике местоимений, но и обращать внимание на способы выражения значений, существующие в языке, т. е. на формальные элементы. «Если же иметь в виду оба фактора, то мы найдем, что есть смысл объединить в одном разряде под прочно установившимся названием местоимения некоторые шифтеры <...> слова-заменители и реляционные слова» [Есперсен 1958: 92]. По Э. Бенвенисту, важная роль местоимений – это обеспечение коммуникации на межсубъектном уровне. Исследователь считает, что ради этого язык создал серию «пустых» знаков, которые всегда готовы к новому употреблению и наполнению смыслом вновь в каждом речевом акте. «Роль этих знаков заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» [Бенвенист 1974: 288].

Единство местоимений, как класса, Е. В. Падучева, представитель лингвистической теории референции, видит в их связи с «принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с

действительностью. <...> Общность семантики слов, которые традиционно относят к местоимениям, состоит в том, что *все* местоимения служат в языке для целей референции» [Падучева 2024: 11], т. е. соотнесения слова с объектом. Референция выделяется в значении знака как та база, над которой надстраивается смысл имени. Одной из ведущих задач данной теории является изучение семантики актуализаторов – местоимений. Достижения в исследовании значений этих референциальных слов представлены, в частности, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». С учетом прагматических характеристик, т. е. функционирования в речи, выделены три группы местоимений (логико-семантических разряда): дейктические, анафорические и кванторные. Соответственно, семантическая природа местоимений обуславливается тремя функциями в конкретных случаях использования [ЛЭС 1990: 295]. Дейктическими местоимениями названы местоимения, соотнесенные с условиями речевого акта и его участниками: *я* – «говорящий», *ты* – «слушающий», *ваш* – «принадлежащий вам, т. е. слушающим», *этот* – «находящийся вблизи от места речевого акта», *тот* – «находящийся вдали», *там* – «дальше, чем тут», устаревшие *сей* – «этот», *оний* – «тот» и т. п. [ЛЭС 1990: 295; Падучева 2024: 133].

«Анафорические местоимения содержат в значении отсылку к данному высказыванию или к тексту, в который оно входит» [ЛЭС 1990: 295]. Они соотносят элементы конкретного высказывания с другими частями текста, отсылают к сказанному ранее (такой – «подобные или равный тому, о чем уже говорилось», другой – «не такой, о котором говорилось» и т. п.). Отсылочная семантика присутствует в личных местоимениях 3-го лица, указательных (в зависимости от их функции), возвратных, взаимных и относительных. [ЛЭС 1990: 295]. К кванторным местоимениям относятся вопросительные и их производные, неопределенные и отрицательные местоимения, а также определительные. Их функция заключается в указании на тип предметной отнесенности имени, т. е. соотнесение имени с различными классами предметов и их признаков: предметов или признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию от слушающего; неизвестных говорящему или слушающему предметов либо

признаков предмета; универсальных, всеобщих признаков; предметов или признаков, не включающих данный предмет или признак [ЛЭС 1990: 295].

О существовании собственно местоименного значения говорят другие лингвисты. Семантическое своеобразие местоимений, как отмечает О. Н. Селиверстова, заключается не в отсутствии лексического значения и даже не в его изменчивости, а в том, что они задают определенный уровень представления актанта ситуации, но при этом не содержат в себе информации, соответствующей этому уровню представления [Селиверстова 1988: 36]. Н. Ю. Шведова рассматривает местоимения как слова, в чьей семантике сосредоточены и сконцентрированы все значения назывных слов: «системой местоимений охватываются самые общие понятия, которые далее получают разнообразные, иерархически организованные именованья в лексике, формализуются в грамматике и морфемике, обозначаются словами связующими и квалифицирующими» [Шведова 1998: 5]. Класс местоимений, с ее точки зрения, это арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом, в нем сосредоточены и абстрагированы «идеи» всего сущего: живого и неживого, личности и неличности, движения, его начала и завершения, предельности и неопредельности, количества, признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности и др. Все эти понятия, «означенные местоимениями как языковые смыслы, предстают лежащими в сфере познания и поэтому живыми, познанными и познаваемыми, открывающимися разными своими гранями» [Шведова 1998: 5]. При описании свойственной только личным местоимениям семантики Е. Н. Сидоренко вводит особую интерпретацию в термин «прономинация». Главным признаком местоимений, позволяющим объединить их в одну часть речи, она считает прономинальный способ отображения действительности, который «реализуется через один из пяти основных типов “прономинации”»: выделение предметов, признаков, количества и т. п., указание на них или их отрицание, сообщение о них неопределенно или запрашивание о них информации. При этом за звуковым комплексом не закрепляется определенное содержание, значение переменного и зависит от контекста и ситуации» [Сидоренко 2021: 152–153, 157].

Языковеды отстаивают различные точки зрения на семантику местоимений, вплоть до противоположных: от «пустых» знаков до «смысловой вершины языка». В своей диссертационной работе мы придерживаемся той позиции, что местоимения – знаменательная часть речи. Местоимения обладают специфичным прономинальным значением, в способности отражать многообразие номинаций в однообразии.

В данной главе рассмотрены лишь основные научные труды, касающиеся вопросов частеречности, семантической наполненности местоимений. Нет сомнений, что в ближайшие годы споры вокруг местоимений в мировой лингвистике не утихнут, потому что местоимения – архаичный, неоднородный класс слов, для которого еще не предложен вариант универсальной классификации, поскольку всегда найдутся исключения. А различные принципы исследования местоимений только обогащают лингвистическую науку, открывая новые горизонты для исследователей.

1.2. История изучения удмуртских местоимений

Большинство исследований, касающихся местоимений удмуртского языка, представлены в описательных грамматиках либо трудах по изучению истории пермских языков. В подобных работах, по меткому замечанию К. Е. Майтинской, теоретические вопросы, связанные с общей проблематикой местоимений, обычно не разрабатываются; исследователи отводят местоимениям лишь то место, которое они могут занимать среди других разрядов [Майтинская 2009: 23]. В связи с этим, в удмуртской лингвистике никогда не оспаривалась частеречность местоимений. Их изучение развивалось в двух направлениях: синхроническом и диахроническом. Фиксации, морфологическому описанию, классификации местоимений в современном для исследователя языковом срезе посвящены разделы большинства имеющихся работ по морфологии удмуртского языка. В них рассматриваются состав местоименных слов, особенности их образования и формоизменения как в литературном языке, так и отдельных диалектах. В историческом аспекте класс удмуртских местоимений становился объектом пристального внимания ряда лингвистов-пермистов, поскольку данные удмуртского языка являются важной составляющей для реконструкции прапермского языка. Рассмотрим основные стадии изучения удмуртских местоимений.

1.2.1. Первый этап (1726 г. – сер. XIX в.) – начало фиксации и описания

Самая ранняя запись удмуртских местоимений представлена в дневнике немецкого ученого, руководителя первой научной экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидта, который на обратном пути в Санкт-Петербург в конце декабря 1726 г. проехал через населенные пункты, где проживали северные удмурты. В его дневнике обозначены три личных местоимения: *Ego Môôn*, *Tu Tôôn*, *Ше Ssôôn* [Напольских 2001: 50]. В. В. Напольских считает, что форма *Ssôôn* ‘он’ записана Мессершмидтом «вслед за и по аналогии с *Môôn* ‘я’ и *Tôôn* ‘ты’» [Напольских 2001: 198].

В словарях Г. Ф. Миллера «Sammlung russischer Geschichte», «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...» в последовательно расположенных словах под номерами 217–222 представлена парадигма спряжения глагола ‘стою’, где зафиксированы и личные местоимения: *Ich stehe Mon sülsko*, ‘Я стою’ *Монъ Сюлскò* [Тепляшина 1966: 56; Миллер 2005: 177], *Du stehest Ton Sülsko*, ‘Ты стоишь’ *Тонъ Сюльско*, *Er stehen So süllä*, ‘Онъ стоитъ’ *Со Сюллè*, *Wir stehen Mi sülkom*, ‘Мы стоимъ’ *Ми сюлкòмъ*, *Ihr stehet Wi süllem*, ‘Вы стоите’ *Ви сюллèмъ* [Тепляшина 1966: 57; Миллер 2005: 178] (в данном случае допущена ошибка, запись не имеет ничего общего с удмуртским *mi* ‘вы’ – *Т. П.*), *Sie stehen Sojas⁵ süllä*, ‘Они стоят’ *Соясь Сюллè* [Тепляшина 1966: 57; Миллер 2005: 178].

В тексте «Сравнительных словарей» П. С. Палласа фигурируют местоимения не только в номинативе: Я *Монъ*, Ты *Тонъ*, Он *Со*, Она *Соитъ*, *Соось*, Мы *Ми*, Вы *Ти*, Они *Соось*, Что *Маръ*, но и дативе: Им *Солы*, и инструментале: Чем *Маинъ*, *Маринъ*, Кем (Кто) *Кинень* (цит. по: [Тепляшина 1966: 111]). Кроме личных, были задокументированы и вопросительные местоимения. П. С. Паллас ошибочно представляет эквивалентами русского личного местоимения 3-го лица ед. ч. женского рода *она* местоимение мн. ч. *Соось* ‘они’ и форму с лично-выделительным суффиксом *Соитъ* ‘он твой, она твоя; тот твой, та твоя’. Неверно переведена на русский форма дательного падежа – *Солы* Имъ (цит. по: [Тепляшина 1966: 111]) (фактически – ‘ему, ей’).

В первой грамматике удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» в разделе «О склоненіи мѣстоименій» зафиксированы местоимения-существительные и некоторые местоимения-прилагательные: вопросительные (классификация по семантическим разрядам наша, сами авторы Грамматики не делят местоимения на разряды – *Т. П.*) *кудъ* который, *кудіосъ* который [Сочиненія 1775: 45–46], указательные *та* этот, сей, *таіосъ* этъ, *сіи* [Сочиненія 1775: 44], хотя два последних местоимения категориально соотносимы

⁵ В местоимении *Sojas*, вероятно, зафиксирован суффикс мн. ч. *-jas* в первоначальном виде.

и с существительными. Авторами первой грамматики зафиксированы парадигмы склонения 5 разрядов местоимений:

а) личных *мо́нь я, ми́ мы, то́нь ты, ти́ вы*;

б) усилительно-личных *мо́нь аци́мь⁶ я самъ, ми́ асмеі́ос мы сами, то́н аци́дъ ты самъ, ти́ астеі́осъ вы сами, со́ аци́зь онъ самъ, она сама, соі́осъ ассеі́осъ они сами*;

в) указательных (личные местоимения 3-го лица не отделены от указательных) *со́ онъ, тотъ, соі́осъ они, тѣ, та́ этотъ, сей, таі́осъ этѣ, сїи*;

г) вопросительные *ку́дъ, куды́дъ* (в современном языке не употребляется), *куды́зь который, куді́осъ, куді́осы́дъ, куді́осы́зь который, кінъ кто, ма́ръ, ма́ридъ, ма́ри́зь что, ма́, ма́идъ, ма́и́зь что* [Сочиненія 1775: 41–46].

Кроме грамматической категории падежа, у местоимений, так же, как и у существительных, выделена категория числа: «Единственного» и «Множественного» [Сочиненія 1775: 41].

Личные местоимения *мо́нь, то́нь, ми́, ти́* и усилительно-личные *мо́нь аци́мь, то́н аци́дъ*, по мнению авторов грамматики, изменяются по четырем падежам: именительный, дательный, винительный, творительный, но фактически зафиксированы 6 падежей: формам родительного и разделительного даны переводы как притяжательным местоимениям, например, *мына́мъ мой, мои, мыны́стѣмъ моего, моихъ* [Сочиненія 1775: 44].

Указательные местоимения и их притяжательные формы *со́, соі́д, соі́зь онъ, тотъ, соі́осъ, соі́осы́дъ, соі́осы́зь они, тѣ, та́, та́идъ, та́и́зь этотъ, сей* [Сочиненія 1775: 42, 44] склоняются по 5 падежам, в парадигму добавлены формы родительного падежа. Авторы уточняют, что *со, та* при употреблении с именами существительными никогда не склоняются, вне зависимости от числа и падежа последнего. Если первый пример приведен верно «*ко мнѣ пришли того чело́вѣка, мо́нь до́рамъ і́сты со́ муртъте́*» [Сочиненія 1775: 42], то во втором примере грамматисты ошибаются, утверждая, что возможен лишь один вариант: «*я тебѣ подарю тѣ цвѣтки, которые ты видѣлъ у меня, мо́нь тыны́дъ кузмало́ со*

⁶ Фиксация усилительно-личных местоимений в сочетании с личными также наблюдается в грамматиках М. А. Мышкина [кон. 1770-х], З. Кротова [1816], в словаре Ю. Вихманна [Wichmann 1987].

сяскаіѳсьсѣ, вмѣсто *соіѳсьсѣ* *сяскаіѳсьсе*, *кудыіѳсьсѣ* *тонь* *аддѳидь* *монь* *дыняімь*» [Сочиненія 1775: 42]. Нужно отметить, что в удмуртском языке приемлемы обе фразы, *со* – указательное местоимение ед. ч., *соосыз* – указательное местоимением мн. ч. с указательно-выделительным аффиксом. Авторы грамматики ввели в свой труд в качестве отдельных слов притяжательные формы указательных местоимений. Впоследствии Ф. Й. Видеманн отмечал, что включение, наряду с местоимением 3-го лица *со*, форм с лично-притяжательными суффиксами 2-го и 3-го лица *соид* ‘этот твой’ и *соиз* ‘этот его’ является избыточным, с одной стороны, и недостаточным, с другой, потому как опущена форма с суффиксом 1-го лица [Wiedemann 1851: 76–77].

В главе «О склоненіи» указывается, что имена [существительные] в большей степени употребляются с местоимениями, а притяжательные суффиксы рассматриваются как шесть окончаний именительного падежа, сочетание падежных показателей с притяжательными суффиксами – окончаниями косвенных падежей [Сочиненія 1775: 1–5]. У вопросительного местоимения *кинь* ‘кто’ отмечены 6 падежных форм, при этом в родительном падеже авторы представляют варианты с двумя окончаниями: самого родительного падежа *-лэнь* и разделительного *-лэсь*. 5 падежных форм зафиксированы у местоимения *марь*, *ма* что. В винительном падеже отмечена форма *мамѣ* местоимения *ма* (фактически падежная форма образована от притяжательной формы 1-го лица ед. ч. *маи*). Также отражено склонение форм с посессивными суффиксами 2-го и 3-го лица: *марьидь*, *майдь*, *марьизь*, *маизь* [Сочиненія 1775: 46].

В первой грамматике зафиксированы две формы творительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица, относящиеся к северной и южной диалектным зонам⁷ и ставшие нормой современного литературного языка: *моньэнь*, *моненымь* мной, *тоньэнь*, *тоньэныдъ* тобой, *милемынымь*, *милемынъ* нами, *тилэдыныдъ*, *тилэдынъ* вами [Сочиненія 1775: 41]. Инструменталь усилительно-личных местоимений множественного числа *ми* *асмеіѳсь* мы сами, *ти*

⁷ В. К. Кельмаков не раз отмечал, что первая грамматика удмуртского языка носит общеудмуртский (наддиалектный) характер [2001: 18; 2002: 118; 2008: 36; 2014: 16].

астейосъ вы сами, по мнению авторов, отсутствует. В качестве аналогов русских притяжательных местоимений рассматриваются формы личных и усилительно-личных местоимений в родительном падеже *мына́мъ* мой, мои, *тына́дъ* твой, *милямъ* нашъ, наши, *тылядъ* вашъ, ваши, *асла́мъ*, *асла́дъ* *асла́зъ* свой, свое, *асмелэнь*, *астелэнь*, *ассэленъ* свое, свои. В их парадигме склонения родительный, дательный, творительный падежи совпадают с именительным, отличную от них форму имеет только винительный (фактически же дана форма разделительного падежа): *мынысты́мъ* или *мынсты́мъ*, *тынысты́дъ*, *милэсты́мъ*, *тылэсты́дъ* [Сочиненія 1775: 5–8]. Во многих последующих работах генитивные формы личных и усилительно-личных местоимений также рассматриваются как отдельные лексемы – притяжательные местоимения [ГСУЯ 1962: 174].

Сочетания формы винительного падежа усилительно-личного местоимения с именительным, зафиксированные в качестве примеров употребления с глаголами, составители первой грамматики связывают со страдательным залогом глагола «и для того, когда необходимо нужно изъяснить страданіе, тогда Вотяки говорят слѣдующимъ образомъ: *монъ асьмè аци́мъ вераськò* я самъ себя сказываю, *тонъ астè аци́дъ вераськòдъ* ты самъ себя сказываешь, *со ассэаци́зъ верà* ‘онъ самъ себя сказываетъ» [Сочиненія 1775: 53]. Ф. Й. Видеманн считал, что в данных сочетаниях форма в именительном падеже придает значению дополнительное усиление [Wiedemann 1884: 145]. Позднее И. В. Тараканов рассматривает их как возможный отдельный разряд личных местоимений, которые «имеют возвратно-усилительное значение: *асме ачим / мон асме ачим* ‘сам себя, я сам себя’ *асьтэды асьтэос / тii асьтэдыз асьтэос* ‘сами себя, вы сами себя’» [Тараканов 2007: 121].

Вопросительное местоимение *кечè* какой, указательное *тачè* такой, определительные *воця́къ*, *во́ць* весь включены в состав прилагательных [Сочиненія 1775: 36, 37].

Авторами была предпринята попытка создать грамматику, понятную для всех групп удмуртов, поэтому в ней старались отразить разнообразие морфологических форм, в том числе и местоимений, интуитивно предугадав и имплицитно указав направление в формировании и развитии литературного языка, которое

основывается на органическом сочетании материалов самых различных диалектов [Кельмаков 2011: 16].

Следующим памятником письменности, важным в фиксации и изучении удмуртских местоимений, является труд Михаила Алексеева Мышкина (= Михаила Могилина) (подр. об авторстве: [Чураков 2016а: 188–189]) «Краткой отяцкія грамматики опытъ», в котором представлен узкотерриториальный языковой материал (с. Укан Глазовского уезда Вятской губернии и близлежащие к нему деревни). Для нашего исследования памятник письменности интересен по двум важным причинам. Во-первых, М. А. Мышкин, вероятно, не был знаком с «Сочиненіями...» [Чураков 2016а: 189], делал свои наблюдения параллельно с авторами первой грамматики, поэтому интересно проследить, насколько перекликаются мысли исследователей. Во-вторых, в труде зафиксированы морфологические диалектизмы, что дает серьезный материал для синхронического и диахронического анализа части северных диалектов. В главе «О склоненіи вмѣстоимѣній» впервые дается определение удмуртским местоимениям и указываются их грамматические категории падежа и числа: «Мѣстоименіе есть часть слова, которая собственные людей и вещей имена собою въ смыслѣ застановляетъ или занимаетъ, склоняясь чрезъ падежи въ обоихъ числахъ» [Мышкин кон. 1770-х: 63]. Определение местоимений как замещающих слов, представленное М. А. Мышкиным, в удмуртском языкознании было множество раз повторено последующими исследователями [Кротов 1816; Глезденев 1921; Верещагин 2002; Яковлев 1930; Жуйков 1933 и другие].

В соответствии с определением даны парадигмы склонения по пяти падежам (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный) 20 слов и словоформ: *монъ* я, *ми* мы, *тонъ* ты, *ти* вы, *кинъ* кто, *маръ* или *масъ* что [Мышкин кон. 1770-х: 63–64] (последнее, видимо, записано неточно, т. к. далее в разделе «О наречіи» записано *масъ*⁸ почто, за чѣм, во ради [Мышкин кон. 1770-х: 103]), *мон ацѣмъ* я самъ, *ми ацимѣзъ* мы сами, *тон ацѣдъ* ты самъ, *ти ацидѣсъ* вы сами, *со* онъ,

---

⁸ Данная форма и сейчас употребительна, например, в говорах Шарканского района УР.

она, оно; тотъ, та, то, *соіо́сь* они, тѣ, *та* этотъ, эта, это, *таіо́сь* эти, а также производные от вопросительного местоимения *куд-* который с выделительным суффиксом *куды́зь*, и с показателем множественного числа *куды́о́сь*. Формы родительного падежа личных местоимений 1-го лица *мына́м* ‘мой, моя, мое, мои’, *миля́мъ* ‘наш, наша, наше, наши’, *мынамы́о́сь* ‘мои’, *милямы́о́сь* ‘наши’ исследователь представил в качестве аналогов притяжательных местоимений русского языка [Мышкин кон. 1770-х: 64–67]. Определительное местоимение *воцягъ* (*вицягъ*) ‘весь’, его форма во мн. ч. *воцякы́о́сь* ‘все’ автор грамматики рассматривает в разделе числительных [Там же: 61].

У местоимения *монь* представлены две формы творительного падежа: с одинарным суффиксом *-эн*: *монэ́нь* мною и удвоенным *-энэн*: *моненъень аслемэ́нь* мною самимъ; у местоимения *тонь* ты – с суффиксами простого и притяжательного склонения *-эн*, *-эны-*: *тонэ́нь*; *тонэны́дь* тобой. Употребление неосложненной притяжательным суффиксом формы является нетипичным для северного наречия на современном этапе. Лишь «в отдельных населенных пунктах (деревнях Сибирь, Астрахань Унинского р-на Кировской области) бытования косинского говора нижнечепецкого диалекта наряду с расширенным вариантом параллельно отмечается и неосложненная форма инструменталю – *монэн*, *тонэн*» [Карпова 2020: 409].

Датив личных местоимений *pluralia tantum* представлен двумя формами: *милямлы* и *милемъ* намъ, *тиледъ* вамъ [Мышкин кон. 1770-х: 77], причем для современных северных говоров характерным является краткая форма без падежного показателя *-лы* [Карпова 2009: 126; Кельмаков 2014б: 14]. М. А. Мышкиным записаны устаревшие косвенные падежные формы мн. ч. местоимений *ми* мы (дательный, винительный, творительный), *ти* вы (творительный), образованные от основ генитива: *милямлы* насъ, наше, *милямлы́* *асламлы́* намъ самйм’, *милямэ́зь* насъ, *милямэ́зь асламэ́зь* насъ самихъ *милямэ́нь* нами, *милямэ́нь асламинэ́нь* нами самими, *тиляде́нь* вами. Морфологические архаизмы более подробно рассмотрены в разделе 4.3. данной работы.

В грамматике конца 1770-х годов зафиксированы формы косвенных падежей «притяжательных» местоимений ед. ч. [Мышкин кон. 1770-х: 66–67]: *мына́мъ* мой,

моя, мое, *милямь* нашъ, наша, наше, мн. ч. *мынамъіосъ* мои, *милямъіосъ* наши, которые оформляются соответствующим падежным суффиксом (без традиционных для современного языка указательно-выделительного аффикса -эз (-ез) / -ыз) и по сути являются двупадежными образованиями. Аккузативные формы *мынамъёзъ* моего, *мынамъіоссё* моихъ, *милямёзъ* нашего, *милямъіоссё* нашихъ в современном языке либо вышли из употребления, либо, как *милямъёссэ*, являются малоупотребительными [ГСУЯ 1962: 174].

Склонение усилительно-личных местоимений также имеет свои особенности. Номинативные формы зафиксированы с *и*-огласовкой, что характерно для большинства удмуртских диалектов⁹: *монь аци́мъ* я самъ, *Тонь аци́дъ* ты самъ [Мышкин кон. 1770-х: 64–65].

Таким образом, как и в первой грамматике удмуртского языка, в труде священника с. Укан выделены категории числа и падежа местоимений, не разделены между собой указательные и личные *со* он, она, тот, та, *соёс* они, те, в качестве притяжательных местоимений рассматриваются генитивные формы личных местоимений. М. А. Мышкин впервые дает определение удмуртским местоимениям, указывает на их заместительную функцию, им записаны типичные для северных говоров падежные формы личных и усилительно-личных местоимений. Хотя грамматика М. А. Мышкина создавалась в период, когда «важнейшие фонетические процессы праудмуртского периода были уже завершены» и отражает, как и все письменные памятники удмуртского языка «современный этап развития фонетической системы и грамматического строя» [Кельмаков 1976: 106], в ней все же оказались задокументированы вышедшие на современном этапе из активного словарного запаса местоименные формы, которые могут пролить свет на особенности становления парадигмы склонения местоимений в северном диалектном ареале.

Следующим крупным памятником письменности удмуртского языка является рукописный русско-удмуртский словарь З. Кротова «Краткой вотской

---

⁹ Лишь в нижнечепецком диалекте северного наречия бытуют формы с *ы*-огласовкой: *ачым* ‘я сам’, *ачыд* ‘ты сам’, *ачыз* ‘он сам’ [Карпова 2020: 251].

словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» [1785]. В нем зафиксированы следующие местоимения с соответствующей пометой:

монь мѣстоим. я [Кротов 1785: 136], *ацѣмь* мѣстоим. самъ [Там же: 8], *мына́мь* род. неимѣ нашъ, мой [Там же: 142], *со* мѣстоим. тотъ, оный, онъ [Там же: 203], *со* в сочетании с частицей *ѣкъ* выделен как отдельное местоимение *соѣкъ* мѣстоим. тотъже [Там же: 203], *танò сонò* мѣстоим. тотъ и другой [Там же: 214].

Местоимения *выць* все [Там же: 38], *марькенò* что^б нибудь снабжены пометой «нарѣчиє» [Там же: 132], *ма* или *марь* что идет с пометой «межд[ометие]» [Там же: 130], форма творительного падежа вопросительно-относительного местоимения *ма майнь*, почему – «союзъ» [Там же: 131].

Без указания принадлежности к какой-либо части речи зафиксированы такие местоимения, как: *воцагь* все [Там же: 32], *кеня* коликий, колико, сколько, коль, сколько, *кенякенò* сколько нибудь, сколько ність, сколько бы нибудь [Там же: 85], *кеня мында* коль много [Там же: 86], *кечекè* нескл. каковъ нибудь, *кечè кенò* нескл. каковъ ність [Там же: 87], *кинъ* кто, *кинъкè* ктонибудь, нѣкто, *кинъ со* кто таков [Там же: 89], *кудь лэнь* которой [Там же: 98], *марымь* тоестъ [Там же: 132], *мукèть* инаковъ, прочіи [Там же: 137], *нокинъно* никто, *номарно* ничто [Там же: 147], *огèзь* *огèзь берысязь* одинъ послѣ другаго [Там же: 152], *оллокеня мында* нѣсколькѣй, нѣсколько [Там же: 156], *олло кудызь* нѣкоторой только [Там же: 157].

Местоимения можно обнаружить в составе словосочетаний (одна и та же форма может быть записана в нескольких словосочетаниях, мы даем одну из списка): *асла́мь эрѣкъ*, *лень* соизволение воля свободная, *асла́мь карыскò* 2 спр. присвояю, *аслèмь ацѣмь утискò* 2 спр. берегуся, *асмè тодмò карыскò* 2 спр. признаюся, *асмè ацѣмь сертэмь кыль вераскò* 1 спр. кленуся [Там же: 6], *ась визмыньвѣ* нарѣч. наизусть, *ась нямь карыскò* притягиваю [Там же: 7], *ацѣмь асмè шонертскò* извиняюся [Там же: 8], *всякой палась* нарѣч. отовсюду [Там же: 32], *выцякъ ужзè шонертысь лэнь* исправитель [Там же: 38], *кеня* (в составе *кеняпòль* сколько разъ) [Там же: 86], *кинèке серикьяскò* смѣюся надъ кѣмь, *кинèнь ке мыныскò*, 2 спр. иду с кѣмь, *кинъке* (в составе *кинъкеазè*) *мыныны* неопредѣл.

способ. идти предъ кѣмъ [Кротов 1785: 89], *кыкълѣнь кудызь* которой изъ двухъ [Там же: 110], *макѣ дырья*, нарѣч. въ нѣкоторое время [Там же: 131], *маркѣ вылѣзь пелляцко* 1 спр. дую на что [Там же: 132]. Таким образом, в словаре Захарии Кротова зафиксированы 26 местоимений различных по современной классификации, разрядов. Часть слов маркирована как местоимения, часть отнесена к другим частям речи либо записана без каких-либо помет. Тем не менее, ценность имеет сама их фиксация в словаре.

В грамматике «Отяцкая грамматика для обученія малолѣтнихъ юношей равно же и возраслыхъ знать отяцкой языкъ желающихъ, сочиненная Вятской Епархіи Глазовской Округи села Еловскаго Троицкой церкви заштатнымъ іереемъ Захаріею Кротовымъ 1816-го года іюля 21-го дня» (второе название – «Краткой отяцкія грамматики опытъ»), как и у М. А. Мышкина (подр. о сходстве с творением М. А. Мышкина [Чураков 2016б: 375–376]), автор определяет местоимения как «слово которое мѣсто имени поставляется и чрезъ роды числа и падежи и персоны склоняется» [Кротов 1816: 30 об.]. На разряды, как и авторы двух предыдущих грамматик, З. Кротов эти слова не делит. Он уточняет, что местоимений в удмуртском языке «до десяти» и дает их список: «*мѡнъ* я, *тѡнъ* ты, *сѡ* онъ, *а́сь* себя, *та* сей, *тайзь* этотъ, *ацимъ* сам, *сойзь* оный (неразборчиво – Т. П.), *кудъ* или *кудызь* который, *кѣнъ* кто, которые имеют два числа: единственное и множественное [Там же: 30об.–31]. Нужно полагать, что автор хотел выделить «первообразные» местоимения, как, например, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [Ломоносов 1755: 168], от которых образуются «производные». Но следует отметить, что лексемы *тайзь* и *сойзь* уже не являются первичными, а представляют собой формы указательных местоимений *та* ‘этот’ и *со* ‘тот’ с выделительным суффиксом *-из*. В разделе объемом чуть меньшим 7 страниц дано 25 парадигм склонения [Кротов 1816: 30об.–34]. Отдельно представлены падежные формы местоимений *ми* мы, *ти* вы, *соѡс* они, *кинъіѡсь* кто, *Таѡсь* сіи, *тѣ*, *кудызьіѡсь* которые. Все эти местоимения и словоформы, мы полагаем, мыслятся автором как формы множественного числа указанных выше местоимений. Местоимения (в сочетании с личными местоимениями) *тон ацидъ* ты самъ, *сѡ ацизь* онъ самъ, *ми*

ацимезь мы сами, *тиледь аслѣдъ* вамъ самимъ (у данных местоимений автор пропускает формы именительного и родительного падежей), *собсь ацизѣсь* они сами, вероятно, подразумеваются З. Кротовым как формы склонения «по персонамъ и числу» основного местоимения *ацимъ* ‘сам’. З. Кротовым впервые в удмуртском языкознании выделена категория лица (персоны) при описании местоимений. Он, хотя не совсем последовательно, указывает на наличие категории лица: местоимения *монъ* и *ми* «суть перваго лица», а *тон* и *тй* «второго лица». По рассмотренным выше формам можем только предположить о склонении по лицам (персонам). В случае с местоимением *асъ* я, ты, онъ (при втором упоминании перевод дан другой, чем при первом (см. в списке; фактически – в значении ‘свой’ – Т. П.) автор противоречит своему высказыванию о склонении по персонам: в косвенных падежах представлены формы 1-го, 2-го, 3-го лица ед. ч., например, в родительном падеже «*a[c]ламъ, асладъ, аслазь* мое, твое, ево», но З. Кротов пишет, что оно «недостаточное и неправильное по склоненію», имеющее в именительном падеже одну общую форму [Там же: 34]. В действительности же, притяжательное местоимение *ас* ‘свой’ не склоняется, а формы, записанные З. Кротовым, являются формами усилительно-личных местоимений *ачим* ‘я сам’, *ачид* ‘ты сам’, *ачиз* ‘он сам / она сама’.

Автор грамматики последовательно представляет пять падежных форм местоимений: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного падежей. Для слов *тѳн* ты, *тй* вы, *кйнъ* кто, *мынамъѳосъ* мои, *кудызь* который, *кудызьѳосъ* которые [Там же: 33] даны также формы звательного падежа, совпадающие с формой именительного, а для *мынамъ* мой, моя, мое автор фиксирует оригинальную «звательную» форму – *мынамѳ* мой, моя, мое [Кротов 1816: 34], которая, вероятно, является ошибочной, представляет собой искусственное образование формы генитива и с притяжательным суффиксом 1-го лица ед. ч. Кроме того, автор фиксирует необычные формы аккузатива плуральных местоимений, образованных от дативной основы суффиксом ед. ч. -э *милемѳ кыкнамѳ* насъ двоихъ, *тиледе кыкнадѳ* васъ двоихъ. Особенные падежные формы записаны у местоимений: а) *монъ* ‘я’: приблизительного иллатива *моньямъ* [Там же: 31],

инструменталю *монемь аслемь* мною самимь [Кротов 1816: 32]; б) *тонь* ты: генитив *тонадь* тебя или твое [Там же: 31об.], образованная от корня *тон-* (в совр. от основы *тын-*: *тынад*); в) *ацимэзь* мы сами: генитив *асламлень* насъ самихъ, *аслемьлынам* самимь, *аслемэзь* насъ самихъ, *асламинемь* нами самими [Там же: 32].

У местоимений *сó* онъ и *та́* сей этот в винительном падеже представлены формы *созэ*, *соызэ* ево, *тазэ*, *Таузэ* сего, являющиеся аккузативными формами с выделительным суффиксом от *соиз* именно тот, *таиз* именно этот. Формы творительного падежа *соень* имь, *таэнь* симь вышеуказанных местоимений и во мн. ч. *соосъень* ими, *тао[с]энь* сями [Там же: 33 об.] образованы суффиксом *-эн* (в совр. – *-ин /-ын*: *соин*, *таин*, *соосын*, *таосын*).

Так же, как и у М. А. Мышкина, отмечена форма творительного падежа личного местоимения 2 рл. *тиляденъ асладэн* вами самими, образованная от генитивной основы *тиляд-*. Кроме того, в этом же сочетании форма усилительного местоимения *асладэн* также возникла на базе генитива *аслад-*. По поводу данных словоформ еще раз выскажем свое предположение, что и М. А. Мышкин, и З. Кротов зафиксировали угасающую форму местоимений.

Кроме перечисленных местоимений, З. Кротов впервые в удмуртском языкознании представляет парадигмы склонения местоимений, которые в современном языкознании классифицируются как счетно-личные¹⁰: в ед. ч. *огнямь* ‘одинъ я’, *огнядь* ты одинъ, во мн. ч. *огнямы* мы одни, *огняды* одни вы [Кротов 1816: 33 об.]. В склонении данных местоимений выделены 5 падежных форм, некоторые из них также необычны с точки зрения современного языка. Аккузатив 1-го лица ед. ч. *огнямме́* меня одного имеет стандартную форму притяжательного склонения с одним обладателем (срав.: ном. *сюлэм* ‘сердце’ ~ акк. *сюлэмме́* ‘мое сердце’), в то время как в современных диалектах произошло стяжение двойного *-мм-*: нч., сч. *огн'амэ*, вч. *огнамэ* [Карпова 2020: 533], лит. *огнаме* [ГСУЯ 1962: 161]. Аккузатив мн. ч. 1-го и 2-го лица образован разными способами: *огнямыме́* однихъ

¹⁰ В «Грамматике современного удмуртского языка» лексемы, образованные от основы имени числительного суффиксом *-на-* и личными аффиксами, охарактеризованы как «собирательно-личные числительные» [ГСУЯ 1962: 160]. Лишь спустя более 150 лет после выводов З. Кротова, данные слова начали рассматривать как счетно-личные местоимения [Алатырев 1983: 575; Стрелкова 2013: 103–104, 109].

насъ [Кротов 1816: 33 об.], к местоимению присоединен суффикс 1-го лица *-м* и аккузатива *-э*, *огнядыостэ* однихъ васъ [Там же: 33 об.], между основной местоимения и показателями 2-го лица *-т*, аккузатива *-э* вклинивается аффикс мн. ч. *-ос* (совр. *огнамес* ~ *огнаместы*; *огнадэс* ~ *огнадэсты* [ГСУЯ 1962: 161]). Инструментальная форма *огнямень*¹¹ мною однимъ, однимъ нами одинакова для обоих чисел, *огняеныдъ* тобою однимъ представляет собой форму притяжательного склонения с одним обладателем. Формы винительного, дательного, творительного падежей счетно-личного местоимения 2-го лица мн. ч. *огняды* одни вы образованы от осложненной суффиксом мн. ч. основы: *огнядыостэ* однихъ васъ, *огнядыо[с]тэльднимъ* вамъ, *огнядыюсеныдъ*¹² одними вами [Кротов 1816: 33 об.]. Автор грамматики пишет, что таким же образом склоняются местоимения *квиньнамы* трое насъ, *нильнамы* четверо мы, *вительнамы* пятеро мы, *кватнамы* мы шестеро [Там же: 34] и другие. Но в случае со счетно-личными местоимениями наблюдается непоследовательность описания: *кыкнамы* мы двое рассматривается как имя числительное, при этом указывается, что «разделяется на три персоны: первую вторую и третю» [Там же: 29] и склоняется во множественном числе по 6 падежам (звательные формы совпадают с именительными). В парадигме склонения даны сочетания с личными местоимениями и также имеются оригинальные формы: аккузативные *милемэ* *кыкнамэ* насъ двоихъ, *тиледи кыкнаде* васъ двоихъ, *сооссе кыкназе* ихъ двоихъ, инструментальные *милемынъ* *кыкнаменымъ* нами двоими, *тиленыдъ* *кыкнаеныдъ* вами двоими, *соосъенызъ* *кыкныенызъ*¹³ ими двоими.

Хотя В. С. Чураков отмечает практически полное сходство грамматики З. Кротова с грамматикой М. А. Мышкина [Чураков 2016б: 375], в описании местоимений можно отметить некоторые отличия. З. Кротов обращает внимание на категорию лица («персоны») местоимений. Впервые выделяет лексемы типа *огнам*

¹¹ В лит. *огнамен* 'мною одним', *огнамыен* 'нами одними' [ГСУЯ 1962: 161].

¹² В литературном языке – *огнадэс* ~ *огнадэсты* 'вас одних', *огнадылы* 'вам одним', *огнадыен* 'вами одними' [ГСУЯ 1962: 161].

¹³ В литературном языке акк. *милемыз кыкнамес* 'нас двоих' [ГСУЯ 1962: 160], инстр. *кыкнамыен* 'нами двоими'. Во многих северных говорах формы творительного падежа мн. ч. отсутствуют, в нижнечепецких – *кына инызы* 'ими двоими' [Карпова 2020: 267].

‘я один’, *куиньнамы* ‘мы втроем’ как местоимения. В парадигму склонения некоторых местоимений вводит звательный падеж¹⁴.

Таким образом, первый этап изучения удмуртских местоимений отличается их частичной фиксацией в списках слов, в словарях различного объема и началом описания их морфологических характеристик. Важной особенностью данных трудов является то, что грамматическая схема морфологии русских местоимений стала своеобразной матрицей для изложения кратких сведений о склонении удмуртских прономинативов. В трех первых грамматиках удмуртского языка падежная система представлена в пределах падежной системы русского языка. Вслед за Н. В. Кондратьевой, исследовавшей историю изучения падежной системы удмуртского языка, мы констатируем тот факт, что удмуртские местоимения также рассматривались, опираясь на традиции русской грамматики. «Это вполне закономерно, т. к. не только падежная парадигма, но и грамматика удмуртского языка в целом составлялась по образцу греко-латинских и российских грамматик» [Кондратьева 2010: 17]. Полученный опыт морфологического и лексикографического описания заложил прочные основы для последующего изучения данного класса слов.

1.2.2. Второй этап (1851 г. – нач. XX в.) – начало научного описания

Данный период связан с именами зарубежных ученых-лингвистов, которые отмечали собственное языковое своеобразие удмуртских местоимений. Академик Императорской академии наук, эстонский финно-угровед Ф. Й. Видеманн был первым ученым, применившим принципы компаративистики при изучении удмуртского языка. Основываясь на материале переводных текстов (рукописей) Евангелий (от Матфея, Марка, Иоанна, Луки), создал первую научную грамматику удмуртского языка. В труде «*Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*» («Грамматика удмуртского языка с приложением небольшого удмуртско-немецкого и немецко-

---

¹⁴ Авторы труда «Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» выделяли данный падеж лишь для системы склонения существительных [Сочинения 1775: 1].

удмуртского словаря’) [Wiedemann 1851] местоимения впервые классифицированы по семантическому значению на 10 разрядов: личные (Personalpronomen), возвратные (Reflexivpronomen), притяжательные (Possessivpronomen), относительные (Relativpronomen), вопросительные (Interrogativpronomen), указательные (Demonstrativpronomen), взаимные (reciprokes Fürwort), неопределенные (Indefinite Pronomina), отрицательные (Negative Pronomina), определительные (Correlative Pronomina) [Wiedemann 1851: 72–95]. И. В. Тараканов, анализируя работу Ф. Й. Видеманна, указывает лишь девять разрядов, взаимные местоимения оставляет без внимания [Тараканов 2007: 114].

Притяжательные местоимения Ф. Й. Видеманн справедливо рассматривает как формы генитива личных и возвратных местоимений. Наряду с этими формами исследователь выделяет местоимение *as* ‘свой’, которое может функционировать без показателей лица, а рефлексивная принадлежность обозначается притяжательным суффиксом, присоединяющимся к главному слову: *mijn as jurtađ* ‘Иди к себе домой’ или *malj ti as šulmađj malpaškodj urodez* [Wiedemann 1851: 82] ‘Почему вы мыслите худое в сердцах ваших’. Подобное употребление отмечено не только с существительными, но и с послелогоми: *mijninj as beršaz nokine – no ezlež* [Там же: 83] ‘Идти за собой никому не позволил’.

Ученый подробно рассматривает систему склонения местоимений. Указывает, что имеются общеупотребительные формы в 6 падежах: номинатив, адессив (генитив), аллатив (датель), аккузатив, элатив (аблатив), инструменталь. Хотя выделены и формы адвербиала *tonja* и *tyndađa* и абессива *tontek*, *mitek*, *titek* [Там же: 74], ученый не включает эти формы в парадигму склонения местоимений.

Ф. Й. Видеманн замечает главную особенность склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица – использованием личных суффиксов для образования падежных форм. Таким образом, пишет лингвист, категория лица выражается дважды. Изменение же местоимения 3-го лица, по справедливому мнению ученого, сродни указательным и является обычным субстантивным склонением [Там же: 76].

Кроме научной грамматики, Ф. Й. Видеманн, используя имеющийся лингвистический материал, создал два труда, посвященных сопоставительному изучению лексических, фонетических и морфологических явлений: а) в диалектах удмуртского языка – статья «К диалектологии удмуртского языка» [Wedemann 1858], б) сопоставительную грамматику коми языка с удмуртским – «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» ('Грамматика коми языка с учетом его диалектов и удмуртского языка') [Wiedemann 1884]. В последнем обзорно представлены парадигмы склонения коми местоимений в сравнении с удмуртскими, автор включил все количество известных ему диалектных форм [Wiedemann 1884: 141–150]. В научном труде были повторены основные выводы, сделанные в грамматике удмуртского языка 1851 года. Научные изыскания видного финно-угроведа XIX века актуальны и в современной лингвистике.

Период также был ознаменован сбором материала в полевых условиях, фиксацией диалектного разнообразия удмуртского языка, в том числе и местоимений, публикацией фольклорно-диалектологических текстов, словарного материала и созданием сравнительно-сопоставительных научных трудов. Как отмечает В. К. Кельмаков, исследовательская работа проводилась как зарубежными финно-угроведами: Т. Г. Аминоффом, Б. Мункачи, Ю. Вихманном, Р. Лахом, так и отечественными: Б. Г. Гавриловым, Н. Г. Первухиным, И. Н. Смирновым, С. Багиным [Кельмаков 2011: 21]. Одним из самых значимых публикаций является диалектологический словарь Б. Мункачи «A votják nyelv szótára» ('Словарь удмуртского языка') [Munkácsi 1896], составленный по результатам экспедиции к удмуртам в 1885 году. В. К. Кельмаков оценивает словарь как «уникальный в истории удмуртского языкознания лексикографический труд, который органически сочетает в себе элементы различных видов словарей: диалектологического <...>, исторического <...>, трех- (иногда и четырех-) язычного переводного – с удмуртского на венгерский, немецкий и (порою) на русский языки, толкового <...>, этимологического» [Кельмаков 2011: 193–194]. Представлены в словаре и личные местоимения, их диалектные падежные формы в

аккузативе, генитиве, дативе, аблативе (элативе), инструментале [Munkácsi 1896: 364, 427, 722].

Доктор философии Торстен Густав Аминофф был одним из первых зарубежных ученых, исследовавший удмуртский язык, основываясь на собственных наблюдениях. Его экспедиционная поездка к удмуртам состоялась в 1878 году. Изучение удмуртских диалектов проводилось в основном в двух населенных пунктах: с. Ошторма-Юмья Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Республики Татарстан) и с. Якшур-Бодья Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне с. Якшур-Бодья Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики). Исследованные финским ученым диалекты названы соответственно казанским и якшурским (вятским). На основе собранного материала были опубликованы 4 работы [Кельмаков 2011: 74], в их числе «*Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos*» («Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка»). Финский ученый выделяет следующие разряды местоимений:

1) личные *mon* ‘я’, *mi* ‘мы’, *ton* ‘ты’, *ti* ‘вы’, *so* ‘он, она, оно’, *sojos* К, или *soos* J ‘они’ [Aminoff 1896: 36–37];

2) возвратные: *ačõm* К, *ačim* J ‘я сам’, *ačõd* К, *ačid* J ‘ты сам’, *ačõz* К, *ačiz* J ‘он сам, она сама’, *ašmes* К, *ačmios* J ‘мы сами’, *aštes* К, *ačtios* J ‘вы сами’, *ašses* К, *ačsios* J ‘они сами’ [Aminoff 1896: 29–38];

3) вопросительные *kiñ* К, *kin* J, *kiñjos* К, *kinjos* J ‘кто’, *ma*, *mar* К, J, *majos*, *marjos* К, ‘что’, *kud*, *kudiz* К, *kudiz* J ‘который’, *kõčë* К, *kõče* J ‘какой’. Форма аккузатива мн. ч. дана лишь в примере *kõčejosse jaratiškod* J ‘каких любишь’ [Там же: 37];

4) неопределенные: *kiñkë*, *kiñ-no-kiñ*, *olo-kiñ* К ‘кто-то’, *make*, *markë* К ‘что-то’, *kudkë* К, *kudiskë* К ‘кто-то, который-нибудь’, *kõčëkë* К, *kõčekë* J, *olo-kõčë* К, *olo-kõče* J ‘какой-то’, *muzon* К ‘другой’ [Там же: 37–38];

5) отрицательные образуются так, что *nino-*, *no-* присоединяются в препозиции вопросительного местоимения, также *no* может добавляться после них, приведены примеры: *ninokiñ*, *ninokiñ-no* К, *nokin-no* J ‘никто’, *ninomõr*, *-no* К, *noturno* J ‘ничто’, *ninokudiz(-no)* К ‘никто’, *ninokõče(-no)* К ‘никакой’ [Там же: 38];

б) взаимные местоимения, которые образуются повторением слова *og-* (зафиксированы формы датива – *Т. П.*): *ogmōlō ogmō* ‘мы друг другу’, *ogdōlō ogdō* ‘вы друг другу’, *ogzōlō ogzō* ‘они друг другу’ [Aminoff 1896: 38];

7) указательные: *so, sojez* К, J ‘тот’, *ta, tajez* К, J ‘этот’, *ōčē* К, *sučē* J ‘такой’ [Там же: 38].

Т. Г. Аминофф дает парадигмы склонения личных местоимений в основном по 7 падежам: номинатив, аккузатив, адессив (генитив – *Т. П.*), аблатив, аллатив (датов – *Т. П.*), инструменталь, абессив. У местоимений *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, по его наблюдениям, нет формы аблатива. Так же, как и Ф. Й. Видеманн, ученый отмечает своеобразие склонения удмуртских местоимений, а именно, использование притяжательного суффикса после падежного показателя. Склонение местоимений 1 pl., 2 pl. отличается от субстантивного и представлено следующим образом: 1) основа склонения местоимений *mil'-, til'-*; 2) используются притяжательные суффиксы единственного числа *-m* и *-d*. В якшурском диалекте при образовании падежных форм 2 pl. используется посессивный суффикс мн. ч. *-dy* [Там же: 30]. Подробный анализ научного труда Т. Г. Аминоффа, в том числе описание вариативных форм местоимений двух удмуртских говоров, представлен в очерке, посвященном научному наследию ученого [Кельмаков 2011: 90–92]. Счетно-личные местоимения исследователь рассматривает в качестве числительных [Aminoff 1896: 39].

Таким образом, на втором этапе изучения удмуртских местоимений началось их подлинное научное описание и диалектное сопоставление как на основе письменных источников, так и на основе собственных экспедиционных материалов. Местоимения удмуртского языка были классифицированы по лексико-семантическим разрядам, отмечены особенности их склонения, ученые пытались обозначить специфичные явления, которые характерны классу удмуртских местоимений. Основные суждения Ф. Й. Видеманна, обозначенные в «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche», остаются актуальными по сей день.

1.2.3. Третий этап (1920-е гг. – 1961 г.) – становление терминологии и историко-сопоставительного анализа

После образования Вотской Автономной Области в 1920 г. возникла острая необходимость в учебниках и научной грамматике, которые могли быть использованы на разных ступенях обучения и самих в большинстве своем безграмотных удмуртов, и других народов автономной области. Изучение удмуртских местоимений продолжилось отечественными исследователями в рамках обзорного описания. В данных работах имеются неточности, не учтены результаты трудов Ф. Й. Видеманна, Т. Г. Аминоффа, так как многим авторам они были недоступны. Кроме того, составители учебников стремились представить самобытность удмуртской грамматики, в том числе и местоимений, проводя параллели с явлениями в русском языке. Рассмотрим некоторые значимые труды.

П. П. Глезденев в «Краткой грамматике языка народа удмурт», сравнивая удмуртские и русские местоимения, утверждает, что «в языке удмурт совсем нет местоимений 1) возвратного, 2) взаимных, 3) притяжательных и 4) относительных» [Глезденев 1921: 28–29]. Вместо них, по мнению исследователя, используются другие местоимения в разных падежах либо осложненные присоединением различных частиц. Так, в роли возвратных используется определительное *ас* (*ач*) ‘свой’ с притяжательными суффиксами: *ачым* (*ачим*) ‘я сам’, *ачыд* (*ачид*) ‘ты сам’, *ачыз* (*ачиз*) ‘он сам, она сама’, *ачымес* (*ачмеос*) ‘мы сами’, *ачыдэс* (*ачтэос*) ‘вы сами’, *ачсэс* (*ачсэос*) ‘они сами’ в винительном падеже *асме* ‘меня самого’, *астэ* ‘тебя самого’, *ачсэс* ‘их самих’ [Глезденев 1921: 28] и другие.

Автор верно заметил, что «притяжательные местоимения образуются из личных местоимений <...> с признаком притяжательного (родительного) падежа и притяжательных суффиксов» [Там же: 29].

Склоняются местоимения, по мнению автора грамматики, по 16 падежам. Кроме субъектно-объектных (Именительного, Притяжательного (Родительного), Дательного, Винительного, Творительного, Исходного, Лишительного) падежей, П. П. Глезденев добавляет формы с элементом *н'* локальных Входного, Местного, Отдалительного падежей, функционирующих в северном наречии. Парадигма

склонения местоимений ошибочно дополнена сочетаниями с послелогоми: Предложный с послелогом *сярысь* ‘о’, Сравнительный – *бытса* ‘с размером’, *кадь* ‘как, словно’, Переходный – *вамен* ‘через’, Причинный – *понна* ‘ради’, Приблизительный – *доре* ‘к’, Достигательный – *дорозь* ‘до’ [Глезденев 1921: 30–31]. Форма направительного падежа, распространенная в северном диалектном ареале, не представлена.

В «Руководстве к изучению вотского языка» Г. Е. Верещагин рассматривал личные и усилительно-личные местоимения как два вида склонения: «*простые-личные*» и «*усиленные-личные*». Лингвист предложил парадигму словоизменения местоимений по 24 падежам [Верещагин 1924: 56–64]. В действительности же лишь восемь из них содержат формообразовательные морфемы: Именительный, Родительный, Винительный, Дательный, Творительный, Лишительный, Судительный (в совр. соответственный), Предостерегательный (в совр. разделительный). Большая часть форм – сочетание номинатива местоимения с вводным словом *лэся* ‘вероятно’, с послелогоми: *вальлин* / *валлин* ‘из-за, через’, *сярысь* ‘о’, *кадь* ‘как’, *бере* ‘после’, *дырья* ‘при (например, при мне и т. д.)’, *дорозь* ‘до’, *вёзын* ‘рядом’, *вылын* ‘на’, *пуцькысь* ‘изнутри’, *пуцькы* ‘внутри’, сочетанием двух послелогов *тыр* ‘доверху’, *пуцькын* ‘внутри’ в авторской интерпретации ‘Нутр мой (твой и т. д.) полон чем-то’. Форма Заменительного падежа представляет собой фразу, состоящую из аблативной формы каритивного прилагательного в сочетании с частицей *гинэ* ‘лишь’ и одного либо двух личных местоимений: *Монтэмлэсь гинэ со мон* ‘Он за неимением меня только я’, *Мимтэмлэсь гинэ соос ми* ‘Они за неимением нас только мы’. В форме Ценительного падежа в сочетании с послелогом *вылти* ‘сверху, поверху’ записаны нестандартные для современного языка формы разделительного падежа местоимений 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl., образованные от основы номинатива: *монлэсь* ‘меня’, *тонлэсь* ‘тебя’, *милэсь* ‘нас’, *тилэсь* ‘вас’ [Верещагин 1924: 60], два первых также представлены как варианты Предостерегательного падежа [Там же: 63].

Также Г. Е. Верещагин зафиксировал неопределенные (у автора неопределительные) местоимения *маке-со* ‘что-нибудь’, *кинке со* ‘кто-нибудь’,

маос-ке соос ‘что бы ни было’, *кин’ёске-соос* ‘кто бы ни был’ [Верещагин 1924: 55]. Они образованы от вопросительных местоимений наложением двух способов передачи неопределенности: специального маркера *ке* и указательных местоимений *со* ‘тот’, *соос* ‘те’, получается своего рода удвоенная (усиленная) неопределенность. Вариант образования неопределенных местоимений присоединением постпозиционной частицы *ке* является самым распространенным, а конструкция с указательным местоимением несвойственна для удмуртского языка, хотя является распространенной и в родственных, и неродственных языках. «Тотальная неизвестность, выражаемая вопросительным местоимением, получает некоторую определенность в сочетании с указательными словами. Такие конструкции являются весьма распространенной моделью образования неопределенных местоимений, напр., рус. *кто-то*, *что-то*, фин. *jo-ku* ‘кто-то’, вепс. *ken-se* ‘кто-то’, *mi-se* ‘что-то’, манс. *mät-tä* ‘кто-нибудь, что-нибудь’ и др.» [Федюнева 2008б: 344].

Интересный материал содержит рукописная грамматика Г. Е. Верещагина «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын», хотя, по словам авторов предисловия, «Руководство к изучению вотского языка» представляет собой более усовершенствованный и переработанный вариант рукописной грамматики [Верещагин 2002: 7]. Первый удмуртский ученый разрабатывает терминологию на удмуртском языке. Местоимения он именует как «*ниминти, ниминт’и*» – калька термина на удмуртский язык. Дает следующее определение: «*Ниминт’и – со, мае нимлэн инт’и аз понод*» (‘Местоимение – то, что поставишь вместо имени’) [Там же: 202]. Ученый указывает, что местоимения имеют 3 лица («*азьлоэз мурт*») (1-е лицо), «*кыктэт’иэз*» (2-е лицо), «*диньмет’иэз*» (3-е лицо), единственное («*од’иг лыд*») и множественное число («*уно лыд*») и склоняются по падежам («*нимусён*»). Названия разрядов местоимений также переведены на удмуртский язык [Там же: 203]. В целом, труды первого удмуртского ученого представляют собой попытку осветить своеобразие грамматики удмуртского языка.

В исследовании И. В. Яковлева «Удмурт кылрадъян. Элементарная грамматика удмуртского языка»¹⁵ [1930] определение термину «нимвоштос» ‘местоимение’ не дается, но в состав этой части речи включены местоимения, соотносимые с именами существительными, прилагательными, числительными. Языковед выделяет 3 типа склонения местоимений [Яковлев 1930: 36–39]:

1) по типу существительных: *со* ‘он, она’, *нокин* ‘никто’;

2) по образцу притяжательных существительных: *кудйз* ‘который’, *соиз* ‘именно тот, та’, *таиз* ‘именно этот, эта’, *ваньмыз* ‘все’, *кудйз ке* ‘кто-то, что-то’, *олокудйз* ‘который-нибудь’, *аслам* ‘мой собственный’, *аслад* ‘твой собственный’, *аслаз* ‘его собственный’;

3) имеющие собственное (местоименное) склонение: *мон* ‘я’, *ми* ‘мы’, *тон* ‘ты’, *тй* ‘вы’, *ачим* ‘я сам’, *ачимес* ‘мы сами’, *ачид* ‘ты сам’, *ачидэс (ачтэс)* ‘вы сами’, *ачиз* ‘он сам, она сама’, *ачизэс (ачсэс)* ‘они сами’.

Исследователем верно подмечено, что местоимения могут обладать категорией притяжательности «*кинлэнзэ возъматэмзы*» [Там же: 42–43], к ним он относит формы *таид* ‘этот твой’, *таосмы* ‘эти наши’, *таосты* ‘эти ваши’, *таоссы* ‘эти их’, *кинэд* ‘кто твой’, *кинэз* ‘кто его’, *кинмы* ‘кто наш’, *кинды* ‘кто ваш’, *кинзы* ‘кто их’, *кычее* ‘какой мой’, *кычеед* ‘какой твой’, *кычеез* ‘какой его, ее’, *кычемы* ‘какой наш’, *кычеды* ‘какой ваш’, *кычезы* ‘какой их’ и т. д. В представленный список, с нашей точки зрения, ошибочно внесены местоимения, образованные от основы *вань-* ‘все’, поскольку суффиксы *-мы*, *-ды*, *-зы* в *ваньмы* ‘все мы’, *ваньды* ‘все вы’, *ваньзы* ‘все они’ обозначают категорию лица, а не принадлежность. Научный вывод И. В. Яковлева о существовании категории притяжательности у удмуртских местоимений в большинстве работ других лингвистов не был использован. В «Грамматике современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» автор раздела «Подлежащее» В. И. Алатырев подчеркивает, что «подлежащее может быть выражено местоимением с притяжательным суффиксом соответствующего лица и числа. *Соды гуртаз кошкиз.*

¹⁵ Первое издание вышло в свет в 1927 г.

‘Тот ваш ушел домой’. *Кинмы асьмелэн бай? ‘Кто из нас живет богато?’*» [ГСУЯ 1970]. Однако в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» лингвист рассматривает притяжательные формы *нокинмы* ‘никто у нас’, *нокинды* ‘никто у вас’ как отдельные лексемы (отрицательные местоимения) [Алатырев 1983: 576].

И. В. Яковлев все местоимения делит на местоимения единственного числа («ог лыдэн») и множественного числа («трос лыдэн»). Примечательно то, что, подобно именам существительным, формы мн. ч. рассматриваются в качестве производных от форм ед. ч., местоимения *ми* ‘мы’, *тй* ‘вы’ представлены как формы мн. ч. от местоимений *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’ [Яковлев 1930: 36], а не как отдельные местоимения со значением множественности. Подобной точки зрения впоследствии придерживается доктор филологических наук И. В. Тараканов, который добавляет, что формы мн. ч. 1-го и 2-го лица образуются путем чередования гласной основы: *о//и*. «*Мон* но *тон* нимвоштосъёс трос лыд форма кылдыто кылвыжые пырись гласной куараосты воштыса, тазыы: *мон* – *ми*, *тон* – *тй*» (‘Местоимения *я* и *ты* образуют формы множественного числа путем чередования гласной корня: *мон* – *ми*, *тон* – *тй*’) [УКК 2011: 110].

Грамматика И. В. Яковлева является первой грамматикой, изданной на удмуртском языке, в которой автор использует удмуртскую грамматическую терминологию [Кельмаков 2001: 28]. Предложенный исследователем термин «*нимвоштос*», семантическая калька с русского, закрепился в современной удмуртской лингвистике [Тараканов 2003; УКК 2011; Вахрушева, Тимерханова, Ураськина 2020: 153–161 и др.].

«Грамматика вотяцкого языка» А. И. Емельянова сочетает в себе черты описательной и исторической фонетики и морфологии удмуртского языка. Ученый обобщает труды зарубежных исследователей Ф. Й. Видеманна, Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихманна, Б. Мункачи и др. А. И. Емельянов так же, как и Т. Г. Аминофф, выделяет личные, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, взаимные, указательные местоимения. Лингвист отмечает особую роль притяжательных местоименных суффиксов в падежном формообразовании местоимений 1-го и 2-го лица [Емельянов 1927: 149]. В парадигмах склонения

местоимений исследователь выделяет в основном 6 падежей (использует латинские названия и их перевод на русский): «*nominativ* именит[ельный], *akkusativ* винительный, *adessive* при ком-бывательный, *ablativ* относительный, *allativ* приносительный, *instrumental* творительный» [Емельянов 1927: 147–150]. Автор не снабжает падежные формы переводом. У личных местоимений 1-го лица ед. и мн. ч. обозначена форма с суффиксным элементом *-n'* как «*lativ*-ная, носительного падежа»: *toiññam* ('у меня (дома)' – *Т. П.*), *miññam* ('у нас (дома)' – *Т. П.*) [Там же: 147, 148], наречие *sot'i* 'там' с пролативным значением ошибочно представлено как «*prolativ* проносительный падеж» местоимения 3-го лица ед. ч. [Там же: 152].

Возвратным местоимениям (в современной классификации – усилительно-личным – *Т. П.*) А. И. Емельянов уделяет особое внимание. Ученый рассматривает этимологию местоимений, делает попытку исторической реконструкции основы, от которой образуются формы косвенных падежей. Он предполагает, что «основа склонения возвратных местоимений единственного числа состоит из формы возвратного местоимения *as* безотносительного к лицу, усложненного архаическими суффиксами *-l* и *-a* и различными местоименными суффиксами. В настоящем своем виде она представляет конечный результат целого ряда позднейших звуковых изменений, но восстановить более первоначальную форму пока нет возможности» [Там же: 151].

Ссылаясь на Х. Паасонена, исследователь восстанавливает этимологию местоимений в финно-угорских языках как тождественную понятию «теневого души» – призрака из области мифологии. А. И. Емельянов заключает, что в финно-угорских языках понятие души так же, как и у арабов, употребляется в роли возвратного местоимения. Становится понятным необходимость притяжательных местоименных суффиксов при возвратном местоимении, исторически они означают не что иное, как моя душа, твоя душа и т. д. [Там же: 151].

А. И. Емельянов также отметил, что от вопросительных и неопределенных местоимений могут образоваться формы с притяжательными суффиксами: *maid* 'что твое', *maiz* 'что его', *kined-kä* 'кто-то твой', *kudid ke* 'который-то твой' [Там же: 152–153].

Значимым явлением в развитии научного описания местоимений стало исследование Т. Э. Уотилы «Zur Deklination der Personalpronomina in den permischen Sprachen», в котором проанализированы системы склонения личных местоимений в пермских языках. Автор опирался на удмуртский языковой материал, отраженный в научных трудах Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1851; 1884], Т. Г. Аминоффа [Aminoff 1896], изданных образцах удмуртской речи Ю. Вихманна [Wichmann 1893; 1901a; 1901b] и его неопубликованных рукописях [Uotila 1936: 464].

Типологическому описанию морфологии был посвящен «Краткий очерк грамматики удмуртского языка» П. Н. Перевощикова, в которой автор сопоставил парадигмы склонения удмуртских и русских местоимений. Для разряда возвратных [Wiedemann 1851: 77–78; Aminoff 1896: 36] или усиленных [Верещагин 1924: 54] местоимений ученый использует термин «усилительно-личные», который закрепился в современной удмуртской лингвистике. При описании притяжательных местоимений автор поясняет, что «в удмуртском языке в значениях притяжательных местоимений (кроме местоимения *ас*) употребляется родительный падеж личных местоимений» [Перевощиков 1959: 1317].

Итак, на данном этапе лингвисты-носители языка при составлении учебников для учеников и студентов-удмуртов стремились выработать терминологию на удмуртском языке, в пособиях, предназначенных для учащихся других национальностей, авторы проводили параллели с русским языком и пытались приблизить описание удмуртских языковых явлений к традициям русской грамматики, при этом ненамеренно создавали основу для типологических сравнений. Исследование местоимений в данный период часто носило фрагментарный характер, что можно расценивать как шаг назад.

1.2.4. Четвертый этап (1962 г. – до наших дней) – синхронное и диахронное исследование местоимений

Большинство научных достижений отечественных и зарубежных лингвистов были обобщены авторами «Грамматики современного удмуртского языка.

Фонетика и морфология» [ГСУЯ 1962]. Раздел «Местоимения» был написан тогда еще кандидатом филологических наук И. В. Таракановым, который внес значительный вклад в изучение удмуртских местоимений. Впоследствии лингвист посвятил данной части речи ряд научных работ [Тараканов 2003; 2007; УКК 2011], разделы в школьных учебниках [УК 1984: 96–110; Никольская, Тараканов 1995: 103–118; Никольская, Тараканов 2005: 108–124]. Новизна в исследовании местоимений заключается в том, что вместо заместительной функции на первый план выдвинута дейктическая (указательная) функция и отмечена зависимость семантики местоимений от контекста. Это «такая часть речи, которая не называет предметов, их признаков или количество, а лишь указывает на них. Значение местоимений конкретизируется лишь в связной речи» [ГСУЯ 1962: 167]. Выделены следующие лексико-грамматические разряды: личные (собственно-личные), взаимно-личные местоимения, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные, определительные, последний разделен на 2 подгруппы: лично-определительные (в современной классификации рассматриваются как усилительно-личные – *Т. П.*) и обобщительно-определительные, состоящие из двух групп: обобщительно-собирательные и обобщительно-выделительные [Там же: 167]. В следующих работах И. В. Тараканов выступает с предложением расширить границы местоимений как части речи, включив в их состав местоименные наречия: «С целью облегчения изучения разрядов местоимений в практике преподавания удмуртского и коми языков, и учитывая синтаксические функции, нам представляется возможным дать следующую классификацию местоимений для школьных учебников: местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные наречия» [Тараканов 2007: 117–118].

Местоименные наречия удмуртского языка были исследованы А. А. Алашеевой [2003] и А. А. Шибановым [2012] и включены в состав наречий. Считаем, что рано ставить точку в этом вопросе. Послеложно-личные образования также являются местоименными наречиями с категорией притяжательности, большая часть из них обладает семантикой локализации. А. А. Шибанов указывает

на то, что некоторые наречия могут изменяться по лицам [Шибанов 2012: 122] либо могут принимать формы выражения отношений принадлежности [Шибанов 2023: 128]. С нашей точки зрения, требуется очертить круг наречий удмуртского языка с морфологической категорией притяжательности.

Свои научные изыскания И. В. Тараканов объединил при описании местоимений в препринте «Туала удмурт кыл: Нимвоштос» [2003] и в научно-учебном издании «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» [2011]. Личные местоимения охарактеризованы с точки зрения референции: «*Мон* нимвоштос возматэ ассэ вераськись муртэ, *тон* возматэ сое, кинлы вазиськиськом, *со* нимвоштос возматэ кин ке сярысь вераськемез, муртэ, кудйз син азын өвёл яке палэнынгес луэ. Трос лыдысь *ми* нимвоштос возматэ трос муртёсты, кудёсыз пöлын луэ ачиз вераськись мурт но. *Тii* нимвоштос возматэ трос вазиськоно муртёсты, но ачиз вераськись мурт соос пöлы уг пыры. *Соос* нимвоштос возматэ трос муртёсты огазеямез но соос сярысь вераськемез». ('Местоимение *мон* показывает самого говорящего, *тон* – адресата, *со* – объекта высказывания, того, кто находится вне поля зрения или в стороне. Местоимение множественного числа *ми* указывает на многих людей, в числе которых сам говорящий, *тii* указывает на многих адресатов, но сам говорящий не входит в их состав. *Соос* указывает на множество объектов и сообщение о них') [УКК 2011: 109–110].

Диахронное и синхронное исследования местоимений продолжилось в научных трудах Б. А. Серебренникова «Историческая морфология пермских языков» [Серебрянников 1963: 184–213], Р. Бартенс «Permiläisten kielten rakenne ja kehitys» [Bartens 2000: 149–172], Ш. Чуча «Die Rekonstruktion der permischen Grundspache» [Csúcs 2005: 222–244], где морфологическим категориям местоимений посвящены отдельные главы. В исследованиях по финно-угорской исторической фонетике и морфологии попутно отражены вопросы генезиса личных местоимений удмуртского языка [Ravila 1950; Rédei 1998; Honti 2012: 123]. Исключительно важный вклад в изучение удмуртских местоимений внесла коми лингвист Г. В. Федюнева. В монографии «Первичные местоимения в пермских языках» ученый рассматривает морфологию самых архаичных местоимений –

собственноличных (орфография автора – *Т. П.*), указательных и вопросительных местоимений, проводит тщательный морфемный анализ, предлагает реконструкции общепермских архетипов, выявляет закономерности развития местоименных основ, падежных суффиксов. Г. В. Федюновой [2008а] исследована историческая морфология пермских языков, в частности проведены реконструкции местоименных основ, рассмотрено происхождение падежных форм и суффиксов. Несколько трудов исследователя посвящены теоретической базе описания морфологии, морфологической семантики, вариативности форм коми местоимений [Федюнева 1990; 1999; 2000; 2001; 2008в], которые в полной мере применимы и для изучения местоимений удмуртского языка.

Типологическому исследованию местоимений, в первую очередь финно-угорских, индоевропейских языков, а также языков других языковых групп посвящена монография К. Е. Майтинской «Местоимения в языках разных систем» [2009], диахронному анализу подвергаются местоимения родственных языков в научном труде «Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков» [1979]. Лингвист применяет этимологическую классификацию, выделяет местоимения первичного (указательные, личные, вопросительные) и вторичного происхождения. В монографии проанализирован огромный лингвистический материал, в том числе и удмуртские местоимения, изучена типология основных разрядов местоименных слов (указательных, личных и вопросительных), а также второстепенных разрядов местоимений (неопределенных, отрицательных, определительных, возвратных) [Майтинская 2009: 61–271].

Важным направлением в лингвистическом исследовании местоимений является изучение диалектного разнообразия учеными-носителями языка. В данный период были защищены кандидатские диссертации по тыловайскому [Тепляшина 1955], кукморскому [Кельмаков 1970б], средневосточным [Бушмакин 1971а], закамским [Насибуллин 1972], прикильмезским [Загуляева 1980], среднечепецким [Карпова 1997] говорам, лекминскому и юндинскому говорам бесермянского наречия [Люкина 2008], докторская диссертация по северному наречию [Карпова 2018]. В монографии «Язык бесермян» Т. И. Тепляшина детально описывает

склонение местоимений бесермянского диалекта [Тепляшина 1970а: 183–207]. Она подчеркивает, что основные значения бесермянских местоимений совпадают с удмуртскими литературными, а специфику составляют лишь некоторые грамматические отличия и своеобразные лексемы [Там же: 183]. Ее классификация данной части речи отлична от сложившейся к тому периоду традиции. Языковед заостряет внимание на широком спектре личных местоимений бесермянского диалекта (следовательно, и удмуртского языка в целом): «Класс личных местоимений в широком смысле подразделяется на несколько разделов. Так выделяются собственно-личные, усилительно-личные, выделительно-личные, взаимно-личные, счетно-личные, послеложно-личные местоимения. Все перечисленные местоимения объединяет общее их свойство – указывать на принадлежность личности» [Там же: 183]. В разряд усилительно-личных местоимений включает *ač'əm* ‘я сам’, *ač'əd* ‘ты сам’, *ač'əz* ‘он сам’, *ašmes*, *ač^omes* ‘мы сами’, *aštes*, *ač^odes* ‘вы сами’, *ašses*, *ač^ozes* ‘они сами’ [Там же: 187], литературные формы в «Грамматике современного удмуртского языка» рассматривались как определительно-личные [ГСУЯ 1962: 183–184]. Но в то же время исследователь не до конца придерживается принципа выделения личных местоимений. Не отделены от обобщительно-определительных местоимения с личными суффиксами, выражающие совокупность коллектива людей: *wan'tə*, *vič'akmə*, *wan'namə*, *vič'aknamə*, *s'onamə* ‘все мы’, *wan'də*, *vič'akdə*, *wan'nadə*, *vič'aknadə*, *s'onadə* ‘все вы’, *wan'zə*, *vič'akzə*, *wan'nazə*, *vič'aknazə*, *s'onazə* ‘все они’ [Тепляшина 1970а: 206].

К выделительно-личным местоимениям исследователь относит слова *ojigmə*, *ogmə* ‘один из нас’, *ojigdə*, *ogdə* ‘один из вас’, *ojigzə*, *ogzə* ‘один из них’, *ojigjosmə* ‘одни из нас’, *ojigjostə* ‘одни из вас’, *ojigjossə* ‘одни из них’ [Там же: 190–191]. Эти и подобные слова, например, *кыкмы* ‘мы оба’, *кыкты* ‘вы оба’, *кыксы* ‘они оба’, представляющие собой слияние числительного с притяжательным суффиксом, О. Б. Стрелкова определяет в состав счетно-личных местоимений [Стрелкова 2013: 105–107].

В научных трудах ведущего удмуртского лингвиста В. К. Кельмакова рассмотрен ряд вопросов, касающихся состава удмуртских местоимений. В диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

«Кукморский диалект удмуртского языка» ученый первым в удмуртской лингвистике описывает взаимно-личные местоимения ед. ч. [Кельмаков 1970б: 345], в очерке «Удмуртский язык» [Кельмаков 1993: 248] выделяет разряд собственно притяжательных местоимений: *ас* ‘свой’, *асьме* ‘свой (наш)’, *асьтэ* ‘свой (ваш)’, *асьме* ‘свой (их)’. Языковед предлагает логичный вариант морфемного членения падежных форм личных местоимений [Кельмаков 2005: 79–81], рассматривает вопросы семантики и функционирования лично-притяжательных суффиксов [Кельмаков 1995: 131–134; 2014: 190–193], также уделяет внимание описанию диалектной морфологии местоимений и семантической структуры отдельных падежных форм [Кельмаков 1981а; 1998]. Изданные В. К. Кельмаковым сборники диалектных текстов предваряются детальным анализом фонетики, морфологии, лексики конкретного диалектного ареала [Кельмаков 1981а; 1990а; 1992; 2015; Kel'makov, Saarinen 1994] и являются кладезем информации для исследований по различным направлениям удмуртского языкознания, в том числе и по морфологии личных местоимений.

Удмуртский диалектолог Л. Л. Карпова в течение многих лет с пристальным вниманием изучает фонетические, морфологические особенности северного наречия удмуртского языка. Многие явления ареальной морфологии личных, усилительно-личных местоимений детально ею описаны, особенно категория падежа. Парадигмы склонения личных местоимений, отраженные в научных статьях, монографиях лингвиста [Карпова 1997; 2010; 2015; 2017; 2020; 2021; 2024], опубликованные образцы диалектных текстов [Карпова 2005] представляют для нашего исследования большую ценность.

Отдельные вопросы, относящиеся к изучению категории падежа удмуртского местоимения, генезису падежных маркеров, раскрыты в работах Н. В. Кондратьевой. В монографиях и научных статьях ученого подробно описаны падежные показатели с точки зрения синхронного функционирования и диахронии, проанализирована семантическая структура каждого падежа удмуртского языка [Кондратьева 2008; 2009; 2010 а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в].

В настоящее время лингвистической наукой накоплен значительный теоретический и практический материал по вопросам изучения и описания морфологии местоимений, в том числе и личных, рассмотрены закономерности развития склонения первичных местоимений в пермских языках и отдельно в части удмуртских диалектов. Однако не освещались некоторые вопросы семантической специфики местоимений: в большинстве работ, основную часть которых составляют грамматики, учебники, выделяется только заместительная функция. До сегодняшнего дня нет комплексного исследования местоимений удмуртского языка с их внутрисистемными связями. Данная диссертационная работа лишь первый шаг на пути к всестороннему изучению класса удмуртских местоимений. Нами проанализирована диалектная вариативность числа, падежа личных местоимений в синхронном и частично диахронном аспектах.

Выводы по Главе 1

В европейском и русском языкознании накоплен большой теоретический опыт описания семантики, функциональной нагрузки архаичного неоднородного и закрытого класса местоименных слов. Исследователи придерживаются различных, вплоть до противоположных, точек зрения о семантической стороне местоимений: от «пустых» знаков до «смысловой вершины языка». Местоимения, выполняя три вида функций (дейктическую, анафорическую, кванторную), обладают специфичным прономинальным значением, которое заключается в отсылочном характере, в отражении многообразия номинаций в однообразии. Различные принципы исследования местоимений обогащают лингвистическую науку, открывая новые горизонты для исследователей.

Выделены четыре этапа изучения удмуртских местоимений, начиная со времени первых письменных записей единичных удмуртских местоимений заканчивая периодом описания системы, включающую значительную часть местоимений, от самой ранней фиксации падежных форм до синхронного и диахронного анализа системы склонения. Впервые удмуртские местоимения

зафиксированы в 1726 г. немецким ученым, руководителем первой научной экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидтом. В его дневнике записаны три личных местоимения. Отличительной спецификой начального периода изучения удмуртских местоимений является ориентированность на образцы русских грамматик XVIII в., в связи с чем учитывалась лишь малая часть особенностей удмуртских местоимений. В трудах «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [1775] и «Краткой отяцкія грамматики опытѣ» [кон. 1770-х] авторы указывают на категорию числа и падежа местоимений. В них имеются сведения (без указания на разряд) о личных, усилительно-личных, указательных, вопросительных местоимениях, парадигма склонения включает пять-шесть падежных форм. Однако несмотря на частичную фиксацию местоимений, материалы первых грамматик имеют большую ценность для диахронического исследования.

Основоположником научного описания морфологической структуры удмуртского языка, в т. ч. категорий местоимений, стал академик Санкт-Петербургской академии наук Ф. Й. Видеманн. В 1851 году в «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» системному анализу были подвергнуты многие явления удмуртского языка. Большинство выводов ученого актуальны и на сегодняшний день. В другом его исследовании «Grammatik der sytjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» [1884] представлен сравнительный анализ близкородственных удмуртского и коми-зырянского языков, указаны общие и отличительные черты падежного словоизменения местоимений. Впоследствии материал из данных трудов стал научной базой для исследования становления парадигмы склонения личных местоимений пермских языков [Uotila 1936].

Третий период изучения местоимений приходится на первые десятилетия становления собственно удмуртских ученых-лингвистов. В 1920–1930-е годы составители грамматик, учебников по удмуртскому языку вновь обращаются к традициям описания местоимений русского языка, что было обусловлено

отсутствием возможности использования научных достижений предыдущего поколения финно-угорских исследователей, большей частью зарубежных, а также стремлением «упростить» обучение широких масс населения, параллельно осваивавших государственный русский язык, подстраивая описание явлений удмуртского языка под традиции, выработанные в русской лингвистике. Тем самым данный период можно охарактеризовать как «шаг назад» в научном осмыслении класса местоимений.

С выходом в свет «Грамматики современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» в 1962 году был установлен стандарт описания морфологических категорий частей речи, в т. ч. и местоимений, который, за редкими исключениями, остается неизменным.

Многие ученые подчеркивают изобилие форм личных местоимений. В настоящее время в удмуртском языкознании представлена классификация местоимений по 12 лексико-семантическим разрядам, 6 из которых личные местоимения различного происхождения.

Благодаря отечественным и зарубежным лингвистам изучена историческая морфология местоимений, проведены реконструкции местоименных основ. В удмуртской лингвистике довольно подробно рассмотрены грамматические категории падежа местоимений, но неразработанными остаются категории числа, лица и принадлежности (посессивности).

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Существующие классификации и принципы дифференциации личных местоимений

В удмуртском языке, как и во всех финно-угорских языках¹⁶, существует серия личных местоимений. В удмуртской лингвистической традиции выделяют от двух до шести разрядов личных местоимений. В «Кратком очерке грамматики удмуртского языка» выделены девять разрядов местоимений (см. рисунок 1), в том числе личные и усилительно-личные [Первошиков 1956: 1317–1318].

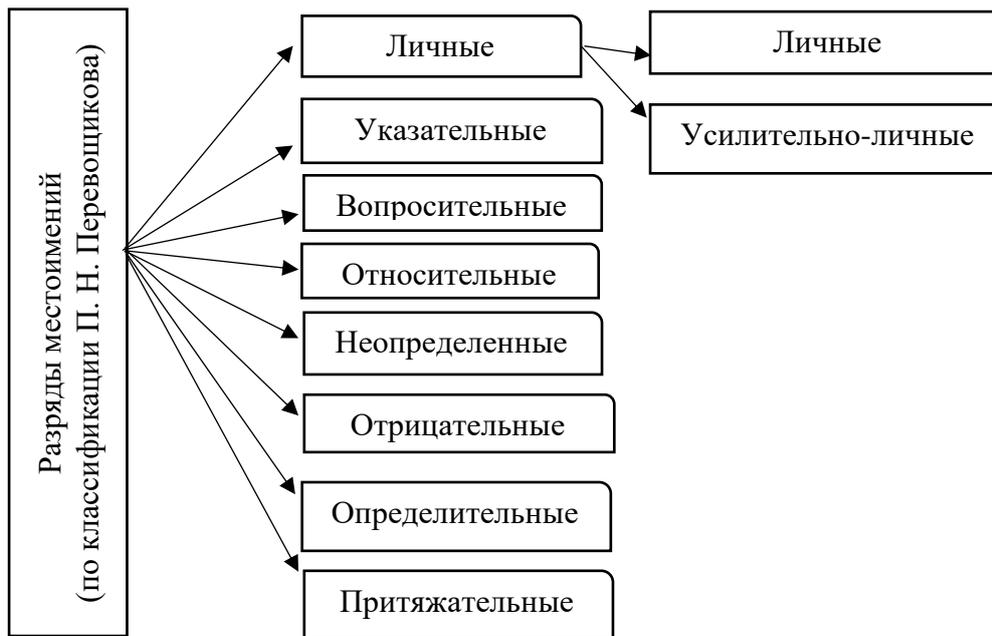

Рисунок 1. Разряды местоимений по классификации П. Н. Первошикова (1956).

¹⁶ Э. Н. Сетяля в финском языке, кроме личных, выделяет местоимения «с посессивными суффиксами»: рефлексивные «refleksiivipronomina (itsekohtaisena)», имеющие ед. ч. и мн. ч., и взаимные «resiprookkipronomina», только мн. ч. [Setälä 1930: 82]. В мокшанском языке М. З. Левина рассматривает усилительно-личные, счетно-личные, взаимно-личные местоимения [Левина 2003: 9]. В коми языке исследователи тоже выделяют серию личных местоимений от трех до пяти разрядов: собственно-личные, усилительно-личные, взаимно-личные [КОГКЯ: 877–878], авторы научного труда «Современный коми язык» добавляют счетно-личные и послеложно-личные [СКЯ: 192–193]. Г. В. Федюнева в коми-зырянском языке выделяет личные и неличные местоимения. К первым относит собственно-, усилительно-, счетно-личные и личные формы обобщенно-определятельных местоимений [Федюнева 1990: 13–17].

В «Грамматике современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» выделены три разряда личных местоимений: личные, лично-определятельные (в совр. усилительно-личные), взаимно-личные (см. рисунок 2) [ГСУЯ 1962: 167, 182].

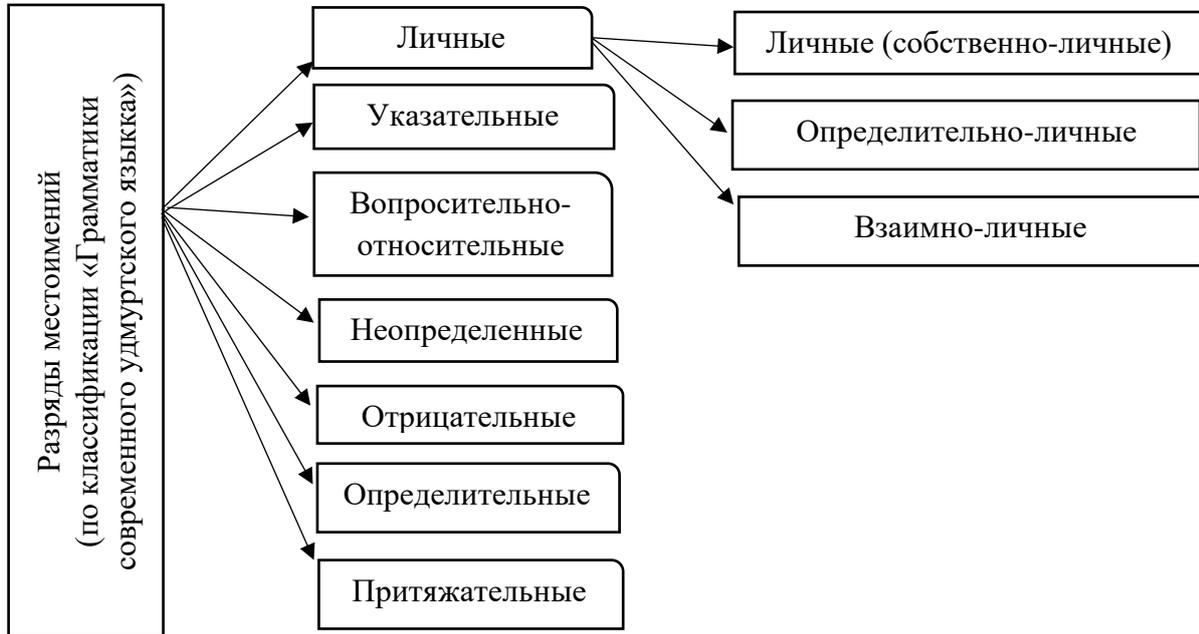

Рисунок 2. Разряды местоимений по классификации И. В. Тараканова (1962).

Впоследствии В. И. Алатырев обособил в отдельный разряд счетно-личные и выделил группу с обобщительно-личным значением в составе обобщительно-определятельных местоимений (см. рисунок 3) [Алатырев 1983: 578].

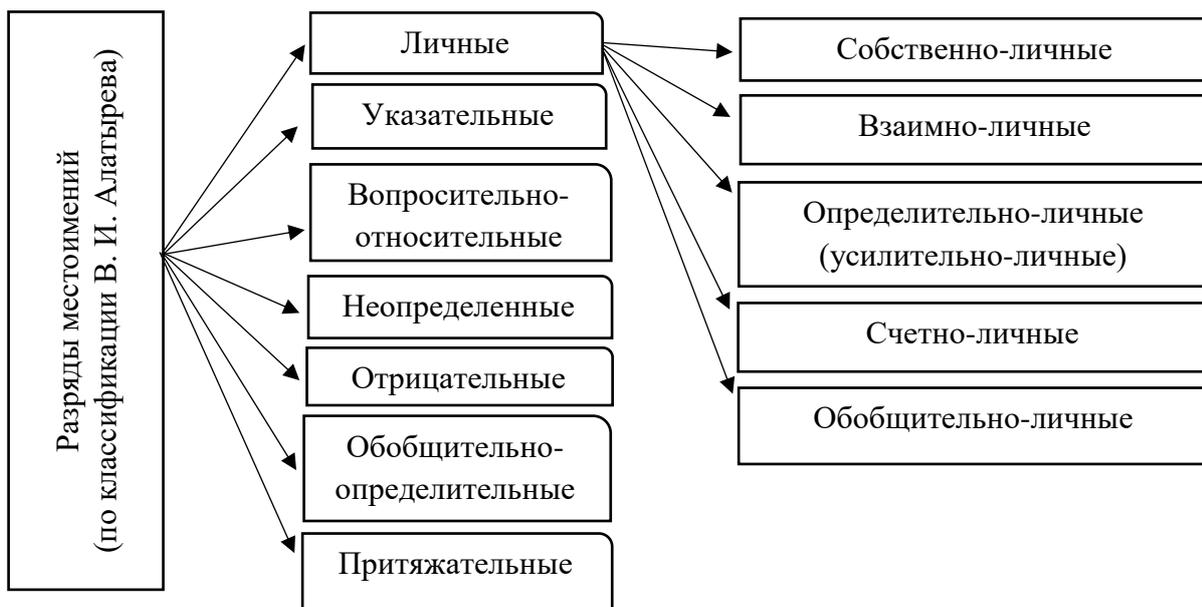

Рисунок 3. Разряды местоимений по классификации В. И. Алатырева (1983).

Спустя 20 лет, В. И. Тараканов обобщительно-личные местоимения стал рассматривать как особый разряд, а также в состав местоимений ввел послеложно-личные образования. В учебном пособии для студентов «Туала удмурт кыл: Нимвоштос» и научно-учебном издании «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» выделено шесть разрядов личных местоимений: «1) ас мурто (собственно-личной); 2) кужмоятэм мурто (усилительно-личной); 3) ваче мурто (взаимно-личной); 4) лыдъяно мурто (счетно-личной); 5) огъя мурто (обобщенно-определяющей)¹⁷; 6) нимберо мурто (послеложно-личной)» [Тараканов 2003: 4; УКК 2011: 109].

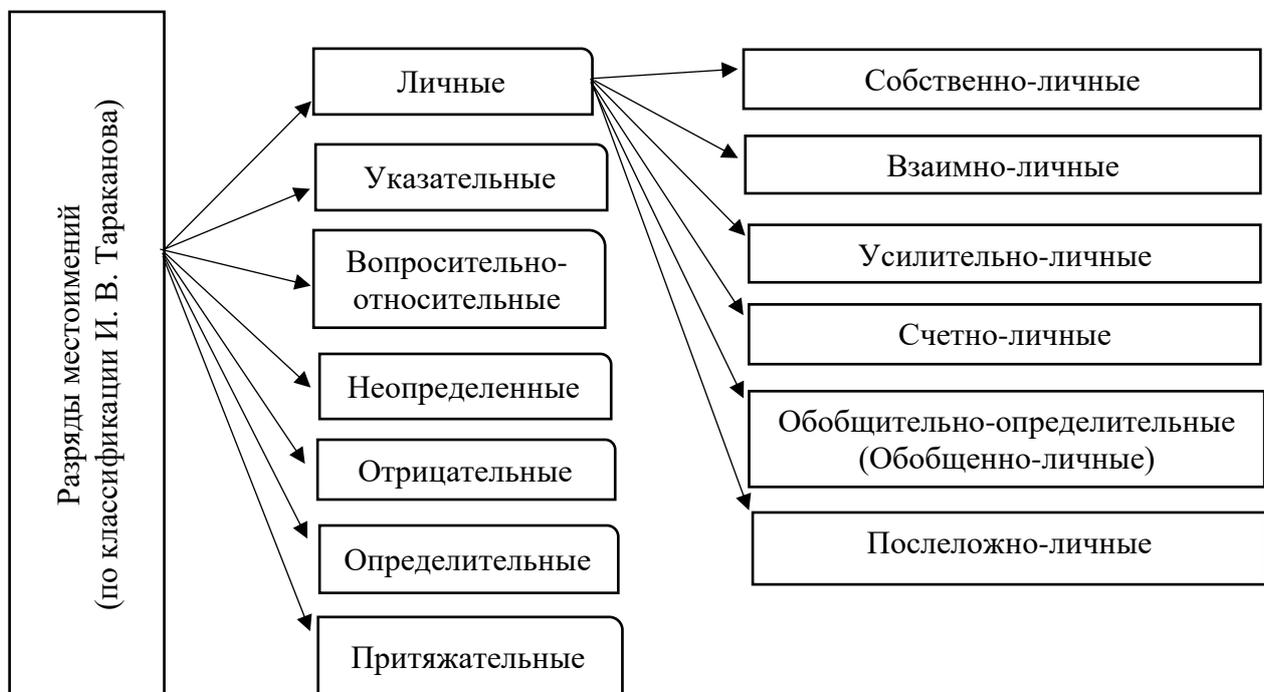

Рисунок 4. Разряды местоимений по классификации И. В. Тараканова (2003).

Под термином «личные» подразумеваются не только личные местоимения первичного происхождения¹⁸, но таковыми называют и всю группу местоимений, образованных личными суффиксами и имеющих отсылку к говорящему / говорящим, адресату / адресатам, объекту / объектам речи, напр., усилительно-

¹⁷ Дословный перевод с удмуртского – «обобщенно-личные».

¹⁸ Часто в литературе можно встретить их конкретизированное название «собственно-личные» в различном орфографическом оформлении.

личные: *ачим* ‘я сам’ / *асьмеос* ‘мы сами’, *ачид* ‘ты сам’, *асьтэос* ‘вы сами’, *ачиз* ‘он сам’ / *асьсэос* ‘они сами’. В большинстве семантических разрядов присутствуют лишь местоимения мн. ч., указывающие на совокупное множество лиц: *ог-огмы* ‘мы друг друга’, *ог-огды* ‘вы друг друга’, *ог-огзы* ‘они друг друга’ или *ваньмы* ‘все мы’, *ваньды* ‘все вы’, *ваньзы* ‘все они’. Счетно-личные ед. ч. могут быть образованы лишь от числительного *одйг* (*ог*) ‘один’.

В «Грамматике современного удмуртского языка» критерием выделения в отдельный разряд взаимно-личных, в особую группу лично-определятельных (или усиленно-личных) местоимений являются морфемный и морфологический признаки личных местоимений: а) употребление с соответствующими личными суффиксами либо в сочетании с личными местоимениями, б) способность изменяться только по субъектно-объектным и направительному падежам [ГСУЯ: 170–172, 182–184]. В данном случае представлено широкое понимание, когда все местоимения, содержащие в структуре лично-притяжательный суффикс, относят к личным [Майтинская 2009: 140].

Морфемного критерия выделения местоимений в разряд личных придерживаются многие исследователи пермских языков. Например, Д. В. Бубрих в «Грамматике литературного коми языка» указывает на изобилие местоимений, обладающих грамматической категорией лица, и описывает случаи образования личных местоимений от основ указательного местоимения *сийö-* ‘тот’, обобщительного *став-* ‘все, весь’, противопоставительного *мöд-* ‘другой’, вопросительного *код-* ‘кто’ и производных от него неопределенных, отрицательных, определятельных, когда они употребляются с личными суффиксами. Лингвист говорит, что соотносительные местоимения и местоименные слова, и некоторые количественные имена «могут проникаться личной местоименностью и претворяться в личные местоимения особых порядков» [Бубрих 1949: 116–117]. Данная специфика присуща не только коми языку, но и удмуртскому, о чем свидетельствуют рассмотренные выше классификации В. И. Алатырева и И. В. Тараканова.

В «Кратком очерке грамматики коми языка» авторы различают личные формы вопросительно-относительных, отрицательных, обобщительно-определятельных

местоимений, образованных при помощи личных (определенно-личных) суффиксов: *кодным / кодныд / кодныс* ‘кто, который из нас / вас / их двоих’, *некодным / некодныд / некодныс* ‘никто из нас / вас / их двоих’, *некоднанным / некоднанныд / некоднанныс* ‘никто из нас / вас / их двоих’, *ставным / ставныд / ставныс* ‘мы / вы / они все’ и другие [КОГКЯ: 883, 885]. Г. В. Федюнева в главе «Нимвежтас» (‘Местоимения’) коллективной монографии «Öнiя коми кыв. Морфология» (‘Современный коми язык. Морфология’) в качестве личных местоимений рассматривает четыре разряда: собственно-личные («тырвыйö морта»), усилительно-личные («вынсьöдан-морта»), обобщенно-[личные] («ötвывтан»), счетно-личные («лыда-морта»), указывает, что остальные разряды неличные [ÖКК 2002: 157]. Хотя в составе вопросительно-относительных, неопределенных, определительных и отрицательных местоимений выделены группы местоимений в личной форме от местоимения *код-* ‘который’, представлены парадигмы их склонения, аналогичные, например, счетно-личным местоимениям, в отдельные семантические разряды в качестве личных местоимений они не выделены [Там же: 188, 190–191, 194].

Однако морфемный признак не является отличающей особенностью личных и неличных местоимений: такие слова как *маид* ‘что твое’ с суффиксом 2-го лица ед. ч., *номырмы* ‘ничего нашего’ с показателем 1-го лица мн. ч. личными местоимениями не являются. Данные формы не соотнесены в качестве субъектов – участников речи, и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве личных местоимений, поскольку они обозначают лишь принадлежность единичному или множественному обладателю.

Другого критерия выделения вторичных личных местоимений, семантического, придерживается один из ведущих удмуртских диалектологов Т. И. Тепляшина. Исследуя язык бесермян, она указывает, что класс личных местоимений в широком смысле подразделяется на несколько разрядов, «объединяет общее их свойство – указывать на принадлежность личности» [Тепляшина 1970а: 183]. К сожалению, исследователь не дает конкретного определения категории личности.

Таким образом, в удмуртском языкознании до сих пор не выделены четкие критерии дифференциации личных местоимений от неличных. Ни наличие лично-притяжательных суффиксов в структуре местоимения, ни указание на принадлежность личности не позволяют провести отчетливую границу между личными и остальными местоимениями. В удмуртском языкознании не сформулированы значимые признаки выделения личных местоимений вторичного происхождения от основ числительных, местоимений, послелогов, поэтому существует вероятность ошибочного включения в состав личных местоимений слов, не являющихся таковыми [Пантюхина 2024б: 47].

Критерии выделения личных местоимений должны объединять морфемный, синтаксический, семантический признаки. Содержательным критерием может стать тип референции. Местоимения 1-го и 2-го лица привязаны к речевой ситуации, отсылают к его участникам, обозначают говорящего и слушающего в данном речевом акте. Местоимения 3-го лица отсылают к высказыванию (или тексту), в состав которого они входят, всегда имеют свой антецедент [Падучева 2024: 133]. 1 sg. выражает субъекта речи и субъекта действия, 1 pl. – группу лиц, в состав которой входит субъект речи; 2 sg. выражает адресата речи, 2 pl. – адресатов речи или группу лиц, в состав которой входит адресат / адресаты речи; 3-е лицо ед. ч. отсылает к объекту (неучастнику) в широком смысле, 3-е лицо мн. ч. – к объектам (неучастникам) речи.

Ведущее значение при разграничении личных местоимений, нам кажется, может иметь положение, что «личные местоимения выделяются не только логически, но и грамматически (например, по согласованию личных глагольных окончаний)» [Майтинская 2009: 140]. Грамматическое согласование местоимения-подлежащего с глаголом-сказуемым по лицу может служить синтаксическим признаком, позволяющим выделить личные местоимения. В своей работе мы опираемся на положение, что *грамматическая категория лица местоимений является классифицирующей категорией и представляет собой систему противопоставленных и взаимоисключающих лексем, непосредственно коррелирующих с отношением действия к его субъекту-исполнителю.*

Из приведенного определения вытекают следующие утверждения: 1) если местоимение с лично-притяжательным суффиксом не координирует с вербальной формой соответствующего лица, такое местоимение не имеет грамматической категории лица; 2) если словоформы, образованные от одной основы и содержащие лично-притяжательные аффиксы, сочетаются исключительно с формами глаголов третьего лица, то они лишены категории лица и характеризуются лишь грамматической категорией притяжательности; 3) важным признаком личного местоимения является его синтаксическая роль и способность использоваться в функции подлежащего; 4) при дифференциации разряда личных местоимений приоритет следует отдавать грамматическим характеристикам местоимений 1-го и 2-го лица, а местоимения 3-го лица, в силу своей семантики, будут автоматически включены с ними в одну лексико-грамматическую группу.

На основе вышеизложенных семантических и грамматических признаков дифференциации личных местоимений, в следующих параграфах рассмотрены, во-первых, некоторые разряды местоимений, определяемые традиционной грамматикой как личные, во-вторых, местоимения, не получившие подробного описания и официального статуса личных.

2.2. Послеложно-личные местоимения

В удмуртском языке, как и во многих финно-угорских языках, в отдельный разряд личных местоимений обособляют группу послеложно-личных: «Когда послелог обслуживает личное местоимение, но последнее опущено, лицо местоимения выражено только лично-притяжательным суффиксом, присоединяемым к послелогу. <...> в предложении употребляется как полноправный член. Подобные образования в финно-угорском языкознании справедливо обозначаются термином “послеложно-личные местоимения” или “послеложные местоимения”» [Майтинская 1982: 73–74].

Например, в предложении *Та агроном ми пöлын самой егитэз вал* (НКУЯ). ‘Этот агроном среди нас был самым молодым’ послеложно-местоименное сочетание *ми пöлын* ‘среди нас’ без утраты смысловых нюансов предложения

можно заменить на так называемое послеложно-личное местоимение *пõламы* ‘среди нас’, которое образовано от послелога *пõлын* ‘среди, в’ присоединением суффикса 1-го лица *-мы*. Новая лексема напоминает форму инессива притяжательного субстантивного склонения, что неудивительно, поскольку большинство послелогов возникло от имен существительных. Однако не всегда служебное слово, оформленное посессивным суффиксом, становится самостоятельной единицей. В сочетаниях с именами существительными и местоимениями оно останется в разряде незнаменательных лексем: *Семья пõламы басьтомы сое* (НКУЯ). ‘Возьмем его в свою семью’. *Паськыт мылын-кыдын, паськыт сюлэмен тйледды ас пõламы кутомы* (НКУЯ). ‘С огромным желанием, с широкой душой возьмем вас в свой круг’.

Послелог, заменяющий всю послеложную конструкцию, по мнению К. Е. Майтинской, фактически выступает в функции косвенной падежной формы личного местоимения. Так, лингвист делит послелогии современного венгерского языка на способные и не способные образовать падежеподобные формы личных местоимений и считает, что в венгерском языке отпослеложные производные с личными суффиксами можно назвать личными местоимениями: «Очень ярко выступает взаимодействие послелогов с местоимениями: образования типа *melleltem* ‘около меня’, *utánad* ‘за тобой’, и т. д. безусловно ближе к личным местоимениям, чем к послелогам» [Майтинская 1955: 171]. Д. В. Бубрих также указывает на двойственный характер этих слов в коми языке: когда им предшествуют личные местоимения, то формы приобретают характер послелогов, при самостоятельном употреблении они «по внутреннему своему существу являются добавочными падежными формами [личных местоимений]» [Бубрих 1949: 104].

Рассматривать удмуртские послеложные образования с притяжательными суффиксами в качестве падежеподобных форм личных местоимений проблематично в силу нескольких причин. Во-первых, в отличие от венгерского языка, все формы субъектно-объектных падежей личных местоимений повсеместно и вторичных пространственных падежей в северном и бесермянском наречиях образуются исключительно от основы местоимения. Во-вторых, если

каждое значение послеложно-личного местоимения рассматривать как падеж, то существенно увеличится их количество для личных местоимений. В литературном языке так называемые послеложно-личные местоимения образуются от 18 серийных послелогов: *азь*- 'перед', *бер*- 'позади', *борд*- 'возле, к, от', *бёрсь*- 'за, позади, сзади', *вадьс*- 'над, напротив', *виск*- 'между', *вёз*- 'возле, около, от', *выл*- 'над, на, с', *дор*- 'к, от, возле', *котыр*- 'вокруг', *кусп*- 'между', *мышк*- 'сзади', *пёл*- 'среди', *пушк*- 'внутри', *сьёр*- 'с, позади', *ул*- 'под', *урдс*- 'сбоку', *шор*- 'на' и 6 одиночных послелогов: *кож*- 'самостоятельно, без всего', *кузя*- 'по, вдоль', *понна*- 'для', *пумит*- 'против', *пыр*- 'сквозь, через', *сярысь*- 'о, об'. Все это приведет к усложнению морфологического анализа личных местоимений.

Трудности также могут возникнуть и при определении количества падежей, поскольку имеются случаи синонимии послеложных слов, например, от основ *бёрсь*-, *сьёр*- 'позади':

– *Нуизы, лэся! – бёрсязы кыыныз шонтйз Вортча Пужей. – Тйни озьы ужа ни табере, – шуиз со оло аслыз, оло семьяезлы* (Кедра Митрей 1989, 19).

‘– Увели, кажется! – им вслед махнул рукой Вортча Пужей. – Вот теперь так и работай, – сказал он или себе, или своей семье’

Сьёрам анай мар ке кесяськиз – мон ой кылы ни (Батуев 2005, 167). ‘Мама мне вслед еще что-то кричала – я уже не слышал’.

В-третьих, от основ *виск*- 'между', *кусп*- 'между' и *пёл*- 'среди' могут быть образованы лишь формы мн. ч. *куспамы* 'между нами', *куспады* 'между вами', *куспазы* 'между ними' и 3-го лица ед. ч. в значении множественности *куспаз* 'между ними' формы 1-го и 2-го лица ед. ч. образовать нельзя. Поэтому «изобретать» падежи для четырех местоимений из шести нецелесообразно.

Существует несколько точек зрения о частеречной принадлежности послеложных образований. С трактовкой понятия «личные местоимения» в «широком» значении связана позиция авторов «Краткого грамматического очерка коми языка», которые данную группу слов рассматривают как отдельный разряд личных местоимений [КОГКЯ: 904]. Вслед за ними И. В. Тараканов в удмуртском языке выделяет разряд послеложно-личных местоимений. Ученый считает, что в

пермских языках в результате прономинализации послелогов появились особые слова, которые следует выделить в отдельный разряд – послеложно-личные местоимения [Тараканов 2003: 14–15; 2007б: 115]. Они возникли путем присоединения к послелогам лично-притяжательных суффиксов, при этом притяжательные местоимения¹⁹ опускаются [Тараканов 2003: 14–15; 2007б: 116].

Иной точки зрения придерживается Б. А. Серебренников. Он подчеркивает, что в пермских языках послеложные образования нецелесообразно выделять в особый разряд местоимений, поскольку это является способом выражения пространственных отношений у личных местоимений [Серебренников 1963: 200]. «Послеложно-притяжательные слова» (термин автора) Б. И. Каракулов предлагает включить в состав наречий и приводит следующие доводы: «хотя эти структуры указывают на лицо, трудно назвать имя, заменяемое ими. Причислению их к разряду местоимений противоречит и то, что в предложении они могут выполнять только роль обстоятельства <...>. В венгерском языке сочетания местоимения с послелогам в настоящее время считают наречиями и пишут слитно: *emögött, ezellen*» [Каракулов. Электронный ресурс]. Ранее, соглашаясь с позицией К. Е. Майтинской [1982], И. В. Тараканова [2003], мы выделяли их в отдельный разряд личных местоимений. Однако детальный анализ семантики послеложных образований, обстоятельственное значение с указанием на какую-либо часть пространства вокруг говорящего / группы лиц с говорящим, слушающего / группы лиц со слушающим (слушающих) или объекта / объектов речи либо с указанием на образ действия позволяет рассматривать их в качестве наречий, имеющих категорию притяжательности. По нашим подсчетам, в удмуртском литературном языке насчитывается 76 наречий, образованных от послеложных основ и имеющих притяжательные формы. Их синтаксическая роль не ограничивается лишь обстоятельством: они могут выступать в роли дополнения или части составного сказуемого.

---

¹⁹ В качестве притяжательных местоимений И. В. Тараканов наравне с собственно притяжательными *ас* ‘свой’, *асьме* ‘наш, свой (наш)’, *асьтэ* ‘свой (ваш)’, *асьсэ* ‘свой (их)’ рассматривает генитивные и аблативные формы собственно-личных и усилительно-личных местоимений [Тараканов 2007: 116].

2.3. Взаимно-личные местоимения

В финно-угорских языках функционируют местоимения, указывающие на то, что какое-то действие совершается совместно, либо какие-то лица или предметы сравниваются друг с другом. Обозначают их разными терминами: «взаимно-личные», «взаимно-возвратные», «возвратные» местоимения [ГСУЯ 1962: 170; Основы 1976: 165; Елисеев 1993: 101]. Например, в финском языке формы «взаимно-возвратного местоимения построены на базе местоимения *toinen* ‘другой’ с соответствующим лично-притяжательным суффиксом, например, *rakastakaa toistanne!* ‘любите друг друга (вы)!’; по другой модели используется повтор местоимения *toinen*: *rakastakaa toinen toistanne* ‘Любите друг друга!’» [Елисеев 1993: 101]. Марийское местоимение *икте-весе* ‘друг друга’ [Лисова 2001: 157] также имеет в своем составе основу *весе* со значением ‘другой’, второй компонент *икте* – ‘один’. Взаимно-личные местоимения коми языка *öta-мөд* и *мөда-мөд* также являются составными. В их основе лежат числительные *öт* ‘один’, *мөд* ‘второй, другой’. Части взаимного местоимения соединены между собой элементом *-а*, восходящим к окончанию древнего локатива, который имел значение совместного падежа [Основы 1976: 165]. Эти местоимения в форме именительного падежа употребляются только в послеложных конструкциях: *мөда-мөд вылө видзөдлыны* ‘посмотреть друг на друга’; в остальных же случаях употребляются только с суффиксами косвенных падежей. Они могут иметь две формы: так называемую неопределенную, т. е. личных маркеров (*мөда-мөдлы* ‘друг другу’, *мөда-мөдлысь* ‘друг у друга’), так и лично-притяжательными суффиксами (*мөда-мөднымлы* ‘мы друг другу’, *мөда-мөдныдлы* ‘вы друг другу’, *мөда-мөдныслы* ‘они друг другу’). По словам И. В. Тараканова, в удмуртском языке взаимно-личные местоимения образованы по татарской модели от числительного *ог*, *одйг* ‘один’ [Тараканов 1998: 201]. Г. А. Ушаков пишет, что по семантике взаимно-личные местоимения приближаются к русскому возвратному *себя* [Ушаков 1982: 82].

Разряд взаимных местоимений (*reciprokes Fürwort*) удмуртского языка впервые выделяет Ф. Й. Видеманн. Он отмечает, что в качестве основы взаимных местоимений используется дублированное числительное *ог* (*одйг*) ‘один’, к нему

присоединяются определяющие (притяжательные) суффиксы [Wiedemann 1851: 89–90]. Исследователь не перечисляет все лексемы, а приводит примеры лишь нескольких местоимений: *odyg ogles'*, *og ogly*, *og ogzä*, *ogez ogezly*, *ogdyles' ogdy*, *ogzy ogzez*. Представленные слова имеют следующую морфологическую характеристику: *odyg ogles'* – аблативная форма взаимного местоимения с неосложненной основой *odüg-og-* ‘друг друга’, оно имеет максимально отвлеченную семантику и у него отсутствует номинатив; *og ogly* – датив взаимного местоимения с усеченной и неосложненной основой *og-og-* ‘друг друга’; формами аккузатива и датива местоимения с определительным суффиксом 3 л. ед. ч. *og-ogez* ‘друг друга’ соответственно являются *og ogzä*, *ogez ogezly*, в последнем примере словообразовательная морфема *-ez* присоединена к обоим компонентам основы, а падежный формант – ко второму; *ogdyles' ogdy* – аблатив местоимения *og-ogды*, показатель *-ды* присоединен к обеим частям основы, падежный суффикс – к первой части, *ogzy ogzez* – аккузативная форма *og-огзы*, суффикс *-зы (-з)* присоединен к обоим элементам основы, падежный формант находится в постпозиции.

Взаимное местоимение *odüg-og* не возникло по двум причинам. Во-первых, чтобы избежать омонимии с наречием *odüg-og* ‘иногда’, во-вторых, для выражения объектных и локальных значений, передаваемых номинативной формой с послелогом, уже имеются два взаимных местоимения с отвлеченной семантикой: *og-ogед*, *og-ogез*, речь о которых пойдет ниже.

А. И. Емельянов к разряду реципрокальных местоимений относит слова, образованные от краткой основы *og-og*: *og-ogze* ‘друг друга’ – аккузатив местоимения *og-ogез* ‘друг друга’, *og-ogzilj* ‘они друг другу’ – дативная форма от *og-огзы* ‘они друг друга’ [Емельянов 1927: 157]. Примеры от полной основы исследователь не фиксирует.

Термин «взаимно-личные местоимения» закрепился в удмуртском языкознании, вероятно, после выхода «Грамматики современного удмуртского языка». В ней рассмотрены полные и усеченные формы местоимений мн. ч. *odüg-огмы*, *ог-огмы* ‘мы друг друга’, *odüg-огды*, *ог-огды* ‘вы друг друга’, *odüg-огзы*, *ог-огзы* ‘они друг друга’, в скобках также указаны их аккузативные формы. Отдельно

представлены парадигмы склонения по 8 субъектно-объектным падежам и направительному падежу, с оговоркой, что формы последнего употребляются лишь изредка. В научной грамматике также указано на особенности присоединения словообразовательных и падежных суффиксов: «При склонении взаимно-личных местоимений изменяется только первый или второй компонент. Если изменяется первый компонент местоимения, то обе его составные части принимают притяжательные суффиксы множественного числа. При изменении же второго компонента первый компонент не принимает притяжательного суффикса» [ГСУЯ 1962: 170]. В послеложных сочетаниях служебное слово может размещаться между частями взаимного местоимения, тогда личный суффикс присоединяется к обоим элементам основы [ГСУЯ 1962: 172].

Падежные суффиксы в большинстве форм находятся в постпозиции (например, ген. *ог-огмы-лэн* ‘у нас друг у друга’, абл. *ог-огды-лэсь* ‘от вас друг от друга’, абес. *ог-огзы-тэк* ‘они друг без друга’), однако в творительном падеже показатель встраивается между основой и личным суффиксом (инстр. *ог-ог-ены-мы* ‘мы друг с другом’). В целом, парадигмы склонения взаимно-личных местоимений аналогичны субстантивному притяжательному склонению с коллективным обладателем.

С точки зрения референции, рассматриваемые местоимения осуществляют контекстуальное замещение, а именно, отсылают к группе лиц, выполняющих действие. Такую отсылку можно разбить на элементы. Например, в предложении *Глашаез мон урод уг кариськы, **огмылы огмы** чурит кылмес вераммы öвөл...* (Красильников 1962, 120). ‘Я Глашу не понижаю, у нас друг другу [ни одного] обидного слова не сказано’ значение *огмылы огмы* можно разделить на: «ни я не сказал Глаше ни одного обидного слова», «ни Глаша не сказала мне ни одного обидного слова».

Рассматриваемые местоимения обычно употребляются при именах существительных и при других местоимениях и согласуются с ними в лице и числе. Такие же свойства «взаимно-личных местоимений» отмечены и в коми-зырянском языке [СКЯ 1955: 196].

Синтаксические функции реципрокальных местоимений имеют некоторые особенности. На конкретных примерах рассмотрим, в роли каких членов предложений могут они выступать: *Ойдо, огмы доры огмы* (ном., обстоятельство) *ветлытэк ум улэ, мукет дырря пырыкуды куно каром ини, пиосы...* (Красильников 1976, 105). ‘Айда, не будем же жить, не навещая друг друга, когда зайдете в следующий раз, [тогда] уж угостим вас, парни’; *Ми соин огмес огмы* (акк., дополнение) *дотова яратйськом* (Красильников 1976, 130). ‘Мы с ней друг друга так сильно любим’;

Малы сокем лоптыса ог-огды (ном., дополнение) *сярысь мадиськоды?* (НКУЯ). ‘Почему так воодушевленно рассказываете друг о друге?’; *Огдэс огды* (акк., обстоятельство) *яратыса но куспады тупаса гинэ улэ ни* (Красильников 1976, 170). ‘Живите же любя друг друга и ладя между собой’; *Уд кельшиське шат ог-огдылы* (дат., дополнение)? (НКУЯ) ‘Разве не похожи вы друг на друга?’;

Пересьлэсь шонаськыса кошкемзэ учкыса сьлэм бере, Гаянэн Италмас лушкем ужез тодэм тусэн огзы шоры огзы (ном., обстоятельство) *учкизы* (Коновалов 1990, 26). ‘Постояв глядя, как шатаясь уходит старик, Гаян с Италмас переглянулись друг с другом с [таким] видом, будто узнали о тайном деле’; *Ас бераз, Люба сяна, вить нылли кельтйз – кесяськем дйсен, огзылэсь огзы* (абл., определение) *пичиесь* (Медведев 2006, 19). ‘После себя, не считая Любы, оставил пятерых детей – в рваной одежде, один другого младше’.

Рассмотренные предложения являются либо двусоставными, в которых подлежащее выражено собственно-личным местоимением, а глагол-сказуемое принимает в соответствии с ним личную форму (например, *Ми соин огмес огмы дотова яратйськом*), либо определенно-личные предложения, где вербальная форма, благодаря своему лично-числовому суффиксу, включает указание на определенное лицо (например, *Малы сокем лоптыса ог-огды сярысь мадиськоды?*). Ни в одном из примеров взаимно-личные местоимения не выступают в роли подлежащего. Основная (номинативная) форма взаимных местоимений, которая могла бы взять на себя синтаксическую роль подлежащего, употребляется лишь в сочетаниях с послелогоми, выступая второстепенным членом предложения. И, как было сказано выше, «эти

местоимения обычно употребляются при именах существительных и при других местоимениях и согласуются с ними в лице и числе» [ГСУЯ 1962: 170], поэтому словообразовательные суффиксы *-мы*, *-ды*, *-зы* нельзя в полной мере охарактеризовать как личные, скорее они посессивные либо определительные. Подобное явление наблюдается, к слову, в самодийских языках, где лично-притяжательные показатели имен, помимо обозначения собственно притяжательности, часто служат для выражения определенности имени, то есть выступают как своего рода постпозитивный определенный артикль [Хайду 1985: 123]. На использование личных суффиксов удмуртского языка в значении определенного артикля указывают и другие исследователи [Каракулова 2001: 110; Winkler 2011: 66].

Данный случай словообразования, когда притяжательный суффикс образует новую лексему, в удмуртском языке не единственный. Возможность преобразования притяжательных суффиксов в деривационные рассмотрена в нескольких публикациях удмуртских лингвистов [Тепляшина 1975б; Кельмаков 2014а]. Так, «показатель 3-го лица множественного числа обладателя *-зы* (*валзы* 'их лошадь', *корказы* 'их дом') в сочетании с некоторыми терминами родства не только указывает на множество обладателей (*анайзы* 'их мать' – анай 'мать', *атайзы* 'их отец' – атай 'отец' и др.), но и служит для образования отдельной семантической группы слов, обозначающих свойственников: *анайзы* 'свекровь', *атайзы* 'свекор', *агайзы* (агай 'дядя') 'деверь') и др.» [Кельмаков 2014а: 191]. В рассматриваемых нами лексемах притяжательные суффиксы мн. ч. также образуют новые слова.

Категорией лица также не обладают и взаимные местоимения ед. ч., образованные суффиксами нулевым, *-ед*, *-ез*: *ог-ог-ø-лы*, *одйг-ог-ø-лы*, *ог-огед*, *одйг-огед*, *ог-огез*, *одйг-огез* 'друг друга'. Местоимение *ог-ог-ø-лы*, *одйг-ог-ø-лы* 'друг другу' представлено в дативной форме, той, в которой зафиксировано впервые Ф. Й. Видеманном [Wiedemann 1851: 89], поскольку парадигма склонения неполная. Опрос носителей языка с использованием метода языкового эксперимента (использовались фразы и словосочетания с разными падежными формами данного местоимения) показал, что, кроме номинатива, у данного местоимения отсутствует

и генитив (*өг-өглэн*, *өдйг-өглэн*), аккузатив *ог-огез* (*яратыны*) ‘друг друга (любить)’ совпадает с номинативом другого взаимного местоимения.

Рассматриваемые слова не имеют статуса отдельных лексических единиц, лишь в словаре Т. К. Борисова «Удмурт-зуч кыллюкам» («Удмуртско-русский словарь») выделена отдельная лексема *огедлы-огед* ‘один другому, друг другу, взаимно’ [Борисов 1991: 2–4], но не указана часть речи, к которой относится слово. В «Удмуртско-русский словарь» [УРС 1983] включено местоимение *ог-огед* ‘друг друга’, но не как отдельная лексема, а как пример употребления местоимения *ог-огды* ‘вы друг друга’: *ог-огдэ валаны* ‘понимать друг друга’ (дана форма аккузатива), *ог-огедлы юрттыны* ‘помогать друг другу’ (как пример формы датива). Квалификация местоимения *ог-огед* ‘друг друга’ как падежного варианта взаимно-личного местоимения *ог-огды* ‘вы друг друга’ ошибочна, поскольку и семантика, и парадигма склонения (см. Таблица 1) данных слов различны:

Таблица 1. Склонение взаимных местоимений мн. ч.

Падежи	<i>ог-огед</i> ‘друг друга’	<i>ог-огды</i> ‘вы друг друга’
Номинатив	<i>ог-огед</i> <i>огед оged</i>	<i>ог-огды</i>
Аккузатив	<i>ог-огд-э</i> <i>огед огд-э</i> <i>огд-э оged</i>	<i>ог-огд-эс</i> / <i>ог-огд-эсты</i>
Генитив	<i>ог-огед-лэн</i> <i>огед-лэн оged</i>	<i>ог-огды-лэн</i>
Датив	<i>ог-огед-лы</i> <i>огед-лы оged</i>	<i>ог-огды-лы</i>
Аблатив	<i>ог-огед-лэсь</i> <i>огед-лэсь оged</i>	<i>ог-огды-лэсь</i>
Инструменталь	<i>ог-ог-ен-ыд</i> <i>ог-ен-ыд оged</i>	<i>ог-ог-ены-ды</i>
Абессив	<i>ог-огед-тэк</i> <i>огед-тэк оged</i>	<i>ог-огды-тэк</i>
Адвербиаль	<i>ог-огедъ-я</i> <i>огедъ-я оged</i>	<i>ог-огды-я</i>
Аппроксиматив	-	<i>ог-огды-лань</i>

О существовании в удмуртском языке взаимных местоимений ед. ч. нет упоминаний ни в «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962], ни

в научно-учебном издании «Удмурт кыллэн кыдкабтодосэз (морфологиез)» [УКК 2011], ни в грамматическом очерке к «Удмуртско-русскому словарю» [УРС 2008].

Парадигмы склонения местоимений ед. ч. представлены в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук В. К. Кельмакова «Кукморский диалект удмуртского языка», которая, к сожалению, не опубликована отдельной монографией, поэтому часть результатов научных изысканий до сих пор не введена в научный оборот. Ученый рассматривает местоимения *og-oget*, *og-ogez* как взаимно-личные 2-го и 3-го л. ед. ч., но переводом сопровождает формы винительного падежа *ogde-oget* ‘вы вдвоем друг друга’, *ogze-ogez* ‘они вдвоем друг друга’ [Кельмаков 1970б: 345].

При склонении местоимения *odüg-ogly* (*og-ogly*) падежный аффикс присоединяется ко второй части, парадигма словоизменения представляет собой простое склонение. Местоимения *odüg-oged* (*og-oged*)²⁰ и *odüg-ogez* (*og-ogez*) образуют формы по притяжательному типу склонения с единичным обладателем, что наглядно представлено в таблице 2:

Таблица 2. Склонение взаимных местоимений ед. ч.

Падежи	<i>og-ogö-</i> ‘друг друга’	<i>og-ogedö</i> ‘друг друга’	<i>og-ogezö</i> ‘друг друга’
Номинатив	-	<i>og-ogedö</i> <i>oged oged</i>	<i>og-ogezö</i> <i>ogez ogez</i>
Аккузатив	<i>og-ogez</i> ‘друг друга’	<i>og-ogd-э</i> <i>oged ogd-э</i> <i>ogd-э oged</i>	<i>og-ogz-э</i> <i>ogez ogz-э</i> <i>ogz-э ogez</i>
Генитив	-	<i>og-oged-лэн</i> <i>oged-лэн oged</i>	<i>og-ogez-лэн</i> <i>ogez-лэн ogez</i>
Датив	<i>og-og-лы</i>	<i>og-oged-лы</i> <i>oged-лы oged</i>	<i>og-ogez-лы</i> <i>ogez-лы ogez</i>
Аблатив	<i>og-og-лэсь</i>	<i>og-oged-лэсь</i> <i>oged-лэсь oged</i>	<i>og-ogez-лэсь</i> <i>ogez-лэсь ogez</i>
Инструменталь	<i>og-og-ен</i>	<i>og-og-ен-ыд</i> <i>og-ен-ыд oged</i>	<i>og-og-ен-ыз</i> <i>og-ен-ыз ogez</i>
Абессив	<i>og-og-тэк</i>	<i>og-oged-тэк</i> <i>oged-тэк oged</i>	<i>og-ogez-тэк</i> <i>ogez-тэк ogez</i>
Адвербиаль	<i>og-ogъ-я</i>	<i>og-ogedъ-я</i> <i>ogedъ-я oged</i>	<i>og-ogezъ-я</i> <i>ogezъ-я ogez</i>

²⁰ Описанный выше опрос также показал, что полные формы используются редко либо не используются вовсе.

Использование в речи падежных форм от основы *ог-ог-* единично, нет случаев его употребления с послелогоми: *Ог-оглэсь вуззэ басьтон – Со өвёл шат эшьяськон?* ‘Покупка друг у друга товара – разве не есть дружба?’; *Котькудйз нырысь ас семьяысьтыз висисьлэн палатаяз пыра но берло, лушкаськись музэн ог-оген*²¹ *ваче син пумиськонтэм вылысь, мукетаз выже* (Никифоров 1995, 64). ‘Каждая сначала заходит в палату больного из своей семьи, а потом, словно вор, чтобы не встречаться глазами друг с другом, переходит в другую [палату]’; *Ог-огтэк мёзмыт* (Иднакар, 2018). ‘Друг без друга тоскливо’.

Нами найдены два примера употребления взаимного местоимения от основы *одиг-ог-* (графическая передача речи, орфография оставлены как в источнике): *Вуж улондыр ‘я кызьы страховка пуктэмын вал. Одиг-оглы юрттон вылымтэ, узырлы-узырмон гинэ вылэм* (Азылань. 1925, № 17 (2 июня), с. 1). ‘В старые времена как была организована страховка. Это не была помощь друг другу, только [возможность] богатому разбогатеть’; *Гуртэ бертыкызы кенешысь, удмуртын одиг оглэсь юало: мае бен со вераз-мачкиз-мон номрено эй вала*» (Азылань. 1925, № 53 (30 окт.), с. 3). ‘Возвращаясь домой с собрания, удмурты друг друга спрашивают: «О чем же он говорил-рассказывал? Я ничего не понял»’.

Редки случаи словоупотребления местоимения *ог-огез:* в тестовых текстах не зафиксированы, представленные ниже примеры – результат частичной выборки: *Нош артель яке коммуна луиз ке, соку улон чылкак воштйськоз, соку ини крестьян калык огзэ огез сюпсыса уз ул, пунэм тыронэн уз кекаты* (Гаврилов 1982, 195). ‘А будет артель или коммуна, тогда жизнь совершенно изменится, тогда уже крестьяне не будут изводить друг друга, не будут душить долгами’; *Адями, пе, сьёсь мылдыдо луиз, ог-огезлы гозы кыч дася...* (Гаврилов 1982, 415) ‘Человек, мол, жестоким стал, друг другу петлю из веревки готовят (букв. готовит)...’; *Сьёд эгыр но чыж лемлет югдон... Макем со ог-огезлэсь пöртэм! Но озьы тйни берга улон – Мар быре, вылез отчы потэ* (Белоногов 2016, 14). ‘Черный уголек и ярко-розовый рассвет... Насколько они друг от друга отличны! Но даже и так крутится жизнь – [Взамен

²¹ Имеется и омонимичное форме творительного падежа наречие: *Ог-оген ыштылй эшьёсме...* (НКУЯ). ‘По одному терял своих друзей’.

тому], что исчезает, новое появляется'; *Чеберьяло биграос улон котырзэс, оgezлэсь оgez ортчыны турттыса кадь, кильтрес наличникъёс, буюм решёткаос лэсьтыло* (Красильников 1976, 66). 'Украшают бигринцы свои жилища, как будто стараясь обогнать друг друга, делают узорные наличники, окрашенные решетки'; *Мар-о, оgшоры гинэ тупамын яке ваньмыз та оg-огеныз герзаськемын?..* (Первошиков 1988, 388). 'Что же это, лишь просто совпало или все связано друг с другом?..'

В диалектных текстах *оg-огез* также малоупотребителен, встречаются лишь единичные примеры: кукм. *ogze ogez todömtе азла / ve'lemzө liömtе* 'Друг друга не знали раньше, не могли ходить (друг к другу)' [Кельмаков 1970б: 487]; южн. *нъл'л'ос оgezлэс' чэбэр оgez карьн тьфртто вал катан'чиоссэс*. 'Девушки старались ткать свои занавески одна красивее другой' [Кельмаков 1978: 84]; сч. *шунды пукс'эмйа, шунды жсужамйа, лызвуйа, ва-н'зэ оg-огзэ гэрзаса, тодыли-зы, пого-да кычэ луоз шуса*. 'По заходу солнца, во восходу солнца, по росе, связав все друг с другом, определяли, какая будет погода' [Карпова 2005: 138].

Чаще употребляются формы взаимного местоимения *оg-огед*. На 250 страницах текста встретилось 5 случаев употребления местоимения *оg-огед*, остальные примеры получены методом частичной выборки: *Такем шумптон вань дыръя, кызыы оged доры оged уд лыкты* (Красильников 1976, 34). 'Когда случается такое счастье, как не придешь друг к другу [порадоваться?]; *Кыче ай кыл шедёз – но оg-огед бордысь пезьдод* (Самсонов 1993, 191). 'Какое еще слово найдется – [вдруг] друг с другом разлучит (букв. и друг от друга отскочишь)'; *Ул вылэм, шуисько, тупаса но оgdэ-огед яратыса гинэ...* (Красильников 1976, 85). 'Жить бы, говорю, лишь мирно и любя друг друга'; *Угось жондйсь ансамблен сэрен оg-огедлы верамез но уд вала* (Ар-Серги 1993, 12). 'Ведь из-за гудящего ансамбля не поймешь сказанное друг другу'; *Оgedлы оged юрттытэк уг луы, туклячи* (Красильников 1976, 88). 'Друг другу помогать приходится, сват'; *Гаян талэсь [Чачабейлэсь] малпамзэ валаз, та арлыдын луись оg-огедлэсь кепыр ваёнэз мырдэм вормыса, Чачабей вёзы интыяськиз* (Коновалов 1990, 20). 'Гаян понял ее [у Чачабей] мысли, с трудом преодолев свойственные для этого возраста смущение друг перед другом, встал рядом с Чачабей'; приклм. *кэр потоно вал оgэдлэс' оgэд* [Загуляева 1981а:

106]. ‘Стеснялись друг друга’; *Чебер сямо, чылкыт мылкыдо, ог-огеныд тупаса по тупаны турттыса улон сярыйс ой луысал ке, нэниймы та кырзанэз, бубымылы вань улытояз утыны шуыса, ноказыы но ой кельтысалыз* (Поздеев. Утыны сйзем кырзан: 168). ‘Если бы эта песня не была красивой, со светлым настроением, о мирной (букв. в согласии друг с другом) жизни и стремлению к ней, наша мама никак не оставила бы ее [песню] отцу, чтобы он хранил всю жизнь’; *Ог-огедтэк улыны уг луы* (Васильев 1991, 78). ‘Жить друг без друга невозможно’.

Из примеров видно, что местоимения *ог-огед*, *одйг-огед*, *ог-огез*, *одйг-огез*, от основы *ог-ог-*, *одйг-ог-* ‘друг друга’ не согласуются с личными формами глагола, в предложении всегда являются зависимыми словами, синтаксически связаны управлением чаще всего с отглагольными существительными, неличными вербальными формами (инфинитивом, безличным глаголом), причастием, деепричастием. Формы в именительном падеже используются только в сочетании с послелогом, выполняют функцию второстепенных членов предложения.

Местоимения *ог-огед*, *одйг-огед*, *ог-огез*, *одйг-огез* ‘друг друга’ содержат обобщительную и эмфатическую семантику. Суффиксы *-эд*, *-эз* выполняют словообразовательную функцию, ни личными (2-го и 3-го лица), ни посессивными они не являются. Употребление притяжательного суффикса 2-го лица ед. ч. имен существительных не только с притяжательным, но и с конкретизирующим значением было отмечено А. И. Емельяновым. «Имена с притяж[ательными] суф[фиксами] 2 и 3 л. ед. ч. не всегда могут означать собственность, а очень часто употребляются для конкретизации понятия, выполняя приблизительно ту же роль, что и определенный член в языках европейских и венгерском. Причем суффикс 2 л. исключительно употребляется в народных песнях и сообщает конкретизируемому им предмету значение дорогого – близкого сердцу певца и слушателей» [Емельянов 1927: 134]. Наблюдения А. И. Емельянова подтверждает и Б. А. Серебренников: «Суффиксы 2 л. ед. ч, 3 л. ед. ч. могут выступать в роли эмфатической выделительной частицы, может быть, даже не связаны с самой идеей определенности предмета. Эмфатически выделенным может быть предмет, употребляемый в речи впервые и совершенно неизвестный говорящему и

слушающему. Эта функция в удмуртском языке развита значительно сильнее, чем в языке коми» [Серебренников 1963: 132, 133]. Отличие суффикса 2-го лица ед. ч. ученые видят в «особой экспрессии, заключающейся в стремлении сделать обсуждаемый предмет более наглядным и осязаемым» [Серебренников 1963: 36]. В системе взаимных местоимений данные суффиксы имеют значение обобщения, причем если представить градацию по степени обобщения, т. е. отдаления от говорящего, то *ог-огед*, *одйг-огед* ближе к говорящему, *ог-огез*, *одйг-огез* – дальше, и максимальная степень обобщения (отдаления) представлена у местоимений от основ *ог-ог-*, *одйг-ог-* [Пантюхина, Кондратьева 2024: 701].

В языке функционируют омонимичные взаимным местоимениям неопределенные местоимения *одйг-огед* ‘кое-кто’, *ог-огед* ‘тж’, *одйг-огез* ‘тж’, *ог-огез* ‘тж’ и неопределенно-личные местоимения *одйг-огмы* ‘некоторые из нас’, *ог-огмы* ‘тж’, *одйг-огды* ‘некоторые из вас’, *ог-огды* ‘тж’, *одйг-огзы* ‘некоторые из них’, *ог-огзы* ‘тж’: *Ми жук сием муртъёс. Ог-огед эрекчаны турттэ вал но өз быгаты.* ‘Мы – люди опытные. Некоторые пытались обмануть (нас), но не смогли’ [ГСУЯ 1970: 53]; *Ог-огез вожъяськоз: кыче капчи солы улыны* (НКУЯ). ‘Кое-кто позавидует: как легко ему живется’; (далее примеры из: [ГСУЯ 1970: 51–52]): *Ог-огез озьы карыны малпа вал.* ‘Некоторые хотели (думали) так сделать’; *Ог-огмы гинэ зор улэ шедимы.* ‘Только некоторые из нас попали под дождь’; *Ог-огды ми доры но ветлйды* ‘Некоторые из вас и к нам ходили’; *Ог-огзы киное кошкыллям* ‘Некоторые из них ушли в кино’.

Имеются омонимичные формы определительного местоимения *огез...огез* ‘один...другой’: *Яратон... Та шөдонлы лубыса огезлэсь огез тунсыко учыръёс лубыло, семьяос кылдыло, нылпиос вордйськыло* (Зечбур. 2022, № 3, с. 2). ‘Любовь... Благодаря этому чувству происходят случаи, один интереснее другого, создаются семьи, рождаются дети’; *Сыче дыръя огез вöзы огез ини: пеймытын пу но уг шедь, шедемез но уг кенжы – оло ке дасо газетэн турскыса но ведь өз ара, нюрысь туй кесяса гинэ ини кызьы но озьы улзиз* (Перевощиков 1988, 412). ‘В такой ситуации одно к одному уж [присоединяется]: в темноте и дрова не попадают, если и

находятся, то не загораются – даже с десятков газет сожгли, но так и не разгорелись, только [когда] в низине собрали бересту, кое-как ожил [костер]’.

Итак, мы считаем, что местоимения *ог-огед*, *одйг-огед*, *ог-огез*, *одйг-огез*, формы от основ *ог-ог-* (*одйг-ог-*) ‘друг друга’, *ог-огмы* ‘мы друг друга’, *ог-огды* ‘вы друг друга’, *ог-огзы* ‘они друг друга’ не наделяны морфологической категорией лица, т. к. они не соотносятся с личными формами глагола, не могут выступать в синтаксической роли подлежащего, в словосочетаниях всегда являются зависимыми словами. Суффиксы *-ед*, *-ез* обладают детерминативно-выделительной функцией, суффиксы мн. ч. – притяжательные. Правильнее рассматривать их как взаимные местоимения.

2.4. Местоимения, образованные от основ вопросительных местоимений *куд-* ‘который’, *кин-* ‘кто’

В удмуртском языке, как отмечает Г. В. Федюнева, кроме местоимения *кин* ‘кто’, широко употребляется форма *куд*, *кудйз* ‘который’ часто в лично-притяжательных формах *кудмы*, *кудды*, *кудзы*, причем только с суффиксами множественного числа [Федюнева 1990: 21–23; 2008а: 262, 263]. Обе основы вопросительных местоимений восходят к финно-угорскому элементу **kǎ* указывавшему на одушевленные существа [Основы 1974: 285]. Для общепермского языка В. И. Лыткин реконструирует обе основы **kod-* и **kin-*, которые отличались тем, что первый обладал усилительным значением, второй указывал на людей: «общепермский *-d* – суффиксальный элемент с усиленным значением <...>, *-n* – суффикс, употребляемый в местоимениях, обозначающих лиц (людей), в отличие от местоимений, обозначающих прочие предметы (не людей)» [КЭСК 1970: 124, 125; Майтинская 1962: 79]. Г. В. Федюнева считает, что местоимение **kod-* первоначально не указывало на одушевленные предметы и «относилось к семантическому ряду избирательно-вопросительных со значением “который из...”» [Федюнева 2008а: 263]. На это указывает дистрибуция в современных коми-пермяцких и удмуртских диалектах, где они не равносильны по своим функциям: «в качестве основного используется местоимение *кин*, основа с

суффиксом *-d* имеет значение «кто из нескольких, из многих» [Федюнева 2008а: 263]. Уже в финно-угорском праязыке имелись семантические различия между **kin-* и **kod-*: первое использовалось, когда речь шла о неизвестном лице, второе местоимение касалось уже известного лица или предмета, которые нужно выделить из числа других [Федюнева 2008а: 266]. В удмуртском языке гласный основы **o* перешел в гласный *y* [Кельмаков 2004б: 110].

Кроме того, вопросительные *куд* ‘который’ и *кин* ‘кто’ являются базой для вопросительно-относительных, неопределенных, отрицательных, определительных местоимений, употребляющихся с лично-притяжательными суффиксами мн. ч. (*-мы*, *-ды*, *-зы*), указывающих на одушевленные субъекты и объекты: *Табере ачид бырйы, кудмы тынад анаед* (НКУЯ). ‘Теперь ты сама выбирай, **которая из нас** твоя мать’; *Кудды ке но вае али мон доры Устиньяез* (Валишин 1978, 166). ‘**Кто-нибудь из вас** приведите ко мне Устинью’; *Онисьёслэн но нокинзы өвёл* (Петров 1959б, 189). ‘И в семье Онисьи **никого** (букв. **никого их** – *Т. П.*) нет’. Статус данных слов не определен. Так, Э. Винклер считает их формами согласования местоимения в словосочетании с главным словом – личным местоимением, причем не устанавливает разницу между «вопросительным *kudmi* ‘кто из нас’ и [указательным] *sodi* ‘тот из вас’» [Winkler 2011: 65].

Удмуртские лингвисты также не дают четких критериев для разграничения местоимений, восходящих к прономинативным корням *кин-* и *куд-*. Они либо рассматривают слова типа *кинды* ‘кто (этот) ваш’ как притяжательные формы местоимения *кин* ‘кто’ и противопоставляют местоимениям типа *кудды* ‘который из вас’, либо ставят их в один ряд. В. И. Алатырев в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» в разделе о вопросительно-относительных местоимениях отмечает, что местоимение *кин* ‘кто’ может «иметь аффиксы притяжательности, числа и лица: *кинэд* ‘кто (этот) твой’, *кинды* ‘кто (этот) ваш’» [Алатырев 1983: 576], т. е. перед нами посессивные формы местоимения *кин*. «Местоимения *кудмы* ‘который из нас’, *кудды* ‘который из вас’, *кудзы* ‘который из них’ склоняются по типу существительных с притяжательными аффиксами» [Алатырев 1983: 576], следовательно, данные слова – отдельные лексические единицы. Однако при

рассмотрении отрицательных местоимений В. И. Алатырев придерживается иной позиции: производные от *кин-* и *куд-* описываются как равные: «Местоимения *нокин*, *нокуд-* могут употребляться с аффиксами, указывающими на лицо и число: *нокинмы* ‘никто у нас’, *нокинды* ‘никто у вас’ <...> *нокудмы* ‘никоторый из (у) нас’, *нокудзы* ‘никоторый из них’» [Алатырев 1983: 576].

И. В. Тараканов справедливо отмечает, что производные местоимения от основы вопросительно-относительного местоимения *куд-* ‘который’ обладают категорией лица: «Оформляясь личными суффиксами, оно (местоимение *куд* – *Т. П.*) имеет собирательно-разделительное значение: *кудмы* «который (или кто) из нас», *кудды* «который (или кто) из вас», *кудзы* «который (или кто) из них» [ГСУЯ 1962: 179]. Однако впоследствии свою идею не развивает и рассматривает данные лексемы в составе вопросительно-относительных местоимений, указывая, что они выделяют кого-то из множества [Тараканов 2003: 23; УКК 2011: 130].

С. В. Едыгарова считает, что лексемы типа *кудды* ‘кто из вас’ и производные от них не могут самостоятельно выражать лицо и обязательно требуют наличия в предложении личного местоимения. «Собирательные *van'-mĭ* ‘все мы’ и некоторые вопросительные *kud-dĭ* ‘который из вас’ сами по себе не обозначают лица, поэтому нуждаются в дополнительном его выражении» [Едыгарова 2010: 130–140]. Однако примеры из художественной литературы дают основание утверждать обратное. Семантика местоимений *ваньмы*, *ваньды*, *ваньзы* ‘все мы, все вы, все они’, *кудмы*, *кудды*, *кудзы* ‘который их нас, который из вас, который из них’ самодостаточна, грамматическая категория лица, выраженная личным суффиксом, не требует вспомогательных средств: *Сотэк кызьы-о тодмасал*, / *Кудмы-о со тусо* (Кизили 2010 № 5/6, 8). ‘Без нее (фотографии – *Т. П.*) как бы я узнал, / Кто (который) из нас похож на него’; *Кудды ворттĭды со коръёсыз?* (Петров 1959б, 90). ‘Кто (который) из вас возил те бревна?’; *Кудзы лэсьтĭллям сыче?* (Красильников 1976, 139). ‘Кто (который) из них сделал такое [изобретение]?’; *Музьем одĭг ук, ваньмы одĭг музьем вылын улĭськомы* (Красильников 1991, 156). ‘Земля-то одна, все мы на одной земле живем’; *Ваньды тазаесь-а?* (Красильников 1976, 247). ‘Все ли вы здоровы?’; *Ваньзы ик серектĭзы* (Гаврилов 1982, 386). ‘Все они рассмеялись’.

Местоимения от основы *куд-* встречаются как в сочетании с личными местоимениями мн. ч., так и самостоятельно; координируют с личными формами глагола; согласуются с притяжательными формами существительных. Кроме значения участника речи, они имеют первоначальное кванторное, неопределенное, обобщенное (либо предельное), отрицательное значения и соотносятся с вопросительно-относительными, неопределенными, определительными, отрицательными местоимениями, поэтому имеет смысл разделить их на лексико-семантические группы:

1. **Разделительно-личные:** — *Öйтөд, Владимир Иванович, кудмы асьмеос улонэз умойгес тодйськом: тй-а, мон-а* (Петров 1987, 265). ‘Не знаю, Владимир Иванович, кто из нас лучше знает (букв. знаем²²) жизнь: вы ли, я ли’; *Сюан гурен, пе, кырзалэ, соку кудмы ке бызём* (НКУЯ). ‘Пойте, мол, [слова] на свадебный мотив, тогда кто-нибудь из нас выйдет замуж’; *Ум тодйське ук, кудмылэн кыче адзонмы* (Голубев 2001, 123). ‘Не знаем же, у кого какая участь’;

Кудды тй толон Ермолинлы верады, люцернаез сюдыны приказ өвөл шуыса? (Самсонов 1979, 283). ‘Кто из вас вчера Ермолину сказал, что пустить люцерну на корм нет приказа?’; *Кудды тазы кариды?* (Петров 1983, 123). ‘Кто из вас так сделал?’;

Кудзы бен соос дуно Васялы? (Гаврилов 1986, 66). ‘Которая из них (букв. которая из них + они) дорога Васе?’; *Со пиос пöлысь кудзы золгес позыртйзы егит кышномурт сюлэмез?* (Валишин 1978, 68). ‘Который из тех мужчин (букв. который из них) сильнее скрутил сердце молодой женщины’;

2. **Неопределенно-личные** образованы с помощью а) частицы *ке*, б) редупликацией основы, в) сочетанием со словом *ог*, г) приставки *оло-*:

а) *Ойдолэ, нылъёс, кудмылэн ке вирмы, оло, зэмзэ ик кулэ луоз* (Самсонов 1979, 93). ‘Пойдемте, девушки, может быть, чья-то кровь (букв. кровь кого-то из нас) действительно понадобится’; *Сяськаос кадь асьмеос но, / Сыче ик чебер, веськытэсь но, / Озы ик кудмы шуяськом. / Бере будыса кылиськом* (НКУЯ). ‘И

²² Далее в примерах все глаголы употребляются во мн. ч. соответствующего лица.

мы похожи на цветы, / Такие же красивые и стройные, / Но среди нас кто-то тоже вянет, / Оставаясь в росте отсталым'²³.

В последнем примере *кудмы* 'который из нас, кто из нас' имеет значение неопределенности 'кто-то из нас' в силу контекста, в котором подразумевается, что вянет часть из нас, а не все мы. Возможно, автор использует здесь усеченную форму неопределенного местоимения *куд-кудмы* 'который из нас, кто из нас', образованного редупликацией основы *куд-*;

Кудды ке ньылетйез борды йотскиды ке, ноку адзылымтэзэ адзылоды (НКУЯ) 'Если кто-то из вас прикоснется к четвертой доле (пойманного лося –Т. П.), увидите то, чего никогда не видели'; *Я, нльёс, возъёсыз погыртэ но, вальёсыз кудды ке конной дворе келялэ* (Гаврилов 1987, 452) 'Ну, девушки, возы переверните, и кто-то из вас пусть отведет лошадей на конный двор'; *Куддылэсь ке вордскем нуналдэс пусйиды, оло?* (Никифоров 1995, 168). 'Может, чей-то (букв. у кого-то из вас) день рождения отметили?';

Тани кудзы ке но вишлям (Петров 1983, 12) 'Вот кто-то из них (богачей) убил'; *Табере шораз умой-умой учкисько – нош ик кудзылэн ке анайзы өвёл-а?* (Данилов 1991, 107). 'Теперь смотрю не нее пристально – не [пришла] ли снова (букв. кого-нибудь из них) мама?';

б) *Тол вылтй куд-кудмы висёмы – / Висёмы кезьытлы чидатэк. / Куд-кудмы быромы, куломы – / Сюй пучкын, муз'емын сисьмомы, / Тулыс туриосыз адзытэк!..* (Герд 1924, 4). 'Зимой кто-то из нас будет болеть (букв. которые-которые из нас будут болеть.)' – / Будут болеть, не вытерпев холода. / Кто-то из нас сгинет, умрет – / В почве, в земле сгниет, / Не увидев весенних журавлей!..'; *Дырен дырен кудзы кудзы йырзэс кур карыса, уг ке vormo огзы вылэ огзы быдзияськыны чагиськыны кутско; vormон дыр'язы нош уш'яськыны кутско* (Гудыри, 1924, № 075 (23 мая). 'Временами кое-кто (букв. которые-которые из них) озлобившись, что не победили, начинают друг на друга жаловаться; когда же побеждают, начинают хвастаться';

²³ Подстрочный перевод, сделанный удмуртским писателем В. Ар-Серги, оставлен в авторской редакции.

в) *Куд-огмы* *õм но тодылэ, таёе газет вань шуыса* (Зечбур! 2012, № 2 (19 янв.)). ‘Кое-кто из нас и не знал, что есть такая газета’; *Кудды-огды газет лыдзиськоды ук* (Медведев 1961, 132). ‘Кое-кто из вас газеты читает же’;

г) *Олокудмы* *ог-огмылы / Огкадь ортчыт оскиськом* (Ганькова 2012, 99). ‘Непонятно кто из нас друг другу сильнее верит’; *Õйтõд, олокудды тй пислэг, олокудды – юбер... Кинлы мар яралоз, асьтэос сиёды...* (Самсонов 1979, 371). ‘Не знаю, кто же из вас синица, кто же из вас – дрозд... Кому что подойдет, сами съедите’;

3. **Определительно-личные** образованы с помощью приставки *коть-*: *Ваньмы ми етйз сямо, / Котькудмы ужась, сюлмо* (НКУЯ). ‘Все мы – бойкие, Каждый из нас работающий, старательный’; *Котькудмы лымымес поттылыны выриськом* (НКУЯ). ‘Каждый из нас пытается расчистить снег’. *Нош котькудмылэн жеч, чылкыт малпанъёсмы Шунды-Мумыен вылие жсутско* (Романова 2015, 151). ‘А хорошие, чистые мысли вместе с Матерью-Солнцем устремляются ввысь’; *Я котькудды тй ас поннады малпалэ али – аслэсьтыз Родиназэ, аслэсьтыз калыксэ яратйсь аядми маке урод лэсьтоз-а ачиз кадь ик советской аядмилы?* (Петров 1983, 144). ‘Теперь вы каждый из вас про себя подумайте – любящий свою Родину, свой народ человек что-нибудь плохое сделает такому же, как сам, советскому человеку?’; *Луылозы, дыр, оген-оген разведкае лобанъёсмы, возъмалэ сычезэ но приказэз, дась но луэ сое котьку но, котькудды но быдэстыны* (Голубев 2001, 66). ‘Наверное, будут одиночные разведочные вылеты, ждите и такой приказ, будьте готовы выполнить его всегда и все (букв. каждый из вас)’; *Гажано эшъёсы, – гожтйз Зина. – Та гожтэтысьтым чуръёсы котькуддылэн сюлмады мед вуоз* (Голубев 2001, 92). ‘Уважаемые друзья, – написала Зина. – Строки моего письма пусть дойдут до сердца каждого из вас’; *Котькудзы йõно, коштан но вылтйяськись тусын вамышъяло* (Самсонов 1995, 34). ‘Все они (журавли – Т. П.) шагают с величавым, модным и горделивым видом’; *Котькудзылэн синъёссы кизилиос кадь чилекъяло но ымныръёссы гужем нюлэскысь вуэм намерлы кельшо...* (Самсонов 1995, 55). ‘У них у всех глаза сверкают, как звезды, и лица похожи на созревшую в летнем лесу костянику’;

4. Отрицательно-личные образованы с помощью приставки *но-* и частицы *но*:

– *Мон татчы лыктыку, кудды мунчо азьысь кошкиды?*

– *Нокудмы но өм...* (Гаврилов 1987, 486). ‘– Когда я шла сюда, кто (который) из вас уходил от бани? – Никто из нас не (ходил)...’; *Огъя вераса, быдэс обвинение йырчукин ветлэ. Кызьы со сярсы судын **нокудмылэн** тодамы өз лыкты* (Петров 1987, 298). ‘Одним словом, все обвинение с ног на голову перевернуто. Как об этом на суде никто из нас не догадался’; *Шат **нокудды** но уд тодйське, уд шөдйське, ньыльнамы пöлысь кивалтонъя мон самой батырез шуыса?* (НКУЯ, 254). ‘Разве никто из вас не знает, не понимает, что из нас четверых в управлении я самый сильный?’; *Шыкыс пушкы аядми пытсалам вылэм, воргоронъёс со сярсы **нокудзы** но тодйллямтэ* (НКУЯ, 142). ‘В сундук, оказывается, заперли человека, никто из мужчин об этом не знал (букв. мужчины об этом никто из них не знали)’; *Атаезлэн со гын сапегез, синпельлы возё, Гришалы сяна уг сёто сое, **нокудзы** но пыдазы уг поно, коть Катялэн, Огырлэн, Жакылэн пыдазы кутчаны сапегзы ке но өвёл* (Кедров 1989, 90). ‘Те отцовские – валенки, на память их хранят, кроме Гриши, никому не дают надевать, хотя у Кати, Огыр и Жакы совсем нет обуви’; *Васяз **нокудзылэн** но армие лэземзы уг поты вал, соин ик та ивор быдэс семьязэс бадзым малпаськонэ уськытйз* (Гаврилов 1986, 49). ‘Васю никто из них не хотел отпускать в армию, поэтому эта новость погрузила всю семью в глубокие размышления’.

Рассмотренные примеры показывают, что производные местоимения от основы *куд-* координируют с личной формой глагола, и согласуются с лично-притяжательной формой главного слова. Они обозначают либо неопределенность группы лиц, включающих говорящего, адресата (адресатов) речи или объектов речи: *олокудмы* ‘кто-то из нас’, *кудмы ке* ‘тж.’, *олокудды* ‘кто-то из вас’, *кудды ке* ‘тж.’, *олокудзы* ‘кто-то из них’, *кудзы ке* ‘тж.’; предельные границы группы лиц, включающих говорящего, адресата (адресатов) речи или объектов речи: *котькудмы* ‘каждый из нас’, *котькудды* ‘каждый из вас’, *котькудзы* ‘каждый из нас’; отрицание группы лиц, включающих говорящего, адресата (адресатов) речи или объектов речи: *нокудмы* ‘никто из нас’, *нокудды* ‘никто из вас’, *нокудзы* ‘никто из них’.

Слова с лично-притяжательными суффиксами от вопросительного местоимения *кин* ‘кто’: *кинэ* ‘кто мой’, *кинэд* ‘кто твой’, *кинэз* ‘кто его / ее’ *кинмы* ‘кто наш’, *кинды* ‘кто ваш’, *кинзы* ‘кто их’ – категорию лица не выражают, являются притяжательными формами²⁴: *кинмы* ‘кто, принадлежащий нам’, так же как и *кинды* ‘кто, принадлежащий вам’, *кинзы* ‘кто, принадлежащий им’ и производные от них имеют значение посессивности: *Ну, вера кинэд тынад со, Костя?..* (Валишин 1978, 148) ‘Ну, говори, кто она тебе (букв. кто твоя она), Костя?..’; *Асьмелэн... кинмы ке луоно кадь, Роман* (Перевощиков 1988, 492). ‘У нас... кажется, кое-кто (букв. кое-кто наш) будет, Роман’; *Кинды Горд Армиын вань шуыса юало* (Коновалов 1990, 381). ‘Спрашивают, кто у вас есть в Красной Армии’; – *Инмар понна, нокинэ ватыса уг возиськы. Кышное, тани та пуные сяна, мушьёсы, атасэн курегъёсы, куинь ыже но парсьпимы вань на. Со сяна, нокинмы өвёл... – пересь чигиськыса ик валэктэ* (Шихарев 1993, 36). ‘Ей-богу, никого не прячу. Кроме жены, вот этой собаки, есть еще петух с курицами, три овцы и поросенок. Кроме этого, никого у нас нет... – старик объясняет, надрываясь’; *Война уго, кинзы ке быремын, луоз* (Загребин 2012, 84). ‘Война ведь, кто-то у них погиб, наверное’.

Могут образоваться и местоимения с показателем мн. ч.: *кинъёсы* ‘кто (более одного), принадлежащий мне’, *кинъёсмы* ‘кто (более одного), принадлежащий нам’ и т. д. Образование же личных форм ед. ч. от местоимения *куд*- ‘который’ типа *кудй в значении ‘который я’, *кудйид ‘который ты’, *кудйиз в значении ‘который он / она’ в удмуртском языке невозможно. Существует вопросительно-относительное местоимение *кудйиз* ‘который’, однако в его состав входит выделительный суффикс *-йиз*, который не содержит в себе значение лица. Образование форм ед. ч. от местоимения *кин* не представляет какой-либо сложности: *кинэ* ‘кто, принадлежащий мне’, *кинэд* ‘кто, принадлежащий тебе’, *кинэз* ‘кто, принадлежащий ему / ей’. На данное различие обратила внимание и

²⁴ Категория притяжательности местоимений исследователями оставлена практически без внимания. Выше мы отмечали, что, пожалуй, лишь удмуртским лингвистом И. В. Яковлевым была высказана мысль, что местоимения могут обладать категорией притяжательности [1930: 42]. С данной точкой зрения мы полностью согласны. Наличие в структуре местоимения лично-притяжательного суффикса вовсе не означает, что перед нами личное местоимение, это может быть лексема с грамматической категорией посессивности.

Г. В. Федюнева, отметив, что кроме удмуртского языка, такие расхождения существуют и в коми-пермяцком: «Эти местоимения (от основы *куд-* – *Т. П.*) могут оформляться лично-притяжательными суффиксами, но, что показательно, чаще суффиксами множественного числа, причем для выражения множественности стандартный суффикс множественного числа кп. *-jez*, удм. *-jos* не используется <...>. Совсем по-другому ведет себя местоимение *kin*. В коми-пермяцком языке оно не принимает лично-притяжательных суффиксов, а в удмуртском, образуя полную парадигму лично-притяжательного склонения, выступает как существительное в единственном числе <...>. Для выражения множественности используется суффикс *-jos*» [Федюнева 2008а: 263].

В примерах, представленных выше, видно, что местоимения от основы *куд-*, выполняющие функцию подлежащего, координируют с глагольными формами в соответствующих лицах. Однако в предложениях, где в роли подлежащего выступает притяжательное местоимение от основы *кин-*, глагол-сказуемое представлен в 3-ем лице:

Оло, милям кинмы ке ожын быриз? (Загребин 212, 84). ‘Может, у нас кто-то (букв. кто-то наш) погиб в бою?’; *Тынад Ленинградын нокинэд ой вал шат?* (Чернов 1996, 457). ‘У тебя в Ленинграде разве никого (букв. никого твоего) не было?’; *Уз-а шуэ: таиз кинды Весь люкетэ на пыд улын?* (НКУЯ). ‘А не скажут ли: этот кто у вас все мешается под ногами?’.

Местоимение с притяжательным суффиксом 1-го и 2-го лица мн. ч. употребляется с глаголом 3-го лица ед. числа, так же как местоимение *кин* ‘кто’ без притяжательного суффикса.

Детальное изучение семантики вопросительных местоимений *кин?* ‘кто?’, *куд?* ‘который?’, других местоимений, употребляющихся с так называемыми лично-притяжательными суффиксами, их синтаксические связи, сочетание с личными формами глаголов, согласование с главными словами в словосочетаниях, выявляет, что в местоимениях, производных от основы *куд-*, значение лица является ведущим, в то время как образования от основы *кин-* с лично-притяжательными суффиксами вносят дополнительное значение принадлежности,

соответственно, являются посессивными формами местоимений. Таким образом, различия между местоимениями типа *кудмы* ‘кто (который) из нас’ и *кинмы* ‘кто наш’ проявляются на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровне. Дериваты от основы *куд-* обладают признаками, присущими личным местоимениям, поэтому их следует рассматривать в качестве личных местоимений вторичного происхождения: это слова, которые, по определению Д. В. Бубриха, «прониклись личной местоименностью <...> и претворились в личные местоимения особых порядков» [Бубрих 1949: 116].

2.5. Инклюзивное местоимение

Традиционно инклюзивность считается категорией 1-го лица мн. ч. Обязательное вхождение адресата в коллективное 1-е лицо называется инклюзивностью, а его обязательная исключенность – эксклюзивностью [Плунгян 2011: 232]. Инклюзивные местоимения описаны в ряде кавказских, дравидских, африканских, американских [Майтинская 2009: 162–164], тунгусо-маньчжурских [Невская 2012: 75] и других языках. Инклюзивные местоимения имеют различные модели образования: путем сложения прономинативных основ 1-го и 2-го лица, присоединением суффикса множественности к эксклюзивному местоимению. Так, в протомонгольском, по мнению Янхунен, оно было составлено из местоимения 1-го лица ед. ч. **bi* и 2-го л. мн. ч. **ta*, т. е. я плюс вы: **bida* (также **bide*). Однако другой исследователь, монгольский ученый Тумуртоого Домии считает элемент *-da* в инклюзивном местоимении аффиксом множественности *-dan* [Невская 2012: 77]. В удмуртском языке наблюдается иная модель образования инклюзива: произошло переосмысление местоимения *асьмеос* с усилительным либо возвратным значением ‘мы сами’²⁵. Таким образом, данное слово стало полисемантическим.

В значении усилительно-личном местоимение тесно связано с коммуникативной структурой, выступает исключительно в анафорической функции, выражая кореферентность (референциальное тождество) антецеденту, которым

---

²⁵ По мнению К. В. Бабаева, переход местоимения со значением ‘сам’ в личное (чаще всего 1-го лица) является одним из распространенных метамарфоз в языках мира [Бабаев 2009: 123].

всегда является собственно-личное местоимение *ми*, в предложении оно может быть выражено синтаксическим нулем: *Шортъёсты, басмаосты асьмеос буюллямы* (НКУЯ). ‘Нитки, ткани мы сами красили’. В инклюзивном значении *асьмеос* выполняет дейктическую функцию, обозначая двух ведущих участников речи – говорящего и адресата: *Асьмеос али Витебскен Орша кустын* (Петров 1959б, 96). ‘Сейчас мы (= я+ты+другие)’ между Витебском и Оршой.

На современном этапе развития языка при одиночном употреблении (не в сочетании с местоимением *ми* ‘мы’) у *асьмеос* первичная семантика проявляется единично. Например, в романе-трилогии И. Г. Гаврилова «Вордйськем палъёсын» из 146 случаев употребления *асьмеос* только в 3 случаях появляется значение усилительно-личного местоимения: *Чок ини, мар луэм луиз, та нуныез асьмеос быдэстом, Ондрей* (Гаврилов 1982, 336). ‘Пусть уж, что случилось, случилось, этого малыша сами вырастим, Ондрей’.

Хотя во всех диалектах местоимение *асьмеос* в значении ‘мы (инклюзивное)’ в разных фонетических вариантах функционирует одинаково, в роли инклюзивного 1-го лица оно не было описано ни в одной научной грамматике удмуртского языка. Случаи использования местоимения *асьмеос* в инклюзивном значении зафиксировались неоднократно. Так, в списке по Чутырскому, Большепургинскому, Сосновскому, Бодьинскому волостях Сарапульского уезда, собранному для «Словаря вотского языка, составленного Вятским Губернским Акцизным управлением (по готовому словнику Миллера)» в марте 1912 года фраза «мы стоимъ» была переведена «*ашмэсь сылысьскóмъ*» [Словарь 1912: 106]. Наличие в языке двух *мы* отражено в словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»²⁶ [Борисов 1991: 20, 182], опубликованном в 1932 году. Тем не менее, инклюзивное *мы* удмуртского языка до недавнего времени не было выделено учеными-носителями языка, как нам кажется, в силу следования схеме, заданной

²⁶ Согласно С. А. Максимова, инклюзивное значение местоимения *асьмеос* было отражено также в нескольких трудах: «Пособии по изучению удмуртского языка для венгерских студентов» Иштвана Козмача, в «Удмуртско-финском словаре» («Udmurttilais-suomalainen sanakirja»); соответственно отдельно указаны также инклюзивные значения притяжательных местоимений *асьме* и *асьмелэн* в пособии для изучения удмуртского языка Е. В. Назаровой «Удмурт кыл» [Максимов 2019: 392].

морфологией русского языка, поэтому К. Е. Майтинская в обобщающей работе по местоимениям в языках мира отрицает наличие эксклюзивного и инклюзивного *мы* в каком-либо из финно-угорских языков [Майтинская 2009: 162]. Инклюзивная семантика удмуртского местоимения *асьмеос* была рассмотрена лишь в последнее десятилетие [Пантюхина 2017; Maksimov, Panina 2018; Максимов 2019].

Различие в значении между эксклюзивным *ми* и инклюзивным *асьмеос* ярко представлено в следующем фрагменте: – <...> **Ми**, кычесэ йырмес поныса, виль улон понна мед нюръяськомы, нош тон палэнысен учкыса мед улод но дырзэ мед витёд? Овёл, Бакин, озьы уз пörмы. **Асьмелы** зол гердэн огазеяськыны кулэ.

– Тон дугды, эн кесяськы, – лякытэн вераны турттiиз Бакин. – Тани тон ялан **ми** но **асьмеос** шуиськод. Нырысь ик тодыны кулэ мыным, кин тii сыче?

– **Ми** – удмурт калыклэн синмыз но пельыз, дышетскем адымиос, интеллигенция (Гаврилов 1987, 408–409).

‘– <...> Мы (собеседник (персонаж Бакин)) исключается из понятия «мы») с петлей на шее боремся за новую жизнь, а ты будешь наблюдать со стороны и ждать? Нет, Бакин, так не получится. Нам (говорящий включает собеседника в круг «мы») нужно объединиться в сильный узел.

– Ты постой, не кричи, – Бакин пытался быть миролюбивым. – Вот ты постоянно говоришь *мы* и *мы*. Сначала мне нужно узнать, кто вы такие?

– Мы (адресат речи исключен из «мы») – глаза и уши удмуртского народа, образованные люди, интеллигенция’.

Ключивность в удмуртском языке не является грамматической категорией, поскольку отсутствует специфичная морфологическая маркировка. Инклюзивное *асьмеос* координирует с глаголами 1-го лица мн. ч. Различия представлены на семантическом уровне: личное местоимение 1 рл. *ми* ‘мы’ служит для выражения единства говорящего с каким-либо лицом или с неким кругом лиц, но адресат речи не входит в данный круг, исключается из него: *ми* – это ‘я + другой (другие)’: **Ми** тодiськом, тii бадзым улон сюресэз ортчиды, озьы ке но, янгыштэс вератэк кельтыны ми ум быгатiське (Гаврилов 1987, 397). ‘Мы знаем: вы прошли длинный жизненный путь, несмотря на это, не можем не озвучить ваши ошибки’;

Ми татын кылзйськись пинальёслы кӧш эмьюм ум сѣтъясъке... (Красильников 1991, 13–14). ‘Мы здесь послушным детям горькие лекарства не даем’.

Местоимение *асьмеос* используется в значении ‘мы’, равном «я + ты (+ другой / другие)»: *Асьмеос туннэ чӧш бертом, Сергей* (Гаврилов, 1982, 388) ‘Сегодня мы (я и ты) вместе пойдем домой, Сергей’; – *Глаша, Глаша, малы асьмелэн улонмы калыклэн кадь ӧвӧл?* (Красильников 1976, 402). ‘– Глаша, Глаша, почему наша жизнь не как у людей?’.

Количественный анализ противопоставления исследуемых местоимений по признаку к्लюзивности показал, что во фрагментах художественных произведений, отобранных для анализа, в 100 % случаев (109 примеров) местоимение *ми* позиционируется как эксклюзивное местоимение. Местоимение *асьмеос* выступает в качестве инклюзивного так же в 100 % случаев (81 пример).

Усилительно-личные местоимения 2-го и 3-го лица мн. ч. моносемантичны, имеют значение ‘вы сами’, ‘они сами’: *Кыче таза, макем кужмо вал, кӧня гондыр кутылй кышкатэк, асьтэос тодйськоды, пересьёс* (Коновалов 1990, 19). ‘Каким [я] был рослым, сильным, сколько раз без страха ходил [охотиться] на медведя, вы сами знаете, старики’. *Собере липет пумысь асьсэос но быдэсак усё* (Валишин 1978, 103). ‘Потом с края крыши [сосульки] сами полностью падают’.

Таким образом, в удмуртском языке можно выделить еще одно собственно-личное местоимение – инклюзивное 1-го лица мн. ч. *асьмеос*. Его грамматические характеристики те же, что и у усилительно-личного местоимения.

2.6. Предлагаемая классификация местоимений удмуртского языка

Усилительно-личные и счетно-личные местоимения впервые были выделены в отдельные разряды Ф. Й. Видеманном [Wiedemann 1851]. Впоследствии рефлексивы были рассмотрены как отдельные группы личных местоимений в ряде работ: [Верещагин 1924: 56; Перевощиков 1959: 1317; Алатырев 1983: 578; Тараканов 2003: 4; УКК 2011: 109, 112–113].

Счетно-личные местоимения также были охарактеризованы в нескольких научных трудах [Алатырев 1983: 578; Алатырев 1983: 578; Тараканов 2003: 4; Стрелкова 2013: 100–111; УКК 2011: 109]. Они образованы от имен числительных присоединением суффикса *-на-* и соответствующего личного суффикса. Слов с категорией ед. ч. лишь три – *огнам* ‘я один’, *огнад* ‘ты один’, *огназ* ‘он один / она одна’. Остальные счетно-личные местоимения употребляются во мн. ч.: *огнамы* ‘мы одни’, *кыкнады* ‘вы двое’, *дасназы* ‘они вдесятером’. От числительного *кык* ‘два’ могут быть образованы усеченные формы (без суффикса *-на-*). «Сокращенные формы от других числительных также возможны, но употребляются сравнительно редко» [Стрелкова 2013: 106].

Слова, образованные от числительного *одйг* и его сокращенного варианта *ог* ‘один’ с личными суффиксами, в сочетании с усилительной частицей *но* образуют отрицательно-личные местоимения, которые координируют со сказуемым, выраженным личной формой глагола: *одйгмы но*, *огмы но* ‘никто из нас, ни один из нас’, *одйгды но*, *огды но* ‘никто из вас, ни один из вас’, *одйгзы но*, *огзы но* ‘никто из них, ни один из них’: *Кыскон пумысен асьмеос кенешимы вал: коркан одйгмы но тамак ум кенжытйське* (НКУЯ). ‘О курении мы договорились: в доме ни один из нас сигарету не закуривает (букв. ‘не закуриваем’)’; *Огпол, пе, котыртэме жимыса, толэзь ёже чыртыозямы нюрын кыллимы, соку но, пе, ой черла, огмы но, пе, ом черлалэ* (НКУЯ). ‘Однажды, мол, попав в окружение, в течение месяца [мы] сидели в болотах, и тогда-де [я] не заболел, никто из нас, мол, не заболел’; *Тй одйгды но монэ уд валаське, ваньды — муртёс!* (НКУЯ). ‘Никто из вас меня не понимает (букв. ‘не умеют’), вы все – чужие!’; *Марлы огды но класс понна уд сюлмаськиське, варягёсыз витиськоды?* (НКУЯ). ‘Почему никто из вас не заботится (букв. ‘не заботитесь’) о классе, варягов ждете?’ *Нош уяны одйгзы но умой-умой уг быгато* (НКУЯ). ‘А плавать никто из них хорошо не умеет (букв. ‘не умеют’)’; *Луыло ук асьме палан сыёе нуналгёс, ёапак гужемен сйзбыл вис, огзы но вормытэк, ваче мертаськыса сыло кадь* (НКУЯ). ‘Бывают же в наших местах такие дни, как раз между летом и осенью, не добившись превосходства (букв. ‘ни один из них не одержав победу’), стоят [они], будто готовятся к схватке’.

Обобщая представленный в предыдущих разделах материал, можно указать, что при дифференциации личных местоимений от неличных, нужно учитывать всю совокупность признаков: морфемный (наличие / отсутствие личных суффиксов), синтаксический (координация с соответствующим лицом глагольного сказуемого / отсутствие координации), семантический (тип референции). Местоимения удмуртского языка можно разделить на две большие группы: личные и неличные местоимения. Личные, в свою очередь, разветвляются на собственно-личные и личные местоимения вторичного происхождения. Последние дифференцированы на шесть подгрупп: усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные, отрицательно-личные, неопределенно-личные, определительно-личные. Неличные местоимения распределяются на следующие разряды: указательные, притяжательные, взаимные, вопросительно-относительные, отрицательные, определительные. Новый вариант лексико-семантической классификации (схематично представлено на рис. 5):

1. Личные, которые делятся на следующие подразряды:

а) личные (или собственно-личные): *мон* 'я', *тон* 'ты', *со* 'он, она, оно', *ми* 'мы', *асьмеос* 'мы (инклюзивное)', *тй* 'вы', *соос* 'они';

личные местоимения вторичного происхождения (по Д. В. Бубриху: «личные местоимения особых порядков»):

б) усилительно-личные: *ачим* 'я сам', *ачид* 'ты сам', *ачиз* 'он сам', *асьмеос* 'мы сами', *асьтэос* 'вы сами', *асьсэос* 'они сами';

в) счетно-личные: *огнам* 'я сам', *огнад* 'ты сам', *огназ* 'он сам, она сама', *огнамы* 'мы одни', *огнады* 'вы одни', *огназы* 'они одни', *кыкнамы* 'мы вдвоем', *кыкнады* 'вы вдвоем', *кыкназы* 'они вдвоем', *куиньнамы* 'мы втроем', *куиньнады* 'вы втроем', *куиньназы* 'они втроем' и т. д., *кыкмы* 'мы вдвоем', *кыкты* 'вы вдвоем', *кыксы* 'они вдвоем';

г) разделительно-личные (термин основан на мнении И. В. Тараканова [ГСУЯ 1962: 179]): *кудмы* 'который (кто) из нас', *кудды* 'который (кто) из вас', *кудзы* 'который из них';

д) отрицательно-личные: *нокудмы (но)*, *одйгмы но (огмы но)* ‘никто из нас’, *нокудды (но)*, *одйгды но (огды но)* ‘никто из вас’, *нокудзы (но)*, *одйгзы но (огзы но)* ‘никто из них’;

е) неопределенно-личные: *олокудмы*, *кудмы ке* ‘кто-то из нас’, *куд-кудмы*, *куд(мы)-огмы*, *одйг-огмы (ог-огмы)* ‘некоторые из нас, кое-кто из нас’; *олокудды*, *кудды ке* ‘кто-то из вас’, *куд-кудды*, *куд(ды)-огды*, *одйг-огды (ог-огды)* ‘некоторые из вас, кое-кто из вас’; *олокудзы*, *кудзы ке* ‘кто-то из них’, *куд-кудды*, *куд(ды)-огды*, *одйг-огзы (ог-огзы)* ‘некоторые из них, кое-кто из вас’;

ж) определительно-личные: *ваньмы* ‘все мы’, *ваньды* ‘все вы’, *ваньзы* ‘все они’, *котькудмы* ‘каждый из нас’, *котькудды* ‘каждый из вас’, *котькудзы* ‘каждый из них’.

2. Указательные: *со* ‘тот, то, это’, *та* ‘этот, это’, *сыче* ‘такой’, *таче* ‘такой’, *сомында* ‘столько’, *тамында* ‘столько’;

3. Притяжательные: *ас* ‘мой, твой, его (ее), наш, ваш их (в зависимости от контекста)’, *асьме* ‘наш’, *асьтэ* ‘ваш’, *асьсэ* ‘их’;

4. Взаимные: *одйг-оглы (ог-оглы)* ‘друг другу’ *одйг-огед (ог-огед)* ‘друг друга’, *одйг-огез (ог-огез)* ‘друг друга’, *одйг-огмы (ог-огмы)* ‘мы друг друга’, *одйг-огды (ог-огды)* ‘вы друг друга’, *одйг-огзы (ог-огзы)* ‘они друг друга’;

5. Вопросительно-относительные: *кин* ‘кто’, *ма* ‘что’, *мар* ‘что’, *кыче* ‘какой’, *көня* ‘сколько’, *кудйз* ‘который’, *куд* ‘который’ (употребляется редко);

6. Отрицательные: *нокин но* ‘никто’, *номыр но* ‘ничто’, *нокыче но* ‘никакой’, *нокөня но* ‘нисколько’, *нокудйз но* ‘никоторый, никто’;

7. Неопределенные: *олокин*, *кин ке* ‘кто-то’ *оломар*, *маке*, *мар ке* ‘что-то’, *олокыче*, *кыче ке* ‘какой-то’, *олокөня*, *көня ке* ‘сколько-то’ *олокудйз*, *кудйз ке* ‘который-то, кто-то’, *одйг* ‘один, некоторый’, образованные сложением указательных местоимений дальнего и ближнего указания *со-та* ‘кое-что’ *сыче-таче* ‘кое-какой, какой-то’; *куд-ог* ‘некоторый, кое-кто’ *одйг-огед (ог-огед)* ‘некоторые, кое-кто’, *одйг-огез (ог-огез)* ‘тж’;

8. Определительные: *котькин* ‘каждый’, *котьма* ‘все, что угодно’, *котькыче* ‘всякий, любой’, *котькөня* ‘сколько угодно’, *котькудйз* ‘каждый, любой’, *вань* ‘весь’, *ваньмыз* ‘все’, *быдэс* ‘весь, целый’, *мукет* ‘другой’.

Рисунок 5. Разряды местоимений (по классификации Т. В. Пантюхиной).

Выводы по Главе 2

В данной главе выведены положения, основываясь на которые может быть проведена дифференциация личных местоимений вторичного происхождения от неличных. Во, первых, предложено учитывать референциальный статус местоимения, во-вторых, грамматическую корреляцию лица местоимения с личной формой глагола, в-третьих, брать во внимание способность личного местоимения выступать в роли подлежащего. Местоимение с так называемым лично-притяжательным суффиксом, которое не координирует с вербальной формой соответствующего лица или не может быть главным членом предложения, не имеет грамматической категории лица.

В результате анализа морфемной структуры, семантики, грамматических признаков вызывающих вопросы разрядов местоимений были сделаны выводы. Послеложно-личные образования нужно исключить из состава вторичных личных местоимений и рассматривать их в качестве наречий. Взаимные местоимения мн. ч. не являются личными, поскольку так называемые лично-притяжательные суффиксы в их структуре, являясь словообразовательными, выполняют определительную, выделительно-указательную функции. В удмуртском языке существуют взаимные местоимения ед. ч., образованные суффиксами *-ед*, *-ез* и нулевым, которые имеют значение обобщения и различающиеся по степени абстрагирования.

От основ вопросительных местоимений *куд-* и *кин-*, обозначающих одушевленные предметы, присоединением субъектных суффиксов возникают различные дериваты. *Куд-* является исходной основой для личных местоимений вторичного происхождения: неопределенно-личных, отрицательно-личных, определительно-личных. От местоимения *кин-* образуются лишь притяжательные формы.

В удмуртском языке значение 'мы' передается двумя местоимениями: *ми* и *асьмеос*, последний многозначен, также имеет усилительное, уточняющее, эмфатическое значение и в нашей классификации входит в состав и усилительно-личных, и собственно-личных местоимений. Рассмотрена инклюзивная семантика местоимения 1 л. мн. ч. *асьмеос* 'мы (я + ты (вы))'. Обнаружено, что кляузивность в системе удмуртских местоимений представлена на семантическом уровне, специальных морфологических маркеров кляузивности нет.

В удмуртском языке представлена омонимия некоторых местоимений: взаимные мн. ч. и неопределенно-личные (*одйг-огмы* (*ог-огмы*) 'некоторые из нас', *одйг-огды* (*ог-огды*) 'некоторые из вас', *одйг-огзы* (*ог-огзы*) 'некоторые из них', взаимные ед. ч. и неопределенные местоимения (*одйг-огед* (*ог-огед*) 'кое-кто', *одйг-огез* (*ог-огез*) 'кое-кто').

Описаны отрицательно-личные местоимения, образованные от числительного *одйг* и его сокращенного варианта *ог* 'один' с личными суффиксами,

в сочетании с усилительной частицей *но*: *одйгмы но* (*огмы но*) 'никто из нас' и др. Часть неопределенно-личных местоимений могут образоваться и дублированием основы *куд-* с присоединением личного суффикса: *куд-кудмы* 'кое-кто из нас', *куд-кудды* 'кое-кто из вас', *куд-кудзы* 'кое-кто из них'. Разряд неопределенных местоимений дополнен лексемами, образованными словосложением указательных местоимений: *со-та* 'кое-что', *сыџе-таџе* 'кое-какой, какой-то'.

Новый вариант классификации местоимений удмуртского языка включает в себя семь разрядов личных (собственно-личных, усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные, отрицательно-личные, неопределенно-личные, определительно-личные) и семь разрядов неличных (указательные, притяжательные, взаимные, вопросительно-относительные, отрицательные, определительные) местоимений.

Глава 3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

3.1. Семантика собственно-личных местоимений

Семантическая структура собственно-личных местоимений, как уже отмечалось выше, остается малоисследованной областью удмуртского языкознания. В имеющихся трудах представлена лишь краткая их характеристика как слов, указывающих на участников или объектов речи [УКК 2011: 109–110]. Мы полагаем, что причина этого заключается в поверхностном восприятии простоты семантической структуры. Поскольку значение и грамматическая категория лица местоимений тесно связаны, смысловые особенности оставлены в стороне. При исследовании семантической стороны исследуемой группы слов мы опирались на тот факт, значение личных местоимений прежде всего основывается на коммуникативной функции языка [ЛЭС 1990: 294; Падучева 2024: 11 и др.], сущность которой может быть представлена как сообщение, предназначенное кем-то кому-то: *Я* – адресант, *Ты* – адресат, к которому обращена информация. В диалоге происходит постоянная взаимозамена этих ролей, т. е. создается ситуация, когда оба участника коммуникации совмещают в себе две функции: говорящего – потенциального слушателя и слушателя – потенциального говорящего.

Объект речи также является обязательным и универсальным понятием для языка. Это положение убедительно доказывает Б. Г. Гутнер. В теории о трансцендентальных коммуникативных нормах он пишет: «по-видимому, есть все основания утверждать, что допущение бытия предмета самого по себе (т. е. его принадлежности к трансцендентному миру) составляет априорную норму представления всякого предмета в рамках публичной интерпретации. Указанная норма определена соответствующей языковой структурой, конституирующей самостоятельное бытие предмета как «оно», объекта высказывания в третьем лице, независимого в своем существовании от коммуникативного отношения «я – ты»

[Гутнер 2005: 103]. Предмет в данной теории рассматривается в самом широком смысле: одушевленный, неодушевленный, лицо, не-лицо.

Своеобразная интерпретация местоименных смыслов представлена М. Бубером, который писал об оппозиционных смысловых вершинах стихии отношений (симбиоз Я-Ты) и природы вещей, через которые человек познает окружающую его среду (Я-ОНО). Философ рассматривает обе взаимосвязи в качестве единых «основных слов» и закрепляет за каждым из них принципиально различные аспекты мира человека: «Мир как опыт принадлежит основному слову Я-ОНО. Основное слово Я-Ты создает мир отношений» [Бубер 1995: 18]. Г. Б. Гутнер отмечает, что тесное переплетение двух субъектов коммуникации – говорящего и слушающего – необходимая данность не только с точки зрения социологии и психологии, но и лингвистики, поскольку существование «я» немислимо без «ты» и наоборот. «Я и другой – два единых сознания равноправных субъектов коммуникации. Они взаимообусловлены и невозможны друг без друга. Я существую, получая удостоверение со стороны другого, принимающего меня как участника коммуникации. Но точно также и другой существует лишь благодаря удостоверению с моей стороны... Осознание себя и признание другого как субъекта коммуникации является трансцендентальной коммуникативной нормой. Она лежит в основе такого правила, которое определяет деятельность любого сообщества и установлена структурой языка, поскольку в нем закреплена система лиц и личных местоимений» [Гутнер 2005: 99].

Э. Бенвенист, подчеркивая особый статус личного местоимения *я* в системе языка, его отличие от других языковых знаков, относит его к разряду «пустых» знаков, «свободных от референтной соотнесенности с реальностью, всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи» [Бенвенист 1974: 288]. Основную функцию этих знаков он видит в том, чтобы способствовать обращению языка в речь. *Я*, будучи мобильным знаком, присваивается себе говорящим на момент речи. Более того, обозначая себя как *я*, говорящий таким образом «как бы присваивает себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 288]. Что же

касается местоимения *я*, то (в отличие, например, от имен, которые всегда имеют устойчивую референцию с постоянным и объективным понятием, виртуальным или же актуализированным в речи) «речевые акты употребления *я* не образуют единого класса референции, так как объекта, определяемого в качестве *я*, с которым могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует. Каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности» [Бенвенист 1974: 286]. По мнению лингвистов, субъект речи и адресат всегда ситуативны и каждый раз соответствует единичному существу, это не конкретное лицо, это «языковой субъект», всякий «говорящий» [Пешковский 2001: 91] или «слушающий». С другой стороны, О. Н. Селиверстова указывает, что своеобразие местоимений *я* и *ты* заключается не в отсутствии значения или в его изменяемости в зависимости от ситуации, они дают «характеристику участника события как индивида», что составляет главное отличие местоимений *я* и *ты*. В то же время они объявляют себя «не самостоятельным: представляя актанта ситуации как индивидуальность, личность, местоимения *я* и *ты* не содержат в своем значении указания на образ данной личности. Вместо этого они отсылают к автору или адресату речи как к тем, кто идентичен индивидуализированно представленному участнику события» [Селиверстова 1988: 36]. Именно эта особенность семантики дает возможность субстантивации личных местоимений 1 sg., 2 sg.

В части научных работ местоимения характеризуют как указательные слова, например, в «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962] местоимения определяются в качестве слов, не называющих предметы, а лишь указывающих на них. В данном случае интересны выводы В. Б. Евтюхина о невозможности подвести личные местоимения 1-го и 2-го лица (*я*, *ты*, *мы*, *вы*) под определение «указательного» слова: «Строго говоря, местоимение «я» ни на что не указывает, а именуется человека в определенной (и только в ней) функции – в роли 1-го лица коммуникативной ситуации, говорящего» [Евтюхин 2008: 130]. Исследователь также указывает на важность прагматических аспектов, таких как намерение говорящего и реакция слушателя, которые не удается объяснить в

соответствии с указательной теорией. Не только и не столько указательность раскрывает своеобразие местоимений. Личные местоимения дают характеристику лицу или предмету относительно центра координации, т. е. говорящего в данной речевой ситуации. Но подобного типа указательностью отнюдь не исчерпывается семантика данных слов [Евтюхин 2008: 130].

Понятие *я* стало центром эгоцентрической теории языка, на него ориентированы лежащие в ее основе функциональные аспекты языковых форм. Говорящий субъект реализует свой эгоцентризм прежде всего через местоимение *я*, которое, по мнению В. А. Гуреева, находится вне существующей системы частей речи и является исходным пунктом ее построения [Гуреев 2004: 58, 63; Гуреев 2017: 492]. Исследователь видит уникальность местоимения *я*, которое «заключается прежде всего в том, что по своей семантике оно дуалистично – отражает две сущности одной личности (наблюдателя, то есть субъекта восприятия, созерцания и деятеля, то есть субъекта деятельности, в том числе и речемыслительной)» [Гуреев 2004: 63]. Принимая точку зрения В. А. Гуреева, все же считаем, что двойственную природу имеют все личные местоимения. Они объединены той особенностью, что выражают отношения двух субъектов – субъекта речи и субъекта действия. Местоимение 1-го лица – это субъект речи и одновременно субъект действия. Местоимение 2-го лица обозначает адресата речи, т. е. не является субъектом речи, но является субъектом действия. Местоимение 3-го лица не является субъектом речи, оно обозначает субъекта действия, о котором сообщает субъект речи.

Личные местоимения обладают общим свойством, заключающимся в их тесной связи с речевой ситуацией и выполнением определенных функций. Например, местоимение *мон* ‘я’ используется субъектом речи для того, чтобы привлечь внимание слушателя к себе, может подчеркивать индивидуальность и личную ответственность, в то время как использование *ми* ‘мы’ может создавать ощущение общности и коллективной идентичности. В то же время местоимения 3-го лица служат для поддержания последовательности повествования, постоянно напоминая о предмете (неучастнике) разговора. В диалогах особенно важна роль

адресата, поэтому местоимения *тон* ‘ты’ и *тй* ‘вы’ используются в уточнениях, в вопросах, говорящий выдвигает собеседника на первый план, тем самым подчеркивая его значимость и создавая импульс для дальнейшей коммуникации.

Рассматриваемые слова могут утратить прономинальное значение и усиливать значение предметности, обогащать его конкретным содержанием, переходя в имена существительные, при этом морфологические свойства также меняются. Рассмотрим ординарные и частные случаи использования их в тексте.

Каждому *я* соответствует каждый раз индивид, взятый именно в его персональности. В такой функции чаще всего²⁷ употребляется местоимение *мон* ‘я’: *Нош мон хирург, мынам со ныллэсь улонзэ ас вылам басьтэме уг луы* (Красильников 1991, 17). ‘А я хирург, не могу взять на себя ответственность за жизнь этой девочки’; *Мон аслэсьтым даурме орчытй уни, тй табере быгатэ мон кадь кема улыны* (Гаврилов 1982, 390). ‘Я свой век уже прожил, теперь вы сумеете жить так же долго, как я’.

Значение местоимения *тон* ‘ты’ – это собеседник, адресат, употребляется как, «во-первых, показатель отчуждения от авторского *я*, выход за пределы этого *я* (т. е. показатель диалога), а во-вторых, *ты* – это указание на первого, ближайшего к *я* собеседника, которым, разумеется, является само это *я*» [Яковлева 1996: 48]: *Тон табере бадзым ук уни, атаед шуиз, куинетй классэ потйд уни* (Красильников 1991, 13). ‘Ты теперь уже большая, твой папа сказал, что ты перешла в третий класс’; *Мон тонэ пызырто, од ке кылзйськы* (Кедра Митрей 1988, 26). ‘Я из тебя соки выжму, если ослушаешься’; *Куддырья тон, Кылай, чыжтэм вйй, нош мукет дырья тынэсьтыд ваменэсэз адями ук өвөл ни* (Валишин 1978, 106). ‘Иногда ты, Кылай, как топленое масло, а в другой раз упрямее тебя человека не найдешь’.

Местоимение *ми* ‘мы’ обозначает эксклюзивное 1-е лицо ‘я и другие, за исключением адресата’: *Соин ук ми мемуеныд поплэсь верамзэ кылэм ук ум кариське* (Коновалов 1990, 22). ‘Поэтому мы с твоей матерью к словам попа и не

---

²⁷ По мнению Е. В. Падучевой, 1-е лицо «в обобщающем значении употребляется очень неохотно. Разве что в будущем времени, когда оно имеет модальное значение: *Чужую беду рукой разведу* [= ‘могу развести’], *а к своей ума не приложу*» [Падучева 2019: 360].

прислушиваемся'. Согласно классификации М. А. Даниэля, личные местоимения со значением множественности можно разграничить на несколько референциальных типов, в зависимости от того, что входит в семантику «другие» или по «типу комплектации референции личных местоимений множественного числа». Анафорический референциальный тип (другие = один или несколько актуализированных референтов [Даниэль 2000: 129]): *Анай-атаймылэн ми ньыль кузя нылтиос вал*. 'У родителей нас было четверо детей'.

Ассоциативный референциальный тип (другие = совокупность людей, связанная с более или менее тесной группообразующей связью: семья, команда, народ, или другие – это такие же как я): *Ми, кышномуртъёс но ныльёс, Урак МТС-лэн трактористъёсты дасясь курсъёс аз дышетскисьёс, ужын воштомь фронтэ кошкем кузпальёсмес, агайёсмес, атайёсмес* (Валишин 1978, 99). 'Мы, женщины и девушки, учащиеся на курсах подготовки трактористок Уракского МТС, сменим ушедших на фронт мужей, братьев, отцов'. «Ассоциативный тип часто встречается в этноисторических текстах: употребляя местоимение 'мы', говорящий-рассказчик идентифицирует себя со своим этносом (даже в исторической перспективе, когда рассказчика еще не было на свете)» [Даниэль 2000: 130].

Симилятивный референциальный тип предусматривает сосредоточение под личным местоимением открытого класса лиц, объединенных одним свойством [Даниэль 2000: 130]: *Милемыз, мйы адымиосты, татын шонер чепыллязы* (Гаврилов 1982, 398). 'Нас, пожилых людей, здесь правильно критиковали'.

Локутивный референциальный тип свойствен для инклюзивного местоимения (другие = адресат): *Штаб дорысь часовоез асьмеос, Николай, чошен палэнтон* (Петров 1959б, 99). 'Часового, что возле штаба, мы, Николай, устраним вместе (вдвоем)'. В данном (инклюзивном) значении может употребляться и местоимение *ми*: например, предвыборный агитационный лозунг «*Ми валче*» '«Мы вместе»'. По законам удмуртского языка должно быть: «*Асьмеос валче*», но большинство современных носителей под влиянием русского языка воспринимают *ми* и с семантикой инклюзивности.

Местоимение *асьмеос* также может иметь ассоциативный референциальный тип: *Асьмеос, егитъёс, ке жадимы, соку пересьёс ма шуозы?* (Широбоков 1992, 216). ‘Если мы, молодежь, устанем, что тогда скажут старики?’, и симилятивный тип: *Асьмеос, дунне вылын улйсьёс, инкуазез утыны кулэ, анаймес сямен*. ‘Мы, живущие на земле, должны беречь природу, как свою мать’. В значении данного местоимения имеется исключительно один «непосредственно» указанный референт – говорящий. Информация о других референтах извлекается адресатом из контекста [Даниэль 2000: 125].

Местоимение *тй* ‘вы’ употребляется для обозначения множества, в число которых входит ‘адресат речи и другие’. *Тй* также может отсылать к узкому кругу референтов (анафорический тип): *Мар луысал отйяз – ойтод, но ярдуртй юмиасьёс алыны, тышкаськыны одъязы, мар-о, пе, тй шузимиды шат?!* (Первошиков 1988, 305). ‘Неизвестно, что случилось бы дальше, но гуляющие вдоль берега начали отговаривать, ругать, вы [двое школьников], мол, с ума сошли [купаться в ледяной воде]?!’. Ассоциативный тип референтов представлен в следующем предложении: *Дышетскоды тй Уракын* (Валишин 1978, 97). ‘Вы [будущие трактористки] будете учиться в Ураке’. Открытое множество референтов (симилятивный тип) может быть выявлено в строках песни: *Егитъёс, коштан пиос, Тйледыз витё нльёс* (Широбоков 1992, 202). ‘Молодцы, красавцы, девушки вас ждут’.

Значение множественности местоимения 2-го лица может быть представлено и как ‘несколько адресатов’: *Кыкнады ик тй улон понна гинэ улйды, од но шодэ солэсь палэнскемдэс* (Ар-Серги 1993, 6). ‘Вы оба жили насущными делами (букв. ради существования), и не поняли, как отстранились от жизни’.

Местоимения *со* ‘он, она’, *соос* ‘они’ являются анафорическими, другими словами, имеют antecedent, обозначают лицо или предмет, не участвующие в речи, но известные или названные ранее (случаи, предваряющие заменяемое существительное, редки): *Нош со чик лек өвёл, бодыен ке но ветлэ* (Красильников 1991: 14). ‘А он [врач] нисколько не злой, хоть и ходит с палочкой’; *Сосновен чош соос та больницаын туж кемалась ужало, пе* (Красильников 1991, 11). ‘С Сосновым вместе они в этой больнице очень давно, мол, работают’.

Личные местоимения 3-го лица и указательные со значением дальнего объекта являются омонимами. К. Е. Майтинская отмечает, что процесс их разделения еще не завершился²⁸: «<... > в пермских языках местоимения, развившиеся от основы ф.-уг. собственно-личного местоимения 3-го лица, употребляется безразлично и как собственно-личные местоимения 3-го лица (<*s3), и как указательные местоимения» [Майтинская 1979: 193]. Тем не менее, можно выделить признаки, позволяющие дистанцировать омонимичные удмуртские местоимения²⁹: а) местоимения 3-го лица не вступают в атрибутивную связь с существительным: *Кузёез малы ке дугдыку, Падыш, со вёзысь кыдёке кошкытэк, котыраз бичаськыса ветлэ* (Коновалов 1990, 39). 'Если хозяин за чем-то останавливается, то конь по кличке Падыш, не отходя от него далеко, ходит щиплет траву поблизости'. В то же время указательное местоимение будет употребляться в качестве определения: *Тодйсько со городэз, атайлэн но «Москвичез» отысь* (НКУЯ). 'Знаю этот город, «Москвич» отца тоже оттуда'; б) личное местоимение имеет субстантивный антецедент, у указательного антецедентом может быть целое предложение: *Отчаме Кузьпинь Ванюрка луд кеч кадь тэтчыса пыриз... Ыынэн сьодэктэм борддорёсыз котырак учкыса юаз:*

– *Кинлэн нырыз курнос? Изьыме ошоно вал, изьыме!*

– *Хо-хо-хо! – гудыртійз отчам, сое гинэ возьмаса улэм кадь.* (Медведев. Лёзя бесмен, 26). 'На сход зашел Кузьпинь Ванюрка, подпрыгнув как заяц... Оглядев почерневшие от дыма стены, спросил:

– У кого курносый нос? Шапку бы мне свою повесить, шапку!

– Хо-хо-хо! – загремели приглашенные, как будто только его (этого) и ждали'.

Пример, с одной стороны, наглядно демонстрирует неполную дифференцированность семантики личного и указательного местоимений, с другой стороны, эффективность выбранного критерия. *Сое* может быть антецедентом

²⁸ Другой точки зрения придерживается Ш. Чуч. Его гипотеза представлена в разделе 4.1.

²⁹ Свойства, отличающие анафорические местоимения от дейктических, описаны Е. В. Падучевой [2024: 142]. Их мы берем за основу применительно к удмуртским местоимениям.

действующего лица (Ванюрки), в таком случае представлено личное местоимение 3-го лица; если подразумевается отсылка ко всей описанной ситуации, то местоимение является указательным.

Семантика личных местоимений наиболее ярко раскрывается в контексте художественных произведений, где личные местоимения могут стать ярким экспрессивным средством, служить источником для создания олицетворения, персонификации.

Мон используется как стилистический инструмент при частом, навязчивом его повторении, что позволяет добиться негативного эффекта, особый стилистический прием используется для создания иронии, насмешки над человеком, любящим выставлять напоказ свои дела: – *Мар тон туннэ укыргес но сыче кыло-буро луйд?* «*Мон*» но «*мон*»: «*Мон шуи но мон валэктй...* – *Окыльна уг чида ни вазьытэк* (Валишин 1978: 207). ‘Что-то ты сегодня слишком разговорчивым стал? «Я» да «я»: я сказал да я объяснил... – не сдержалась Окыльна’; *Мон кадьзэ шуг али шедьтыны. Мон тракторист, мон комбайнер* (Широбоков 1992, 208). ‘Такого, как я, трудно сейчас найти. Я тракторист, я комбайнер’.

В качестве стилистического приема местоимение *тон* ‘ты’ может использоваться при персонификации неодушевленных предметов: *Шундые, шундые, / Тон шудо шундые! / Тон мыным возьматы / Луоно кузпалме...* (Кедра Митрей 1988, 9) ‘Солнце мое, солнце, / Ты счастливое солнце, / Ты мне покажи / Моего будущего мужа...’.

Местоимение приобретает стилистическую функцию и при транспозиции³⁰, когда изменяется сферы его применения. При этом происходит отклонение от традиционной или ситуативной денотации или нарушаются привычные связи местоимения с объектом замещения.

Так, местоимение *тон* ‘ты’ может быть референтно говорящему, это так называемое «автоадресатное употребление» [Падучева 2019: 369], когда

---

³⁰ Транспозиция – использование одной языковой формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду. В широком смысле транспозиция – перенос любой языковой формы [ЛЭС, 519]; перенос словоформы в сферу другого грамматического значения [Грамматика 1970: 317].

говорящий обращается к самому себе, как бы отстраняясь от себя: *Куазь шулдырен Фаиналэн но мылкыдыз каньылгес луиз... Ужпум уксё бордын өвёл али, самой главноез – тон егит, тынад улонэд ваньмыз азьпалан на, тонэ кыче ке туж бадзым шудбур возьма* (Красильников 1991, 29). ‘От хорошей погоды у Фаины и настроение улучшилось... Дело сейчас не в деньгах, самое главное – ты молода, в твоей жизни все еще впереди, тебя какое-то большое счастье ждет’.

У глаголов в форме 2-го лица ед. ч. обнаруживается обобщающая семантика, нами отмечена транспозиция с глаголами 1-го лица. В примере само местоимение *тон* отсутствует. Подразумеваемый субъект, формально 2-го лица, «имеет значение родового 1-го лица, т. е. означает то, что могло бы обозначать местоимение *я* в обобщающем значении: ‘я и такие, как я’ [Падучева 2019: 360]:

– *А кызьы тй нырысьсэ пудоез луд вылэ поттйськоды?*

– *Нырысьсэ тйнь жёккышет валькод, нянь понкод, сылал понкод вёсяськыса* [Владыкина 2023: 257].

‘– А как вы [весной] в первый раз скотину отправляете на пастбище? – В первый раз вот стелешь скатерть, помолившись, ставишь хлеб, ставишь соль’.

В данном диалоге ожидаемый ответ должен быть выражен глаголом в 1-ом лице ед. или мн. ч., но собеседник предпочитает уйти от конкретного лица, указывая, что так делает каждый или делают все.

Тон также используется со значением обобщения, «если есть возможность понять ситуацию как не имеющую конкретной референции» [Падучева 2019: 362]. Такое употребление встречается при констатации прописных истин, общеизвестных фактов, в лирических отступлениях, в пословицах:

Дуннеын тон коть самой бадзым начальник лу но, висьыны усид ке, врач доры мынытэк амалыд уз луы... (Красильников 1991, 8). ‘Будь ты хоть самым большим начальником в мире, если заболеешь, придется идти к врачу...’. Местоимение *тон* не обращено к какому-либо конкретному собеседнику, участнику диалога, здесь *тон* – это любой человек. Ситуация возникновения обобщенного значения описана Е. В. Падучевой со ссылкой на И. И. Ковтунову: «Говорящий предстает перед мысленным взором другого. Этот другой –

вымышленная фигура, сочувствующий адресат, который смотрит на нашего говорящего как на 2-е лицо и называет его на *ты*. Говорящий тем самым оказывается представлен самому себе с точки зрения фантомного внешнего наблюдателя. А для этого фантома наш говорящий не уникален: фантом может назвать на *ты* многих – в отличие от говорящего, который называет я только самого себя. Отсюда обобщение» [Падучева 2019: 370].

Однако предельное обобщение местоимения 2 sg. может привести к утрате местоименного значения, что наблюдается в сочетании с междометиями *ох*, *ах*, *ух* и т. п. перед обращением, когда *тон* становится составной частью междометия [Широбокова 2013: 34]: *Эшьёсыз сое серекъязы, луоз: «Эх тон, сукыр бёчы, Глашаез сяна, ныл но өд шедьты-а, солэсь сю пол чеберъёсыз вань дырья!»* (Красильников 1991, 26) ‘Друзья, наверное, посмеялись над ним: «Эх ты, слепой жук, кроме Глаши и девушку-то не нашел, когда вокруг в сто раз красивее ее есть!»’. *Тон* в составе междометия служит лишь для передачи эмоции сожаления или насмешки, усиливая ее интенсивность. Подобная асемантизация встречается и в разговорной речи. В сочетании с определительными местоимениями и местоименными наречиями с приставкой *коть-* оно становится утратившим значение элементом: <...> *и мон со вётсэ солэсь огъя тон котькинлы верасько* [Владыкина 2023: 307]. ‘<...> и это ее сновидение я всегда каждому (всем) [букв. хоть ты кому] пересказываю’. *И коть тон ку со озы мар ке со сыче пыкиськон луэ ке вал [шуэ вал]* <...> [Владыкина 2023: 307]. ‘И всегда (букв. хоть ты когда) она, если случались какие-нибудь невзгоды, так [говорила] <...>’. По нашему мнению, подобные сочетания возникли под влиянием русской разговорной речи, тем более что приставка *коть-* является заимствованием русской частицы *хоть* [Кельмаков, Самарова 2023: 262].

Местоимение *ми* ‘мы (эксклюзивное)’ может иметь референцию к *я* в нескольких контекстах. Употребление *мы* вместо *я* в авторской речи, («формула скромности») [Грамматика 1970: 333], используется в научных публикациях: *Выжы нимъёсты эскерыса-радъяса, ми пичигес кыллюкам лэсьтйм. Котькуд сыче нимлэсь этимологизэс сэрттыны-пертчыны тыршим* (Максимов 2025: 185).

‘Исследовав и упорядочив термины родства, мы составили маленький словарь. Постарались раскрыть этимологию каждого слова’. Однако часто в целях языковой экономии само местоимение пропускается, поскольку лицо получает выражение в притяжательных суффиксах и глагольных аффиксах: *Статьяямы эскеромы шор ёзо школаын дышетскись пинальёслэсь «Вордскем (удмурт) кыл» предметъя басьтэм ужъемышьёссэс дунъянлэсь аспёртэмлыксэ* (Боталова 2025, 60). ‘В нашей статье рассмотрим особенности оценки результатов учащихся средних школ по предмету «Родной (удмуртский) язык»’.

Встречается употребление *мы* вместо *я* в насмешливой, шутливой речи [Грамматика 1970: 333]: *Тодійськом ми сыёосты* ‘Знаем мы таких’. Говорящий, «прячась» за ширмой *мы* хочет сделать акцент на том, что его мнением согласно некое множество.

Так называемое материнское «мы» имеет своим антецедентом объект речи – ребенка, т. е. наблюдается перенос значения на 3-е лицо: *Ми ныльпыдьяськыса ветлыны быгатійськом ини*. ‘Мы уже можем ходить на четвереньках’. Говорящий в данном контексте не дистанцируется от объекта речи, наоборот, как бы полностью сливается с ним.

Инклюзивное местоимение может обозначать говорящего: *Асьмеос тонэныд туж шудо луомы*. ‘Мы с тобой (букв. ‘я и ты с тобой’) станем очень счастливыми’. В подобных сочетаниях референция одной единицы полностью вложена в референцию другой, М. А. Даниэль называет их конструкциями с поглощенным референтом [Даниэль 2000: 3–4].

Tii используется при вежливом или официальном обращении к одному собеседнику, создавая транспозицию с *тон* ‘ты’: *Нош Tii, Георгий Ильич, мар шуоды?* (Красильников 1991, 16). ‘А Вы что скажете, Георгий Ильич?’; – *Ми, Исак Ильич, Tiiлесьтыд арлыддэс но пурисьтам йырдыс гажаськом, – кутскиз со. – Нош кукэ Tii вуж улонлэн ортчемез сярысь бёрдйськоды но, туалала улон сярысь гожъякуды, «секыт аджон нунал вуиз» шуыса жожжкиськоды, ми Tiiледлы чутрак пумит луиськом* (Гаврилов 1982, 395). ‘– Мы, Исак Ильич, уважаем Ваши годы и Вашу седину, – начал

он. – Но когда Вы плачете об уходящей жизни и, описывая современную, жалуетесь, что «пришли дни страданий», мы твердо встаем против Вас’.

Как отмечает К. Е. Майтинская, во многих языках только во 2-ом лице возможны противопоставления по субъективной оценке, то есть употребление местоимений вежливости наряду с местоимениями, нейтральными по субъективной оценке [Майтинская 2009: 144–145]. Категорию вежливости местоимений выделяет В. А. Плунгян: «Вежливость является одной из самых распространенных категорий, выражаемых в составе систем личных местоимений <...> в большинстве языков мира различаются по крайней мере две степени вежливости: ‘неформальность’, т. е. социальное равенство говорящего и адресата vs. ‘вежливость’, т. е. адресат иерархически выше говорящего или его положение неизвестно» [Плунгян 2011: 234–235]. Е. Н. Сидоренко местоимение *Вы* в значении единичного собеседника выделяет как отдельное слово [Сидоренко 2021: 159].

Местоимения 3-го лица могут употребляться в значении 2-го лица, когда говорящий обращается к адресату / адресатам, выражая свое пренебрежение. Субъект речи тем самым как бы исключает *ты* из диалога, речевого контекста: *Учкы ай со (= тон) шоры, йырзэ урдыса кошке*. ‘Посмотри-ка на него (= себя – обращение к адресату), идет, горделиво подняв голову’; *Кыче гинэ соос (= тий), дасез вылын улысалзы!* ‘Какие же они (= вы), жили бы на готовом!’.

Субъект речи может говорить о себе и в третьем лице, так называемый «иллеизм», или «феномен самоименования от 3-го лица», когда говорящий рассматривает себя не только со стороны субъекта, но и объекта [Дахалаева 2013]. В таких примерах говорящий сильнее концентрирует внимание адресата на себе: *Эн вунэты пересьмем атайдэ (= монэ) но, оло, со (= мон) кема но уз чида ни*. ‘Не забывай и своего престарелого отца (= меня), может, он (= я) уже долго не протянет’.

На основе анализа примеров можно сделать вывод, что в системе собственно-личных местоимений удмуртского языка выявлены следующие транспозиции: 2 sg. употребляется в значении говорящего или любого субъекта (*тон* ‘ты’ = *мон* ‘я’, *котькин* ‘любой’); 1 pl. выступает в роли говорящего или объекта речи (*ми* ‘мы’ = *мон* ‘я’, *со* ‘он, она’); инклюзивное местоимение соотносится с *я* (*асьмеос* ‘мы’ =

мон ‘я’); 2 pl. выражает единичного адресата (*тй* ‘вы’ = *тон* ‘ты’); местоимение 3-го лица ед. ч. заменяет субъектов диалога (*со* ‘он, она’ = *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’); местоимение 3-го лица мн. ч. употребляется в значении 2 pl. (*соос* ‘они’ = *тй* ‘вы’). У собственно-личного местоимения 1 sg. смещение значения в семантическое поле какого-либо местоимения не происходит, в транспозиции оно не участвует.

Собственно-личные местоимения обладают словообразовательным потенциалом. 1 sg. может субстантивироваться и иметь несколько значений. В качестве абстрактной единицы языка – лексемы – оно использовано в следующем предложении: *Мон* – *со поэзын туж умойтэм кыл* (Гаврилов 1982, 621). ‘Я – в поэзии очень нехорошее слово’.

Мон может обозначать и саму личность и употребляться как синоним понятия «эго» в значении «внутреннее я», «индивидуум», «самобытность». Например, название книги В. Е. Владыкина «Мон». В интервью с доктором философских наук А. Г. Красильниковым о понятии личного пространства в удмуртском менталитете *мон* мыслится в качестве личности, любого удмурта: *Маиз вань «монлэн»?* (Инвожо 2013, № 08-09, 57). ‘Что есть у «я»?’. Падежный маркер *-лэн* свидетельствует о субстантивации, поскольку само местоимение в родительном падеже имеет форму *мынам* ‘у меня’. В предложении *Дунне уз быры монэтэк* (Матвеев 2011, 143). ‘Мир не исчезнет без моей самобытности’ форма абессивного падежа *мон-э-тэк* (букв. ‘без моего я’) также имеет конкретное предметное значение. Представлена несвойственная для местоимения падежная форма, когда к основе местоимения присоединяется притяжательным суффиксом 1-го лица ед. ч. *-э* падежный марке *-тэк*, однако такая структура является обычной для имени существительного в притяжательном склонении. *Мон* обозначает понятие внутреннего мира, личности человека, поэтому образование притяжательной формы становится допустимым. Случаи перехода местоимения *мон* ‘я’ в имя существительное часто являются авторским переосмыслением – семантическими неологизмами – тем самым реализуется значение собственно-личного местоимения 1 sg. как отсылки к человеку говорящему, следовательно, личности, в том числе, и осмысливающей свой внутренний мир.

Имеются единичные случаи субстантивации местоимения *тон*: *Тон, пе, шутэтскы ѓжыт / Мугорлэн урдлыосаз – / Тонэдтэк пöзёз кöжы / Дуннелэн пуртыосаз* (Матвеев 1999, 119). ‘Ты, мол, отдохни немного, Лежа на боку (букв. на ребрах тела) – Без твоей сущности / твоего участия свершатся в мире дела (букв. без твоего ты сварится горох в мировом котле)’; *Вордйисе, утисе но берен басьтйисе, / Тйяны мон выри вöсьлыко сьöлтэттэ, / Тонэдтэк но, малпай вал, улзоз ай тысе...* (Матвеев 2011, 197). ‘Мой создатель, хранитель и обратно забирающий, Я старался сломать твои путы, причиняющие боль, Без твоей сущности / твоего участия, думал я, оживут мои семена...’. *Тон-эд-тэк* – форма с абессивным суффиксом *-тэк* и притяжательным суффиксом 2-го лица ед. ч. *-эд*, последняя морфема сигнализирует об использовании местоимения в качестве имени существительного. В слово *тон* (*тонэд*) автор вкладывает абстрактное значение ‘твоя сущность, твоя индивидуальность, твое божественное начало’.

Собственно-личные местоимения служат производной основой для адъективов с каритивным суффиксом *-тэм*: *монтэм* (вакытэ) ‘(в период) без меня’, *тонтэм* (нунальёсы) ‘(в дни) без тебя’, *сотэм* (дырья) ‘(в период), когда не было его/её’, *митэм* (дыре) ‘(во времена) без нас’, *тййтэм* (арьёсы) ‘(в годы) без вас’, *соостэм* (дырья) ‘(в период), когда не было нас’, *асьметэм* (интыын) ‘(в месте), где нет нас (самих)’. Местоимение *мон* обладает наибольшим словообразовательным потенциалом. При одиночном употреблении *монтэм* означает ‘то, что не содержит в себе какую-либо особенность, отличительную черту, индивидуальность’, т. е. ‘безликое, ничем не примечательное’. «*Монтэм*» *нунальёслы тон кариськод Инмар, / Вакыт – тон валалод – «монтэм» омыр шурьёс* (Инвожо 2021, № 4–5, 170). ‘В однообразные дни (букв. в дни «без Я») ты преобразишься в Бога, Время – ты поймешь – безликие (букв. «без Я») воздушные реки’.

От местоимений *мон* ‘я’ и *тон* ‘ты’ образуется сложное прилагательное *тоно-моно* употребляется в значении ‘[разделять на] своего и чужого; обделять’, причем *моно* – это ‘свой’, *тоно* – ‘чужой’: *Монтэм дырья огзэс но тоно-моно эн кары* (Поздеев 1991, 160). ‘В то время, когда меня не станет, ни одного (из детей –

Т. П.) не разделяй на своего и чужого (букв. твоего и моего)»; *Кыче договор малпазы, кинэ медъяськытыса ужато, кыче квартираосыз **тоно-моно** люкылэ председатель?* (НКУЯ). 'Какой договор придумали, кого наняли для работы, какие квартиры делит председатель выборочно (букв. '[по принципу] твое-мое')?'.

Глагол *моньяськыны* употребляется в значении 'выставлять себя напоказ; быть высокомерным', от него в свою очередь образуются имена существительные *моньяськон*, *моньяськем* 'хвастовство, чванливость; высокомерие', причастие *моньяськись* 'заносчивый, высокомерный, чванливый': *Хотя, конечно, моньяськемез «романаз» но шөдйське* (Первошиков. Йөвалег, 374). 'Хотя, конечно, его высокомерие чувствуется и в его «романе»'; *Та дунне вылын котькудйз моньяськыныгес яратэ* (Хайдар 1999, 8). 'На свете каждый любит немного выставлять себя напоказ'; *Уг тодйськы, мумилэн индылэмез пелям пыриза, өз-а, нош моньяськон-ушьяськон сямылэсь таки пыраклы куштйськыны ой йөндыры* (Хайдар 1999, 8). 'Не знаю, нравоучения моей матери были ли приняты во внимание или нет, но от зазнайства-хвастовства так и не смог навсегда отказаться'.

Таким образом, личные местоимения, как и другая значимая часть речи, способны воплотить в себе все характеристики и виды лексических значений, которые могут реализовываться в разнообразных контекстах. Случаи транспозиции личных местоимений часто связаны со стилистикой языка. Возможность переноса одного местоимения в сферу действия другого местоимения указывает на наличие у местоимений собственной семантики.

Личные местоимения играют важную роль в диалогической речи, как уже отмечалось выше, главенствующую роль берет на себя местоимение *я*, который, однако, не может существовать без *ты*. Особенности функционирования личных местоимений ярко представлены в таком языковом явлении как избыточность. По нашим подсчетам грамматический плеоназм личных местоимений в устной речи составляет 30–40% [Пантюхина 2025: 307]. Кроме того, языковая избыточность самым непосредственным образом рассчитана на слушающего и ее основная миссия заключается в том, чтобы способствовать успешной передаче необходимой

информации в контексте дискурса [Звегинцев 1967: 251]. Грамматическая избыточность является по сути неотъемлемым компонентом системы любого языка.

Удмуртский язык во многих случаях вполне мог бы обходиться без личных местоимений, так как на участников речевой ситуации указывают личные формы глагола. Предложение *Монтэк тон одйг вымыш но уд лэсьты* (Широбоков 1992, 214). ‘Без меня ты ни один шаг не сделаешь’ может быть заменено на предложение без указания на адресата и иметь тот же смысл: *Монтэк одйг вымыш но уд лэсьты* ‘Без меня ни один шаг не сделаешь’, где на субъект 2 sg. указывает вспомогательный глагол отрицания *уд* ‘ты не’, входящий в состав сказуемого.

Личные местоимения в качестве субъекта (активного или пассивного) необходимы в биноминативных, неполных (с пропущенным сказуемым) и безличных предложениях. В биноминативных и неполных предложениях личные местоимения выступают в роли подлежащего: *Мон студент!* (Гаврилов 1982, 388) ‘Я студент!’, *Тон православной адями* (Кедра Митрей 1988, 20). ‘Ты православный человек’, *Мон – сяська, со – дуно кузьым* (Ар-Серги 1993, 26). ‘Я – цветы [дарю], он – дорогой подарок’.

В безличных предложениях субъект выражен формой косвенного падежа, чаще – родительного и дательного, выступает в роли дополнения: *Адэме уг поты мынам соосты* (Широбоков 1992, 214). ‘У меня нет желания их видеть’, *Но тужгес ик тыныд йётоз* (Гаврилов 1982, 388). ‘Но сильнее всего попадет тебе’, *Ну, гад – Саша, ведь марлы солы кошконо вал ини?* (Ар-Серги 1993, 15) ‘Ну, гад – Саша, почему ему надо стало уйти?’

Также обязательное выражение субъекта требуется в двусоставных предложениях с предикативной вершиной, выраженной глаголами изъявительного наклонения во II прошедшем (неочевидном) времени, условного наклонения, безотносительной к лицу вариантом повелительного и желательного наклонений, с глаголами-связками *вал* ‘был’, *вылэм* ‘оказывается, был’. Например, в предложении *Палэнысен учкыны быгатысал ке, троссэ мукет сямен адзысал*. ‘Если бы смог посмотреть со стороны, многое бы увидел иначе’ глаголы условного наклонения в

ед. ч. *быгатысал* ‘смог бы’, *адзысал* ‘увидел бы’ безотносительны к грамматическому лицу, можно использовать любое из трех местоимений ед. ч., поэтому в контексте обязательно должна быть отсылка к субъекту действия.

В остальных случаях употребление личных местоимений, по терминологии Дж. Лайонза, «целиком избыточно» [Лайонз 1978: 101], поскольку на субъект действия указывает личное окончание глагола. Тем не менее в языке наблюдается морфологическое изобилие – употребление личных местоимений с финитивными формами глагола: *Мон али ик мисьтаськоо но пыроо* (Ар-Серги 1993, 17). ‘Я сейчас же умоюсь и зайду’; *Ма тон зулиськод!* (Кедра Митрей 1988, 25). ‘Что ты болтаешь!'; *Со киоссэ пужальяз* (Перевошиков 1988, 298). ‘Он закатал рукава’; *Ми ужалом, ми нокытчы ум кошке...* (Широбоков 1992, 207). ‘Мы будем работать, мы никуда не уедем...’; *Тй монэ юри серекьяськоды гинэ, дыр?* (Блинов 1986, 100). ‘Вы надо мной специально смеетесь, наверное?’; *Сосновен чош соос та больницаын туж кемалась ужало, пе* (Красильников 1991, 11). ‘Вместе с Сосновым они в этой больнице, мол, давно работают’.

Кроме того, личные местоимения употребляются в сочетании с личными местоимениями вторичного происхождения и финитивными формами глаголов. Таким образом, в предложении получается тройная отсылка к лицу, выполняющему действие:

Мон ачим но азыланьын, оло, техника борды кариськоо ай, кин сое тодэ (Валишин 1978, 100). ‘Я и сам в будущем, возможно, техникой займусь, кто знает’; *Так-то таизлы со ачиз но паймизгес* (Перевошиков 1988, 294). ‘Так-то этому он сам немного удивился’; *Воргоронъёс, Малмыж тюрмаын пукисьёсты татчы ваемзы сярсы тй ваньды тодйськоды, луоз* (Петров 1987, 221). ‘Мужики, о том, что сюда привезли заключенных из малмыжской тюрьмы, наверное, вы все знаете’; *Со воштйськонъёс пёлысь куд-огезлы соос куиньназы шумпото, нош кудйзлы... муминыз бубиз паймо но куддыръя золос шугьяськыны кутско, нош Верочка соослэн паймемзылы, шугьяськемзылы, валамтэзылы абдра* (Перевошиков 1988, 292). ‘Некоторым из этих изменений они втроем радуются, а некоторым... отец с

матерью удивляются и иногда начинают сильно тревожиться, а Верочка бывает в недоумении от их удивления, тревог и непонимания’.

В изафетных словосочетаниях, выражающих принадлежностные отношения, также присутствует двойное выражение лица: зависимым словом выступает генитивная либо аблативная форма личного местоимения, а главное слово оформлено соответствующим притяжательным суффиксом. Личное местоимение в таких словосочетаниях так же можно опустить: *мынам бускеле* ‘мой сосед’ = *бускеле* ‘тж.’ [Вахрушев 1984: 71].

Плеоназм в употреблении личных местоимений и спрягаемых глагольных форм, скорее всего, связан с желанием выдвинуть на первый план участника / участников речи, в изафетных конструкциях – конкретизации принадлежностных отношений, лица, обладающего предметом. Частотность избыточного употребления личных местоимений в разных типах устного дискурса представляет закономерную картину: местоимения 1-го и 2-го лица фокусируют внимание на самом важном: обозначение говорящего и слушающего в речевом акте. Дублетная отсылка к 1-му лицу служит гарантией субъекту коммуникации оставаться центром в межличностной коммуникации. Обращение к собеседнику создает доверительную атмосферу для продолжения диалога или направления разговора в нужном русле. Избыточность местоимений 3-го лица служит последовательности, устойчивости хода повествования [Пантюхина 2025: 306–307].

Венгерский лингвист и философ Д. Кадар объясняет «нанизывание» указания на лицо особенностью мировоззрения уральских народов: «Это сильнейшая потребность языкового мышления *соотносить все с речевой ситуацией и со слушателем* (здесь и далее курсив наш – Т. П.) в большинстве финно-угорских языков породила системы склонения и спряжения, обозначающие локальные и темпоральные отношения во многих случаях аналогично, и практически не имеют «отклонений». <...> Лингвисты финно-угроведы в ходе изучения уральских языков установили, что одна из характерных особенностей – это т. н. тройная направленность. Это значит, что говорящий (1 sg.) излагает свой рассказ относительно места и момента речи, а *также относительно слушающей его*

стороны. Согласно этому, говорящий в момент речи ГДЕ-ТО находится во времени, т. е. там, где он говорит со слушателями, а перед этим ОТКУДА-ТО прибыл туда, а затем после разговора КУДА-ТО уйдет» [Кадар 2006: 63].

Таким образом, на основе анализа контекстуальных значений личных местоимений можно сделать выводы. Собственно-личные местоимения обозначают участников речи, в т. ч. и обобщенных. Местоимения, как и другие значимые части речи, могут быть средством выразительности языка. Их избыточное употребление служит успешности коммуникации, говорящему местоимение 1-го лица позволяет оставаться в центре внимания, местоимения 3-го лица используются для удержания нити повествования, постоянно напоминая, отсылая к объекту речи. Особенно важна роль собеседника в диалоге, поэтому местоимения *тон* 'ты' и *тій* 'вы' используются в уточнениях, в вопросах, выдвигая адресата на первый план и тем самым подчеркивая его значимость, это дает импульс для продолжения разговора. Личные местоимения, как и другая значимая часть речи, способны воплотить в себе все характеристики и виды лексических значений, которые могут реализовываться в разнообразных контекстах. Они образуют так называемые неместоименные значения за счет символического смысла, вкладываемого автором речи в местоимение, а также в разной степени способности к транспозиции: для личного местоимения 1 sg. она не свойственна, более всего распространены переходы значений у местоимений 1 pl. и 2 sg. Личные местоимения также могут служить словообразовательной базой для других знаменательных частей речи.

3. 2. Грамматические категории собственно-личных местоимений

3.2.1. Категория лица

Категория лица для личных местоимений является постоянным грамматическим признаком. Его наличие в грамматической структуре языка, по мнению С. Г. Ильенко, является фундаментальной особенностью, отличающей

человеческий язык от систем коммуникации животных (иногда, как известно, достаточно развитых). Механизм безусловной корреляции того или иного (ситуационно зависимого) высказывания с моментом речи был отработан за миллионы лет эволюции в системах коммуникации животных, и в них уже заложена основа для категории времени. Но только в человеческом языке появляется категория личности, отражающая организующую роль говорящего по отношению к речи и общению в целом; можно сказать, что именно эта категория «делает» человеческий язык. Присутствие трех лиц в грамматической структуре языка – это свидетельство осознания субъектом себя в окружающем его мире, себя как говорящего, как Я, среди объектов которого в контексте общения выделяется слушающий, выступающий одновременно в роли адресата. Это является величайшим назначением слушателя (быть в то же время потенциальным говорящим) и освящается специальным местоимением – ТЫ, тогда как другие объекты реализуются через местоимение 3-го лица [Ильенко 2009: 16–17]. Таким образом, система личных местоимений присуща любому языку и является одной из бесспорных универсалий языка [Серебренников 1988: 14, Гутнер 2005: 99].

Участника речевого акта и его роль в речи возможно обозначить только одновременно. Называя участника речевого акта, всегда сообщают, является ли он говорящим или слушающим; не существует лексем, выражающих обобщенные значения в форме ‘произвольный участник речевого акта’. Отсюда следует, что *для личных местоимений категория лица обязательна*; это явление можно было бы считать ограниченной лексической обязательностью (напр., указание пола при выборе имен для кровных родственников в русском языке), если бы не тот факт, что системы личных местоимений играют особенно важную роль в грамматике любого языка [Плунгян 2011: 230].

Итак, система личных местоимений представляет собой обязательную систему из трех лиц, в которой каждая форма лица противопоставлена двум другим и исключает употребление вместо себя остальных форм, и является достаточной для обозначения участников речевого акта, в том числе и всего множества объектов речи.

Тем не менее, не все лингвисты признают трехчленную систему местоимений. Одни считают личными только местоимения 1-го и 2-го лица, другие делают попытки количественно расширить систему лиц. Местоимения 1-го и 2-го лица используются только при указании на людей (за исключением случаев персонификации), в то время как местоимения 3-го лица во многих языках относятся как к людям, так и к предметам и явлениям [Майтинская 2009: 142]. Эта особенность некоторым исследователям, например, Э. Бенвенисту, дает основание считать личными только местоимения 1-го и 2-го лица. Он писал, что «обычное определение личных местоимений как класса, состоящего из трех членов “я”, “мы”, “он”, как раз исключает понятие “лицо”. Последнее принадлежит корреляции “я/мы” и отсутствует в “он”» [Бенвенист 1974: 258]. С ним согласен О. Есперсен, однако лучшего термина, по его мнению, нет: «Если же под термином личный понимать три грамматических лица, то, строго говоря, к личным местоимениям можно причислить только первые два лица, поскольку остальные местоимения (*this* ‘этот’, *who* ‘кто’, *nothing* ‘ничего’ и т. п.) являются местоимениями 3-го лица в точно такой же степени, как *he* ‘он’ или *she* ‘она’. Однако трудно найти лучшее название, чем “личные” местоимения, да это и не так важно» [Есперсен 1958: 96]. В некоторых научных трудах местоимения 3-го лица обозначаются специальным термином «лично-указательные местоимения» (например: [Грамматика 1970], т. к., в отличие от собственно личных местоимений 1-го и 2-го лица, они могут замещать имена существительные / делать отсылку к объекту. Л. Блюмфильд называет местоимение 3-го лица «определятельным» (цит. по: [Майтинская 2009: 143]), в «Грамматике современного русского литературного языка» местоимение *он* классифицируют как указательное (остальные местоимения 3-го лица (*она*, *оно*, *они*) авторы рассматривают как его родовые и числовые формы) [Грамматика 1970: 305].

Отличие между личными местоимениями 1-го и 2-го лица по отношению к 3-ему лицу прослеживаются в различии участия в референции, т. е. соотношении высказывания и его частей с действительностью. Первые (наряду с указательными) рассматривают в качестве дейктических, они имеют в своем значении отсылку к участникам речи. Местоимения 3-го лица (так же, как и возвратные, взаимные и

относительные) отсылают к высказыванию либо тексту, в состав которого входят, именуется анафорическими [Падучева 2024: 133].

Часть лингвистов предлагает добавить в систему личных местоимений 4-е лицо: «1-ое лицо – говорящий, 2-ое лицо – собеседник, 3-е лицо – тот, о ком говорят 1-е и 2-е лица, 4-е – тот, о ком говорит 3-е лицо» [Майтинская 2009: 148] либо, как предлагает Тальбицер, термином «4-е лицо» обозначать возвратное местоимение [Есперсен 1958: 250]. Но данное членение не оправдано ни логически, не поддерживается и грамматически. Ни в одном из языков мира нет глаголов, спрягающихся по 4 лицам [Майтинская 2009: 148], нет притяжательных суффиксов 4-го лица. В обоих случаях, пишет О. Есперсен, будет представлено 3-е лицо, а «4-е лицо» вообще невысказуемо, хотя вполне справедливо, что одно и то же местоимение или глагольная форма (3-го лица) может относиться к различным существам и предметам в одном и том же предложении или в ближайшем контексте [Есперсен 1958: 250].

М. А. Даниель предлагает выделить как отдельное лицо инклюзивное местоимение, не относя его к 1-му лицу, так как в семантике инклюзивного местоимения и говорящий, и адресат равноправны. Исследователь пишет, что как морфологические, так и функциональные характеристики инклюзивного местоимения (в том числе в рамках предлагаемой репрезентативной модели местоименного числа) требуют выделения инклюзива в отдельное лицо <...> во всех языках с инклюзивом [Даниель 2000: 141].

Конечно, местоимения 1-го и 2-го лица занимают особое положение по сравнению с личными местоимениями 3-го лица. Само возникновение языка, речи связано с личностью, активно действующей, познающей и желающей передать информацию. Принцип антропоцентризма является доминирующим в языке, т. к. для говорящего его положение в пространстве и во времени составляет естественный центр ориентации в окружающей действительности. Именно поэтому в парадигме личных местоимений местоимение 1-го лица занимает центральную позицию в системе типов указания на степень отдаленности от

субъекта речи: «сфера говорящего», «сфера собеседника», «сфера объекта речи» [Майтинская 2009: 141].

Существует мнение, что резкое противопоставление 1-го и 2-го лица третьему лицу не во всех отношениях оправдано, поскольку по значению 2-е и 3-е лицо, в известном смысле, ближе друг к другу, чем 1-е лицо ко 2-му лицу. Второе и третье лица объединяются признаком «не говорящие», и второе лицо играет роль посредника между субъективным первым и объективным третьим лицом. Как отмечает К. Е. Майтинская, во многих языках только во втором лице возможно противопоставление по субъективной оценке, то есть употребление местоимений вежливости наряду с местоимениями, нейтральными по субъективной оценке [Майтинская 2009: 144–145].

Таким образом, категория лица является универсальной для всех языков. Личные местоимения удмуртского языка так же образуют трехчленную систему, основа которой была заложена в финно-угорском праязыке. Для личных (первичного и вторичного происхождения) и трех притяжательных (*асьме* ‘наш’, *асьтэ* ‘ваш’, *асьсэ* ‘их’) местоимений удмуртского языка категория лица является постоянным признаком. Она также свойственна глаголам, но характеризуется как словоизменяемая категория, глагол принимает ту форму лица-числа местоимения, с которым координирует.

3.2.2. Категория числа

Грамматическая категория числа личных местоимений неразрывно связана с категорией лица и имеет двоякую характеристику – для местоимений 1-го и 2-го лица она является постоянным признаком, для 3-го лица – словоизменяемым. Данная неунифицированность вызывает споры среди лингвистов. Являются ли местоимения несингулярного (двойственного, множественного) числа числовыми формами единственного числа или отдельными местоимениями? Иными словами, категория числа личных местоимений – это формообразующая или словообразующая категория?

Оригинальные формы личных местоимений, указывающие на числовую дихотомию, по мнению Д. В. Бубриха, «соотносятся отнюдь не как образования единственного и множественного чисел, а как различные слова. Соответственно нет обычного показателя мн. ч.» [Бубрих 1949: 101]. Итак, личные местоимения 1-го и 2-го лица не удастся разделить на основу и грамматический показатель числа.

В ином положении находятся местоимения 3-го лица. В финно-пермский период, по мнению К. Е. Майтинской, в диалектах праязыка установился супплетивный способ образования формы мн. ч.: в качестве сингулярных форм употреблялись указательные местоимения, восходившие к прафинно-угорским *t-овым или *ć-овым корням, им противопоставлялись указательные местоимения с *n-овым корнем. Праязыковая бинарность сохранилась в финском, карельском, ижорском, мордовских, марийском, коми языках. Преодоление супплетивности привело к упрощению местоименного словоизменения – образованию форм с присоединением показателя мн. ч., которое развилось по аналогии с числовой оппозицией имен существительных, что наблюдается в удмуртском языке, диалектах мордовских и марийского языков [Основы 1974: 286–287].

Авторы «Грамматики современного русского литературного языка. Синтаксис простого предложения» [ГСУЯ 1970] рассматривают числовую бинарность местоимений, категориально соотносимых с именами существительными, как словоизменительную категорию, которая обозначает, что лица или предметы, на которые указывают местоимения, представлены в некотором количестве: одного или больше одного <...>. Считается, что категория числа имеет последовательное морфологическое выражение у личных и указательных местоимений. У личных местоимений это – системы падежных форм ед. и мн. ч., открывающиеся супплетивными формами именительного падежа [Грамматика 1970: 332; Каракулова 2001: 118].

Морфологическая характеристика категории числа неразрывно связана с семантическими особенностями личных местоимений. Их исследованию также посвящен ряд работ. В. А. Плунгян отмечает, что «значение несингулярных личных местоимений может быть (а в первом лице регулярно бывает)

несимметричным: оно устроено не по принципу ‘X в количестве *n*’, а по принципу ‘группа из лица X и других лиц в количестве *n*’» [Плунгян 2011: 232]. Он считает неоправданным отрицание тождества местоименного и субстантивного числа. Местоимение *мы* рассматривается лингвистом как форма множественного числа *я*, связанные по типу ассоциативной множественности: «русск. *тридцатые годы*; тагальск. *sina* [МН] *Maria* ‘Мария и ее семья / друзья’; исп. *los reyes* ‘королевская чета’, букв. ‘короли’ или *los abuelos* ‘дедушка с бабушкой’, букв. ‘дедушки’ [Плунгян 2011: 156]. Значение местоимения 2-го лица мн. ч. также «может вполне соответствовать стандартному значению множественного числа. <...> сам способ формального выражения числовых противопоставлений у существительных и местоимений не так уж редко бывает сходным или даже тождественным» [Плунгян 2011: 156]. В. А. Плунгян рассматривает категорию числа личных местоимений, как словоизменительную и не видит никаких причин считать эту категорию словообразовательной. В удмуртском языкознании подобной точки зрения придерживался И. В. Яковлев [1930: 36–37].

М. А. Даниэль возражает сторонникам такой концепции и обращает внимание на то, что по своему числовому поведению личные местоимения *мы*, *вы* не только отличаются от нарицательных (конкретных) существительных, но и от известных способов передачи ассоциативной множественности: «Допустим, что местоименное число аналогично формам ассоциативной множественности. *Мы* = говорящий и другие, *вы* = адресат и другие. Но в русском языке *вы* используется только для обозначения таких личных совокупностей, в которые не входит говорящий. Так что этому местоимению должна соответствовать формула “адресат и другие, но не говорящий”. Если записывать местоимение *мы* как “говорящий и другие”, а *вы* как “адресат и другие, но не говорящий”, местоимения *мы* и *вы* оказываются семантически асимметричными: отношения между *я* и *мы* оказываются не тождественными отношениям между *ты* и *вы*» [Даниэль 2000: 19–20]. Лингвист предлагает рассматривать местоименное число количественно ориентированным, «в любом случае обозначаемая совокупность содержит более

одного лица и форма автоматически соотносится с местоимениями множественного числа» [Даниэль 2000: 25].

Другие ученые придерживаются иной точки зрения. Э. Бенвенист считает, что нет необходимости разделять категорию числа и лица, поскольку они тесно взаимосвязаны: местоимение *мы* указывает не на множество говорящих, а на группу лиц, среди которых находится говорящий. Личные местоимения мн. ч. он рассматривает как «расширенное лицо», а ед. ч. – как «собственно лицо» [Бенвенист 1974: 288]. С точки зрения В. В. Виноградова, местоимения 1-го и 2-го лица лишены форм числа: «*Я, ты* не имеют множественного числа. Много *я*, много *ты* – эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения *мы, вы* имеют другие значения» [Виноградов 1986: 275].

Личное местоимение *мы* является обозначением не нескольких *я*, а совокупности лиц, в которую входит *я* (1-е лицо). Личное местоимение *вы*, кроме возможного обозначения нескольких адресатов, нескольких *ты*, может быть семантически тождественно группе лиц, в число которых входит адресат речи *ты* (2-е лицо). Исходя из этого, *мы* не является морфологической формой, производной от *я*, а *вы* не является производным от *ты*. Но по грамматическим признакам *мы* является местоимением 1-го лица мн. ч., а *вы* – местоимением 2-го лица мн. ч. *Мы* и *вы* – это особые местоимения, являющиеся *pluralia tantum* [Виноградов 1986: 272]. Соответственно местоимения *я* и *ты* являются *singularia tantum*. Категория числа, так же, как и категория лица, у личных местоимений *я, ты, мы, вы* является интегральным признаком.

Разногласия можно разрешить иным способом. Признать категорию числа постоянным признаком, так как личные местоимения 1-го и 2-го лица являются первичными, а личные местоимения 3-го лица считать исключением.

Местоимение *они* является формой множественного числа местоимения *он*. Эту точку зрения (относительно русского языка) можно выразить выводами В. В. Виноградова: с личными местоимениями 1-го и 2-го лица «лишь отчасти похожие, но более смешанные и тесные отношения наблюдаются между

формами: *он – она – оно* и *они*. Множественное число здесь может обозначать и множество однородных предметов или лиц, и совокупность разнородных лиц и предметов. И все же – это формы одного и того же местоименного слова *он*» [Виноградов 1986: 276].

Итак, существуют различные точки зрения на грамматическую категорию числа личных местоимений. Понятно стремление отдельных лингвистов привести к единообразию морфологические категории языка. Признавая категорию числа за личными местоимениями 1-го и 2-го лица классифицирующей, а за личными местоимениями 3-го лица – формообразующей, приходим к явному противоречию, поскольку грамматическая категория должна быть унифицированной, всеобъемлющей и взаимоисключающей. Но такова природа личных местоимений, особенность их семантики. Разногласия можно разрешить иным способом. Признать категорию числа постоянным признаком, так как личные местоимения 1-го и 2-го лица являются первичными, более ранними по образованию, а личные местоимения 3-го лица считать исключением.

Также уточним, что к группе местоимений *pluralia tantum* относятся счетно-личные, образованные от числительного *кык* ‘два’ и больше его, личные местоимения вторичного происхождения – производные от основ *куд*-‘который’, *вань*- ‘все’³¹. Что касается усилительно-личных и счетно-личных местоимений, образованных от числительного *одийг* ‘один’, их, с нашей точки зрения, следует признать местоимениями с модифицирующей (словоизменительной) категорией числа, имеющими оппозицию ед. ч. с нулевым маркером и мн. ч. в первом случае – со стандартным субстантивным аффиксом *-ос*, во втором – суффиксами *-мы*, *-ды*, *-зы* «с лично-числовой функцией» [Грамматика 1970: 44]. Соответственно, инклюзивное местоимение *асьмеос* ‘мы’ в работе рассматриваем как слово во мн. ч.

В некоторых удмуртских песенных текстах (рекрутских, гостевых) употребляются необычные формы местоимений 1 sg., 2 sg. со стандартным суффиксом мн. ч. имен существительных *-йос*, который в других случаях с

³¹ Нужно отметить, что имен существительных *pluralia tantum* в удмуртском языке нет [Каракулова 2001: 115].

личными местоимениями не употребляется: *мон-йос* ‘я’, *тон-йос* ‘ты’ и их падежные формы, например, *монйосыз* ‘меня’ [Кельмаков 2015: 294], *монйосйа* ‘по мне, по моему желанию, примеру’, *тонйосйа* ‘по тебе, по твоему желанию, примеру’ [Архипов 1978: 22]. Данные формы зафиксированы в населенных пунктах, относящихся к южному диалекту: в дд. Верхняя Малая Салья Киясовского района (кырыкмасские говоры), Пазял и Выльгурт Можгинского района [Кельмаков 2015: 376], деревнях Можгинского, Малопургинского районов (среднеюжном диалекте) [Архипов 1978: 22, 32]: крк. *ти кэ гьнэ косьлодь-й / монйос гьнэ кързало*. ‘Если вы да попросите, / Я ведь спою’ [Кельмаков 1977: 46]; ср-юж. *тонйос гьнэ лубтоз’, / монйос гьнэ мэдло вал*. ‘Чем ты, / Лучше бы я’ [Архипов 1978: 32]; *косозы окопэ султыны но косозы / монйосыз ыбыны*. ‘Прикажут становиться в окоп, / И прикажут мне стрелять’ [Кельмаков 2015: 294].

Также встречаются формы мн. ч. от *pluralia tantum*: *миосйа* ‘по нам, по нашему желанию, примеру’, *тиосйа* ‘по вам, по вашему желанию, примеру’ [Архипов 1978: 22]. В некоторых говорах северных диалектов Л. Л. Карповой также отмечены единичные аккузативные формы с присоединением показателя мн. ч.: *мил’эмйость, мил’амйосты* ‘нас’ [Карпова 2020: 245]. Эта же модель образования форм винительного существует в диалектах коми-зырянского языка [Федюнева 2008а: 63]. Интересна версия, высказанная в устной беседе доктором филологических наук Н. В. Кондратьевой, о том, что данная форма могла возникнуть и вследствие утраты форм двойственного числа личных местоимений.

Присоединение показателя мн. ч. к существительным, обозначающим единичные предметы, является характерной чертой для южноудмуртского диалекта, особенно в песенном фольклоре [Архипов 1981: 12; Загуляева 1987: 95]: *ти йаратон туганйосы* ‘любимый мой миленочек (ты)’ [Архипов 1981: 12]; *арган кутыса у’чай но, оз бу-йга с’улэмйосы*. ‘Попробовала взять гармошку да, сердце (букв. мои сердца) не успокоилось’ или *та кез’ыт куазен нырйосмэ кынтис’кэм*. ‘В эту морозную погоду поморозил нос (букв. ‘мои носы’)’ [Загуляева 1987: 95]. По мнению исследователя, формант мн. ч. придает словам «значение совместности предметов (частей тела), из которых выделяется только один предмет. В данном случае

суффикс *-йос* выполняет экспрессивно-стилистическую функцию» [Загуляева 1987: 95]. Г. А. Архипов предполагает, что «<...> форма множественности дает определенный стилистический оттенок ласкательности» [Архипов 1981: 12]. М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов также считают, что «употребление множественного числа в удмуртском языке часто объясняется стилистическими, фольклорными мотивами» [Каракулова 2001: 115]. Возможно, по аналогии с данным значением имен существительных образовались и местоименные формы мн. ч.

Вероятно, данное явление имеет более широкое распространение, например, в песне шошминских удмуртов Ю. Вихманном зафиксированы следующие формы мн. ч.: *gužem kužioslen pösiosiz šir-pušen bad'-puđe sute dŕr* [Wichmann 1893: 33]. 'Жара (мн. ч.) летней погоды (мн. ч.), наверное, сожжет эти вяз с вербой'. Нам кажется, что слово *pösiosiz* 'жара (мн. ч.)' выражает длительность и интенсивность состояния погоды. В. Н. Захаров предполагает, что существительные с абстрактной, отвлеченной семантикой могут употребляться в форме мн. ч. при конкретизации значения [Захаров 1976: 90].

Местоимения 3-го лица мн. ч. образуется от основы ед. ч. *со* субстантивным суффиксом *-йос*, который восходит к общепермскому **-jas* (в коми языке *-йас*). В некоторых письменных источниках зафиксированы единичные случаи былого функционирования в удмуртском языке показателя мн. ч. с нелабиализованной огласовкой. В «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...» Г. Ф. Миллера (1756) имеются записи «*Sojas süllä*, Они стоят *Соясъ Сюлле*» [Миллер 2005: 97; Тепляшина 1966: 57]; в образцах удмуртской речи Т. Г. Аминоффа: *mynoz ini vožmaškišjasyz dirë* [Aminoff 1898: 42]. 'пойдет уже к его сторожам'. Дейотированный суффикс *-as* сохранился в средневожосточных говорах (*šana, as* 'галки', *parta, as* 'парты'). С. К. Бушмакин считает, что реликтовый *a* показателя мн. ч. сохранился благодаря конечному *a* основы существительного [Бушмакин 1969: 59–60]. В коми языках форма мн. ч. образуется супплетивно от основы *na-* / *ni-* / *ni-*. «Несовпадение плюралных форм коми и удмуртских местоимений 3-го лица говорит <...> о разновременности их образования и разной степени формирования собственно личных значений» [Федюнева 2008а: 143].

Грамматическая категория числа является важным компонентом грамматической системы, она имеет облигаторный характер, кроме того, тесно связана с категорией числе глагола. Следует признать, что для личных местоимений категория числа преимущественно является классифицирующим признаком. Первичные личные местоимения удмуртского языка, обозначающие единичность или множественность, являются разными словами, выделить в них суффикс множественности проблематично, поэтому *мон*, *тон* – слова, которые употребляются лишь в ед.ч. – *singularia tantum*, *ми*, *тӱи*, соответственно, *pluralia tantum*. Личные местоимения 3-го лица и инклюзивное местоимение 1-го лица *асьмеос* ‘мы’ считаются исключением, для них категория числа является дифференциальным признаком.

3.2.3. Категория падежа

Категория падежа местоимений – словоизменительная категория, обозначающая, что словоформа местоимения выступает в качестве подчиненной при глаголе, имени или наречии (категории состояния) и несет при этом отвлеченное значение отношения, определяющееся: 1) категориальными свойствами подчиняющего слова; 2) самой формой подчиняющегося имени; 3) характером связующего элемента (послелога), а также часто и 4) лексической семантикой этого имени. Категория падежа выступает как категория синтаксиса, а не морфологии. Выражаемое ею отвлеченное значение отношения складывается не в парадигме слова как системе его форм, а в словосочетании, т. е. является не парадигматическим, а синтагматическим [Грамматика 1970: 326]. Грамматическая категория – явление двустороннее, охватывающее не только грамматическое значение, но и формальные средства его выражения, т. е. падежные маркеры. В удмуртском языке показателями падежных форм являются суффиксы [Тараканов 2007: 111].

В зависимости от диалекта местоименное склонение может значительно отличаться от субстантивного как количеством падежей, так и разной номенклатурой словоизменительных морфем (последнее касается древних падежей). Имена существительные удмуртского литературного языка склоняются

по 15 падежам: 8 субъектно-объектных, 7 локальных. В диалектах количество местных падежей варьируется от 5 до 13. Во многих периферийно-южных и некоторых южных, срединных говорах оно имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями [Кельмаков 1998б: 117; Бушмакин 1971б: 21], в красноуфимском говоре отсутствует форма исходного падежа [Насибуллин 1978: 96–97]. В противовес южным говорам в северных диалектах субстантивная парадигма расширяется за счет вторичноместных падежных форм с формантом *-н'*, образовавшегося путем стяжения послелога *дин'э* ‘у, около, при, возле’. Большая часть имен существительных не склоняется по данным падежам. «Новые падежные показатели используются только с ограниченным количеством лексем: преимущественно их употребляют применительно к одушевленным именам, выражающим лицо, человека» [Карпова 2020: 173]. Количество вторичноместных падежей варьирует от четырех до шести, чаще всего приблизительный иллатив и приблизительный элатив [Карпова 2020: 174]. В бесермянском наречии также имеется «внешне-местный падеж приблизительный с элементом *-н'* вместо удмуртской послеложной конструкции с *дйне, доры*» [Тепляшина 1970а: 169].

В литературном языке личные местоимения имеют 9 падежных форм: именительную, винительную, родительную, разделительную, дательную, лишительную, творительную, соответственную, направительную. Личные местоимения в силу своей семантики – указания на участников речи – «обычно склоняются только по субъектно-объектным падежам», но в парадигме склонения личных местоимений по 9 падежам имеется одна форма местного падежа – направительного [ГСУЯ 1962: 168–169]. В диалектах у личных местоимений, как и у имен существительных, наблюдается разброс в количестве падежных форм: в части диалектов, говоров южного наречия, срединных говорах они имеют формы только субъектно-объектных падежей (8 грамматических значений), в части говоров неупотребительны формы соответственного падежа (7 грамматических значений), взамен падежных форм используются местоименно-послеложные сочетания *мон сямен* ‘по-моему’, *тон сямен* ‘по-твоему’ и т. д. В северном, бесермянском наречиях

добавочно употребительны еще 6 форм вторичных местных падежей, которых нет в других диалектах удмуртского языка. Некоторые лингвисты для определения территориально специфических падежей используют термины «приблизительно-местные падежи» [Тепляшина 1981: 285–286; Кельмаков 1995: 15–16; Карпова 2005: 60–63; Карпова, Кондратьева 2014; Люкина 2016: 72–74]. Другие считают, что более приемлемым является термин «жилищно-местные падежи», учитывая семантику нахождения в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо [Максимов 1999: 194–195; 2018: 209–227; Некрасова 2012: 8] или «посессивно-местные падежи» [Некрасова 2023: 41–43]. Кроме ограниченного круга имен существительных со значением «лицо», «описываемые падежи употребительны почти со всеми разрядами местоимений, за исключением притяжательных. Из счетно-личных местоимений они не употребляются с такими как *огн'ам*, *огн'ад*, *огн'аз* 'я (ты, он) один', которые приближаются к наречиям» [Максимов 1999: 202]. Таким образом, в диалектах удмуртского языка личные местоимения могут иметь от 7 до 14 падежных форм, каждая из которых выражена определенным суффиксом.

В косвенных падежных формах личных местоимений четко выделяются два компонента: а) основа местоимения; б) падежный суффикс. Личный суффикс присутствует в составе нескольких падежных форм: родительного, дательного, разделительного, осложненного варианта творительного падежей местоимений 1 sg., 2 sg. и винительного, родительного, дательного, разделительного, творительного падежей 1 pl., 2 pl. Нужно отметить прямую зависимость наличия элемента *-l'* в основах *mil'*-, *til'*- и участия личного суффикса в образовании падежной формы, т. е. данные формы плюрального склонения подобны формам существительных притяжательного склонения.

Без личных суффиксов образуются формы лишительного, соответствующего, направительного падежей всех четырех местоимений и винительного, неосложненного варианта творительного падежа местоимений ед. ч.

В склонении инклюзивного (< усилительно-личного) местоимения встречаются три основы: *as-*, *as'-*, *ač'-/ač'-*, К. Редее и Ш. Чуч *as'-* ~ *ač'-/ač'-* аллофонами считают, поскольку, по их мнению, *as'-* встречается перед согласными, *ač'-/ač'-* – перед гласными [Csúcs 2005: 235]. Основа *as* может использоваться в качестве отдельного слова. Основу усилительно-личного (возвратного) местоимения можно восстановить по формам прапермского языка *ač'-* ~ *as'-* и *as*. Первые два типа уже в прапермский период образовали алломорфную пару, члены которой, вероятно, вели себя в соответствии с правилом дистрибуции, которое действует и сегодня. Значение финских, саамских, мордовских и марийских эквивалентов ('свой, собственный') позволяет предположить, что возвратная функция слова могла развиваться уже в финно-пермский период, самое позднее – в прапермский период. По общепринятому мнению, основа *as* этимологически не связана с другой основой усилительно-личных (возвратных) местоимений. Это мнение, несомненно, имеет под собой фонетические основания, однако нерешенным остается вопрос, для чего языку понадобилось две основы с идентичным значением [Csúcs 2005: 235].

Вопрос о том, к какой части слова при морфемном членении относить форматив *-л'* и сопутствующие ему аффиксы *-эм*, *-эд* в парадигме местоимений 1 pl., 2 pl., удмуртскими лингвистами решается неоднозначно. В «Кратком очерке удмуртского языка» не вполне ясны принципы морфемного членения некоторых падежных форм, например: в парадигме местоимений *ми* 'мы', *тй* 'вы' во всех падежах выделена основа номинатива, в дательном падеже рассматриваемые морфемы включены в состав корня: *милем-*, *тйлед-* [Первошиков 1959: 1319]. В «Грамматике современного удмуртского языка» указано, что в формах винительного, [осложненной формы] дательного, творительного падежей выделяются суффиксы с элементами *-ем*, *-ед*, которые «срослись с падежными окончаниями» и представлено следующее морфемное членение: *мил-емыз*, *мил-емды* 'нас', *тйл-едыз*, *тйл-едды* 'вас'; *мил-емлы* 'нам', *тйл-едлы* 'вам'; *мил-емын* 'нами', *тйл-едын* 'вами' [ГСУЯ 1962: 169]. Такое искусственное «сращение» морфем не оправдано: *-ем*, *-ед* – личные суффиксы, *-ед* присутствует в парадигме притяжательного склонения существительных (ср., *малпанэдлэсь* 'от твоей мысли', *пйедлэсь* 'твоего сына, от

твоего сына’), элемент *-м* суффикса 1-го лица в притяжательном субстантивном склонении утратился, остался лишь гласный (*малпанэлэсь* ‘от моей мысли’, *ниелэсь* ‘моего сына, от моего сына’), но сохранился в прономинативном склонении. Р. Ш. Насибуллин в парадигме склонения личных местоимений выделяет основу, совпадающую с номинативом, остальную часть рассматривает в качестве падежного суффикса, например, формы генитива *mi-l'am* ‘у нас’ *ti-l'ad* ‘у вас’ датива – *mi-l'emli* ‘нам’, *ti-l'edli* ‘вам’ [Насибуллин 1972а: 153]. Лингвист стремится стандартизировать местоименную основу, поскольку элемент *л'* присутствует не во всех падежных формах. Но о его значимости как составной части именно основы, с нашей точки зрения, сигнализируют краткие формы личных местоимений, в которых элемент *л'* сохраняется. Так, в юкаменском говоре среднечепецкого диалекта спорадически встречаются усеченные формы *мил'-эсть*, *тил'-эсть*, образованные стяжением полных падежных форм *мил'-эм-эсть*, *тил'-эд-эсть* [Карпова 2020: 245]. В указанных местоимениях подвержены синкопе показатели лица *-эм* и *-эд*, но *л'* остается в основе. Кроме того, при морфемном членении не следует в один суффикс объединять морфемы с разными грамматическими значениями, такими, как притяжательность и падеж.

В. К. Кельмаков выделяет два типа основы личных местоимений *pluralia tantum*: *ми-* ~ *мил-*, *тй-* ~ *тйл-*, рассматривает вышеприведенные элементы *-ем* и *-ед* в качестве показателей лица: акк. *мил-ем-ыз* / *тйл-ед-ыз* <...>, дат. *мил-ем-лы* / *тйл-ед-лы* или *мил-ем-ø* / *тйл-едø* [Кельмаков 2005б: 80]. Именно данное морфемное членение мы берем на вооружение, т. к. оно представляет собой логичное разделение форм местоимения на отдельные морфемы с учетом их семантики.

Разные взгляды при нахождении морфемных границ падежных и притяжательных суффиксов притяжательного склонения имен существительных были рассмотрены в работе В. К. Кельмакова «Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания» [Кельмаков 2005а: 68–80]. Лингвист доказывает, что «хотя форманты данной группы падежей (инструменталя, элатива, эгрессива – *Т. П.*) в притяжательном склонении несколько отличаются от формантов соответствующих падежей в простом склонении, тем не менее исторически

тождественны друг другу; отличие между ними заключается лишь в том, что в притяжательном склонении в силу определенных условий показатели падежей сохранились в более ранней форме, нежели в простом» [Кельмаков 2005а: 79]. Логически доказанный ученым принцип выделения морфологических единиц последовательно отражен и в трудах Н. В. Кондратьевой [2011а; 2011б]. Ввиду того, что морфемная структура падежных форм личных местоимений часто представляет собой субстантивную притяжательную форму, считаем целесообразным применить в своем исследовании данный тип разделения на аффиксы.

В нашей работе придерживаемся модели диалектного членения удмуртского языка, представленной в учебном пособии ведущего удмуртского диалектолога В. К. Кельмакова [1998] с усовершенствованным членением северного наречия, которое было выдвинуто Л. Л. Карповой после скрупулезного анализа особенностей диалектов и говоров северного языкового ареала [Карпова 2020].

С первых научных описаний морфологии личных местоимений лингвистами замечено, что морфологически традиционно выделяемые личные местоимения можно разделить на три группы: а) 1 sg., 2 sg., б) 1 pl., 2 pl., в) 3-го лица ед. ч. и мн. ч. Члены каждой группы изменяются по падежам идентично друг другу, лишь в третьей существуют отличия в аккузативе. Лексемы первых двух групп имеют присущие лишь им парадигмы склонения, формы личных местоимений 3-го лица имеют много сходных черт с именами существительными. В отдельную, четвертую, группу нами выделено инклюзивное местоимение. В данной главе рассматриваются падежные формы личных местоимений, исходя из разделения их на группы.

Особенностью реализации любой падежной формы является ее двусторонний характер: с одной стороны, падежные значения выполняют семантико-синтаксическую функцию, с другой – они конкретизируют их в соответствии со своими морфологическими значениями. Грамматические значения падежа выступают прежде всего как значения синтаксические, свидетельствующие о подчинительной связи между словом и словоформой, где форма личного местоимения выступает в качестве подчиненной. Семантические функции падежей разнообразны, у каждой падежной формы имеется целый комплекс значений. В

семантической структуре каждого из падежей выделены основное и частные значения. В некоторых случаях значение раскрывается в сочетании с послелогом. Это обычное явление, когда для увеличения выразительных возможностей падежей используются служебные слова. «Осложнение падежной системы предложными (или послеложными) формами позволяет с помощью небольшого числа падежей выразить многообразные синтаксические отношения, в которые попадают имена в предложении» [Кацнельсон 1972: 40].

Таблица 3. Частотность употребления падежных форм собственно-личных местоимений в художественном тексте

	мон	тон	со	ми	тй	соос	асьмеос	Итого
Им. п.	435	281	704	63	68	148	24	1723
Вин. п.	60	61	247	15	12	49	7	451
Род. п.	37	44	171	18	14	28	19	331
Дат. п.	66	62	92	11	9	15	24	279
Разд. п.	23	4	71	2	4	9	7	120
Тв. п.	2	16	28	-	3	2	-	51
Лиш. п.	1	3	2	-	-	-	-	6
Соотв. п.	-	-	1	-	-	2	-	3
Итого	624	471	1316	109	110	253	81	2964

Частотность употребления местоимений и их падежных форм представлена в Таблице 3. Данные, полученные методом сплошной выборки из художественного текста объемом 250 страниц, указывают на то, что количество исследуемых единиц, хотя и варьируются в зависимости от стиля текста, но основные тенденции можно отметить: а) наиболее частотное местоимение 3-го лица ед. ч., за ним следуют 1 sg., 2 sg., местоимения 1 pl., 2 pl. и 3-го лица мн. ч. употребляются реже, самая низкая частотность у инклюзивного местоимения; б) наиболее частотный падеж – именительный (были учтены и формы в сочетании с послелогом), за ним следуют винительный и родительный, наименее употребительны формы лишительного, соответственного падежей, формы направительного падежа в тестовом тексте не встретились. Что касается частотности падежных форм, то они, за исключением дательного падежа, прямо пропорциональны порядку возникновения (по: [Csúcs 2005: 228–231]) падежных форм в общепермском и далее праудмуртском языках.

Данный факт, скорее всего, закономерен, т. к. чем раньше форма возникла, тем выше его семантическая валентность.

3.2.3.1. Именительный падеж (Номинатив)

Именительный падеж характеризуется нулевым морфологическим показателем и совпадает с основной формой местоимений: *Мон тыныд ваньзэ верало* (Коновалов 1990, 33). ‘Я тебе все расскажу’; *Вот-вот, тон монэ тодйськод, юнмезэ уг вера* (Красильников 1991, 22). ‘Вот-вот, ты меня знаешь, напрасно говорить не буду’; *Ми ужалом, ми нокытчы ум кошке...* (Широбоков 1992, 207). ‘Мы будем работать, мы никуда не уедем...’; *Тйй өд вунэтэ на, дыр, пьесалэсь содержанизэ* (Гаврилов 1987, 396). ‘Вы, наверное, еще не забыли содержание пьесы’; *Со ик сотской, со ик староста но* (Кедра Митрей 1988, 16). ‘Он же сотский, он же и староста’; *Пал кыл но өз поттылэ соос лекъяськемзы пумысен* (Валишин 1978, 87). ‘Они ни словом не промолвились о своих раздорах’; *Асьмеос али Витебскен Орша куспын* (Петров 1959б, 96). ‘Мы (с вами) сейчас между Витебском и Оршой’.

Диалектные формы

Номинативная форма личных *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’ одинакова для всех диалектов удмуртского языка. Личные *со* ‘он, она’ и *соос* ‘они’ в красноуфимском говоре претерпели фонетические изменения перехода свистящих в шипящие: *шо, шоош // шош*. Данным звукопереходом «полностью охвачены также и регулярные словоизменительные суффиксы», в т. ч. и мн. ч. *-ош*, падежный суффикс акузатива *-ъж*. Фонетический процесс в красноуфимском говоре, возможно, проходил одновременно со звукопереходом свистящих в шипящие в марийском языке. Из-за ослабления оппозиции с твердыми палатальные *с'* и *з'* стали свистящими *с''* и *з''* [Насибуллин 1978: 94–95], возможно, с дальнейшей аффрикатизацией, т. к. в материалах исследователя представлены две формы суффикса аблатива: *-лэс''* и *-лэч*.

Личное местоимение мн. ч. *соос* ‘они’ функционирует в большинстве диалектов, параллельно в части диалектов встречается форма *сойос*, например, в косинском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия наиболее

употребительным является вариант *сойос* [Карпова 2020: 403], в южных [Архипов 1982: 59; Кельмаков 2015: 297], закамских говорах [Насибуллин 1972а: 153], в форме *сойос* сохранился первоначальный согласный суффикса множественного числа *-йос* [Карпова 2020: 403], было бы неверным предполагать, что в северных говорах данный аффикс сохранился под «бесермянским влиянием», о чем пишет, например, Л. М. Ившин [2010: 175]. В фольклорных записях Б. Мункачи, сделанных в населенных пунктах современного кукморского говора, представлена форма *sojos*, она же использована в дореволюционных переводах религиозной литературы на «казанский» диалект. Впоследствии в данной форме произошли диереза согласного *й* и в некоторых случаях вставка неэтимологического *ц*: *soos*, *soцos* [Кельмаков 1970б: 341]. В юго-западных срединных говорах также зафиксировано спорадическое употребление формы *соцос*, где билабиальный *ц* представляет собой буферный звук на стыке двух *о*. В речи также присутствуют формы, образованные путем стяжения: *сос*, *шош*. Инклюзивное местоимение 1-го лица мн. ч. *асьмеос* образовано стандартным суффиксом множественного числа *-йос* и его аллофонами *-ос* (*-эс*, *-эш*). По сравнению с другими местоимениями оно является более поздним по возникновению и имеет несколько ареальных вариантов, сформировавшихся в период самостоятельного развития диалектов.

мон³² сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 95], бес. [Федотов 1982: 123], сред. [Зверева 1982: 64, 65], южн. [Загуляева 1982: 10], круф. [Насибуллин 1978: 98], канл. [Насибуллин 1981: 174], **тоң** закам. [Насибуллин 1972а: 153].

тон J, K [Aminoff 1896: 29], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 163].
сч. *внукйосы лачак, праба·бушка н'и мон* 'Внуков [у меня] много, уже прабабушка я' [Карпова 2005: 95]; сред. *татын ик ворккэмын мон*. 'Здесь же я родилась' [Зверева 1982: 64, 65]; южн. *та туалала турынэз / мон ой турна, / горд намэр но пуйосыз жал'аса*. 'Эту свежую [нынешнюю] траву Я косить не стала, Красную костянику пожалев' [Загуляева 1982: 10]; бес. «мар мон ужалом, уз'о но д'эз'гэс

---

³² Нами выбрана следующая последовательность подачи материала: формы местоимений современного языка, при наличии – формы, зафиксированные в письменных источниках зарубежных исследователей конца XIX – начала XX в., примеры контекстуального использования, описание морфемной структуры.

луос», – шуэм иван но уз'ыны вьдэм. «Что еще работать, посплю и лучше будет», – сказал Иван и лег спать' бес. [Федотов 1982: 123]; круф. *мон* *низошль βэрас'ко ожно βэл* 'я рассказываю детям о войне' [Насибуллин 1978: 102]; канл. *мон* *күз'окын, тон* *күз'окын, / кошкэмакы гоштэт лэз'* [Насибуллин 1981: 174]. 'И я вдалеке, и ты вдалеке, / Когда затоскуешь, посылай письма'.

мон сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], кукм. [Кельмаков 1990а: 123], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тон* бес. [Тепляшина 1970а: 183], закам. [Насибуллин 1972а: 153], сев. [Kel'makov; Saarinen 1994: 179].

тон J, K [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 163].

сев. *та тон соје тоди́скод кад' ук?* [Kel'makov; Saarinen 1994: 179]. 'Так ты же вроде знаешь это'; кукм. *кушт ай тон* *кочьшэс тьбър вьлаз, со ни·ноку но уз ү·с'ь, вэс' нь' вьлаз бэрис'коз.* 'Брось-ка ты кошку на спину, она никогда не упадет [на нее], непременно вывернется на ноги' [Кельмаков 1990а: 124]; круф. *тон* *тәмәк кьшкътоз'', мон* *ужмэ бьтти* 'пока ты курил, я закончил работу' [Насибуллин 1978: 101].

ми сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 100], бес. [Федотов 1982: 119, 120], сред. [Перевозчикова 1982: 76], южн. [Загуляева 1982: 10], закам. [Насибуллин 1982: 159, 160], круф. [Насибуллин 1978: 98].

ми J, K [Aminoff 1896: 29], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 159].

сч. *а ми* *мад'ыса улим кинлэн кэ корказ.* 'А мы песни распевали в чьей-либо избе' [Карпова 2005: 100]; бес. *ос' тин'н'а ми* *пин'ал нълмурт'т'ос вожо кэл'анэз аззънь* *ўас'кьли·мь.* 'Вот так мы, молодые девушки, проводы вожо смотреть ходили' [Федотов 1982: 119, 120]; сред. *ми* *оз' кырзаны өм лы·ктэ, шуо вал с'уанйос.* '«Мы не так петь приехали», – говорят родственники со стороны жениха – сюаньёс' [Перевозчикова 1982: 76]; южн. *кашимэр но кэсэгэд / өз кэ суз'ы, / ми* *суз'том / дас кык пар, ой, тиосын.* 'Если не хватит (на всю длину улицы) / Шерстяного да отреза, / Мы, двенадцать пар парней, / Растянем его' [Загуляева 1982: 10]; закам. *азбар но шорад пар пужымэд, / ми* *шолтытэк ус пот кон'ийэз.* 'В середине твоего двора стоит пара сосен, / Пока мы не свистнем, из них не выскочит белка' [Насибуллин

1982: 159, 160]; круф. *ми* *верас* "къкъмъ, тон кушпамъ къл эн туй 'когда мы разговариваем, ты не вмешивайся' круф. [Насибуллин 1978: 101].

ми сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 142], бес. [Федотов 1982: 129], сред. [Перевозчикова 1982: 76], круф. [Насибуллин 1978: 98], *ти* бес. [Тепляшина 1970а: 184], кукм. [Кельмаков 1970б: 341], закам. [Насибуллин 1972а: 153].

ти J, K [Aminoff 1896: 30], G, B, J, MU, U [Wichmann 1987: 260].

сч. *воз'дас'кълис, што "трос ми атскисько'дъ, ул'чайэ эн по'талэ"*. 'Стеснялся [и говорил нам], что «вас много ('вы много видите)'), на улицу не ходите»' [Карпова 2005: 142]; бес. *т'исто ми л'эгит' нъл'л'ос коркас' корка шулдыръйас'къса вэл'т'ълим*. 'Все мы, молодые девушки, веселясь ходили из дома в дом' [Федотов 1982: 129, 130]; сред. *пыро кэ, уг кы р'зало вал, ми, нэ, ды'шэтэ* 'Когда заходят, не поют, вы-де, говорят, научите' [Перевозчикова 1982: 76].

со сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 124], сред. [Кельмаков 1998: 208]; южн. [Кельмаков 2015: 72]; кукм. [Кельмаков 1970б: 341], *со* бес. [Тепляшина 1970а: 183], закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *шо* круф. [Насибуллин 1978: 98].

со J, K [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 224].

сч. *валэз лэз'ис'код вал коротн'икэ, кѳн'а мылыс потэ, сотын со с'ийэ*. 'Лошадь отпускаешь в коротник: сколько хочет, столько и ест там' [Карпова 2005: 124]; круф. *шо карти ъктиж* 'Он вернулся из города Красноуфимска' [Насибуллин 1978: 96].

соос сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 191], бес. [Федотов 1982: 118], сред. [Кельмаков 1990а: 113], южн. [Кельмаков 2015: 145], кукм. [Кельмаков 1992: 124], *соос* бес. [Тепляшина 1970а: 184], кукм. [Кельмаков 1970б: 341], закам. [Насибуллин 1972б: 316], татш. [Кельмаков 1978б: 104] // *шоош* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *сойос* нч. [Карпова 2020: 517], южн. [Архипов 1982: 59], *сойос* закам. [Насибуллин 1972б: 153] // *со'ос* кукм. [Кельмаков 1992: 124] // *сос* южн. [Кельмаков 1978а: 66], татш. [Гизатуллин 1988: 98] // *шош* круф. [Насибуллин 1978: 98].

соос J [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU [Wichmann 1987: 163], *сойос* K [Aminoff 1896: 30], G, M, J, MU [Wichmann 1987: 224] *сойос* G [Wichmann 1893: 95], M, U [Wichmann 1987: 163], *соуос* MU [Wichmann 1987: 163].

сч. *ки·нлэн страховат' каремын вал коркаосыз, соос нажи·тса карис'кизы*. 'У кого были застрахованы дома, они остались в выигрыше ('нажились')' [Карпова 2005: 191]; бес. *ву с'эръс' потэм бэрэ, ўас'кил'л'ам н'и соос*. 'Когда переправлялись через реку, слезли уж они' [Федотов 1982: 118, 119]; сред. *соос чэркэ уг вэ·тло, вöс'ас'ко вьлэм воэ вылын, гопйосын, ошмэс дурын, кўалабын, пужымйос улын*. 'Они в церковь не ходили, моления совершали на лугу, в оврагах, у родника, в куале, под соснами' [Кельмаков 1990а: 113]; южн. *соос öс шö·дэлэ ны'ло но ны'ло пырэмзэс*. 'Они не заметили, как постепенно углубились [в лес]' [Кельмаков 2015: 145]; закам. «*vaje šukkiša juomi*» *šuo soos* «Давайте выпьем чокаясь», – говорят они' [Насибуллин 1972: 316]; татш. *to·l'ko soos tuš kužokøn*. 'Только они очень далеко' [Кельмаков 1978б: 104, 113]; круф. *шоош гьнэ эβэл βалжь*. 'Только их не было' [Насибуллин 1978: 103]; южн. *то·л'ко учы чирдыса пу'с'оз но, сойос гынэ тодозы* [Архипов 1982: 59]. 'Только соловьи перестанут петь, только они будут знать'; «*liktemdi poŋŋa kirž'ale, mi no til'eštīd kirž'amdes kilemmi pote uk*» *šuo sojos, soos ässe šäjiñ veralo*. 'Пойте в честь вашего приезда, мы тоже хотим послушать ваши песни», – просят они нас, они говорят по-своему' [Насибуллин 1972: 316, 325]; кукм. *нъназ'эйас, коркас пьрса, чай д'ўил'л'ам, - сушкиос вузало ваў со'ос – сушкийос бас'тьса*. 'Днем, зайдя к ним, пили чай, – те баранки продавали, – баранки купили' [Кельмаков 1992: 124, 125]; южн. *сос кўасэн тъл нулдо вьлэм с'эн'кийэн огзь дорь огзь* 'Они на лыжах возили в труте огонь друг к другу' [Кельмаков 1978а: 66].

М *marin sojos mištaškil'lam?* [Wichmann 1893: 95]. 'Чем они умывались?'

ачым-эс нч. [Карпова 2020: 522], сч. бал. (ис.), *ац'өт-ес* бес. [Тепляшина 1970а: 187], *ачим-эс* нч., сч. [Карпова 2020: 522], *ац'им-ес* кукм. [Кельмаков 1970б: 342].

Данные варианты инклюзивного местоимения образованы от основы усилительно-личного местоимения ед. ч. *ачым-* (*ачьм-*, *ачим-*). Форма *ачимэс* в кукморском говоре, по замечанию В. К. Кельмакова, спорадически встречается в речи старшего поколения и народной поэзии: *ojdo ац'imes vuz karom aršinen žəjiñ basmajen*. 'Давайте мы /сами/ торговать станем с полутора аршином ситца' [Кельмаков 1970б: 342]. Судя по материалам конца XIX века, также можно видеть, что вариант от сингулятивной основы был распространен в глазовских и завятских говорах:

aćimäs Glaz. [Munkácsi 1896: 17], *aćě mäs* Kaz. [Munkácsi 1896:17], *a(t)š'imes* G [Wichmann 1987: 10], *a(t)š'imes*, *a(t)š'imez*, *mi a(t)š'imes* MU [Wichmann 1987: 10].
 MU *a(t)š'imez kiži uцomj* [Wichmann 1987: 10]. ‘Мы как будем жить?’.

ачмэ-ос вч. [Карпова 2020: 522], сред. [Зверева 1981: 64], *ас'мэ-ос* сч., вч. [Карпова 2005: 340; 2020: 522], бес. [Федотов 1982: 117], южн. [Архипов 1982: 27; Кельмаков 2015: 89], *ас'мэ-йос* южн. [Загуляева 1982: 26], *ачме-ёс* [Борисов 1991: 21]; *ачму-ос* сред. (ГАП), *ас'му-ос*³³ южн. [Архипов 1981: 22], *ачму-йос* ср-зап. [Тараканов 1998: 117], *ас'му-йос* бавл. [Иванова 1996: 33], *äc'му-йос* закам. (можг.), *äsmi-jos* татш. [Кельмаков 1978б: 108–109].

aćmios J [Aminoff 1896: 36].

Варианты образованы от основы *ач-* (*ас'-*), осложненной личным суффиксом мн. ч. *мэ-* (*му-*): *ачмэ-* (*ас'мэ-*) ~ *ачму-* (*ас'му-*, *äc'му-*).

aćmü'os Sar., *aćmü'äs* Mal., *äsmios* Uf. [Munkácsi 1896: 17], *aćmios* J [Aminoff 1896: 36], *mi at'š'mijos* M, *mi aśmijos* U [Wichmann 1987: 10].

asmeješ J [Wichmann 1987: 10].

бес. *солъс вэлзикъмън ас'мэос*. ‘От него (от татар) мы и размножились (распространились)’ [Федотов 1982: 117]; южн. *кэма малнас'кэм бэразы, бобы кэс'кэм*: ‘куро шур вамэн выдоз, нош *ас'мэос* оти потом’. ‘После долгого раздумывания бобовое зернышко крикнуло: «Соломинка переляжет поперек реки, а мы по ней переправимся [на тот берег]»’ [Кельмаков 2015: 89]; южн. *ас'мэйос таз'ы аэзис'кимы, / ум мөзмэлэ ни но табэрэ*. ‘Мы с тобой встретились, Не будем теперь скучать’ [Загуляева 1982: 26–27]; татш. *Vot, äs'meos jaratis'kom otân vystup= šudinj*. ‘Вот, мы любим там выступ... играть (соревноваться)’ [КТУ]. южн. *ас'миос ик арган-балай, / кырзоом но э'тылом*. ‘Мы сами гармошка-балалайка, / Будем петь и плясать’ [Архипов 1981: 23]; *äsmijos цаһ vølteras šekkølim kadak*. ‘Мы (с вами) все тело забили гвоздями’ [Кельмаков 1978б: 108–109, 118].

³³ В части южных говоров (например, у удмуртов Кизнерского района) мн. ч. имен существительных оформляется суффиксом *-йос*, вне зависимости, оканчивается ли на гласный или согласный [Загуляева 1982: 6]. Также примеры показывают, что конечная *ы-* основы переходит в *и-*: *у́чы* ‘соловей’ – *у́чийос* ‘соловьи’, *бусы* ‘поле’ – *бусийос* ‘поля’.

В некоторых диалектах произошли ассимиляция и в большинстве случаев стяжение двух гласных: конца основы и суффикса множественного числа – в один:

ас'мээс южн. [Загуляева 1982: 26], *ачмэс* вч. [Карпова 2020: 522], *ас'мэс* сч., вч. [Карпова 2020: 522], *ас'mes* бес. [Тепляшина 1970а: 187], кукм. [Кельмаков 1970б: 342], *асмэс* вч. [Карпова 2020: 522], *ас'мэс* южн. [Загуляева 1981б: 127], *ачмэш* круф. [Насибуллин 1978: 99], *äc'moc* татш. [Гизатуллин 1988: 48].

южн. *тон кэ өд пыр но, ой, мон пыро, / ас'мээс табэрэ но ук туган*. 'Если ты не зайдешь, то я найду, Ведь мы стобой друзья' [Загуляева 1982: 26].

Ј *ásmäs*, К *áčmäs* [Munkácsi 1896: 17], К, В *ásmes* [Aminoff 1896: 36], [Wichmann 1987: 10].

Семантическая структура именительного падежа

Личные местоимения в именительном падеже служат:

1) для выражения значения субъекта действия, способного к самостоятельному действию: *Мон со вылысь мудор лэсьто, чанак святой Роман кадь луоз* (Кедра Митрей 1988, 24). 'Я с него напишу икону, будет в точности как святой Роман'; *Учкы, учкы, кыче егитысен ма быдза чинэ вуэм, молодец тон, молодец, умой улыны быгатйськод* (Блинов 1986, 91). 'Смотри, смотри, с каких молодых лет до какой высокой должности дошел, молодец ты, молодец, умеешь хорошо жить'; *Со жадемын* (Широбоков 1992, 216). 'Он уставший'; *Ми но пурись ыжъёс өвёл – маке-маке йондыриськом!* (Перевощиков 1988, 303). 'Мы тоже не серые овечки – кое-что умеем!'; – *Тй ваньды огкылысь вылэм, – шадра исправник Чипчирганэз урысэн жугыны кутскиз* (Коновалов 1990, 34). 'Вы все, оказывается, сговорились, – рябой исправник начал бить плеткой Чипчиргана'; *Ведь соос кышноен картъёс* (Гаврилов 1982, 387). 'Они ведь муж с женой'.

Употребление с усилительно-личными и другими вторично образованными личными местоимениями усиливает акцент на участнике речи как субъекте действия: *Мон ачим соку Тузьмоын ой вал, дышетйсьёслэн курсазы-а, мар-а кошки* (Валишин 1978, 104). 'Я сам тогда отсутствовал в Тузьмо, вроде уезжал на учительские курсы'; *Ачид тон бес* (Кедра Митрей 1988, 26). 'Сам ты бес'; *Шуак вуэм малтанэзлэсь со ачиз но дэймиз, но... кызы ке возматано ук* (Перевощиков 1988, 301). 'Неожиданно

возникшей мысли он сам ужаснулся, но... как-то же нужно показать'; *Ми нош тани асьмеос укмыс мешок картофка люкам* (Никитин 1965, 23). 'А мы вот сами собрали девять мешков картофеля'; *Тй асьтэос туж зеч тодйськоды, асьме ужын дыртон кулэ өвөл* (Красильников 1991, 17). 'Вы сами прекрасно знаете: в нашей работе спешка не нужна'; *Öйтөд, олокудды тй пислэг, олокудды – юбер...* (Самсонов 1993, 371) 'Не знаю, кто же из вас синица, кто же из вас – дрозд... Кому что подойдет, сами съедите'; *Мар-о тй ваньды монэ кокчаськоды?* (Широбоков 1992, 206). 'Почему вы все меня унижаете (букв. клюете)?'.

В кукморском диалекте употребление местоимений *pluralia tantum ми* 'мы', *тй* 'вы' с именами существительными в косвенных падежах, выступающих в роли приложений. «Местоимения *ми* и *тй*, когда они употребляются в предложении в сочетании с последующим приложением, обычно не склоняются, соответствующую падежную форму принимает приложение: *ми* (ном.<инатив>) *vištemňosle* (дат.<ив>) *viž pereťoš anajän ataj pešä der* 'пока мы, глупые, образумимся, отец с матерью натерпятся', *тй* (ном.<инатив>) *tuganöz* (акк.<укзатив>) *mon utt'š'aško tašä-no buran neňalän* 'вас, родичей я ищу и в такую метельную погоду'» [Кельмаков 1970б: 342]. В большинстве диалектов удмуртского языка и литературном языке в подобных случаях личные местоимения принимают форму того падежа, который диктует сказуемое;

2) для выражения объектных, пространственных, сравнительных отношений при употреблении с послелогом. Послелог может употребляться и с притяжательным суффиксом, и без такового. Как уже отмечалось выше, большинство серийных послелогов удмуртского языка – это застывшие пространственные падежные формы имен существительных. Местоименно-послеложное сочетание представляет собой древнюю языковую форму выражения посессивных отношений отчуждаемой принадлежности: *Мон борды табере съөдэз но, төдьеиз но уз льякиськы* (Гаврилов 1982, 389). 'Ко мне теперь ни черное, ни белое не пристанет'; *Мон но тон кадь ик вал...* (Ар-Серги 1993, 29). 'И я был таким, как ты...'; *Кыче пал мыным кулэ, мон умой-умой уг тодйськы на, но со чапак тон кадяд* мед луоз вал шуыса малпасько (Блинов 1986, 109). 'Какая половинка мне

нужна, я пока отчетливо не знаю, но хотелось бы, что она в точности была похожа на тебя»; *Иське, мар отчы ветлонэз, мар сы́че сйё-дано инструментэз мыскыллянэз, маин со **тон азад** янгыш?* (Перевощиков 1988, 292). ‘Стало быть, незачем туда [в музыкальную школу] ходить, зачем такой благородный инструмент оскорблять, чем он перед тобой виноват?’; *Эшио ке **тон поннад** берло кылтыш си* (Перевощиков 1988, 304). ‘Вдобавок потом из-за тебя получай выговор’; *Кема учкыса ветлйз со **шоры** Запык, синмаськиз* (Медведев 2006, 19). ‘Долго ходил смотрел на нее Запык, влюбился’; *Тйляд ми **кадьёстэк** но яратонды вань, дыр-ай* (Блинов 1986, 105). ‘У Вас и без таких как мы любимая, наверное, есть’; *Со витетй нуналэз **тй доры** ветлэ ни* (Широбоков 1993, 219). ‘Она уже пятый день к вам ходит’; *Шокпотьса соос **доры** Катя лыктйз* (Гаврилов 1982, 389). ‘Запыхавшись, к ним подбежала Катя’;

3) для выражения атрибутивного значения. С основной формой местоимения может сочетаться не только послелог, но и имя существительное. В некоторых диалектах личные местоимения в номинативе берут на себя роль притяжательного местоимения. Ученые считают, что это отголоски древнего синтаксиса. Наиболее простой способ выражения принадлежности – соположение двух имен существительных (в нашем случае – личного местоимения и имени существительного – *Т. П.*), не имеющих никаких специальных показателей. Такой способ выражения, по-видимому, отражает глубокую древность [Серебренников 1988: 36], «Употребление основного падежа в притяжательной функции – это реликт такого этапа в развитии языка, когда в нем еще не было системы падежей» [Краснощеков 2020: 9]: *Оло, соос **ми** выжыысь?* ‘Они, может, из нашего рода?’; кукм. *altən zəndes kiñ kijən? **тон** kijən.* ‘золотое кольцо в чьей руке? – в моей руке’ [Кельмаков 1970б: 347]. В литературном языке и большинстве диалектов более ожидаемо словосочетание генитивной формы местоимения с притяжательной формой существительного: *мынам киям.*

Примеры подобного же употребления имеются и с усилительно-личными местоимениями, напр.: *Шузигес маке, **ачим** выжые мынымтэ, мар карод на...*

(Красильников 1991, 23). '[Сын] Немного глупый тип, не в мою (букв. собственно мою) породу пошел, что уж поделаешь...'

3.2.3.2. Винительный падеж (Аккузатив)

Формы ед. ч. образованы суффиксом -э (-e). Во мн. ч. две литературные формы: с суффиксами -ды (-ты) и -ыз. *Петрович, монэ татын тазы огнаме кема возёды-а?* (Красильников 1991, 23). 'Петрович, долго меня здесь в одиночестве держать будете?'; *Асме адзисько, тонэ учкыса, пияш* (Ар-Серги 1993, 29). 'Себя вижу, глядя на тебя, парень'; *Кылзы ай, милемыз нош сётаки съорад басьтод-а, уда-а?* (Первошиков 1988, 293). 'Послушай, нас все-таки с собой берешь или нет?'; *Конечно, тii милемды, али шуэм сямен, сокем кароды но...* (Блинов 1986, 102). 'Конечно, вы нас, так сказать, так будете привечать...'; *Кин тiiледыз сапкыны турттэ?* (Гаврилов 1982, 397). 'Кто вас пытается низвергнуть?'; *Ачим но тiiледды ортчыт яратисько угось* (Блинов 1986, 102). 'Я же и сам вас безмерно люблю'; *Запых сое шöдэ, ас хозяйствеозлы матынэныз со вала* (Медведев 2006, 24). 'Запых это чувствует, понимает из-за близости своего хозяйства'; *Соосты вырзытытозь, ачид дас пол лэсьтыса вуттод* (Первошиков 1988, 299) 'Прежде чем их сдвинешь с места сам десять раз успеешь сделать'; *Асьмемыз висисьёс возьмало...* (Красильников 1991, 11). 'Нас (с Вами) ждут пациенты...'; *Асьмеды нокин но Москвае уз öты.* (Широбоков 1992, 207). 'Нас (с тобой) никто в Москву не пригласит'.

Диалектные формы

мон-э сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 146], сред. [Кельмаков 1990а: 100], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тон-е* сев. [Kel'makov; Saarinen 1994: 168], бес. [Тепляшина 1970а: 183], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *тоң-е* закам. [Насибуллин 1972а: 163].

tonë J, K. [Aminoff 1896: 29], *tonε* G, B, M, J, MU [Wichmann 1987: 163], *tonε asme* M, U [Wichmann 1987: 163]

сч. *монэ райком пуктиз таццъ изба-чита л'нэ ужань* 'Меня райком назначил сюда в избу-читальню работать' [Карпова 2005: 146]; *so tone vu ule pirtiz*

[Kel'makov; Saarinen 1994: 168]; 'Он меня завел под воду'; сред. *мон тонэ йарати* – *мон монэ өд ба·с'ты*. 'Я тебя полюбила – Ты меня замуж не взял' [Кельмаков 1990а: 100]; закам. «*kiče umoj, šuldir uk kirjezet*» *šuo sos moņe*. '«Какая хорошая, красивая мелодия», – говорят они мне' [Насибуллин 1972б: 316, 325].

мон-э сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], сред. [Кельмаков 1990а: 66], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тон-е* бес. [Тепляшина 1970а: 183], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *тоң-е* закам. [Насибуллин 1972а: 163].

tonë J, K [Aminoff 1896: 30], *tonε* MU [Wichmann 1893: 14], G, B, J, MU, U [Wichmann 1987: 265], *tonε aste* M, U [Wichmann 1987: 163].

сред. *мон-а тонэ йарати?* 'Я ли тебя полюбила?' [Кельмаков 1990а: 66];

MU *tuž uno kâuik pušišen tuž muso ad'd'zi mon tone* [Wichmann 1893: 14]. 'Среди очень многих людей тебя увидела, как самого милого'.

Аккузатив собственно-личных местоимений *singularia tantum* повсеместно одинаков.

Полной противоположностью является аккузатив собственно-личных местоимений *plularia tantum*, формы которого могут образоваться шестью различными морфемами: суффиксами *-ti* (*di*), *-es*, *-iz* их контаминационными вариантами *-diz*, *-esti* / *-isti*, *-disti*. Данные показатели аккузатива являются одним из критериев противопоставления северного и южного наречий [Кельмаков 1987: 30; 1998: 163]. «Употребление их [формантов *-di* и *-iz*] в удмуртских диалектах является одним из различительных морфологических признаков принадлежности говора той или иной территории. <...> По употреблению разных формантов аккузатива множественного числа все удмуртские говоры делятся на два типа: *t*-овые и *s*-овые. Первые характерны для северных (чепецких) говоров, вторые – для южных» [Тепляшина 1975: 185]. Падежные формы аккузатива 1 pl., 2 pl. образуются суффиксами:

1) *-ды* и его фонетическими вариантами: *мил'эм-ды* сев. [Кельмаков 1981а: 52; 2006: 182; Каракулов 1982: 107; Kel'makov; Saarinen, 1994: 192], вч. [Алашеева 1999: 63], сч. бал., гл., вч. [Карпова 2020: 513], // *мил'эм-ды* сч. гл. [Карпова 2020: 513], *мил'эм-ды* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 513].

mil'emdy J [Aminoff 1896: 29], *mil'emđi* G [Wichmann 1893: 140] *mil'emđi* сар. [Емельянов 1927: 147].

сев. *тил'эдыз малпаса*, / *мил'эмды ут'эмдэс* / *быгатом-а мэда* / *гуртамы но вэраны?* 'Думая о вас, Сможем ли мы Рассказать дома, Как вы нас угостили?' [Кельмаков 1981а: 52]; *тарэ пырт изы мил'эмды ни гулбэчэ мамаосы* 'Теперь повела мама ('мамы повели') нас в подполье' [Каракулов 1982: 107, 108], *пу ктэ, нэ, мил'эмдэ* 'Посади, мол, на с (в телегу или сани)' [Кельмаков 2006: 182]; *žitaze pal t'at'amj bertiz no mil'emđi jun zol kuaretiz ni mušjosti kel'ammj ponna* [Kel'makov; Saarinen 1994: 192]. 'Под вечер пришел отец и очень сильно отругал нас из-за того, что упустили пчел'.

J *Gondyrez adzözy, söberë gondyrly šuozy: mil'emdy už-take'en-no keć-take'en s'i'isko val šuozy* [Aminoff 1886: 40]. 'Встретят [волки] медведя, потом медведю скажут: баран и козел чуть не съели, скажут'; G *en ke-l'ti mil'emđi no!* [Wichmann 1893: 140]. 'Нас не оставь!';

тил'эд-ды вч. [Алашеева 1999: 63], сч. бал., гл., вч. [Карпова 2020: 515], сред. [Кельмаков 1990а: 173] // *тил'эд-ды* сч. гл. [Карпова 2020: 515] // *тил'эд-дэ* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 515].

til'eddy J [Aminoff 1896: 30].

сред. *нэрэс' д'ад'айды өз аэзы тил'эдды*. 'Ваш дед уж не увидел вас' [Кельмаков 1990а: 173];

2) *-эс*: *мил'эм-эс* нч., сч. [Карпова 2020: 513; Карпова 2005: 101], *mil'em-es* сч. [Карпова 1997: 119], бес. [Тепляшина 1970а: 184].

mil'emes В [Wichmann 1987: 163], *mil'emez* МУ [Wichmann 1893: 125].

сч. *нача л'н'икйос вы·шэ-вы·шэ мил'эмэс каро вал*. 'Начальство ('начальники') [колхоза] все больше ценило нас' [Карпова 2005: 101]; бес. *Mil'emes kənoje et'izə*. 'Нас позвали в гости' [Тепляшина 1970а: 274].

МУ *mil'emez súdid vordid; ut'emed'li d'zet's' med lo!* [Wichmann 1893: 125]. 'Нас кормила, растила; за то, что хранишь [нас], пусть будет [тебе] хорошо!'.

тил'эд-эс нч., сч. [Карпова 2020: 515], *til'ed-es* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

Вариант *-эс* распространен в бесермянском и малмыжско-уржумском говорах [Тепляшина 1975: 183]. Как показывает опубликованный диалектологический материал Л. Л. Карповой, данный суффикс образует формы аккузатива в среднечепецком и нижнечепецком диалектах [2020: 513, 515];

3) *-эсты* и его вариантами: *мил'эм-эсты* сч. [Карпова 2020: 513], (ис.) // *мил'эм-эсты̆* сч. // *мил'эм-эсты̆* сч. [Карпова 2020: 513], *mil'em-estĭ* гл. [Тепляшина 1957: 147], *mil'em-estâ* сч. [Карпова 1997: 119], бес. [Люкина 2016: 92], *mil'em-estø* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

бес. *mil'emestø nojabrskoje koñdonen premirovat' kari:zø* 'в ноябрьские праздники нас премировали деньгами' [Тепляшина 1970а: 195].

mil'emestĭ G [Wichmann 1893: 108].

G *kin mil'emestĭ eskeroz súdoz?* [Wichmann 1893: 108]. 'Кто нас проверит, покормит?'

тил'эд-эсты сч. [Карпова 2020: 515], (ис.) // *тил'эд-эсты̆* сч. // *тил'эд-эсты̆* сч. [Карпова 2020: 515], *til'ed-estĭ* гл. [Тепляшина 1957: 147], *til'ed-estâ* сч. [Карпова 1997: 119], бес. [Люкина 2016: 92], *til'ed-estø* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

til'edestø mi kənoje et'iskom 'мы вас приглашаем в кино' [Тепляшина 1970а: 196].

Кроме того, в речи присутствуют краткие формы аккузатива: «в юкаменском говоре среднечепецкого диалекта спорадически встречаются формы *мил'эсты̆*, *тил'эсты̆*, являющиеся результатом стяжения полных форм *мил'эмэсты̆*, *тил'эдэсты̆*» [Карпова 2020: 245];

4) *-ьсты̆*: *милем-ьсты̆*, *тйлед-ьсты̆*³⁴ гл. [Лыткин, Тепляшина 1959: 224];

5) *-дыс*: *мил'эм-дыс* вч. [Алашеева 1982: 94; Карпова 2020: 513], сред. [Кельмаков 1981а: 252], *mil'em-diz* ср-вост. [Бушмакин 1969: 61].

вч. *опэт' отын мил'эмдыс өт'о-марало ни, коркас' корка нулли:зы* [Алашеева 1982: 94]; 'Там опять нас уже приглашают в гости, водили из дома в дом'; сред. *ой, малы-о мил'эмдыс солдатэ бас'то?* 'Ой, почему нас в солдаты забирают?' [Кельмаков 1981а: 252]; сред. *ижэ вуэм бэрас, отыс'эн ик мил'эмдыс звод л'укаса кэл'азы*

³⁴ Здесь и далее – так в источнике.

[Кельмаков 1990а: 44]. 'По приезде в Ижевск, собрав взвод, нас оттуда же отправили'; *мил'эмдыс оччы вэтлыны уг лэ'зо вал, кышкато вал, отын гондыр улэ шуса*. 'Нам не позволяли ходить туда, пугают, бывало, [тем], что там медведи водятся ('медведь живет')' [Кельмаков 1990а: 51].

тил'эд-дыс вч. [Карпова 2020: 515], сред. [Кельмаков 1990а: 95], *til'ed-diz* ср-вост. [Бушмакин 1969: 61].

атаййоссы, нэ, соослы кут но э'рэкча: «лашманйос пуртызэс озы мис'ко тил'эддыс пös'тыны». 'А родители возьми да обмани их: «[Это] лашманы так моют свои котлы [, чтобы] сварить вас»' [Кельмаков 1990а: 95].

В диалектах северного наречия большое разнообразие форм аккузатива личных местоимений 1 рл., 2 рл. обусловлено наличием нескольких суффиксов винительного падежа: *-ды*, *-эс* и возникшего на их основе путем плеоназма нового суффикса *-эсты* < *-эс* + *-ты*. В северном наречии также функционируют плеонастические суффиксы: *-ьсть-* < *-ыиз* + *-ты*, *-дыс* < *-ды* + *-ыиз*. Аккузативный маркер *-дыс* в верхнечепецких говорах возник благодаря слиянию говоров, имевших различные показатели винительного падежа. Территория была заселена «выходцами из северных, южных и частично западных районов (Луппов 1958: 83–97). В силу этого здесь произошло известное <...> перемещение удмуртских говоров» [Алашеева 1982: 91]. В бесермянском наречии зафиксированы суффиксы *-эс* и *-эсть*. В срединных говорах распространены формы и на *-ды*, и на *-ыиз*, а на границе ареалов их функционирования формы на *-дыс* (*-дыиз*). «В средневосточных говорах, особенно последовательно в якшур-бодьинском, винительный падеж 1-го и 2-го лица мн. ч. личных, всех трех лиц мн. ч. лично-определятельных местоимений оформляется суффиксом *-diz* (< *-di* + *-iz*), представляющим собой контаминацию северной и южной форм, но при этом произошло стяжение двух гласных *i*» [Бушмакин 1969: 61].

б) *-ыиз* и его вариантами: *мил'эм-ыиз* сред. [Кельмаков 1990а: 114], южн. [Кельмаков 1977: 47; Атаманов 1981: 60; Загуляева 1982: 13; Архипов 1982: 58;], закам. [Насибуллин 1982: 158] // *мил'эм-ы́из* южн. [Кельмаков 1981б: 145], бавл. (ник.), *мил'эм-ы́з* южн. крк. [Кельмаков 1978а: 82], кукм. [Кельмаков 1992: 138], татш. (мб.), *mil'em-âz* бес. [Люкина 2016: 92] // *мил'эм-ы́жс* круф. [Насибуллин 1978: 98];

mil'emōz К [Aminoff 1896: 29], *mil'emiz* MU [Wichmann 1893: 1], J, MU [Wichmann 1987: 159], *mil'emiz at's'memiz* М [Wichmann 1987: 159], *mil'emîs ašmemîs* U [Wichmann 1987: 159], *mil'emiz* каз. [Емельянов 1927: 147].

сред. *ти эн ку-штэ мил'эмыз но, / ми ум ку-штэ тил'эдыз* 'Не оставляйте нас [своей добротой], И мы не покинем вас' [Кельмаков 1992: 114]; южн. *мил'эмыз табэрэ уд ни лукэ* [Атаманов 1981: 60]; *мар-о ти учийос лобас'коды, / мил'эмыз л'укыны турттыса?* 'Ах, зачем вы летаете, соловушки, / С милым хотите разлучить?' [Загуляева 1982: 13]; *куспэ тушмон пыриз, / л'укиз мил'эмыз.* 'Промеж нас стал враг, / Разлучил (он) нас' [Архипов 1982: 58]; южн. крк. *мил'эмъз бон уз ба-с'тэлэ, / кин'йосъз ой бас'тозь?* 'Если же нас не возьмут, / Кого лишь призовут?' [Кельмаков 1978: 82]; кукм. *вужэз кан'исар вужгуртис' лъктэм: ис'кавън шуо соос мил'эмъз.* 'Старый Канисар выселился из Старой Учи ('старой деревни'), родственниками [по мужской линии] называют староучинцы ('они') нас' [Кельмаков 1992: 138]; закам. *мил'эмыз но калыкзос зэр вэрало, / иммър гоштэмн'оссэ тодытэк.* 'Про нас люди мелют всякий вздор, Не зная того, что нам суждено всевышним' [Насибуллин 1982: 158]; *at's'meueš gažammes at's'îmes baštini; mil'emiz gažaš buš kil'iz* [Wichmann 1893: 1]. 'Мы забрали себе ту, которая была нам дорога; которая любила нас, осталась ни с чем'.

тил'эд-ыз сред. [Кельмаков 1990а: 115], южн. [Кельмаков 1977: 47; Кельмаков 2015: 63], *тил'эд-ыз* южн. [Кельмаков 1981б: 145], бавл. (ник.), бес. *тил'эд-ыс* [Федотов 1982: 123], *til'ed-âz* бес. [Люкина 2016: 92], *тил'эд-ъжс* круфф. [Насибуллин 1978: 98].

til'edōz К [Aminoff 1896: 30], *til'ediz* MU [Wichmann 1893: 30], J [Wichmann 1893: 81], *til'ediz aštedes* М [Wichmann 1987: 260], *til'ediz* G [Wichmann 1987: 260], *til'ediz aštedis* U [Wichmann 1987: 260].

Зафиксированные Ю. Вихманном формы глазовского диалекта с суффиксом -ыз в современных северных диалектах уже не отмечены.

сред. *малы тил'эдыз йарати, табэрэ ку вунэтом на?* 'Зачем полюбила я вас, когда ж позабыть мне теперь?' [Кельмаков 1990а: 115]; южн. *тил'эдыз учкон, ой,*

с'инийосы / самол'от учкыса жад'озы. 'Мои глаза, которым [бы] на вас, ой, смотреть, Устанут смотреть на самолет' [Кельмаков 2015: 63]; бес. «*мон с'уди тил'эдыс, тарэ ти с'удэ н'и монэ*», – *шуэм, нэ, соосль атайзь*. '«Я кормил вас, теперь вы меня кормите», – сказал, мол, им отец' [Федотов 1982: 123, 125].

G pomenat' karîškom til'edîz [Wichmann 1901b: 5]. 'Поминаем мы вас'; МУ *mi-ik ti dore òm mî-nîšâumî – til'edîz d'aratem mîçkid'mî* [Wichmann 1893: 30]. 'Мы бы к вам не приехали – [не будь] наше чувство любви к вами'; *J mi liktim tugane oi ti dore, naro-šnoi til'edîz add'zon ponna* 'Мы приехали, родственники, к вам, специально, чтобы увидеть вас' [Wichmann 1893: 81].

Южное наречие характеризуется единственным аккузативным суффиксом -*ыз* и его вариантами: -*ыс* // -*ыз* // -*ьз* // -*ьж*. Также данный суффикс распространен в части срединных и бесермянских говоров.

Выражение аккузатива множественного числа имен существительных и некоторых местоимений, например, личного местоимения 3-го лица мн. ч., с помощью морфем -*tî* / -*tâ*, -*dî* / -*dâ* (северное и бесермянское наречия и северная группа срединных говоров) // -*îz* / -*âz* (южная группа срединных говоров и южное наречие) является одним из ярких дифференциальных признаков северной и южной диалектных зон [Кельмаков 1998: 110]. Однако в северной диалектной зоне аккузативные формы плюральных личных местоимений 1-го и 2-го лица образуются с помощью обоих падежных маркеров. В южной зоне закрепился «традиционный» южный суффикс.

Личные местоимения третьей группы лишь в аккузативе имеют разные суффиксы: -*э* / -*йэ* в ед. ч. и -*ты*, -*ыз* – во мн. ч. Ш. Чуч отмечает, что суффикс -*э* местоимения 3-го лица ед. ч. считает единственным суффиксом, который в его падежной парадигме не относится к субстантивным [Csúcs 2005: 228]. Йотирование суффикса произошло с целью устранения зияния гласных на стыке основы и аффикса. В процессе развития вставочный *j* исчез, но не бесследно, его былое присутствие отразилось на качестве гласного основы [Бушмакин 1968: 280].

со-йэ сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 149], сред. [Кельмаков 1990а: 56], бес. [Федотов 1982: 119], южн. [Кельмаков 2015: 72], *со-је* бес. [Тепляшина

1970а: 183], закам. [Насибуллин 1972б: 315], татш. [Кельмаков 1978б: 104] // *шо-йэ* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *сö-йэ* кукм. [Кельмаков 1998: 71] // *so-e* сев. [Kel'makov; Saarinen 1994: 168] // *сэ-йэ* кукм. [Кельмаков 1992: 111] // *сэ-э* сч. [Карпова 2005: 149], южн. [Архипов 1978: 25; Кельмаков 2015: 183] // *с-э* бес. [Федотов 1982: 123] // *si-je* бавл. [Тараканов 1960: 131], бес. [Тепляшина 1970а: 183], татш. [Кельмаков 1978б: 107] // *си-э* нч. [Тепляшина 1970б: 195], *суэ* вч. [Тепляшина 1970а: 185], *su-e* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *si-e* бес. [Тепляшина 1970а: 183].

sojě J, K [Aminoff 1896: 30], *sojε* G [Wichmann 1987: 224], *sojε* G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 224], *sově* J [Aminoff 1896: 30], *soε* B [Wichmann 1987: 224], *siě* J [Aminoff 1896: 30].

сч. *та но “кэнак” шуылэ вал сойэ* ‘Он тоже “тетей” называл ее’ [Карпова 2005: 149]; сред. *кышномурт сойэ вуэ пыртэм*. ‘Женщина завела его в воду’; бес. *къл'тойэ тъл жуачиком но сойэ шур дурэ ик пуктьса кэл'чиком вал*. ‘Поджигаем, бывало, сноп, стивим его и оставляем прямо у реки’ [Федотов 1982: 119, 120]; южн. *ура'н'и'йос сойэ кутыны өз бы'гатылэ*. ‘Урядники не могли его задержать’ [Кельмаков 2015: 72]; закам. *odik pič'i giņe og iņtir kaž' hāñ ke šettizi, soje no šori šijizi viļem* [Насибуллин 1972б: 315, 324] ‘Если находили даже маленький кусок хлеба, на один раз откусить, и его делили пополам’; татш. *nəl ɥamentiškem, soin soje šajtañnos ta miñč'ije vuəsa kuštəsa kel'til'l'am*. ‘Девушка заупрямилась. Поэтому черти принесли и бросили ее в этой бане’ [Кельмаков 1978б: 104, 113]; сев. *todmaj ton soe so šinmiņim, kudze čušili val solen čuškoneniž* [Kel'makov; Saarinen 1994: 168] ‘Узнал я его тем глазом, который вытер его полотенцем’; кукм. *сэйэ нош нўса кошки зь кьрашин'н'ос муз'эйэ, карэ*. ‘А вот его (бивень – Т.П.) отвезли [татары-] кряшены в музей, в Казань’ [Кельмаков 1992: 111, 112]; сч. *а сээ кульнь (нълъз одигэз бъз'из вал богать ркайэ) тин' со вайиз* ‘А умирать ее (одна из дочерей вышла замуж в Верхнюю Богатырку) вот она привезла [сюда]’ [Карпова 2005: 149]; южн. *сöбрэ, отын көлса, э'сэй ныл доры мыни но, э'сэй сээ мыным кышно с'отиз, э'сэй нылэз йөнати но*. ‘Переночевавши там, отправился к дочери царя, а царь выдал ее за меня, раз я ее вылечил’ [Архипов 1981: 16]; бес. *вис'тэм иван шуил'л'ам сэ*. ‘Его

прозвали глупым Иваном' [Федотов 1982: 123, 125]; татш. «*al'i ji' žuto no ošo*», – *kəškate na sijē äd'žämi* «Сейчас же подниму [озеро к небу] и привяжу», – еще пугает его [чертенка] человек' [Кельмаков 1978б: 107, 117]; *мы-н-ка, мын чэ-рэт'м'а сиэ*. 'Подди-ка, подди, оклики его' [Тепляшина 1970б: 195].

J <...> *söberē ad'amily nyles ut'is muško zarñi šotoz sojē (sově) nuny kosoz, en kisty šu(v)oz* [Aminoff 1886: 41]. '<...> затем человеку леший даст мешок золота, его заставит нести, не рассыпь, скажет'.

3-е лицо ед. ч. представлено преимущественно формой *сойэ* 'его, ее', также зафиксированы его фонетические варианты *сэйэ, сийэ, сө'йэ, сээ, сэ, сиэ, суэ*. В основе личного местоимения наблюдается следующая корреспонденция гласных: *о // э // и // ö° // у*. В речи одного информанта могут присутствовать и йотированный, и нейотированный варианты, например, [Карпова 2005: 149], [Федотов 1982: 123].

Личное местоимение 3 л. мн. ч. в северной диалектной зоне образовано при помощи суффикса *-мы*, в южной – *-ыз*. В лекминских и юндинских говорах бесермянского наречия присутствуют оба суффикса:

соос-мы сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 517], сред. [Кельмаков 1990а: 258], *соос-тй* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *соос-мь* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 517], бес. [Федотов 1982: 123], *соос-тө* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *соос-тә* бес. [Люкина 2016: 92] // *сойос-мы* нч. [Карпова 2020: 517].

soosty J [Aminoff 1896: 30], *so'osty* J [Aminoff 1886: 41], *sojostŷ* G [Wichmann 1893: 99], *soostŷ* G [Wichmann 1893: 100], G, B [Wichmann 1987: 224], *sojostŷ* G [Wichmann 1987: 224].

сред. *куддырйа со понна мон соосты жугылис'ко но вал, оз'ы кэ но, соос т'ам'азы доры мыныс'тым пэгзыса но кошко вал йа*. 'Иногда я и была их за это, и все же они тайком от меня убежали к папе' [Кельмаков 1990а: 258]; бес. *ужань быгатэмйас с'удэм, нэ, соость со*. 'Пока мог работать, он кормил-де их' [Федотов 1982: 123, 125].

J *Söberē gondyr šuož: mon so'osty sio šuož* [Aminoff 1886: 41]. 'Потом медведь скажет: я их съем, скажет'; G *odig murtlen vŷlem kuč in pižez; sojostŷ gosudar iua* [Wichmann 1893: 99]. 'У одного человека было три сына; государь их

расспрашивал'; *krest'ianlen vîlem ku in piëz; soïostî gosudar iua* [Wichmann 1893: 100]. 'У крестьянина было три сына; государь их расспрашивает'.

соос-ыз бес. [Кельмаков 1992: 106], сред. [Кельмаков 1990а: 334], южн. [Кельмаков 2015: 94; Атаманов 2005: 131] // *сос-ыз* южн. [Кельмаков 2015: 330] // *soos-âz* бес. [Люкина 2016: 92], *soos-âs* южн. [Kel'makov; Saarinen 1994: 274]; кукм. [Кельмаков 1992: 131] // *шоош-ъж* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *sojos-oz* татш. [Кельмаков 1978б: 108].

sojosôz К [Aminoff 1896: 30], *sojosiz* М, J [Wichmann 1987: 224], *sojosîs* U [Wichmann 1987: 224], *soosiz* MU [Wichmann 1987: 224], *сʷоosiz* MU [Wichmann 1987: 224].

бес. *чимас' соо·съз нал'л'аса вэл'тэ*. 'Водящий ищет их' [Кельмаков 1992: 106]; сред. *со дырыс' соосыз исас' лубымтэ н'и*. 'С тех пор их никто больше не трогал' [Кельмаков 1990а: 334]; южн. *соин ик соосыз бурэ вайис'ком*. 'Поэтому-то и поминаем их' [Кельмаков 2015: 94]; *алаңгасар соосыз нӧмыр но ук кар вылэм*. 'Алангасар их не трогал' [Атаманов 2005: 132]; южн. *кин' вылэ пус ус'э, со ик сосыс кӧлтэ вал* 'На кого падает жребий, тот их и [ведет к себе] на ночлег' [Кельмаков 2015: 330]; южн. *sâre soosâs kije kutono no važiškono* <...> [Kel'makov; Saarinen 1994: 274]. 'Потом их [три цветка] нужно взять в руку и обратиться со словами <...>'; кукм. *ул'л'ал'л'ам, ул'л'аса лэз'ил'л'ам соосъз*. 'Прогнали, прогнали их' [Кельмаков 1992: 131, 132]; татш. *d'za bon, äd'zämi žal'am sojosoz, tazes isamte, so ponna so, pu'intije, valez vorməmon tərəsa, altənzēs vajəsa bertem šajtañnosleś*. 'Ну ладно, пожалел их человек, не стал трогать озеро, а за это он увез, нагрузив на телегу, вместо дров, столько золота у шайтанов, сколько могла увезти его лошадь' [Кельмаков 1978б: 108, 117].

В образовании аккузатива инклюзивного личного местоимения не наблюдается единообразия: вариативны и основы, и падежные форманты. В северном диалектном ареале формы образуются от нескольких вариативных основ: а) множественного числа *асмэ-* < *асмы-* (основа *ас-* осложнена личным суффиксом мн. ч. *-мэ* (*-мы*)), б) дативной *аслэм-*. В части северных, срединных говоров форма образуется от основы мн. ч. косвенных падежей *ас'мэ-*. В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, глазовском говоре среднечепецкого диалекта,

бесермянском наречии, кукморском говоре периферийно-южного диалекта суффикс присоединяется к номинативной форме. В большинстве говоров южного наречия основа косвенных падежей осложняется личным суффиксом *-м*: *ас'мэм-*. Варианты суффиксов те же, что и у местоимений второй группы:

1) *-ды (-ты)*: *асьме-ды* вч. тыл.³⁵ [Тепляшина 1955: 204], *ас'мэ-ды* вч. [Алашеева 1982: 105; Карпова 2020: 522]; *аслэм-ды* сч. гл. [Карпова 2020: 522]; *ачимэс-ты* сч. гл. [Карпова 2020: 522], *ас'өmes-tө* бес. [Тепляшина 1970а: 187], *ас'mes-tө* бес. [Тепляшина 1970а: 187], *ас'mes-tâ* бес. [Люкина 2016: 94];

вч. *гуртамы, гуртамы ас'мэды вит'о ни*. 'Дома, дома нас уже ждут' [Алашеева 1982: 105];

2) *-эс*: от дативной основы ед. ч.: *аслэм-эс* нч., сч. яр., юк. [Карпова 2020: 522], *асмэ-с* сч. гл. [Карпова 2020: 522], в последней форме произошло сращение конечного гласного основы *э* и гласного суффикса, *аслым-ес* нч. [Тепляшина 1970б: 177];

3) *-эсты*: *аслэм-эсты* сч. яр., гл., юк. [Карпова 2020: 522], *аслэм-эсть* сч. яр. [Карпова 2020: 522];

4) *-дыс*: *ас'мэ-дыс* сч. бал., вч. деб., зур. [Карпова 2020: 522], *ачмэ-дыс* сред. (ГАП); *ас'medys* J [Aminoff 1896: 36],

5) *-ыз*: *ас'мэм-ыз* южн. [Архипов 1981: 7; Атаманов 1981: 54; Кельмаков 2015: 325], *äs'mem-iz* закам. [Насибуллин 1972а: 157], *äc'mэм-ьс* татш. (нт.), *ас'mem-âz* татш. [КТУ]; *ас'мэс-ьз* кукм. [Кельмаков 1970б: 343].

ас'tämiz Jel., Sar. [Munkácsi 1896: 17], *mil'emiz at's'memiz* M [Wichmann 1987: 159], *mil'emîs as'memîs* U [Wichmann 1987: 159], *at's'mämiz* Sar. [Munkácsi 1952: 26], *ас'mämiz* Jel. [Munkácsi 1952: 200]; *ас'mesöz* K [Aminoff 1896: 36].

южн. *та иван алдаз вэд' ас'мэмыз, вийоно сойэ*. 'Этот Иван обманул ведь нас, надо его убить' [Кельмаков 2015: 325]; татш. *Тон по, тон по оз'â šüsa, по as'memâz užatizâ jes'*. 'И ты, и я, так говорили, но нас же заставили работать' [КТУ].

Нужно отметить, что, вероятно, даже в конце XIX века не наблюдалось единообразия в образовании аккумулятива усилительно-личных местоимений мн. ч. и

³⁵ Тыловайский говор, описанный Т. И. Тепляшиной, Л. Л. Карпова относит к дебесскому говору верхнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2020: 11].

в пределах одного говора. Так, Ю. Вихманном отмечены формы с вариативным аффиксом *-ыс (-ьс) ~ -эс*: малмыжские (= срединные) 1-е лицо – *mil'emiz at's'mem-iz*, 2-е лицо – *til'ediz a'sted-es*, 3-е лицо – *sojosiz at'ses-ez* [Wichmann 1987: 11], уржумские (= закамские) 1-е лицо – *mil'emiz a'smem-iz*, 2-е лицо – *til'ediz a'sted-iz*, 3-е лицо – *sojosiz a'ss-es* [Wichmann 1987: 11].

Морфологические и фонетические варианты суффиксов accusativa и их сочетания с показателями лица представлены в таблицах 4 и 5:

Таблица 4. Суффиксы accusativa личных местоимений

	Алломорфы суффикса -э	Алломорфы суффикса -ты	Суффикс -эс	Суффикс -ыс	Плеонастические суффиксы
<i>мон тон</i>	-э				
<i>ми ти</i>		-ды	-эс	-ыс	-дыс -эс'ты -ьс'тъ
<i>со</i>	-э -йэ				
<i>соос</i>		-ты		-ыс	
<i>асьмеос</i>		-ды -ты	-эс	-ыс	-дыс -эсты

Личные суффиксы *-эм, -эд* участвуют в образовании accusativa формы соответственно 1 pl., 2 pl., инклюзивного 1-го лица. Формы 1 sg., 2 sg., 3-го лица ед. и мн. ч. образованы только с помощью падежного суффикса.

Таблица 5. Сочетание accusativa и личного суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личного и падежного суффиксов
I	<i>мон тон</i>	Сх
II	<i>ми ти</i>	РхСх
III	<i>со соос</i>	Сх
IV	<i>асьмеос</i>	РхСх

Семантическая структура винительного падежа

Основной семантической ролью форм винительного падежа является обозначение прямого объекта – предмета непосредственного и полного приложения действия, или роль пациенса – «пассивного участника ситуации, претерпевающего изменения в ходе не контролируемых им внешних воздействий» [Плунгян 2011: 165]. По наблюдениям Н. В. Кондратьевой, аккузатив стремится к «семантико-синтаксической чистоте», т. е. стремится к разграничению прямых и косвенных дополнений [Кондратьева 2010а: 80]. Формы винительного падежа личных местоимений еще одно подтверждение данного положения: *Тон доры ачим куриьски: Петрович, шуисько, монэ йонатоз, адями кароз!* (Красильников 1991, 23). ‘К тебе сам попросился: Петрович, говорю, меня вылечит, человеком сделает!’; *Мон тонэ ой адзы, тон монэ од адзы* (Гаврилов 1982, 403). ‘Я тебя не видел, ты меня не видел’; *Векчиесь пучьёслэсь лэсьтэм жезьы дорын сое возьмамтэ шорысь анаез пумитаз* (Медведев 2006, 8). ‘Возле ворот, сделанных из тонких кольев, его неожиданно встретила мать’; *Луллы быдэ октэм сяна, табере вуж арёслы недоимкады кылем шуыса, милемыз пöяло* (Коновалов 1990, 22). ‘Нас обманывают, кроме подушевого налога, теперь, мол, за старые годы остались недоимки’; *Нош Москвае мынйзы-марке, милемды, пересьёсты, нокызьы но уз кельтэ ни, нокызьы но* (Блинов. Улэм потэ, 103). ‘А переедут в Москву, нас, стариков, никак не оставят, никак’; *Нош али Верочка соосты лулысь-сюлмысь тыршеменыз, сюлэм шунтйсь, мылкыдэз жсутйсь жингрес крезьгурёсыныз шумпоттэ* (Перевощиков 1988, 293). ‘А сейчас Верочка радуется их усердием, согревающими душу, поднимающими настроение звонкими мелодиями’; *Жеч кылъёсын пöяны вырем бере, Труабенберг соосыз ож тйрлыкен кышкатыны одъяз* (Коновалов 1990, 18). ‘После попыток обмануть добрыми речами Труабенберг начал угрожать им оружием’.

3.2.3.3. Родительный падеж (Генитив)

В литературном языке генитивные формы местоимений 1 sg., 2 sg. образуются от основ *мын-*, *тын-*, т. е. в корне происходит замена гласного *о* на *ы*, суффиксом *-а* и

следующим за ним личным суффиксом. Корни местоимений 1 pl., 2 pl. осложняются элементом *л'*, падежная форма образована от основ *мил'*-, *тил'*- при помощи суффикса *-а* и следующим за ним личным суффиксом. Формы инклюзивного и местоимений 3-го лица образованы падежной морфемой *-лэн* субстантивного склонения:

Мынам анай-атае но оскисесь, мон но со йылолэ ик вуи... (Ар-Серги 1993, 18). 'Мои родители верующие, и я пришел к этой религии'; *Эх, мед луысал мон тынад интыяд...* (Широбоков 1992, 205). 'Эх, быть бы мне на твоём месте...'; *Милям сөнъёсмь юнэсь на, озьы гинэ уд сапке* (Гаврилов 1982, 397). 'Наши жилы еще крепкие, так просто не сомнете'; *Кинлы кулэ тйляд тыршемды?* (Красильников 1991, 8). 'Кому нужны ваши старания?'; *Ма, так но папаез янгыша – вань, вань солэн чиданэз!* (Перев., 301). 'Ну, так ее папа ошибается – есть у нее терпение!'; *Соослэн но, оло, сыёе кариськемзы потэ вылэм но, уг пишмы-а, мар-а* (Чернов 1989, 18). 'И им, может, тоже хочется стать такими, но не получается, что ли'; *Оло, асьмелэн гуртамы колхоз вань-а?* (Медведев 2006, 13). 'Неужели в нашей деревне колхоз есть?'

Диалектные формы

Во всех диалектах наблюдается единообразие в образовании генитивных форм первой и второй группы личных местоимений. Фонетические вариации появились лишь в силу редуцирования гласного *-ы-* основы вплоть до его выпадения в сингулярных формах 1-го и 2-го лица и полного или частичного оглушения личного суффикса 2-го лица:

мын-а-м сев. [Карпова 2005: 106; Алашеева 1999: 63; Тепляшина 1955: 199], сред. [Кельмаков 1990а: 134] южн. [Загуляева 1982: 10] // *мьн-а-м* сч. юк., гл. [Карпова 2020: 508], кукм. [Кельмаков 1992: 117], круф. [Насибуллин 1978: 98], *төн-а-т* бес. [Тепляшина 1970а: 183], татш. [Кельмаков 1978б: 104]; *мн-а-м* нч. кос. [Карпова 2020: 112];

m(y)nam J [Aminoff 1896: 30], *mīnam* M, J, MU [Wichmann 1987: 163], *mīnam aslam* M [Wichmann 1987: 163], *m(δ)nam* K [Aminoff 1896: 30], *mīnam* G [Wichmann 1987: 163], *mīnam aslam* U [Wichmann 1987: 163];

сред. *мон доры лыктис тылобурдо, мыным гоштэт со ваиз, мынам с'ин азам пыт'саса, йыбырттыса со с'отиз*. 'Ко мне птица прилетела, Она письмо мне

принесла, Она села предо мною, Поклонившись, подала' [Кельмаков 1990а: 134]; южн. *кытын мынам йаратонэ?* 'Где мой миленький дружок?' [Загуляева 1982: 10]; кукм. *кэмалас', со в'т' мьнам тодьмтэйос.* 'Издавна, я ведь уж не могу знать ('мои незнания')' [Кельмаков 1992: 117], татш. *тənam vet' anaj-ataje цаһ.* 'У меня ведь есть родители' [Кельмаков 1978б: 104, 113];

тын-а-д сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], южн. [Загуляева 1982: 8] // *тън-а-д* сч. юк., гл. [Карпова 2020: 510], южн. крк. [Кельмаков 1978: 66], *tən-a-d* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *tən-a-t* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], *тън-а-Д* круф. [Насибуллин 1978: 98]; *тн-а-д* нч. кос. [Карпова 2020: 112];

tynad J [Aminoff 1896: 30], *tīnad* J, MU [Wichmann 1987: 159], *tīnad aslad* M [Wichmann 1987: 159], *tōnad* K [Aminoff 1896: 30], *tīnad* G, B [Wichmann 1987: 159], *tīnad aslad* U [Wichmann 1987: 159];

южн. *туган, тынад с'ин'качыд с'од, туган, майин буйгас'код?* 'Милый, твои брови черные, Милый, чем ты красишь их?' [Загуляева 1982: 8], южн. крк. *кийонэн гондърйос, нэ, йуало: малъ, нэ, тьнад жжукэд тод'ъ, нош мил'ам с'од.* 'Волк и медведь спрашивают [у лисы], почему, мол, каша у тебя белая, а у них черная' [Кельмаков 1978: 66–67].

В формах мн. ч. фонетические варианты также появляются в связи с выпадением согласного *л'* основы:

мил'-а-м сев. [Тепляшина 1970б: 191; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 513], бес. [Федотов 1982: 121], сред. [Кельмаков 1990а: 170], южн. [Загуляева 1982: 23], кукм. [Кельмаков 1992: 115], закам. [Насибуллин 1972б: 315], круф. [Насибуллин 1978: 98], *mil'-a-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184] / *mi-a-m* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65];

mil'am J, K [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 159];

нч. *тон мил'ам с'амын зэчжык вэрас'кыс'код* [Тепляшина 1970б: 191]. 'Ты по-нашему (на нашем диалекте) лучше говоришь'; бес. *мил'ам бабам вэрас'кълиз ьшина* 'Наш дед рассказывал еще' [Федотов 1982: 121, 122]; сред. *тод'ы камлэн тулкымэз / мэт шуккис'коз йардурэ – / мил'ам жсингрэс кўарамы / мэт кылис'кос кыд'окэ.* 'Волны ('волна') белой Камы / Пусть бьются о берега – / Наши звонкие голоса ('голос') Пусть раздадутся далеко)' [Кельмаков 1990а: 170]; южн. *мил'ам*

жӱк вылын кот'ма но ван', / н'ан'лэс' баӱӱымэз ӧвӧл. У нас на столе все имеется, / Но нет на ней ничего ценнее хлеба [Загуляева 1982: 23]; кукм. *мил'ам кин'айэн лӱэм нӱл бас'тонтэм. 'У нас со Старой Кня-Юмьей был [уговор] не брать девушек'* [Кельмаков 1992: 115]; закам. *mil'am temirbaj žugiškoñiñ vetlikiz, ž'eñisiv nikolaj šuoñ tupal u'mort pijeñ ogažiñ vetlem. 'Наш Тэмырбай, когда был на войне, все время воевал вместе с заречным удмуртом (удмурты Башкирии так называют удмуртов, проживающих на территории Удмуртской АССР) Денисовым Николаем'* [Насибуллин 1972б: 315].

тил'-а-д сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 513], сред. [Кельмаков 1990а: 194], южн. [Кельмаков 2015: 97], *тил'-а-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *тил'-а-т* закам. [Насибуллин 1982: 163], *тил'-а-Д* круф. [Насибуллин 1978: 98] / *ти-а-д* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65].

тил'ад J, K [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 159], *tiad* J [Aminoff 1896: 30].

В средневосточном шарканском говоре С. К. Бушмакиным зафиксированы формы генитива, аблатива с отсутствующим элементом *-l'* основы: *miam*, *tiad*. В то же время, представленные в «Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos» Т. Г. Аминоффом из якшур-бодьинского говора параллельно употреблявшиеся безэловые формы генитива, аблатива, датива и инструменталю уже исчезли [Бушмакин 1969: 65]. Безэловые формы представляют собой более поздние образования, в которых в интервокальном положении элемент *-l'* осложненной основы был утрачен. В данном случае могло быть выравнивание парадигмы в соответствии с номинативной формой. Кроме того, в средневосточных говорах элизия наблюдается и в субстантивной парадигме: выпадает *-l* в суффиксах генитива (*-en < -len*), аблатива (*-eś < -leś*), датива (*-i < -li*). Выпадение *l*, по мнению С. К. Бушмакина, происходит в силу ослабленной артикуляции согласного при его образовании [Бушмакин 1969: 60–61; 1970: 107–108]. Позднее под давлением системы и литературного языка безэловые формы были утрачены.

сред. *однако но вылэм ук / тил'ад-а но мылдыдды. 'Однако же, оказывается, Помыслы да у вас'* [Кельмаков 1990а: 194]; южн. *из'ны вытса ӧм ву'э, бускэл' пиос*

вуизы: *валйосты, нэ, тил'ад мэжа дорады бусийын с'ис'ко*. 'Не успели лечь спать, соседские мальчишки пришли: лошади, мол, ваши пасутся ('кормятся') у вашей межи в поле' [Кельмаков 2015: 97]; *закам. эуон вуосты шэрбэт вылэм, / тил'ат бай улэмды зэм вылэм*. 'Ваша питьевая вода, оказывается, медовый напиток, / Оказывается, и вправду живете богато' [Насибуллин 1982: 163].

U mon šerekti til'ad kıldileś [Wichmann 1901: 159]. 'Я рассмеялся от ваших слов'.

В третьей группе личных местоимений наблюдается ослабление инициального звука суффикса *-лэн* до полумягкого *-l* в красноуфимском говоре под влиянием марийского языка [Насибуллин 1978: 94], до билабиального *-ʉ* в южных говорах, вплоть до его утраты, в связи с чем может подвергнуться ассимиляции гласный суффикса: *-эн, -он*. Элемент *н* может приобрести назальное звучание *-лэн₂*:

со-лэн сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2005: 106], сред. [Кельмаков 1990а: 292], южн. [Кельмаков 2015: 250], *со-len* бес. [Тепляшина 1970а: 183] // *шо-лэн* круф. [Насибуллин 1978а: 98] // южн. *со-ʉэн* [Kel'makov; Saarinen 1994: 254] // *со-эн* сред. [Кельмаков 1990а: 292] // *со-он* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], сред. [Кельмаков 1981а: 209], южн. [Кельмаков 2015: 252];

solen J, K [Aminoff 1896: 30], *solen* G, B, M, J, U [Wichmann 1987: 224] *сӱен* MU, J [Wichmann 1893: 5; 1987: 224];

сч. *а кал' солэн л'эк из'он шорыз*. 'А сейчас она крепко спит ('у нее крепкий сон')' [Карпова 2005: 106]; южн. *атайэс солэн башка ваў*. 'Ее отец был попом' [Кельмаков 2015: 250]; южн. *ноš so ted'i šir kad' imištis sowen luiš potam* [Kel'makov; Saarinen 1994: 254]. 'Из его рта вышла душа, похожая на белую мышь'; сред. *туыс ву баžžым луэмэн соэн татын уэмэз луымтэ ни, кўаз ву пырэм*. 'Из-за весеннего разлива он не смог жить здесь больше, в шалаш проникала вода' [Кельмаков 1990а: 292]; сред. *а чортйос соон кыз уаз ик пукс'ил'л'ам*. 'А черти уселись прямо под (его) елкой' [Кельмаков 1981а: 208]; южн. *соон кык ушпи ваўйосыс, нэ, выўэм*. 'У него были-де два жеребца' [Кельмаков 2015: 252];

MU *ńuke'li puñit' bakt's'ajed: сӱен kotiraz vož bad'u* [Wichmann 1893: 5]. 'Напротив лоцины твой огород: вокруг него [растет] зеленая ольха';

соос-лэн сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 517], сред. [Кельмаков 1990а: 144], южн. [Кельмаков 2015: 269], бес. [Федотов 1982: 122], кукм. [Кельмаков 1992: 131], *soos-len* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *soos-len* татш. [Кельмаков 1978б: 106] // *шоош-лэн* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *сойос-лэн* нч. кос. [Карпова 2020: 517], *sojos-len* татш. [Кельмаков 1975: 104] // *сос-лэн* южн. [Кельмаков 1978а: 66];

sooslen J [Aminoff 1896: 30], *sooslen* G, J, MU [Wichmann 1987: 224], *sojoslen* K [Aminoff 1896: 30], *sojoslen* G, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 224];

сред. *соослэн* *вълэм нълзы* ‘У них была дочь’ [Кельмаков 1990а: 144]; южн. *вот окпоў, нэ, таїэ учыр выўэм соослэн*. ‘Вот однажды такая оказия у них случилась’ [Кельмаков 2015: 269]; бес. *одиг нълзь но вълэм соослэн, но со кулэм малъ кэ* ‘И одна дочка (девушка) у них была, но она почему-то умерла’ [Федотов 1982: 121, 122]; кукм. *соос вис’ьн кўс’кил’л’ам но, гошт’ьса понил’л’ам соос’ьс потонтэм, соослэн потэмзь лўьмтэ ин’и*. ‘Они заболели [какой-то заразной болезнью], и их очертили кругом, чтобы не переступили черту (‘и не вышли’), они уже не смогли выйти оттуда’ [Кельмаков 1992: 131, 132]; татш. *d’žur’len kužojes šue: okkin no, pe, ušor ujin mənsa, sojoslen miñč’ojištəzə iz baštəsa vajəno uz di-štə*. ‘Хозяин дома говорит, что никто, мол, не посмеет в глухую полночь сходить в их баню и принести оттуда камень’ [Кельмаков 1978б: 104, 113], татш. *d’žaram, äd’žämi šajtan šörə sooslenj karazə pəre*. ‘Ну, ладно, человек за шайтаном же заходит в их гнездо’ [Кельмаков 1978б: 106, 115]; южн. крк. *сослэн* *куз’оос’ь нълк’ьшнос вал: сари, сул’л’о но сал’л’а*. ‘Их предводителями были женщины: Сари, Суллё и Салля’ [Кельмаков 1978а: 66].

Генитив инклюзивного местоимения в северных говорах имеет несколько вариантов. Форма ед. ч. употребляется в ярском, юкаменском, части глазовского и кезского говоров среднечепецкого диалекта, нижнечепецком диалекте [Карпова 2020: 256, 258], идентичная форма зафиксирована в ворцинском говоре бесермянского наречия [Федотов 1982:123] и закамских говорах [Насибуллин 1982: 154]:

ас-ла-м нч., сч., вч. кез. [Карпова 2020: 522], бес. [Федотов 1982:123], закам. [Насибуллин 1982: 154].

бес. *д'у'с сайкэм шур шуо аслам татън*. 'Русским очищенный лог говорят у нас здесь' [Федотов 1982:123]; закам. *туганэн но туган одиг өвөл, / аслам туган'н'осылы бон мар вуоз*. 'Один родственник не сравним с другим, Кто может сравниться с моими родственниками' [Насибуллин 1982: 154].

Глазовская и бalezинская форма *асла-мы-лэн* [Карпова 2020: 522], бalezинская форма *ачим-э-лэн* [Карпова 2020: 522] образованы по аналогии с притяжательными существительными с одним обладаемым мн. и ед. ч. соответственно (сравните: *гур-мы-лэн* 'у нашей мелодии', *гур-э-лэн* 'у моей мелодии').

ачмэ-лэн ср-зап. [Тараканов 1998: 117], *асмэ-лэн* вч. кез. [Карпова 2020: 522], *as'me-len* бес. [Тепляшина 1970а: 187, Люкина 2016: 94], кукм. [Кельмаков 1970б: 343], *ас'мэ-лэн* вч. [Карпова 2020: 522], южн. [Атаманов 1981: 65; Кельмаков 2015: 71], *äs'me-len* закам. [Насибуллин 1972а: 157], *äs'me-len* татш. [КТУ]; *as'me-en* ср-вост. [Бушмакин 1971б: 22], *ас'мэ-эн* южн. [Кельмаков 2015: 247], *ачмэ-н* ср-зап. [Тараканов 1998: 117], *äs'me-n* татш. [КТУ].

южн. *ас'мэлэн гуртмы кылдэмын туш кэмалас'*. 'Наша деревня возникла очень давно' [Кельмаков 2015: 71].

южн. *аз'ло ас'мээн гуртмы пичи гынэ ваў, нэ*. 'Раньше наша деревня была-де очень маленькой' [Кельмаков 2015: 247]; татш. *zet, kăpč'i uz lu'ə äsmelen šüresmø*. 'Правда, не очень легкой будет наша дорога' [Кельмаков 1978б: 105, 113].

as'melen К [Aminoff 1896: 36].

В таблицах 6 и 7 представлены суффиксы, которые участвуют в образовании падежных форм генитива, их сочетание с личными маркерами. Падежный аффикс *-а* встречается только в парадигме склонения местоимений первой и второй группы, субстантивным суффиксом и без участия показателя лица образованы падежные формы третьей группы. У инклюзивного местоимения диалектные формы генитива могут быть образованы от основы ед. ч. или мн. ч., соответственно и суффиксы к ним присоединяются разные: *-ла* и *-лэн*.

Таблица 6. Суффиксы генитива личных местоимений

Группы	Местоимения	Суффикс -а	Суффикс -ла	Алломорфы суффикса -лэн
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	-а		
II	<i>ми</i> <i>ти</i>			
III	<i>со</i>			-лэн // -лэн // -лэн ₂ // -ўэн // -эн // -он
	<i>соос</i>			-лэн // -лэн // -лэн ₂ // -ўэн
IV	<i>ас'мэос</i>		(от основы ед. ч.) -ла	(от основы мн. ч.) -лэн // -лэн // -эн // -н

Таблица 7. Сочетание генитивного и личного суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежных суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	СхРх
II	<i>ми</i> <i>ти</i>	СхРх
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Сх
IV	<i>асьмеос</i>	(от основы ед. ч.) СхРх (от основы мн. ч.) Сх

Семантическая структура родительного падежа

Личные местоимения в именительном падеже служат: 1) для выражения посессивных значений, в первую очередь – артибутивных. Начиная с первой грамматики удмуртского языка, данные формы местоимения рассматриваются в качестве притяжательных местоимений. Лишь часть исследователей придерживалась мнения, что указание на посессивные отношения – одна из семантических значений генитивной формы личных местоимений.

Они определяют объект, «указывая на принадлежность его к какому-нибудь одному лицу (индивидуальному владельцу) или нескольким лицам (коллективному владельцу)» [Вахрушев 1984: 67]. Атрибутивная посессивность рассматривается как данность, это постоянный признак, который рассматривается вне времени: «*Люция*» – *со мынам нимы öвöl кадь потэ аслым но* (Валишин. Төл

гурезь, 97). «Люция» – это как будто не мое имя, мне и самой так кажется»; *Йырад тынад, Кыляй, Тёл гурезь йылын сямен, весь тёл шула* (Валишин 1978, 105). «В голове твоей, Кыляй, как на вершине горы Ветров, всегда ветер свистит»; *Солэн сиосыз укно пыр тымиськыса пыро комнатае* (Ар-Серги 1993, 21). «Его лучи вливаются через окно в комнату»; *Милям частьмы азылань вырзиз* (Петров 1959б, 89). «Наша часть двинулась вперед»; *Ваньзэ сое тйляд фотокарточкаеныды юнматоно*. (Широбоков 1992, 220). «Все это надо заверить вашей фотокарточкой»; *Кыче чебересь соослэн кырзан гуръёссы!* (Кедра Митрей 1988, 9). «Какие красивые у них песенные мотивы!».

Часто наблюдается грамматическая связь между посессором, выраженным генитивом, и объектом обладания [Едыгарова 2010: 231], что заключается в оформлении объекта соответствующим притяжательным суффиксом: *Милям ужъёсмы*. «Наши дела», при использовании местоименно-последложной конструкции посессивный суффикс присоединяется к послелогу: *солэн съобраз* «за ним, за его спиной». В коми языках «объект обладания оформляется посессивным суффиксом крайне редко» [Некрасова 2023: 230]. В удмуртском же редки случаи неоформления притяжательным суффиксом объекта обладания и связаны с желанием дистанцироваться от объекта, сделать его неопределенным, придать ему обобщенную семантику. Обладанное как бы отчуждается от обладателя: *Мынам но ведь ныл тон кадь ик дышетске но дышетске* (Блинов 1986, 91). «И у меня дочь, как ты же, все учится и учится»; *Тынад ведь улэм кикылэн кадь: туннэ одйг нюлэскын силиськод, чуказе ни – мукетаз* (Валишин 1978, 40). «Ведь твое житье как у кукушки: сегодня в одном лесу кукуешь, завтра – в другом»; *Уката ик куара солэн небыт но чылкыт, жингрес* (Блинов 1986, 101). «Особенно голос у нее мягкий и чистый, звонкий»; *Вылтыр йö кадь кезыт луиз милям* (Коновалов 1990, 18). «Тело как лед стало холодным у нас»; татш. *täbäre төпат анај но атај о'd'za ulo*. «Теперь мои (букв. мой) мать и отец живут вместе» [Кельмаков 1978б: 104, 113]; южн. *мил'ам мылкыд ныл вылын...* «Мое (в форме “наше”) настроение на девушке» [Архипов 1978: 34]; *мил'ам эшйос / кунулто но, / тил'ад эшйос / пыд пукто...* «Наши друзья (подруги) Подручку берут да, Ваши друзья (подруги) Ноги

подставляют...» [Архипов 1978: 35]; *mil'am d'ad'oos чимошурэ мон ворскэмлэс' аз' гынэ лы'тил'л'ам вылэм ай*. «Наши родители переехали в Чемошур еще до моего рождения» [Архипов 1981: 41]; *mil'am tros jablokpu*. «У нас [здесь] много яблонь» [Тепляшина 1970а: 266].

Данное явление не ново для удмуртского языка. Неоформление обладаемого объекта было зафиксировано уже в первой грамматике «Сочиненія принадлежация къ грамматикѣ вотскаго языка». В главе «О склоненіи» интересны замечания об употреблении генитивных форм личных местоимений с именами существительными без притяжательных суффиксов. «...имена въ Вотскомъ разговорѣ по большей части употребляются съ мѣстоименіями <...> Когда выговаривается съ симъ мѣстоименіемъ *мынѣмъ*, мой, тогда окончаніе при имени остается тоже *мынѣмъ сясыка̀*, мой цвѣтокъ» [Сочиненія 1775: 1]. Подобные примеры даны и при иллюстрации творительного падежа: «*мылѣмъ сясыкаэ́нь*, нашимъ цвѣткомъ, *тылѣдъ сясыкаэ́нь*, вашимъ цвѣткомъ, *сойбсьлѣнь сясыкаэ́нь*, ихъ цвѣткомъ» [Сочиненія 1775: 4].

По исследованию Т. И. Тепляшиной, в ниже-чепецких говорах северного наречия вместо местоимений 1 sg., 1 pl. в притяжательной функции употребляется генитивная форма *аслам* ‘мой, мои’ усилительно-личного местоимения: *аслам гурт* ‘мой родной дом, наш родной дом’. Основное слово может не принимать личных окончаний, напр.: им. п. *аслам корка* ‘наш дом’, вин. п. *аслам коркамес* ‘наш дом’, вх. п. *аслам коркам* ‘в наш дом’ [Тепляшина 1970б: 175].

Без личного суффикса употребляются личные местоимения 3-го лица, выступающие в роли объекта обладания: б) *Со мынам визьмо, ох, визьмо, ява*. (Красильников 1991, 22). ‘Он [старший сын] у меня умный, ох, умный же’; *Кыче будэ ни со тынад?* (Валишин 1978, 106). ‘Как уже он [сын] растет у тебя?’; *Со мылям экономист* (Широбоков 1992, 210). ‘Он у нас экономист’.

Отсутствие посессивного суффикса является, на наш взгляд, одним из способов дистанцирования личных местоимений от идентичных указательных, поскольку, когда оно оформляется притяжательным суффиксом, начинает

восприниматься в качестве указательного. Например, *Мынам сои чукназэ но сиськытэк кошкиз...* (Самсонов 1979: 290). ‘Этот мой и утром ушел, не позавтракав’.

В учебных пособиях, научных трудах генитивные формы с атрибутивным значением рассматривают в качестве притяжательных местоимений [ГСУЯ 1962; Ушаков 1982: 83–84; Тараканов 2003; УУК 2011]. По нашему мнению, правильнее уточнять, что они выступают в функции притяжательных местоимений, являясь падежной формой личных местоимений. Собственно притяжательными местоимениями в удмуртском языке являются всего четыре лексемы: *ас* ‘свой’, *асьме* ‘свой (наш)’, *асьтэ* ‘свой (ваш)’, *асьсэ* ‘свой (их)’ [Кельмаков 1993: 248]. Генитивные формы с дейктическими суффиксами *-эз* (*-ез*), *-ыз* с последующим присоединением падежного маркера типа *мынам-ез-лэсь* ‘от моего, от моих’ корректнее рассматривать как двупадежные формы, поскольку данные суффиксы «выступают вместо пропущенных слов или словосочетаний. <...> В структуре существительных и некоторых разрядов местоимений (собственноличных, определительно-личных и некоторых других) выделительно-указательный (дейктический) аффикс стоит после форм косвенных падежей, т. е. последние служат производящей основой» [Алатырев 1983: 586];

2) для выражения предикативной посессивности используется конструкция, где обладатель представлен личным местоимением, оформленным формой родительного падежа, а объект обладания притяжательной формой в именительном падеже. Глагол-связка может присутствовать или отсутствовать. Посессивность рассматривается как признак, существующий в определенном временном плане, спустя некоторое время принадлежность может исчезнуть. «Посессор может быть одушевленным и неодушевленным, обладаемое – отчуждаемым и неотчуждаемым. Конструкция включает в свой состав также бытийный предикат ‘есть, имеется в наличии’. Такая конструкция выражает широкий спектр посессивных значений, чаще всего описываются отношения между посессором и объектом, социальные отношения, принадлежность свойств обладателю» [Некрасова 2023: 228]: *Веранэз өвёл, механизаторъёс туж висъяськылызы колхозникъёслэсь: соослэн вал паспортъёссы но, профсоюзной членской книжкаоссы но* (Никитин 1965, 87).

‘Нечего и говорить, механизаторы очень отличались от колхозников: у них были и паспорта, и профсоюзные членские книжки’; *Сюрлое öвөл мынам* (Кедра Митрей 1988, 17). ‘У меня нет серпа’; *Соослэн котьку озьы вал: ваньмыз председатель но звеньевойёс вылын.* (Первошиков 1988, 298). ‘У них всегда так было: все на председателе и звеньевых’;

3) для выражения агентивного значения, в котором содержится указание на действия, выполняемые субъектом, или события, в которых он принимает участие. Признак агентивности чаще определяется на основе ядерной предикативной связи по отношению к глаголу или другой вербальной форме. Генитивные формы личных местоимений служат способом выражения субъекта в безличных предложениях, они указывают на лицо, являющегося пассивным производителем действия или вовлеченным в него участником. Главный член синтаксических конструкций с родительным падежом субъекта, по словам В. М. Лудыковой, указывает «на завершение совершения действия, его результат, непроизвольное действие, желание / нежелание, привычность / непривычность, решение совершить действие» [Лудыкова 2011: 151]: *Соосты мынам адземе но уг пот* (Широбоков 1992, 204). ‘Мне их видеть не хочется’; *Мынам тани уг луы ни, лябзиськиз.* (Красильников 1991, 22). ‘У меня вот уже не получается, обессилел’; *Тынад кин луэмед потэ, Верочка?* (Первошиков 1988, 297). ‘Тебе кем хочется стать, Верочка?’; *Солэн кемалась уни вина верьямез потэ* (Медведев 2006, 13). ‘Ему давно уже хочется пригубить вина’; *Солдатлэсь талам пычалэныз солэн номыр каремез өз луы* (Коновалов 1990, 40). ‘С отобранным у солдата ружьем у него ничего не получилось сделать’; *Тйляд со сярись верамды потэ* (Гаврилов 1982, 399). ‘Вам хочется об этом сказать’; *Соин ик соослэн колхозэ мынэмзы уг поты ни* (Никитин 1965, 85). ‘Поэтому они не хотят идти в колхоз (букв. у них нет желания идти [работать] в колхоз)’;

4) для выражения локального значения. Формы личных местоимений *pluralia tantum* и 3-го лица мн. ч. обозначают местоположение какого-либо явления. Локальное значение, возможно, было первичным для генитивных форм личных местоимений, но, возможно, это и более поздние эллиптические образования, когда название места (*гурт* ‘деревня’, *юртьер* ‘хозяйство’, и др.) опускается: *Со понна*

табере атабайёс, кытчы ке палэнэ вуылыкузы, маке сямен одно ик верам каро: «Милям алигес клуб пуктйзы, пушказ пырид ке, паймыса бырод!» (Красильников 1991, 9–10). ‘Зато теперь атабаевцы, выезжая куда-то на сторону, как бы навзначай обязательно расскажут: «У нас недавно клуб построили, если зайдешь внутрь, удивишься»’. В данном случае прослеживается метонимическая смежность – перенос значения ‘совокупность лиц, проживающих в пределах определенной территории’ на собственно ‘место проживания’: бес. *musugan merto mil'am*. ‘У нас сажают картофель’ [Тепляшина 1970а: 268]; кукм. *mil'am akaška ažon kiñ nal ažla kišton lüe*. ‘У нас за три дня до пасхи бывают поминки’ [Кельмаков 1970б: 557, 558]. *Нош тани, кулэмъёслы шуыса, уг-а куясько тйляд озьы, муш поттыкыды?* [Владыкина 2023: 245]. ‘А вот перед тем как вывести улья после зимовки, у вас не проводят обряд задабривания предков?’. В опубликованных источниках нам встретились генитивные формы лишь от *ми* ‘мы’, *тй* ‘вы’, но вполне употребительны предложения типа *Соослэн алигес клуб пуктйзы, пушказ пырид ке, паймыса бырод!* ‘У вас / у них недавно клуб построили, если зайдешь внутрь, удивишься’.

Пространственные, объектные, определительно-обстоятельственные отношения также выражены в послеложных конструкциях. Послелог принимает притяжательный суффикс соответствующего лица и числа. При передаче локального значения личные местоимения выступают ориентиром, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *Азбаре пыри гинэ но, мынам пумитам гидысь Ортюш потйз, вёлмыт съод тушо пересь, йыраз кесяськем пелё изьылэн пал пельыз ошиськемын, кияз солэн чигиськем вайыж* (Петров 1959б, 90). ‘Только зашел во двор, мне навстречу из стайки выходит Ортюш, старик с окладистой бородой, на голове рваная шапка-ушанка со свисающим ухом, в руке у него сломанная оглобля’; – *Нош мон тйляд вискады султо, – шуыса, пичи Бетко мерске* (Кедра Митрей 1988, 14) ‘– А я встану между вами, – назойливо суется маленький Бетко’;

Если генитивная форма личного местоимения является посессором к послеложно-именной конструкции, то притяжательный суффикс соответствующего лица и числа присоединяется к послелогу: *Мур нёжал съорысь вырйылэ туби но,*

мынам син азам шимес суред усьтїськїз: быдэс горизонт тылпуэн басьтэмын (Петров 1959б, 88). ‘Поднялся [я] из глубокой низины на пригорок, моему взору (букв. перед моими глазами) открылась ужасная картина: весь горизонт был охвачен пожаром’; Световидов *солэн пельпум бордаз каньылля йотскем бере гинэ куалектыса йырзэ жсутїз* (Красильников 1991, 18). ‘Только после осторожного прикосновения Световидова к ее плечу она, вздрогнув, подняла голову’;

5) для обозначения источника информации. Генитивные формы могут выступать частью вводных конструкций, часто в сочетании с послелогом *сямен* ‘как, по’: <...> *мынам малпамея, Замятина Риммалэн аппендицит өвөл кадь* (Красильников 1991, 15). ‘<...> по моему мнению, у Замятиной Риммы вроде не аппендицит’; – *Мынам сямен, черксылэн кулэз но өвөл, – шуэ одйгез пурьыстам пересь, куа поп, – вöсьяськон сикмес коразы* (Кедра Митрей 1988, 29). ‘– По-моему, нужды в их церкви нет, – говорит один поседевший старец, жрец, – лес, в котором мы молились, вырубил’; *Иське, тйляд малпамдыя, государстволы нянь сётон со талам луэ?* (Никитин 1965, 45). ‘Значит, по вашему мнению, сдача хлеба государству становится конфискацией (грабежом)?’

3.2.3.4. Дательный падеж (Датив)

В литературном языке дативные формы личных местоимений *singularia tantum* образуются от основ *мын-*, *тын-* с суффиксом *-ы* и следующим за ним личным суффиксом. Краткая форма личных местоимений *pluralia tantum* образована от основ *мил-*, *тйл-* при помощи суффикса *-е* и следующим за ним личным суффиксом. Осложненная форма 1 pl., 2 pl., формы инклюзивного и местоимений 3-го лица образованы субстантивным суффиксом *-лы*: *Нош мукет ласянь эскериськод ке, соос мыным юртто но* (Широбоков 1992, 213). ‘Если посмотреть с другой стороны, они мне помогают’; *Мон тыныд ваньзэ верало* (Коновалов 1990, 33). ‘Я тебе все расскажу’; *Кинэ со вите, кин солы кулэ?* (Кедра Митрей 1988, 10). ‘Кого она ждет, кто ей нужен?’; *Со милемлы кышкыт өвөл* (Блинов 1986, 98). ‘Это нам не страшно’; *Я, пересь, мон ведь туннэ тйлед араны лыктй* (Кедра Митрей 1988, 14). ‘Ну, старик [не сердись], сегодня я пришел вам

жать [рожь]»; *Возьят, не, тїледлы соос сьорысь кылыны!* (Медведев 2006, 15). ‘Стыдно, мол, вам от них отставать!»; *Солы Гиреев куддыр зэмзэ но ачиз сярись норедгес потэ* (Чернов 1989, 20). ‘Ему Гиреев, по сравнению с собой, действительно, иногда кажется немного незрелым’; *Савелий Никифорович но, кузпалыз но выль тїрлык сьоры өз уиське-а, соин йырин-а өз луы соослы?* (Чернов 1989, 13). ‘И Савелий Никифорович, и его жена не гнались ли за новыми вещами, не до этого ли им было?’; *Асьмелы соослэсь мозмыны право сётэмын* (Медведев 2006, 22–23). ‘Нам дано право освободиться от них’.

Диалектные формы

Большинство генитивных форм личных местоимений *singularia tantum* образованы суффиксом *-ы-*:

мын-ы-м сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 508], сред. [Кельмаков 1990а: 134], южн. [Кельмаков 2015: 71], закам. (можг.), (АЭВ), *тїп-ї-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *мын-ы-м* сч. гл. [Карпова 2020: 508], бавл. (ник.) // *мьн-ь-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 508], круф. [Насибуллин 1978: 98], татш. (нт.), кукум. [Кельмаков 1970б: 341], *төп-ө-т* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *тән-ән-т* бес. [Люкина 2016: 198] // *мөн-ы-м* сред. (ГАП) // *тї-ї-т* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65], *те-е-т* ср-вост. [Бушмакин 1971б: 11];

тунут J [Aminoff 1896: 30], *тїпїт* M, J, MU [Wichmann 1987: 163], *тїпїт аслїт* M [Wichmann 1987: 163], *төнпөт* K [Aminoff 1896: 30], *тїпїт аслїт* G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 163], *төнїт* S, M [Munkácsi 1896: 723]; сред. *мон доры лыктис тылобурдо, / мыным гоштэт со ваиз, / мынам с'ин азам пыт'саса, / йыбырттыса со с'отиз*. ‘Ко мне птица прилетела, / Она письмо мне принесла, / Она села предо мною, / Поклонившись, подала’ [Кельмаков 1990а: 134]; южн. *тайэ мыным вэрас нэрэс' д'ад'айэ*. ‘Это мне рассказал мой дед’ [Кельмаков 2015: 71]; бес. *тиžике тәнпат еј val, иž гәне тәнпәт kule*. ‘Мужа у меня не было, нужна была только работа’ [Люкина 2016: 198];

тын-ы-д сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], сред. (ШЕМ), южн. [Загуляева 1982: 13], закам. (БЭВ) // *тїн-ы-д* сч. гл. [Карпова 2020: 510], бавл. [Иванова 1996: 32] // *тьн-ь-д* сч. глаз., юк. [Карпова 2020: 510],

кукм. [Кельмаков 1992: 118], *тън-ѳ-Д* круф. [Насибуллин 1978, 98], *tən-θ-d* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *tɪŋ-ɨ-t* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *тън-ѳ-т* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], татш. (нт.), *tən-θ-t* татш. [Кельмаков 1978б: 109], *тън-ѳ-Д* круф. [Насибуллин 1978: 98], *тõн-ы-д* сред. (ГАП) // *tɪ̣-ɨ-d* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65] *tɛ-ɛ-d* ср-вост. [Бушмакин 1971б: 11];

tönyd, töyd J [Aminoff 1896: 30], *tõnjid* [Munkácsi 1952: 3], *tɪnjid* M, J, MU [Wichmann 1987: 265], *tɪnjid aslɪd* M [Wichmann 1987: 265], *tɪnjid* [Munkácsi 1952: 27], *tõnõd* K [Aminoff 1896: 30], *tɪnɪd* G, B, U [Wichmann 1987: 265], *tɪnɪd aslɪd* U [Wichmann 1987: 265];

южн. *ойдал'и, туганэ, тон мон с'õры, / одиг кыл вэрало мон тыныд*. 'Пошли со мной, милый мой дружок, Я заветное слово скажу' [Загуляева 1982: 13]; кукм. *аз'ла ышэ улон лүэм, пийэ, тан' мон тънъд вэраю*. 'В прошлом такая жизнь была, сынок, вот я тебе расскажу' [Кельмаков 1992: 118, 119]; закам. *сайла, мар тънъд зэчгэш: ил'и дьшэм, ил'и уж*. 'Выбирай, что тебе лучше: или учеба, или работа' [Насибуллин 1978: 103]; *mon uk to-diškə kəžə tənət taɥ karəne jik*. 'Я не знаю, как и отблагодарить тебя' [Кельмаков 1975: 109, 118];

J *Mon sékyt udž tönyd vozmato medo šuož* [Aminoff 1886: 41]. 'Я тяжелую работу тебе покажу скажет слуга'; «*ta-ni tɪnjid, pijä, salam vaji*» *šua-no deräm, ižtan, pöž, tšulka-no tebätäi šotä ämäš-piježli* [Munkácsi 1952: 27]. '«Вот тебе, сынок, подарки принесла», – говорит и дарит зятю рубашку, штаны, варежки, чулки и тюбетейку'. *ta džöžk-vilä puktäm tɪr džukänid, tɪr vinaänid, tönid o-stä karko, i-nmarä, aslad šotäm vil' murted pöžna* [Munkácsi 1952: 3]. 'Этими на стол поставленными обильной кашей, обильным вином благодарю тебя (букв. делаю тебе остэ), Господи, за подаренного Тобой нового человека'.

В средневосточном диалекте зафиксированы усеченные формы *теет, теед* ср-вост. [Бушмакин 1971б: 11], в которых от основы местоимения отпал конечный согласный *-н*, а суффиксальная гласная *-ы-* ассимилировала под влиянием гласной основы *õ*: «В дательном падеже личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. выпадает гласный компонент *-н* <...>. Оставшийся гласный *ɨ* уподобляется гласному *ɛ*<...>. В записях Т. Г. Аминоффа встречаются полные и краткие, а также

ассимилированные и неассимилированные формы³⁶, что свидетельствует о том, что уподобление гласных и выпадение согласного *n* – явление более позднего времени» [Бушмакин 1971б: 21–22]. В исследованиях зарубежных ученых XIX – начала XX в. имеются свидетельства о более широком распространении в срединных говорах третьей фонетической разновидности основы личных местоимений 1 sg. и 2 sg. *mõn-*, *tõn-* (например, [Munkácsi 1952: 3]).

Усеченные варианты дативных форм встречаются и в коми языке. Так, напр., в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка *мэным* ‘мне’ сокращен до *мэм* (редко *мэн*), *тэныд* ‘тебе’ до – *тэд* (единично – *тэн*) [Сажина 2019: 154].

В северной диалектной зоне, в бесермянском наречии сохранилась так называемая краткая дативная форма местоимений 1 pl., 2 pl., хотя, по сути, так же, как и у местоимений ед. ч., представляет собой архаичную падежную форму. Здесь же употребляются два различных суффикса генитива:

1) *-э-*: *мил'-э-м* сев. [Тепляшина 1955: 200; Алашеева 1999: 64; Карпова 2005: 99], *mil'-e-m* бес. [Тепляшин 1970а: 184; Люкина 2016: 92] // *мл'-э-м* нч. кос. [Карпова 2020: 513];

mil'em G, B [Wichmann 1893: 107; 1987: 159];

сч. *мил'эм кытын жуч кыл тоды ны!* Откуда (‘где’) нам знать русский язык! [Карпова 2005: 99];

G *mil'em kin gîroz ni?* [Wichmann 1893: 107]. ‘Кто же нам будет пахать?’;

тил'-э-д сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 515], *til'-e-d* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92];

til'ed G [Wichmann 1893: 66; 1987: 260];

G *okmoz til'ed, pinalios, murtlen surze iuññi! at'sides pe:štele!* [Wichmann 1893: 66]. ‘Хватит вам, молодежь, у чужих пиво пить! Сами варите!’;

2) *-ь-*: *мил'-ь-м* бес. [Кельмаков 1992: 72], *mil'-â-m* бес. [Люкина 2016: 92];

³⁶ В материалах Аминоффа зафиксирована промежуточная форма *tõyd* J [Aminoff 1896: 30] – без ассимилированного гласного, но с выпавшим согласным.

бес. *mil'âm pinal'l'os vajo ni*. ‘Нам дети приносят уже’ [Люкина 2016: 93];
mil'âm sotâken mertasa turân l'ukâli-zâ. ‘Нам сотками делили сено (траву)’ [Люкина
 2016: 197, 198];

til'-â-d бес. [Люкина 2016: 92].

По исследованиям Н. М. Люкиной, для лекминских говоров характерно параллельное употребление форм с суффиксами -э- ~ -ь-. Формы *мил'ъм*, *тил'ъд* употребительны и в ворцинском говоре [Люкина 2016: 92–93].

В части срединных говоров и в южных диалектах произошло осложнение формы личных местоимений *pluralia tantum* субстантивным суффиксом дательного падежа -лы. И краткий, и осложненный варианты являются литературной нормой. Отсутствие / наличие суффикса -лы в дативной форме является одним из критериев противопоставления северного и южного наречий [Кельмаков 1987: 31; 1998: 164–165]. Местоимения 3-го лица ед. ч. и мн. ч. характеризуются обязательным использованием маркера -лы. В диалектах используются эти же местоимения и их фонетические варианты:

мил'-э-м-лы сред. [Кельмаков 1990а: 76], южн. [Кельмаков 1977: 47; 2015: 257], *mil'-e-m-li* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *закам.* [Насибуллин 1972а: 153] // *mil'-e-m-lø* *кукм.* [Кельмаков 1970б: 341], *мил'-э-м-лъ* *круф.* [Насибуллин 1978: 98];

mil'emly J [Aminoff 1896: 30], *mil'emli* M, MU [Wichmann 1893: 13; 1987: 159], *mil'emle* [Munkácsi 1952: 34], *mil'emlõ* K [Aminoff 1896: 30], *mil'emli* U [Wichmann 1987: 159];

сред. *со сугонэз ичкыны мил'эмлы нош жал'потэ* ‘А рвать тот лук нам [очень] жаль’ [Кельмаков 1990а: 76]; южн. – *чуп мил'эмлы коргид', соку с'отом ваўдэ, – шуо, нэ, бигэрийос.* ‘– Срубим нам теплый хлев, тогда отдадим твою лошадь, – говорят татары’ [Кельмаков 2015: 257]; южн. *крк. мил'эмль матис' гуртън, почин'каън, войнаис' бэртъса, школаън ужанъ кучкиз пин'ал пи.* ‘В деревне верхняя Малая Салья, недалеко от нашей, вернувшись с войны, приступил к работе в школе парень’ [Кельмаков 1978а: 67–68];

MU *mil'emli sâcam ležodj-ke töd'i kam durad po-neuč!* [Wichmann 1893: 13]. 'Если нам отправите гостинец, положите на берегу реки'; *kubo-t's'uk kulä mil'emle, aġgai!* [Munkácsi 1952: 34] 'Кисти с прялки нам нужны, айгай!';

тил'-э-д-лы сред. [Кельмаков 1990а: 125], южн. [Кельмаков 1977: 47; Кельмаков 2015: 254], *тил'-е-д-ли* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *тил'-е-'-лө* кукм. [Кельмаков 1970б: 341] // *тил'-э-д-ль* круф. [Насибуллин 1978: 98];

til'edly, tiedly J [Aminoff 1896: 30], *til'edli* MU, M [Wichmann 1893: 44; 1987: 260], *til'ed'li* MU [Wichmann 1987: 260], *til'edlō* K [Aminoff 1896: 30], *til'edli* U [Wichmann 1987: 260].

В основе формы *ti-e-d-ly*, зафиксированной Т. Г. Аминоффом в якшурском говоре, отсутствует элемент *l'*.

сред. *мон тил'эдлы макэ но вэрало*. 'Кое-что я вам поведаю' [Кельмаков 1990а: 125]; южн. *мон уг бы гаты тил'эдлы йурттыны: мынам кускы вырзэмын*. 'Я не смогу вам помочь: у меня поясница отнялась' [Кельмаков 2015: 254].

MU *ai tau til'edli, tau til'edli! šumik pidesad mu tñid!* [Wichmann 1893: 44]. 'Ой, спасибо вам, спасибо вам! Пусть на дне твоей чаши всегда будет мед!' »*ta-ni til'edli tšo(tšännadili vit' taŋka ukšo silaško*», *šuiä* [Munkácsi 1952: 13-14] '«Вот вам обоим преподношу пять серебряных монет», – говорит [тесть]'

Местоимения 3-го лица образуются стандартным субстантивным суффиксом *-лы* и его фонетическими вариантами:

со-лы сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], сред. [Кельмаков 1981а: 284], *со-ли* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *со-ль* сч. гл. [Карпова 2020: 512] // *со-ль* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 512], *со-лө* татш. [Кельмаков 1978б: 107] // *со-ўь* кукм. [Кельмаков 1992: 112] // *шо-ль* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *со-ы* сред. [Кельмаков 1981а: 209];

soly J, [Aminoff 1896: 30], *solli* M, J [Wichmann 1987: 224] *solō* K [Aminoff 1896: 30], *solī* G, B, U [Wichmann 1987: 224], *с'уи* J, MU [Wichmann 1987: 224];

сред. *оскил'л'ам солы, гуртаз быдэс воз н'ан'эн вуэм*. 'Поверили ему [что он погорелец], и он возвратился домой с целым возом хлеба' [Кельмаков 1981а: 284]; татш. *solō j'mar no luäte* 'с ним ничего не случилось' [Кельмаков 1978б: 107, 116];

кукм. *со лъктэ ва^оў, нош ми мьс'ком ва^оў, соўь кутсань*. 'Он, бывало, придет [к нам], затем ('опять') мы пойдем к нему молотить' [Кельмаков 1992: 112]; сред. *каык ал'и но, нэ, соы таў карэ на чортйосты ул'ламэс пӧнна* 'Народ и сейчас-де благодарит его за то, что чертей прогнал' [Кельмаков 1981а: 209];

В срединных говорах элемент *л* дативного аффикса подвергается фонетическому ослаблению вплоть до полной утраты так же, как и в генитивном маркере. Причем в последнем примере зафиксировано, что *л* выпадает и из существительного *калык – каык* 'народ'.

соос-лы сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 517], сред. [Кельмаков 1990а: 95], южн. [Кельмаков 2015: 71], *соос-лї* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *соос-ль* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 517] // *шоош-ль* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *sos-лї* закам. [Насибуллин 1972б: 316] // *сойос-лы* нч. кос. [Карпова 2020: 517], *sojos-лї* закам. [Насибуллин 1972а: 153].

soosly J [Aminoff 1896: 30], *soosli*, *sojosli* M [Wichmann 1987: 224], *soosli* G, B [Wichmann 1987: 224], *sojosli* K [Aminoff 1896: 30], *sojosli* U [Wichmann 1987: 224].

сред. *атаййоссы, нэ, соослы кут но э рэкча: «ламшанйос пуртызэс озы мис'ко тил'эддыс пӧс'тыны»*. 'А родители возьми да обмани их: «[Это] лашманы так моют свои котлы [, чтобы] сварить вас»' [Кельмаков 1990а: 95]; южн. *та инты соослы кэл'шэм: н'улэс но ван', огырчи шурмы но чэбэр*. 'Эта местность пришлась им по нраву: и лес имеется, и речка наша Агрызка красивая' [Кельмаков 2015: 71]; закам. *тоң sosli ta palaś valo šurez todem bere, «valo» šuiša kutiški, sosli kutiški kirž'anı* [Насибуллин 1972б, 316]. 'Я, зная, что в этой стороне река Вала, начала им петь про реку Валу'.

Датив инклюзивного местоимения представлен разнообразием морфологических форм и фонетических вариантов в северном наречии:

ас-лэ-м нч., сч. [Карпова 2020: 522].

сч. *ма аслэм кулэ на? то л'ко здоро вйа*. 'Что нам еще надо? Только здоровье' [Карпова 2020: 259].

Форма образована от основы ед. ч., падежный суффикс предшествует показателю лица. Форма образована по аналогии с дативом плюральных местоимений: *мил'эм ~ аслэм*;

ас-лэ-мы-лы сч. гл. [Карпова 2020: 522], *ас-лэ-мы-ль* сч. гл. [Карпова 2020: 522], *ас-лэ-мь-ль* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 522],

сч. *аслэмьль туннэ атсконо вал прэдэн*. ‘Нам самим³⁷ сегодня нужно было встретиться с председателем’ [Карпова 2020: 259].

В падежной форме суффикс датива представлен дважды: прономинальный *-лэ-* и субстантивный *-лы*. Данная форма образована по подобию плюральных местоимений: *мил'эмлы* ~ *аслэмьлы*. Нарращение субстантивного падежного маркера и участие в словоизменении личного суффикса мн. ч. указывают на более позднее происхождение данной формы инклюзивного местоимения;

ачимэс-лы сч. гл. [Карпова 2020: 522].

Форма образована от основы номинатива мн. ч. стандартным субстантивным суффиксом и структурно представляет собой форму мн. ч. имени существительного.

ачим-э-лы сч. гл. [Карпова 2020: 522] представляет собой форму притяжательного склонения существительного ед. ч. с единичным обладателем.

сч. *дойаркаос йун шу мпотизы: ачимэлы, нылы, нэ, ву шунтыны сра зу вуид*. ‘Доярки очень обрадовались: нам, дочка, мол, ты сразу пришла воду греть’ [Карпова 2020: 259];

ас-мэ-лы сч., вч. кез. [Карпова 2020: 259],

сч. *асмэлы, нэрэс'йослы, ма мэдам кулэ на?* ‘Нам, старикам, что же еще нужно?’ [Карпова 2020: 259].

Форма может иметь двойное происхождение: от притяжательной основы *ас-* с поочередным наращением личного суффикса мн. ч. и падежного либо от основы мн. ч. *ачмэ-* (*ас'мэ-*), согласный основы мог веляризоваться под действием притяжательной основы *ас-* и идентичного притяжательного местоимения *ас* ‘свой’. Все же первый вариант, с нашей точки зрения, более правдоподобен, поскольку сложно объяснить веляризацию мягкого согласного.

---

³⁷ В данном предложении перевод местоимения может быть и с усилительно-личным, и с инклюзивным значением.

Следующая форма в различных фонетических вариантах образована от основы мн. ч. *ачмэ-* стандартным суффиксом субстантивного склонения. Зона распространения охватывает верхнечепецкие говоры северного наречия, срединные говоры и все южное наречие:

ас'мэ-лы вч. кез. [Карпова 2020: 522], южн. [Кельмаков 2015: 98], *ас'те-лѳ* бес. [Тепляшина 1970а: 187], кузм. [Кельмаков 1970б: 343], *ас'те-лѳ* бес. [Люкина 2016: 94], южн. [Кельмаков 2015: 98] *äs'te-li* закам. [Насибуллин 1972а: 157], *äs'te-lѳ* татш. [Кельмаков 1978б: 104], *ас'те-wi* ср-вост. [Бушмакин 1971б: 22].

южн. *вэс' сѳрис'кэ ваў, пийос ѳй ваў, ас'мэлы ик лэс'тоно лувылиз*. 'Постоянно ломался [трактор], парней не было, нам самим же приходилось ремонтировать' [Кельмаков 2015: 98].

татш. *äs'te-lѳ sojos dorѳ, kot'mar ke no luiz, ve 'lono*. 'Что бы ни случилось, нам нужно к ним съездить' [Кельмаков 1978б: 104, 113].

ас'теly J [Aminoff 1896: 36], *ас'теlѳ* K [Aminoff 1896: 36].

Дативные формы личных местоимений образованы суффиксами, являющимися маркерами только личных местоимений, а также суффиксами, заимствованными из субстантивного склонения. Все они отражены в таблице 8:

Таблица 8. Суффиксы датива личных местоимений

Группы	Местоимения	Аллофоны суффикса -ы-	Суффикс -ѳ-	Аллофоны суффикса -лы
I	<i>мон тон</i>	-ы- (// -ы̆- // -ы̇-)	-ѳ-	
II	<i>ми тй</i>	-ы-	-ѳ-	-лы- (-лы̆- // -лы̇-)
III	<i>со соос</i>			-лы- (-лы̆- // -лы̇- // -лӹ-) // -ы̆ // -ы̇
IV	<i>ас'меос</i>			-лы- (-лы̆- // -лы̇- // -лӹ-) // -ы̆

Показатель лица в первой и второй группах присоединяется после падежного суффикса, кроме того, во второй группе личный суффикс может находиться между падежными формантами, что отражено в Таблице 9.

Таблица 9. Сочетание дативных и личных суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежных суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	СхРх
II	<i>ми</i> <i>ти</i>	СхРх / СхРхСх
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Сх
IV	<i>асьмеос</i>	Сх

Семантическая структура дательного падежа

Личные местоимения в именительном падеже используются:

1) для выражения значения лица, которому адресовано или в отношении которого направлено действие: *Кин юрттоз ни мыным?* (Кедра Митрей 1988, 9). ‘Кто же поможет мне?’; *Уг валаськы, оломалы солэн мыным сыче йырыз кур, котькуд собраниын ярлыкъёс гинэ ошылыны турттэ* (Гаврилов 1982, 393). ‘Не понимаю, по какой причине он на меня сердится, на каждом собрании пытается навесить ярлыки’; *Та нуналэ мон тыныд синмыныд адъымтэ, пельыныд кылымтэ шимес ужез верано луйсько* (Коновалов 1990, 22). ‘Сегодня я вынужден рассказать тебе о невиданно, неслыханно жутком деле’; *Окыльна солы кияз табануд ке мычысал, соку ик чалмысал, дыр* (Валишин 1978, 91). ‘Если бы Окыльна сунула ему в руки сковородник, наверное, сразу же и затих бы’; *Толык мед сётысал со милемлы* (Медведев 2006, 15). ‘Силы (способности) пусть бы дал он нам’; *Ачиз тйледлы вераны возьдаське, лэся* (Блинов 1986, 102). ‘Кажется, сама стесняется вам сказать’; *Чупрес Эля Алексеева туж жог соослы визь пычатыны быгатйз* (Валишин 1978, 100). ‘Энергичная Эля Алексеева очень быстро смогла их образумить’;

2) для выражения бенефактивного значения, когда идет указание на лицо, в пользу которого совершается действие: *Тйни озьы, Аркемий Дорофеич, тыныд но корка пуктй* (Кедра Митрей 1988, 26). ‘Вот так, Артемий Дорофеич, и тебе дом построил’; *Чачабеен Гаянэз со аслэсьтыз тросгес яратэ, соослы ик сюрес сётос...* (Коновалов 1990, 33). ‘Чачабей и Гаяна она любит больше, чем себя, им и дорогу

уступит...'; *Я, пересь, мон ведь туннэ тйлед араны лыктй* (Кедра Митрей 1988, 14). 'Ладно, старик, я ведь сегодня вам пришел жать';

3) для выражения субъектного значения в безличных предложениях:

а) со сказуемым, выраженным наречием либо категорией состояния + глаголы-связки *вань* 'быть', *луыны* 'стать, становиться', *потыны* 'казаться (показаться)'. Сообщается о физическом / психическом состоянии субъекта:

Мыным, пе, тумошо потэ но соин мытылйсько: мед лекьяськозы (Первошиков 1988, 305). 'Мол, мне кажется смешным, и поэтому перечу: пусть злятся'; *Юа вал, марлы мыным мёзмыт луиз ай, мар курадэйтэ монэ...* (Ар-Серги 1993, 9). 'Спросила бы, почему же мне стало тоскливо, что меня мучает...'; *Возьыт өвёл-а тыныд, Алексей Кузьмич!* (Гаврилов 1982, 389). 'И не стыдно тебе, Алексей Кузьмич!'; *Сюлмыз вёсь луыса учке Мухамед: немец солэн укно улысьтыз кызьпузэ сёсырья кадь потэ солы* (Петров 1959б, 96). 'С болью в сердце смотрит Мухамед: кажется ему, будто немец уродует березу под его окном'; *Возьыт, пе, тйледлы соос сёрысь кылыны!* (Медведев 2006, 15). 'Стыдно, дескать, вам отставать от них!';

б) со сказуемым – модальным предикативом со значением долженствования, необходимости, обязанности, выраженным безличным глаголом или наречием (категорией состояния) с глаголом *кулэ*, в так называемых предложениях, выражающих необходимость:

– *Татын но, – жотрак султйз Гриша, – мыным кошконо* (Ар-Серги 1993, 20) '– И здесь тоже, – Гриша резко встал, – мне нужно уходить'; *Кыче пал мыным кулэ, мон умой-умой уг тодйськы на, но со чанак тон кадыд мед луоз вал шуыса малпасько* (Блинов 1986, 109). 'Какая половинка мне нужна, я пока отчетливо не знаю, но хотелось бы, что она в точности была похожа на тебя'; *Тонэ өрекчаны мыным кулэ ик өвёл* (Блинов 1986, 102). 'Обманывать тебя мне совсем не нужно'; – *А тыныд самой сыче адямиосыз котырад люкано вылэм! – ме́чак шуиз солы Кудрин* (Красильников 1976, 236). '– А тебе как раз таких людей вокруг себя нужно было собирать, – прямо сказал ему Кудрин'; *Такем вазь солы нокытчы дыртонэз өвёл* (Красильников 1991, 6). 'Так рано ей никуда торопиться не надо'; – *Тау өтемдылы, но милемлы кошконо! – чурьт вазиз Кудрин* (Красильников 1976, 242).

‘– Спасибо за ваше приглашение, но нам нужно уходить! – грубо ответил Кудрин’;
Милемлы крестьян пала луйсь, заводлэсь мозмытйсь эксэй кулэ (Коновалов 1990, 153). ‘Нам нужен царь – заступник за крестьян, освободитель от завода (заводских работ)’; *Өвёл, гыдыкъёсы, тйледлы Зангари Ильялэсь яке мынэсьтым дышетсконо* (Гаврилов 1982, 392). ‘Нет, мои дорогие, вам у Зангари Ильи или у меня нужно учиться’;

в) со сказуемым – модальным предикативом со значением разрешения / запрета, выраженным наречием (категорией состояния) *яра / уг яра* ‘можно / нельзя’ + инфинитив: *Анай, тыныд ведь султаны уг яра!* (Красильников 1976, 328). ‘Мама, тебе ведь нельзя вставать!’; *Так вот, Кабышев, мон аслыд ик верасько сое, хотя милемлы, медикъёслы, озьы карыны уг яра ке но* (Красильников 1976, 340). ‘Так вот, Кабышев, говорю это тебе напрямую (букв. говорю тебе самому), хотя нам, медикам, так делать нельзя’;

4) для обозначения объекта отношения, под которым понимается «указание на лицо (предмет), на которое направлена психологическая реакция субъекта, отражающая его отношение к предмету» [Некрасова 2002: 174]: *Мыным маке понна вожед потэ, лэся?* (Красильников 1976, 123). ‘На меня за что-то сердисься, кажется?’; *Сюан дэремдэ дйся, кен, соку тыныд вань адямиос синмаськыса быризы!* (Красильников 1976, 197). ‘Надень свадебное платье, сноха, тогда все люди тобой восхищались!’;

5) для выражения посессивного значения: *Солэн мыным эмести луэmez потэ, нылы* (Блинов 1986, 102). ‘Ему хочется стать моим зятем, доченька’; *Кышно лу тон мыным, Чачабей* (Коновалов 1990, 28). ‘Женой стань мне, Чачабей’;

б) в сочетании с послелогом *луыса* ‘из-за, благодаря’ для актуализации причинно-следственных отношений: <...> *Лысо пальёсын, пе, мон уг йыромы, мыным луыса эн жегатйськы* (Чернов 1989, 8). ‘В окрестностях Лысо, я, мол, не заблужусь, не задерживайся из-за меня [, не провожай]’; *Тыныд луыса, мон, оло, шайтаназ но вуи ни, одйгез но уг тоды!* (Красильников 1976, 309). ‘Из-за тебя я, наверное, уже и у шайтана побывал, никто не знает [, где ты]!’.

Исследователи отмечают, что датив, вероятно, обозначал прямой объект: «По-видимому, раньше [дательный] падеж имел более широкие функции, обозначая вообще объект, на который переходит действие. В некоторых [коми] диалектах сейчас еще употребляется эта падежная форма также и в значении винительного падежа» [СКЯ 1955: 141]. Возможно, и в удмуртском языке датив мог обозначать прямой объект. Напр., в материалах Т. Г. Аминоффа, вероятно, зафиксировано реликтовое использование дативной формы существительного в значении прямого объекта: *söberë ćigan uškytiškem ćidamte-ni, söberë poply tyškaškoz ćigan* [Aminoff 1898: 44] ‘Затем цыган не выдержал, упал, затем попа отругал (букв. попу отругает) цыган’.

3.2.3.5. Разделительный падеж (Аблатив)

В литературном языке формы разделительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица образованы с помощью суффикса *-эсьты-* (*-эсьты-*) и следующим за ним формантом лица, местоимения инклюзивное и 3-го лица – суффиксом *-лэсь*: *Мынэсьтым мйыюсыз пересьёс вань* (Кедра Митрей 1988, 14). ‘И постарше меня старики есть’; *Öд ке но вера, мон шöдытэк уг улйськы тынэсьтымд мылкыддэ* (Гаврилов 1982, 403). ‘Хоть и не говоришь, я чувствую твоё настроение’; *Чорыган сямен милэсьтым пыжмес мултэс уллане васькытэм* (НКУЯ). ‘Пока рыбачили, нашу лодку унесло слишком далеко’; *Военной ужез тодыны, кышкасьтэм луыны, сак но сэзь луыны тйлэсьтымд дыши* (НКУЯ). ‘Военному делу, быть бесстрашным, внимательным, активным я научился от вас’; *Мон сюлэмшугьяськыса ранить луэмъёс сярысь юай солэсь* (Петров 1959б, 88). ‘Я, встревоженный, спросил у него о раненых’; *Тон но, мукетъёс бере кык сю ар ортчыса, соослэсь ик гожтэмъёссэс выльысь уд гожты-а?* (Чернов 1989, 16). ‘И ты через двести лет после них [писателей-предшественников] не повторишь ли написанное ими?’; – *Мар? – султйз лапег гитарист, – со асьмелэсь юрдэ?* (Ар-Серги 1993, 24). ‘– Что? – встал низкого роста гитарист, – он брезгует нами?’.

Диалектные формы

Формы личных местоимений *singularia tantum* могут быть образованы следующими суффиксами:

а) *-эс'мы-* и его фонетическими вариантами: *мын-эс'мы-м* сев. [Кельмаков 1981а: 94; Карпова 2020: 508], сред. [Кельмаков 1990а: 146], южн. [Загуляева 1981а: 121; Кельмаков 2015: 86], *mijn-estj-m* сред. [Kel'makov; Saarinen 1994: 232], закам. *mijn-estj-m* [Насибуллин 1972а: 153] // *мын-эс'мы-м* сч. гл. [Карпова 2005: 108] // *мын-эс'мы-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 508], южн. крк. [Кельмаков 1978: 71], татш. (нт.), *mən-estθ-m* татш. [Кельмаков 1978б: 105] // *мын-эс'мы-м* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *mən-estj-m* сред. [Бушмакин 1971б: 21];

myneštym J [Aminoff 1896: 30], *mīneštīm* G, B [Wichmann 1987: 163], *mīneštīm* J [Wichmann 1987: 163], *mīneštīm asleštīm* U [Wichmann 1987: 163], *məneštīm* M, S [Munkácsi 1915: 55], *mīneštīm* G, J, *möneštīm* S, M [Munkácsi 1990: 722], *meneštēm* B [Munkácsi 1952: 160];

сев. *мынэс'мым бөрдонмэ уд а-ззэ*. 'Вы не увидите моих слез (мой плач)' [Кельмаков 1981а: 94]; сч. *соку мынэс'мым с'инмэ чибин' с'ийиз но, с'инмэ но уг а-ззэ вал но*. 'Тогда мои глаза (букв. мой глаз) комары искусали, и глаз [ничего] не видел' [Карпова 2005: 147]; сред. *өд а-ззэлы-а мынэс'мым шармэ?* 'Ты не видела моего шара?' [Кельмаков 1990а: 146]; сред. *a mīneštīm kozame ħe-kin no ug ba-štj* [Kel'makov, Saarinen 1994: 232]. 'А мою козу никто не покупает'; южн. *мынэс'мым гожйам гожтэтмэ но лыззэйтэк но куштоды*. 'Мои письма, не прочитав, выбросите' [Загуляева 1981а: 121]; южн. крк. *с'өд н'улэскъ пьрэм бэрэ, / бур пала кожэм бэрэ, / зэч лу, зэч лу, йаратонэ, мынэс'мым л'укис'кэм бэрэ*. 'Когда зашел в дремучий лес, Когда завернул направо, Будь здоров, прощай, мой любимый, После того, как со мной расстался' [Кельмаков 1978: 71]; татш. *tone ollokə-žə no aldañə daurtozə, soin ton məneštəm kəldiškətek, o'mar no en le-štə*. 'Тебя они всячески постараются обмануть, поэтому ничего не делай, не послушавши меня' [Кельмаков 1978б: 105, 114];

G kin mīneštīm pīdme kīl'oz? [Wichmann 1893: 109]. 'Кто мою обувь снимет?'; *kin med-ag möštīm (möneštīm) dišmä-kutmä baštiz?* [Munkácsi 1887: 69]. 'Кто же взял

мою одежду?»; *«luo-kä, luo-no, ton möneštīm kilmä kilzi!»* – šuām žumja [Munkácsi 1887: 55]. ‘Быть-то буду [твоей женой], но ты послушай меня (букв. мое слово)!’ – ответила Зумья; *soles bertämzä ku-kä add'žid: so-ke šijene begatod meneštem šulemmä* [Munkácsi 1952: 160]. ‘Когда увидишь его возвращение, тогда сможешь съесть мое сердце’;

тын-эс'мы-д сев. [Кельмаков 1981а: 45; Карпова 2020: 510], сред. (ШЕМ), закам. (АЭВ) // *тын-эс'мы-д* южн. [Архипов 1981: 24] *tīn-es'ti-t* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *t^on-es'to-d* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *тън-эс'мь-д* татш. (нт.)// *тн-эс'мы-д* нч. (ЗТМ);

tyneštyd J [Aminoff 1896: 30], *tīneštīd* J [Wichmann 1987: 265], *tīneštīd* G, B, U [Wichmann 1987: 265], *tīneštīd asleštīd* U [Wichmann 1987: 265], *töneštīd* S, M [Munkácsi 1896: 364; Munkácsi 1887: 13], *töneštīd* сар. [Емельянов 1927: 148];

сев. *«кырым пытсам гон потис кэ, соку ик тынэс'мыд нылдэ вайо», сазан шуэм.* ‘«Когда на моих ладонях вырастут волосы, тогда и женюсь на твоей дочери», – сказал Сазан...’ [Кельмаков 1981а: 45]; южн. *дун'н'э вылын йоно пиос туж тырос, övöl тынэс'мы* мусээз. ‘На свете симпатичных парней очень много, Нет милее тебя’ [Архипов 1981: 24]; закам. *tīneštīt bittitek č'ik no ug bašto vīlem, цаңзе биттиго* [Насибуллин 1972б: 317]. ‘Твою [стопку], если не опустошил, вообще не забирают, заставляют все выпить’;

Töneštīd piči pinaldä-no, pudodä=živottä-no, čipidä=kurägdä-no, čöždä=žazägdä-no, kot'-mar žeč už_ dä-no ad'ami tušmon=sinmīn-kä učkiz: sin uškitoz [Munkácsi 1887: 13]. ‘Если твоего маленького ребенка, домашнюю скотину, домашнюю птицу, любую твою хорошую работу человек окинет злым взглядом (букв. вражьим глазом), то сглазит’.

В нижнечепечком диалекте зафиксирована форма *тнэс'мыд* нч. (ЗТМ), в которой выпала гласная основы;

б) *-ыс'мы-* и его вариантами: *мын-ыс'мы-м* сев. [Кельмаков 1981а: 96; Бабинцева 1997: 32; Васильева 1995: 51], сред. [Кельмаков 1981а: 225] // *мън-ьс'мь-м* сев. [Кельмаков 1981а: 40], *mân-âštâ-m* бес. [Люкина 2016: 91], *m^on-öštö-m* бес. [Тепляшина 1970а: 183] // *мөн-ыс'мы-м* сред. (ГАП);

miništij, miništij aslištij M [Wichmann 1987: 163];

сев. *с'эрэкйа, тон, нэ, мал мыныс'тым кышкад*. 'Смеется, почему, мол, меня испугался' [Кельмаков 1981а: 96]; сред. *муртэ кэ но кутид, мыныс'тым но луччээзэ уд шөтты* [Кельмаков 1981а: 238]; сев. *калык пöлын калык ўан'* но, *мыныс'тым шуттэмэз öвөл*. 'Среди народа есть народ, но меня несчастней нет' [Карпова 2005: 108]; сев. *одиг арэслъ со мыныс'тым пичигэс вал*. 'На один год он был моложе меня' [Кельмаков 1981а: 40]; бес. *tân-âštâ-m ulonme no-kiñ meda-z až'ž'â*. 'Пусть мою жизнь никто не увидит' [Люкина 2016: 92];

tân-âštâ-d бес. [Люкина 2016: 91] // *төн-ыс'ты-д* сред. (ГАП);

tiñštid aslištid M [Wichmann 1987: 265], *töñštid* сар. [Munkácsi 1952: 4];

ott's'j vuäm berazi, korka pirem berazi: «t's'rtkkämeš-na-a, iskavjn?» šuo,» d'ž'et's' ivordä kilsa liktim»; »töñštid-no multäs mi šum-potim», »ta vordkäm pinaled silj-danlj med lo! [Munkácsi 1952: 4]. 'Когда придут туда, зайдут в дом говорят: «Здравствуйте, соседи! (букв. здоровы ли еще, соседи?)»; «Мы пришли, узнав хорошую весть»; «Больше тебя мы обрадовались»; «Этот новорожденный пусть будет уважаемым и почитаемым»';

в) *-ис'ты-* является ассимилятивным вариантом суффикса на *-ы*:

мын-ис'ты-м вч. [Алашеева 1999: 63], сред. [Кельмаков 1981а: 252], канл. [Насибуллин 1981: 175] // *мын-йсьт-ым* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *мын-ис'ты-м* сч. юк. (вун.), бес. [Федотов 1982: 123], бес. *tân-ištâ-m* [Люкина 2016: 91];

сред. *мынис'тым та шöймэ кин мис'коз, / тулыс кошкис' ву с'ана?* 'Кто обмоет (это) мое тело, Кроме весенней воды?' [Кельмаков 1981а: 252]; канл. *мынис'тым кырз'анмэ кырз'алод, / туж кошкэмакым гынэ* [Насибуллин 1981: 175]. 'Ты споешь мою песню, / Когда сильно затоскуешь по мне';

тын-ис'ты-д сев. [Алашеева 1999: 63] // *тын-йсьты-д* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *тын-ис'ты-д* сев. юк. (вун.), *тын-йсьты-д* сч. гл. [Лыткин, Тепляшина 1959: 226] // *тын-ис'ты-т* бес. [Федотов 1982: 123], *tân-ištâ-d* бес. [Люкина 2016: 91] // *тын-ис'ти-т* круф. [Насибуллин 1978: 98].

В красноуфимском говоре зафиксированы формы 1 sg. и 2 sg. с разными огласовками суффикса: *мынэс'тым* и *тынис'тит* [Насибуллин 1978: 98].

сч. гл. *Тон монэ судить карьсал ке, мон тьнйсьтъд йърдэ таин пазьгьсал.* ‘Если бы мне ты присудил что-нибудь, я бы этим кирпичом твою голову размозжил’ [Лыткин, Тепляшина 1959: 226–227]; бес. *вождэ вайит кэ, мон тьнис'тът пэл'дэ вандо, мон кэ вайи – тон мьнис'тъм* ‘Будешь сердиться, я у тебя ухо отрежу, а если я рассержусь – ты у меня’ [Федотов 1982: 123, 125].

В северном, бесермянском наречиях суффикс *-ис'ты-* образован от суффикса *-ыс'ты-*: перед палатальным согласным *ы* перешел в *и*. Данное явление ассимиляции является обычным для южного диалектного ареала удмуртского языка [Кельмаков 2005: 56] и нетипичным для северного.

В северном наречии, срединных, закамском, татышлинском говорах формы разделительного падежа образуются с помощью суффикса *-эс'ты-*. Также в северном, бесермянском наречиях, срединных говорах форма аблатива также образуется с помощью суффикса *-ыс'ты-*.

В верхнечепецком диалекте северного наречия, лекминском, юндинском, ворцинском говорах бесермянского наречия, некоторых срединных говорах зафиксирована форма аблатива с суффиксом *-ис'ты-*, верхунинском говоре с *-ь-* огласовкой корня: *мьнис'тъм, тьнис'тъд* сч. юк. (вун.);

В северном, бесермянском наречиях, срединных говорах, большинстве южных диалектов употребляется форма с *т-*огласовкой, в граховском, кизнерском, киясовском говорах южного диалекта, бавлинском, кукморском говорах, спорадически в закамских говорах периферийно-южного диалекта распространены формы с аблативным суффиксом с *к-*огласовкой:

г) *-эс'кы-* и его варианты: *м(ы)н-эс'кы-м* южн. [Атаманов 1981: 58, 59], (МОН), *тjн-эski-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153];

тjнеskiт МУ [Wichmann 1893: 183];

южн. *сокы тин'и туганэ тодоз / мынэс'кым йаратэмме.* ‘Тогда вот мой любимый узнает / Про мою любовь’ [Атаманов 1981: 59]; *кэ'с'алэ ти мнэс'кым мугормэ.* ‘Растерзайте вы мое тело’ [Атаманов 1981: 58];

MU *kuцem-murtleś ižgon kuaraze t's'orig ku-ke kiцoz, miņeškijm so-ki med šodoz t's'orig arberi puktemme!* [Wichmann 1893: 183]. 'Если рыба услышит звук шерсти от умершего, тогда пусть услышит рыба, чьл я поставил снасть!';

тын-эс'кы-т южн. [Атаманов 2005: 79], *тън-эс'къ-т* южн. (КАВ), *tij-eški-t* закам. [Насибуллин 1972а: 153];

южн. *ук пот мынам, йаратонэ, / тынэс'кыт л'укискэмэ*. 'Не хочется мне, мой милый, С тобой расставаться' [Атаманов-Эграпи 2005: 79];

д) *-ис'кы-* и его вариант в бавлинском и кукморском говорах периферийно-южного диалекта: *мын-ис'кы-м* бавл. [Иванова 1996: 31], *mân-iškâ-m* бавл. [Тараканов 1960: 133], *мын-ис'къ-м* кукм. [Кельмаков 1970б: 341];

mōniškōm К [Aminoff 1896: 30], *miņiškijm* МУ [Wichmann 1893: 66];

MU *miņiškijm šiono hāntme vuž kaban puktod iñi* [Wichmann 1893: 66]. 'Поставишь уж стог про запас из того хлеба, что я не съем';

M *taž vera: aštäs meņiškeņ pumä suti·de, mon solis ägerzä sandekän vuzai šua* [Munkácsi 1952:189]. 'Так говорит: «Вы сами мои дрова сожгли, я ту золу в сундуке продал»';

мын-ис'кы-д бавл. (ник.), *тън-ис'къ-т* кукм. (сюм.);

tōniškōd К [Aminoff 1896: 30], *tijniškijd* МУ [Wichmann 1987: 265].

В исследовании А. И. Емельянова записаны ныне вышедшие из употребления формы с суффиксом *-ъс'къ-*: *miņiškijm, tijniškijt* каз. [Емельянов 1927: 147].

Зафиксирована форма с плеонастическим сочетанием суффиксов аблатива *мын-ыс'ты-м-лэс'* сев. [Кельмаков 1998: 188], которая представляет собой позднее образование, обусловленное влиянием субстантивной парадигмы на местоименную: к основе аблатива присоединяется суффикс субстантивного аблатива *-лэсь*:

миша братэным кыл'им, а со мыныс'тымлэс' зок вал, *кышноас'кэмын но вал ни* 'Мы остались с братом Мишей, а он был старше меня, и женатый уже был' [Кельмаков 1998а: 188].

Семантику данной формы можно объяснить двояко: либо проявляются два значения разделительного падежа: притяжательное (мой [возраст]) и выражение субъекта сравнения, либо удвоенное сравнение. В коми языке в сфере собственно-

личных местоимений также «наблюдаются случаи одновременного употребления двух падежных суффиксов, выражающих одно и то же значение» [Некрасова 2023: 235]. К генитивным формам местоимений обоих чисел присоединяется суффикс генитива имен существительных: *менам* ~ *менам-лөн* ‘у меня, мой’, *тиян* ~ *тиян-лөн* ‘у вас, ваш’; к дативной форме 1 л. и 2 л. ед. ч. присоединяется суффикс датива субстантивного склонения: *меным* ~ *меным-лы* ‘мне’ [Некрасова 2023: 235–236].

Наравне с полными формами в речи также употребляются усеченные, которые возникли, безусловно, позже [Uotila 1936: 465]: *мы-с'мы-м* сред. [Кельмаков 1981а: 182], [Кельмаков 1990а: 57], *тi-šti-m* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65], *тə-s'tə-m* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *тâ-štâ-m* бес. [Люкина 2016: 91] // *мө-с'мы-м* сред. [Вахрушев 1987: 19], *те-šti-m* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65] // *мъ-с'къ-м* кукм. [Кельмаков 1992: 113];

möstym J [Aminoff 1896: 30], *mö štïm* S [Munkácsi 1952: 235], *mö štïm* S [Munkácsi 1896: 722].

сред. *уй но нунал часовойэд воз'ма мыс'тым т'урмамэ* ‘Днем и ночью часовой-то Стережет (мою) тюрьму [Кельмаков 1981а: 182]; *малы мыс'тым бускэл'мэ кул'тык вас'ка шуо?* ‘Почему моего соседа зовут Культык Васька?’ [Кельмаков 1990а: 57]; сред. *со дас арлы мөс'тым бадзымгэс* [Вахрушев 1987: 19]. ‘Он старше меня на десять лет’; кукм. *отън мъс'към пэрэс' мурт эвоу ин'*. ‘Там старее меня никого уже нет’ [Кельмаков 1992: 113]. ‘Он на десять лет меня старше’; »*mar karom in' al'i, urom? – šuož –, valed möštïm įskalmä tšjžasa vijäm*» [Munkácsi 1952: 235]. ‘Что же будем делать, друг? – скажет – твоя лошадь мою корову лягала и убила’;

ti-šti-d ср-вост. [Бушмакин 1969: 65], *tə-s'tə-d* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *tâ-štâ-d* бес. [Люкина 2016: 91] // *мө-с'мы-д* сред. [Кельмаков 1981а: 253], *те-šti-d* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65];

töstyd J [Aminoff 1896: 30], *töštïd* S [Munkácsi 1990: 363];

тон бөрдоод, бөрдоод, нэнийэ, мон мөс'тымд бөрдэмдэ уг кыл ни ‘Ты заплачешь, заплачешь, моя мама, Я плач твой уже не услышу’ [Кельмаков 1981а: 253)];

S kilditäm-berä Inmar ad'amilï tažï veram: «*mon tonä busi-šori pukto-no kot'-köčä šösäz-kabäz, tiloäz-burdoäz töštïd virdä pottini ležo*» [Munkácsi 1887: 52]. ‘Инмар

сказал человеку после его создания: «Я тебя поставлю посреди поля и разрешу всякому зверю, птице пустить тебе кровь»’.

В формах *мы-с'ты-м* // *мө-с'ты-м* ~ *мъ-с'къ-м*, *ты-с'ты-д* // *тө-с'ты-д* ~ *ты-с'кы-д* произошли морфонологические изменения – апокопа финального согласного корня и начального гласного суффикса. В усеченных формах аблативный суффикс сократился до *-с'ты-* // *-с'кы-(-с'къ-)*: *мын-эс'ты-м* // *мы-ныс'ты-м* > *мы-с'ты-м*; *мөн-ыс'ты-м* > *мө-с'ты-м* ~ *мьн-ис'къ-м* > *мъ-с'къ-м*; *тын-эс'ты-д* // *тын-ыс'ты-д* > *ты-с'ты-д*; *төн-ыс'ты-д* > *тө-с'ты-д* ~ *тынэс'кыд* > *ты-с'кы-д*.

Формы разделительного падежа личных местоимений *pluralia tantum* образованы от длинной основы *мил'-*, *тил'-* с помощью:

а) алломорфов суффикса *-эс'ты-* (*-эс'ты́-*, *-эс'тъ-*) // *-эс'ти* в северном диалектном ареале, срединных, красноуфимском, части южных, закамских говоров: *мил'-эс'ты-м* сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 513], сред. [Кельмаков 1990а: 288], южн. [Архипов 1982: 29], *мил'-eštĭ-m* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *мил'-эс'ты́-м*, сч. гл. [Карпова 2020: 513] // *мил'-эс'тъ-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 513], *мил'-eštō-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *мил'-eštâ-m* бес. [Люкина 2016: 194] // *мл'-эс'ты-м* нч. [Карпова 2020: 513] // *mi-eštĭ-m* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65];

mil'eštyṃ J [Aminoff 1896: 30], *mil'eštĭm* M, J [Wichmann 1893: 69; 1987: 159], *mil'eštĭm* J [Wichmann 1987: 159], *mil'eštĭm* U [Wichmann 1987: 159];

сред. *ырыыламы турагай кырзас но, / мил'эс'тым көтйосмэс жсож карса* ‘Над нашими головами жаворонок пел, Навевая грусть на наши сердца’ [Кельмаков 1990а: 288]; бес. *mil'eštâṃ no rod ulišjos val.* ‘Некоторые жили еще хуже нас’ [Люкина 2016: 194]; южн. *мл'эс'тым ба 'зынйос пöлис' кы' мур' гынэ бэртиз на – палсуй миколайэн пичи миконор.* ‘Из тех, кто старше нас, вернулись только двое – Никанор Младший с Николаем Одноруким’ [Архипов 1982: 31];

J mar d'žét'š'josmes add'žemdi vañ til'ad mil'eštĭm? [Wichmann 1893: 69]. ‘Какое добро вы видели от нас?’;

тил'-эс'ты-д сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 515], южн. [Архипов 1982: 39; Кельмаков 2015: 53], закам. [Насибуллин 1982: 156], *тил'-eštĭ-d* ср-вост.

[Бушмакин 1971а: 143], *til'-eštj-t* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *тил'-эс'мь-д* сч. гл. [Карпова 2020: 515], *тил'-эсмь-д* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 515], *til'-ešto-d* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *til'-eštâ-d* бес. [Люкина 2016: 92] // вч. кос. *мл-эс'мы-д* [Карпова 2020: 515] // *ti-eštj-d* ср-вост. [Бушмакин 1969: 65];

tieštyd, tieštydy J [Aminoff 1896: 30], *til'eštjđ* G [Wichmann 1893: 145];

южн. *ой, тил'эс'мьд у' йу·вы йук, ки·нлэс'-о бон йувыллод?* 'Ох, если у вас ('от вас') не пить, У кого же станешь пить?' [Архипов 1982: 39]; *өм вэт' шö 'тэ пырыны йук тил'эс'мьд но йук баййоссэ* 'Ведь не встретили, чтобы зайти, [Людей] богаче, чем вы' [Кельмаков 2015: 53]; закам. *тил'эс'мьд но шуддэс ай тодыны äýлийä гынэ öвöл ми солы.* 'Узнать, каково ваше счастье, (мы не можем), Потому что мы ведь не ангелы' [Насибуллин 1982: 156]; «*liķtemdi роңна кiрž'ale, mi no til'eštjđ кiрž'amdes кiлеммi pote uk*» *šuo sojos, soos ässe šäjiñ veralo.* 'Пойте в честь вашего приезда, мы тоже хотим послушать ваши песни», – просят они нас, они говорят по-своему' [Насибуллин 1972б: 316, 325];

G *til'eštjđ oštes mi цаñ buskel'en šijškom* [Wichmann 1893: 145]. 'вашего бычка мы со всеми соседями едим'.

В красноуфимском говоре к аблативному суффиксу *-эс'ми-* присоединяется личный суффикс мн. ч.: *мл'эс'ми-мь* круф. [Насибуллин 1978: 98]; *тил'-эс'ми-дъ* круф. [Насибуллин 1978: 98]. Наличие в составе суффикса гласной *и* трудно объяснить: во всех остальных диалектах удмуртского языка распространен *ы*. Обычно процесс перехода *ы* > *и* возможен при наличии соседних палатальных согласных, но здесь *и* находится в окружении велярных согласных;

б) *-ис'тъ-*: в лекминских и юндинских говорах бесермянского наречия параллельно формам с суффиксом *-эс'тъ-* употребляются формы с *и*-огласовкой: бес. *mil'-ištâ-m, til'-ištâ-d* [Люкина 2016: 92].

в) *-эс'кы-* (*-эс'кьт, -эс'кь-*): *мл'эс'кы-м* южн. [Загуляева 1982: 21], *mil'-eškj-m* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *мл'эс'кь-м* кукм. [Кельмаков 1992: 127];

mil'eškõm K [Aminoff 1896: 30], *mil'eškijm* MU [Wichmann 1893: 8];

южн. *бай-бай гынэ шуо вал но мл'эс'кым кудомэс* 'Ой, богат да богат – говорили про нашего свата' [Загуляева 1982: 21]; кукм. *таццъ пэ·рвой чэркой*

пуктэм бэрэ, пун лъктъса, мил'эс'към бабйэз вэн'чат' карэм. 'Когда здесь впервые построили церковь, прибыл поп ('поп придя') [и] обвенчал нашего деда' [Кельмаков 1992: 127, 128];

MU *uziĵen borĵ kiśmatož ma-r-ik no d'ōmiš śiomĵ? uziĵez vuoz, bit'š'āsez uz lo: mil'eśkiĵ d'zet'š'ez todiś uz lo* [Wichmann 1893: 8]. 'Пока не созреют земляника с клубникой, Какие ягоды будем есть? Земляника созреет, собирать станет некому: знающих о нашей доброте [там] никого не будет';

til'eśki-t закам. [Насибуллин 1972а: 153];

til'eśkōd К [Aminoff 1896: 30], *til'eśkiĵ* MU [Wichmann 1893: 25];

MU *mi no til'eśkiĵ kōškeman diĵĵa vužerdĵ śiĵ āzam luĵsā-ŭ-кε!* [Wichmann 1893: 25]. 'Когда мы тосковали бы по вас, пусть бы перед глазами были ваши тени!';

Аблативные формы в южной диалектной зоне: кырымасских, граховских, кизнерских, кукморском, бавлинском, закамских говорах можгинского куста (дд. Можга, Пократ, Конигово, Шудек) – образуются алломорфами с *к*-огласовкой;

г) в кукморском и бавлинском говорах аблативная форма образуется с помощью суффикса *-ис'къ-* / *-ис'к(ы̆)-*: *мил'-ис'къ-м* кукм. (сюм.), *мил'-ис'къ-м* бавл. (ник.):

til'-iśkâ-t бавл. [Тараканов 1960: 133], *мил'-ис'къ-т* кукм. (сюм.).

Переход элемента *-т-* > *-к-* встречается не только в аблативе, но и, напр., в суффиксе пролатива существительных *-ти-* > *-ки-* в северном диалектном ареале: сев. *koĵĵi gurtki bižĵle ke, požar luoz* [Kel'makov, Saarinen 1994: 164]. 'Если белка бежит по деревне, будет пожар'. Форма слова *гуртки* (лит. *гуртэмтй*) зафиксирована в северном диалекте д. Озерки (удм. Озёрка) Ярского района. Зафиксировано изменение согласного в основе слова: MU *tekt'š'ini* ~ S *tet't'š'ini* [Uotila 1933: 31] 'прыгнуть, подпрыгнуть', в личном имени *Такъян, Такъянай* (< *Татъяна*) то же фонетическое изменение. Не только в середине слова возможны такие изменения. Т. Е. Уотила в удмуртском языке отмечает изменение прапермской анлаутной аффрикаты **t'š'* в *к* через ассимилировавшееся *t'*: **t'š'eĵd'žal'i* (> *t'eĵd'žali* > *кeĵd'žal'i*) [Uotila 1933: 32] 'ящерица'.

Встречаются единичные случаи аблатива с субстантивным суффиксом *-лэс'* более позднего образования: *мил'-эм-лэс'* сред. [Kel'makov, Saarinen 1994: 212].

Маркер аблатива присоединяется не к основе, а притяжательному суффиксу. Форма имеет значение объекта сравнения: сред. *takamj mil'emleś vizmoges viļem: bijsa viļam liktiz no kīmesam šurīņiz šukkīsa kel'tiz* [Kel'makov, Saarinen 1994: 212]. 'Наш баран оказался умнее нас: подбежал ко мне и боднул меня в лоб'.

Аблативные формы личных местоимений 3-го лица образованы стандартным суффиксом *-лэс'* простого субстантивного склонения и его алломорфами, как было указано выше, изменению подвергается согласный *л*: *со-лэс'* сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], сред. [Кельмаков 1990а: 82; 2015: 316] // *со-леś* татш. [Кельмаков 1978б: 104] // *со-јэс'* южн. [Kel'makov; Saarinen 1994: 252] // *шо-лэс''* / *шо-лэч* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *со-ос'* сред. [Кельмаков 1981а: 209], *со-оś* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143];

soleś J [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, U [Wichmann 1987: 224], *soleś* J [Aminoff 1896: 30], *soveś* J [Aminoff 1896: 30], *soueś* J, MU [Wichmann 1987: 224];

сред. *солэс'* но мусэйээз марья но сват'т'амы [Кельмаков 1990а: 82]. 'Милее его наша сватья Марья'; южн. *апайлы сокы дас кык арэс вал, мон пичигэс солэс'*. 'Старшей сестре тогда было двенадцать лет, я чуть моложе ее' [Кельмаков 2015: 316]; южн. *pič'i pijosīs soueś juaskil'l'am ni: «kič'č'i-o ozi, pešataj, miņiškod?»* [Kel'makov, Saarinen 1994: 252]. 'Маленькие сыновья у него уже расспрашивали: «Куда так, дедушка, идешь?»'; татш. *nəl sokə soleś kize ležem*. 'Девушка тогда отпустила его руку' [Кельмаков 1978б: 104, 113]; сред. *сээ соос'* кышкаса ван' чортйос остатки пэгзил'л'ам. 'Испугавшись его, черти (до последнего) все разбежались' [Кельмаков 1981а: 209].

соос-лэс' сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 517], южн. [Архипов 1982: 41], *соос-леś* сев. [Kel'makov, Saarinen 1994: 166], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *шоош-лэч* / *шоош-лэс''* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *sos-leś* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *сойос-лэс'* нч. кос. [Карпова 2020: 517], южн. [Архипов 1982: 41], *sojos-leś* закам. [Насибуллин 1972а: 153], татш. [Кельмаков 1978б: 105].

soosleś J [Aminoff 1896: 30], *sojosleś* M, U [Wichmann 1987: 224].

сев. *miškono soosleś dišses-kutses – dun med luozī* [Kel'makov, Saarinen 1994: 166]. 'Надо постирать их одежды – пусть будут чистыми'; южн. *соослэс'* но эшишо

ээчэс' / та йури но калы'йос. 'Добрее их / Эти юринцы ('йуринские народы')' [Архипов 1982: 41]; татш. *kijouç sojosleš kəškasa, valze öžə' gəne təkä gurež ule uk ko-žətə*. 'а зять, испугавшись их, чуть не свернул лошадь под крутую гору' [Кельмаков 1978б: 105, 114].

Кроме того, в части диалектов функционируют формы с алломорфами суффикса *-лыс'* (*-лис'*): *со-льс'* бес. [Федотов 1982: 117], *so-lâš* бес. [Люкина 2016: 91] // *со-лис'* кукм. [Кельмаков 1992: 120];

solis К [Aminoff 1896: 30], *s^huis* МУ [Wichmann 1987: 224];

бес. *солъс'* *вэлзикъмън ас'м'ос* 'От него (от татар) мы и размножились ('распространились')' [Федотов 1982: 117]; кукм. *ад'амилэн напсийэз ук тър вълэм шуса, събрьэ солис'* *улонзэ вакчийатил'л'ам*. 'Решив, что все равно не утолить жажду человека [к жизни], его жизненный век укоротили' [Кельмаков 1992: 120].

соос-льс' бес. [Федотов 1982: 122], *soos-lâš* бес. [Люкина 2016: 91] // *соос-лис'* кукм. [Кельмаков 1992: 145].

sojoslis К [Aminoff 1896: 30].

бес. *тин' соосльс'* *ик таччъ калък вэлзикэм но*. 'Вот от них здесь люди и распространились' [Федотов 1982: 122]; кукм. *соослис'* *одик ни вордис'кэм, д'узэй н'им понил'л'ам соль*. 'От них родился один сын, ему дали имя Дюзэй' [Кельмаков 1992: 145, 146].

Формы разделительного падежа личных местоимений *singularia tantum* образуются путем изменения корневого гласного *-о-* на *-ы-* (*-ь-*, *-й-*) // *-ө-* и присоединения довольно разнообразных фонетических вариантов суффикса с э-огласовкой и *ы-* (*и-*) огласовкой и чередованием составного элемента *-т-* // *-к-*. Личный суффикс располагается после падежного маркера. Основа *мын-* и его аллофоны встречаются во всех наречиях и срединных говорах удмуртского языка. В некоторых срединных говорах, напр., д. Старое Мартьяново (удм. Тяма) Завьяловского района, встречаются формы с основой *мөн-*, они отмечены в записях Б. Мункачи [1887, 1952], сделанных на территории современных срединных говоров, но Т. И. Тепляшиной не зафиксированы [1973]. В говоре некоторых деревень Завьяловского района в корне местоимения наблюдается чередование трех

фонетических вариантов основы: *мон-* ~ *мын-* ~ *мӧн-*. На данном этапе *ö*-основы уже утрачиваются. В отдельных говорах (например, в бесермянском наречии, граховских говорах) гласная корня может редуцироваться, т. е. в количественном отношении произноситься короче (подр.: [Тепляшина 1970а: 84–86]), или выпасть без ущерба для значения, поскольку семантика личного местоимения выражена, в первую очередь, начальным согласным корня. Подобные формы могут появиться и при быстром темпе речи. Аблативные формы 1-го и 2-го лица личных местоимений образуются целой группой алломорфов: *-эс'ты-* (*-эс'тъ-*, *-эс'ты̆-*), *-эс'ти-* ~ *-ыс'ты-* (*-ъс'тъ-*, *-ыс'т ы̆-*) // *-ис'тъ-* ~ *-эс'кы-* (*-эс'къ-*, *-эс'кы-*) ~ *-ъс'къ-* // *-ис'кы̆-* (*-ис'къ-*). Краткие формы образованы суффиксами *-с'ты-* ~ *-с'кы-* (*-с'къ-*).

Формы личных местоимений 3-го лица образованы вариантами суффикса *-лэс'* // *-лыс'*. В лекминских и юндинских говорах параллельно употребляются формы с суффиксами *-лэс'* и *-лъс'*. В диалектных текстах зафиксированы варианты суффиксов с билабиальным *ц*, ослабленным вариантом *l*: *-ӱэс'* (*-цэс'*) // *-цӱс'* // *-ос'*.

В склонении инклюзивного местоимения можно выделить следующие вариативные суффиксы:

а) *-лэс'*:

ас'мэ-лэс' [Карпова 2020: 522], *ас'ме-лэс'* бес. [Люкина 2016: 94], *äs'me-les'* закам. [Насибуллин 1972а: 157], татш. [Кельмаков 1978: 105];

as'meles' J [Aminoff 1896: 36].

татш. *šajtañnos ollokə-zə no suranə, d'žərmes bəttənə vərozə äs'meles'*. 'Черти всячески будут стараться мешать нам, уничтожить нас [(букв. наши головы)]' [Кельмаков 1978б: 105, 113–114];

б) *-лъс'* ~ *-л'ис'*:

ас'ме-лъс' бес. [Люкина 2016: 94], *as'me-liš'* кукм. [Кельмаков 1970б: 343], *ас'ме-л'ис'* бес. [Тепляшина 1970а: 187];

as'meliš' K [Aminoff 1896: 36];

в) *-лэс'ты-*:

*ас-лэс'ты-*м нч., сч. [Карпова 2020: 522], *ас-лэс'ты̆-*м сч. гл. [Карпова 2020: 522], *ас-лэс'тъ-*м сч. гл., юк. [Карпова 2020: 522]

г) *-лис'тъ-*:

ас-лис'тъ-·*мъ* бес. [Кельмаков 1992: 78].

Варианты аблативных суффиксов представлены в таблице 10.

Таблица 10. Суффиксы аблатива личных местоимений

Группы	Местоимения	Алломорфы суффикса <i>-эс'ты-</i>	Алломорфы суффикса <i>-ыс'ты-</i>		Усеченные суффиксы	Алломорфы суффикса <i>-лэс'</i>	Алломорфы суффикса <i>-лыс'</i>	
			<i>-ыс'ты-</i> *· <i>ъс'къ-</i>	<i>-ис'ты-</i> // <i>-ис'тъ-</i> <i>-ис'кы-</i> // <i>-ис'къ-</i>				
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	<i>-эс'ты-</i> <i>-эс'кы-</i>	<i>-ыс'ты-</i> *· <i>ъс'къ-</i>	<i>-ис'ты-</i> // <i>-ис'тъ-</i> <i>-ис'кы-</i> // <i>-ис'къ-</i>	<i>-с'ты-</i> <i>-с'кы-</i> (<i>-с'къ-</i>)			
II	<i>ми</i> <i>тй</i>	<i>-эс'ты-</i> // <i>-эс'тй-</i> // <i>-эс'тъ-</i> // <i>-эс'ти-</i> <i>-эс'кы-</i> // <i>-эс'кы-</i> // <i>-эс'къ-</i>		<i>-ис'тъ-</i> <i>-ис'къ-</i> // <i>-ис'кы-</i>		<i>-лэс'</i>		
III	<i>со</i> <i>соос</i>					<i>-лэс'</i> // <i>-ўэс'</i> // <i>-лэч</i> (<i>-лэс''</i>) // <i>ос'</i>	<i>-лъс'</i>	<i>-лис'</i> (<i>-цис'</i>)
IV	<i>асьмеос</i>	<i>-лэс'ты-</i> //		<i>-лис'ты-</i>		<i>-лэс'</i>	<i>-лъс'</i>	<i>-лис'</i>

В третьей группе местоимения образованы без личных суффиксов. К местоименным основам первой и второй группы присоединяется падежный суффикс, вслед за ним – личный.

Таблица 11. Сочетание аблативных и личных суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежных суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	CxPx
II	<i>ми</i> <i>тй</i>	CxPx
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Cx
IV	<i>асьмеос</i>	Cx CxPx

Семантическая структура разделительного падежа

Разделительный падеж обладает широким спектром значений. Возникнув на базе исходного падежа, «в общепермском масштабе [он] имел тенденцию к расширению своих функций. Эта тенденция нашла последовательное развитие лишь в удмуртском языке, где притяжательный падеж стал выражать разделительное, усилительное, сравнительное, транслативное и другие значения, которые раньше выражались исходным падежом» [Гуляев 1960: 158]. В сочетании с прямым объектом аблатив участвует в выражении атрибутивных посессивных значений [ГСУЯ 1962: 95; Кондратьева 2011а: 86]. Т. Г. Аминофф указывал, что если главное слово является глагольным объектом, то генитивная форма заменяется аблативной [Aminoff 1896: 25].

Личные местоимения в аблативе падеже служат: 1) для выражения атрибутивной посессивности. Е. С. Гуляев пишет, что именно местоимения 1-го и 2-го лица являются историческим свидетельством употребления исходного падежа в притяжательном значении [Гуляев 1960: 156]: *Тон мынэсьтым лулме утид, али тани берпум юдэстэ шори кариськод* (Красильников 1991, 21). ‘Ты спас меня (букв. уберег мою душу), а сейчас вот последний кусок отдаешь’; *Од ке но вера, мон шодытэк уг улйськы тынэсьтымд мылкыддэ* (Гаврилов 1982, 403). ‘Хотя и не сказал, я чувствую твое настроение (букв. не живу, не чувствуя твое настроение)’; – *Ваньмыз Салдат Исьтапанъёсын, Лёграшка Семонъёсын йырин, – Запък солэсь малпанъёссэ шараяны турттэ* (Медведев 2006, 22). ‘– Все это из-за таких как Салдат Исьтапан, Лёграшка Семон, – Яков пытается понять его мысли’; «*Милэсьтым полкмес, – пересь веранзэ азыланьтэ, – жсутскем казакъёсыз зйбыны ыстйзы*» (Коновалов 1990, 17). ‘Наш полк, – продолжает рассказ старик, – отправили подавить взбунтовавшихся казаков’; *Ми нош, тилэсьтымд сьолыктэс инмар азын сюсьтылэн вöсяськыса быдтон понна, сёр кудэс но чик öвöлтэм кык манет коньдондэс гинэ куриськом* (Коновалов 1990, 25). ‘А мы, чтобы ваши грехи замолить перед богом, просим у вас шкурку куницы и каких-то два рубля’; *Павел Игнатъевич берлогес ас понназ шуиз ини: соослэсь сыче сямзэс адямиос валамтэенызы серем улсы каро, кудйз инкуазез тодымтэенызы, мукетыз кинэ ке*

но быгатэмезъя ултійяны, солэсь висъяськыны турттэменыз, куинетіез ваньзэ одіг кабен мертаменыз – озьы уз луы, малы ке шуоно, озьы луыны кулэ ёвёл (Чернов 1989, 14). ‘Позже Павел Игнатъевич про себя размышлял: из-за непонимания их характера люди смеются над ними, кто-то от незнания природы, кто-то от желания унижить, третий от привычки мерять всех одним мериллом – так не будет, потому что так быть не должно’.

Аблативные формы вступают в атрибутивные отношения с существительными и с местоимениями в притяжательной форме: *Анай, тынэсьтым кычедэ мон тодйсько, эн шонерьяськы!* (Красильников 1976, 179). ‘Мама, твой характер (букв. ‘твое какое’) я знаю, не оправдывайся!’; *Но, мукет ласянь, тон ведь солэсь кычезэ чик тодытэк од ул* (Первошиков 1988: 495). ‘Но, с другой стороны, ты же не жил, не зная, каков он (букв. ‘его какое’)’.

2) для выражения агентивного значения. Формы разделительного падежа указывают на лицо, являющееся производителем действия или вовлеченным в него участником: *Мынэсьтым Дурновез коскатэмме пегзъса кылем Калган нимо офицер адзем вылэм* (Коновалов 1990, 19) ‘Мою расправу над Дурновым увидел сбежавший офицер по имени Калган’; *Салдат Исьтапанэн пумиськемзэ, солэсь кескич жсожтйськемзэ тодаз уськытйз Жанык* (Медведев 2006, 17). ‘Яков вспомнил встречу с Салдат Исьтапаном, его хитрое роптание’; *Милесьтым вераськонмес куспетй карыса, возмин корка вадьсы снаряд усиз* (Петров 1959б, 86) ‘Оборвав наш разговор, в дом наискосок упал снаряд’;

3) для выражения объектного значения. Данное значение восходит к общепермскому языку: аблативные формы могут выражать действующих лиц (предметы), у которых что-нибудь отчуждается, отдаляется, отнимается, которыми что-то воспринимается [Гуляев 1960: 151–152]: *Ёвёл, гыдыкъясы, тйледлы Зангари Ильялэсь яке мынэсьтым дышетсконо* (Гаврилов 1982, 392). ‘Нет, мои голубки, вам у Зангари Ильи или у меня нужно учиться’; *Возьдаськоз, пе, сыче адями мынэсьтым* (Блинов 1986, 98) ‘Мол, будет стесняться такой человек меня’; *Техникум мынэсьтым уз пегзъса, а вот коньдонтэк зэмзэ секыт луоз* (Первошиков 1988, 398). ‘Техникум от меня не убежит, а вот без денег действительно будет

тяжело»; *Тынэсьтыд өз юалэ* (Широбоков 1992, 207). ‘Тебя не спросили’; *Пумит луид ке но, тынэсьтыд кин ке кылзоз шат <...>?* (Перевощиков 1988, 335). ‘Если даже будешь против, разве к тебе кто-то прислушается’; *Мар зечсэ басьтод бен солэсь?* (Кедра Митрей 1988, 24). ‘Чему хорошему научишься у него (букв. возьмешь у него)’; *Малы солэсь ваньмыз палэнско, маин янгыш?* (Самсонов 1996, 18). ‘Почему от него все отстраняются, в чем [он] виноват?’; *Мон весь тилэсьтыд возьдаськыса ули* (Блинов 1986, 107). ‘Я постоянно вас стеснялась’; *Ум кылзэ соослэсь, колхоз но завод сярись кырзанэнымы чош ик, учыос сярись но, кайгу сярись но кырзалом* (Гаврилов 1982, 394). ‘Не будем слушать их, вместе с песнями о колхозе и заводе будем петь и о соловьях, и о горе’; *Соослэсь бере кыльымтэ Любовь Степановна Лялина но* (Никифоров 1995, 124). ‘От них не отстала и Любовь Степановна Лялина’;

4) для актуализации транслативного значения – перехода действующего лица (предмета) в определенное качество. В данном случае аблативными формами управляют глаголы *луыны* ‘становиться’, *пөрмыны*, *пишмыны* ‘выйти, стать’:

Нош мынэсьтым дышетйсь уз пөрмы (Валишин 1974, 151). ‘А из меня учитель не выйдет’; *Шонерзэ вератэк ке кельтй, кыче воргорон пөрмоз мынэсьтым?* (Никифоров 1995, 11). ‘Если не поведаю правду, какой же мужчина из меня выйдет?’; *Нош тынэсьтыд, йырсиосыд чиль-сьод ке но, чиган кышно уз пөрмы* (Никифоров 1995, 122). ‘А из тебя, хотя волосы и черные, цыганка не выйдет’; *Азътэм со, нуные. Тодйсько, туж умой тодйсько – номыр уз пишмы солэсь, уз* (Гаврилов 1982, 16). ‘Ленивый он, милая моя. Знаю, очень хорошо знаю – ничего из него не выйдет, нет’; сев. *кычэ солэс' ужас' потоз!* ‘Какая от нее работница [выйдет]!’ [Кельмаков 1981а: 104];

5) Объект сопоставления: *Оги маиныз-о мынэсьтым йён?* (Блинов 1986, 100). ‘Чем Оги меня достойнее?’; *Мынэсьтым мйыосыз пересьёс вань* (Кедра Митрей 1988, 14). ‘И старше меня есть старики’; *Только мугорын мынэсьтым эсужытгес* (Валишин 1974, 45). ‘Только ростом выше меня’; *Тон астэ солэсь пёртэм-а кожаськод?* (Блинов 1986, 102). ‘Себя ты считаешь другим, чем он?’; *Галя вань дыръя, малы мукет кен утчало, солэсь узырзэ гуртысь уд но шедьты*

(Красильников 1976, 86). ‘Раз есть Галя, зачем искать другую невестку, богаче ее в деревне не найдешь’; *Ма, милесьтым азьло пересьёс тазы улйляям, сослэсь кытчы ортчод?* (Красильников 1976, 173). ‘Ну, раньше (раньше нас) предки так жили, куда от этого денешься?’; *Милесьтым вузмес басьтыны тйлесьтыд но узыргес купечёс лыктозы-ай* (Валишин 1974, 45). ‘Наш товар купить уж придут купцы богаче вас’; *Юлия Кирилловна верамъя (бен мукетъёс но озы шуо), ог дас вить ар талэсь азьло, котькуд шудо семья музэн ин, сослэсь шудоосыз быдэс дуннеын вылымтэ* (Перевощиков 1988, 99) ‘По мнению Юлии Кирилловны (да и другие так говорят), около пятнадцати лет тому назад счастливее их на всем свете [никого] не было’.

3.2.3.6. Творительный падеж (Инструменталь)

Личные местоимения 1-го и 2-го лица имеют две литературные формы: одна из них образована суффиксом простого субстантивного склонения *-эн* (у *singularia tantum*) / *-ын* (у *pluralia tantum*), вторая – суффиксом *-эны*³⁸ притяжательного склонения, после которого присоединяется показатель лица. Творительный падеж местоимений 3-го лица ед. ч. образован суффиксом *-ин*, 3-го лица мн. ч. – суффиксом *-ын*. Инструменталь инклюзивного местоимения, по [ГСУЯ 1962: 184; УКК 2011: 114], имеет три литературных варианта, которые образованы от основы номинатива суффиксом *-ын*, от основы *ас-* суффиксом *-эны-* и личным маркером в постпозиции, от основы мн. ч., осложненной двойным маркером лица, присоединением суффикса *-ын*³⁹: *Зангари Илья монэн соглаш уз лубы, дыр* (Гаврилов 1982, 399). ‘Зангари Илья со мной не согласится, наверное’; *Нош малы солэн монэным умой-умой вераськемез но уг поты?* (Блинов 1986, 98). ‘А почему же тогда ему не хочется со мной серьезно поговорить?’; *Мон тонэн уг вераськы ни* (Кедра Митрей 1988, 21). ‘Я с тобой больше не буду разговаривать’; *Мон уг лу ни тонэныд...* (Ар-Серги 1993, 23). ‘Я больше не буду с тобой’; *Тй соин вераське вал, товарищ командир, юалэ солэсь, мар утчаса ветлйз со асьме музьем вылтй* (Петров

³⁸ Формы *милэнымы* ‘нами, с нами’, *тйленды* ‘вами, с вами’ в тестовых текстах, а также в художественных произведениях и печатных СМИ не встретились, в НКУЯ примеров словоупотребления нет.

³⁹ Первые две формы (*асьмеосын*, *асэнымы*) в тестовых текстах, а также в художественных произведениях и печатных СМИ не встретились, в НКУЯ примеров словоупотребления нет.

1959б, 85). ‘Вы с ним поговорите, товарищ командир, спросите у него, что он искал на нашей земле’; *Дасялом машинаосмес, тулыс соосын потом колхоз лудъёсы* (Валишин 1978, 99). ‘Подготовим (свои) машины, весной выйдем на них на колхозные поля’; *Асьмемын инмар!* (Гаврилов 1982, 216). ‘С нами бог!’.

Диалектные формы

Формы личных местоимений *singularia tantum* могут быть образованы следующими суффиксами:

а) суффикс *-эны-*: *мон-эны-м* сев. [Кельмаков 1981а: 89; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 508; Васильева 1995: 51], (ЗЕМ), сред. (ШЕМ; ГАП), закам. (можг.), (АЭВ), *тон-еңі-т* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *тон-еңі-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *мон-энь-м* сч. гл. [Карпова 2020: 508] // *мон-энь-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 508], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тон-епо-т* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *тон-енд-т* бес. [Люкина 2016: 91], *мон-энь-м* татш. (нт.);

тоненут J [Aminoff 1896: 30], *тоненіт асеніт* M [Wichmann 1987: 163], *тонендт* K [Aminoff 1896: 30], *тоненіт* G, B [Wichmann 1987: 163], *тоненіт асеніт* U [Wichmann 1987: 163];

сев. э, *быратэ, быратэ, мал монэным чош од ул?* ‘Э, брат мой, брат мой, почему ты не жил вместе со мной?’ [Кельмаков 1981а: 89]; *оқпол кышкыт учыр монэным вал.* ‘Однажды страшный случай произошел со мной’ [Карпова 2020: 557, 558].

мон-эны-д сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], сред. [Кельмаков 1981а: 181], *тон-еңі-д* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *мон-энь-д* сч. гл. [Карпова 2020: 510] // *мон-энь-д* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 510], *тон-епо-д* бес. [Тепляшина 1970а: 183], *тон-енд-д* бес. [Люкина 2016: 91] // *тон-еңі-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *мон-энь-т* татш. (нт.) // *мон-энь-Д* круф. [Насибуллин 1978: 98];

тоненуд J [Aminoff 1896: 30], *тонендд* K [Aminoff 1896: 30], *тоненід асенід* M [Wichmann 1987: 265], *тоненід* G [Wichmann 1987: 265], *тоненід асенід* U [Wichmann 1987: 265], *тепенід* Sar. [Munkácsi 1896: 364], *тонүнід* Sar. [Munkácsi 1896: 364].

Т. Г. Аминоффом в кукморском диалекте отмечена расширенная форма *тонендт, тонендд* K [Aminoff 1896: 30], существовавшая параллельно с краткой.

сред. *йунмэ мон тонэныд пумис'ки*, / *йунмэ мон тонэ йарати*. 'Напрасно я с тобою встретила, / Напрасно полюбила тебя' [Кельмаков 1981а: 181]; круф. *тонэньд зьрин* 'из-за тебя' [Насибуллин 1978: 102];

б) -эн: *мон-эн* сев. [Кельмаков 1981а: 101], сч. [Карпова 2005: 90], южн. [Архипов 1982: 28; Атаманов 2005: 180], бавл. (ТИВ), (ник.), кукм. [Кельмаков 1970б: 340], *тон-ен* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], кукм. [Кельмаков 1970б: 340];

тонен К [Aminoff 1896: 30];

сев. *монэн пумис'кэ кэ*, / *л'өл' чыжэктэ*. Как со мной встретится, / Весь покраснеет...' [Кельмаков 1981а: 101]; '*кал' пинал'л'осы бордын улыс'ко, пинал'л'ос монэн турско*. 'Сейчас у детей своих живу, внуки ('дети') меня любят ('со мной возьмется')' [Карпова 2005: 90]; южн. *монэн чош дышэтскизы ас'мэ гуртис' пиос* [Архипов 1982: 28]. 'Со мной вместе учились юноши из нашей деревни'.

тон-эн сч. (ис.), сред. [Кельмаков 1981а: 181], южн. [Архипов 1982: 43; Атаманов 2005: 180], бавл. (ник.), *тон-ен* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], кукм. [Кельмаков 1970б: 341].

тонен К [Aminoff 1896: 30], М [Wichmann 1987: 265].

сред. *кытыс'эн мон тонэн пумис'ки?* 'Где я с тобою встретила?' [Кельмаков 1981а: 181]; южн. *оди' пол мон тонэн пурус'ки но со бэрэ и' тонэ йарати* 'Один раз я с тобой встретила и сразу же полюбил тебя' [Архипов 1982: 43].

В большинстве говоров северного наречия распространена полная форма творительного падежа, лишь спорадически встречается краткая. В бесермянском наречии, части срединных говоров, закамском, татышлинском говорах тоже представлены формы *монэным*, *тонэныд* в разных фонетических вариантах, отличающихся степенью редукции *-ы*, во 2-ом лице ед. ч. еще и конечного согласного *-д* с частичным или полным оглушением. В южном диалектном ареале используются краткие формы *монэн*, *тонэн*.

В диалектах представлены несколько вариантов падежных форм *pluralia tantum*, образованных суффиксами:

а) -эн: *мл'-эм-эн* сч., нч. [Карпова 2020: 513] // *мл'-эм-эн* нч. кос. [Карпова 2020, 513];

тил'-эд-эн сч., нч. [Карпова 2020: 515] // *тил'-эд-эн* нч. кос. [Карпова 2020: 515].

В формах *мл'эмэн*, *мл'эдэн* произошло выпадение гласного основы;

б) *-эны-* и его варианты: *мл'-эны-м* вч. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 513] // *мл'-енө-т* бес. [Тепляшина 1970а: 184] // *мл'-эны-мы* вч. [Карпова 2020: 513], южн. [Атаманов 2005: 181], *мл'-ени-ти* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 249];

бес. *мл'енөт вераški-zə kuñañostə vil' gid'e potto-zə susa* 'с нами говорили о том, что телят сегодня переведут в новый телятник' [Тепляшина 1970а: 186]. Исследователь указывает, что данная форма больше имеет комитативное значение, «чаще всего употребляется при указании совместного участия в действии, где присутствуем мы и еще другие» [Тепляшина 1970а: 186]. Это же значение в бесермянском наречии у формы местоимения 2 sg.;

тил'-эны-д вч. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 515] // *тил'-енө-д* бес. [Тепляшина 1970а: 186] // *тил'-эны-ды* вч. [Карпова 2020: 515], южн. [Атаманов 2005: 181], *тил'-ени-ди* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 249];

бес. *тил'енөд вераškono jetən užjos šarəš* 'следует согласовать с вами по поводу работы льноводческого звена' [Тепляшина 1970а: 186].

тиенд, *тиенду* J [Аминофф 1896: 30].

В срединных говорах в основе форм *ти-ены-д*, *ти-ены-ды*, зафиксированных Т. Г. Аминоффом, был утрачен элемент *л'* основы. Данное фонетическое явление типично для средне-восточных говоров [Бушмакин 1971б: 22];

Падежный маркер *-эны-* присоединяется к основе *мл'-* или *тил'-*, после следует личный суффикс. Данные формы схожи по структуре с формами существительных в притяжательном склонении (*дэрэм-эны-м*, *дэрэм-эны-д*). Их возникновение можно объяснить либо влиянием субстантивного склонения, либо комбинаторными изменениями сонорных согласных в форме *мл'эмын* > *мл'эным*, далее по аналогии с местоимением 1-го лица произошла метатеза и в форме местоимения 2 pl.: *тил'эдын* > *тил'эныд*;

тил'-ем-енө-т бес. [Тепляшина 1970а: 186], *тил'-ем-енд-т* бес. [Люкина 2016: 92].

бес. *mil'eməṇəm soos əšjaško* 'они нами довольны (букв. хвастаются)' (Тепляшина 1970а: 187); *mil'eməṇəm nəl'l'os veraški-zə hi uk* 'С нами девочки уже разговаривали' [Люкина 2016: 93].

til'-ed-əṇə-d бес. [Тепляшина 1970а: 186], *til'-ed-əṇə-d* бес. [Люкина 2016: 92].

бес. *til'edenəd veltijaško vəžjadə* 'вами кичатся в вашем роду' [Тепляшина 1970а: 187].

По наблюдениям исследователя, представленные формы по значению соответствуют значению творительного падежа русского языка в сочетании с некоторыми глаголами (с беспредложным управлением), например, 'руководить нами', 'быть довольными вами' [Тепляшина 1970а: 187]. *mil'eməṇəm*, *til'edenəd*, видимо, чаще употребляются в объектном значении. В своей структуре содержат суффикс инструментального притяжательного склонения *-əṇə-*, который находится между показателями лица. В данных формах инструментального бесермянского наречия лицо трижды маркировано: *mil'eməṇəm*, *til'edenəd*;

в) *-ын* и его варианты: *mil'-эм-ын* сч., вч. зур. [Карпова 2020: 513], сред. [Kel'makov; Saarinen 1994: 214], южн. [Архипов 1982: 40; Атаманов-Этрапи 2005: 180], *mil'-em-ijn* закам. [Насибуллин 1972а: 154] // *mil'-эм-ын* сч. гл. [Карпова 2020: 513] // *mil'-эм-ын* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 513], кукм. [Кельмаков 1992: 117], круф. [Насибуллин 1978: 98], *mil'-em-əṇ* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], бес. [Тепляшина 1970а: 184], *mil'-em-əṇ* бес. [Люкина 2016: 92].

сред. *miñč'ee miñiki, perəšjosis č'ortono, o-l'l'e, perəšjos, mil'emijn čoš miñč'ee šusa* [Kel'makov; Saarinen 1994: 214]. 'Идя в баню, нужно позвать души умерших, мол, пойдёмте, предки, с нами вместе в баню'; южн. *ой, тил'эдын-мил'эмын уг / ээс' кэ гынэ ой луысал, / ма'р ужасал оди'нам уг / ал'и кэ но йырйосам*. Ой да, вы и мы ('с вами и с ними') Если бы не жили ('не было хорошо, дружно'), Что бы стал делать я Одишенький ('со своей головушкой') [Архипов 1982: 40]; кукм. *татън мил'эмын артэ вал одик – кошки'зъ*. 'Здесь рядом с нами была одна [семья], уехали они' [Кельмаков 1992: 117–118].

mil'emyn J [Aminoff 1897: 30], *mil'emijn* M [Wichmann 1987: 159], *mil'emōn* K [Aminoff 1896: 30], *mil'emijn* U [Wichmann 1987: 265].

тил'-эд-ын сч., вч. зур. [Карпова 2020: 515], южн. [Архипов 1982: 40], [Атаманов 2005: 180], кукм. [Кельмаков 1970б: 341], *тил'-ед-иң* закам. [Насибуллин 1972а: 154] // *тил'-эд-ың* сч. гл. [Карпова 2020: 515] // *тил'-эд-ың* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 515], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тил'-ед-он* кукм. [Кельмаков 1970б: 1969: 341], бес. [Тепляшина 1970а: 184], *тил'-ед-ән* бес. [Люкина 2016: 92];

южн. *ой, тил'эдың-мил'эмын / уг зэс' кэ гынэ ой луысал...* 'Ой да, вы и мы ('с вами и с ними') / Если бы не жили ('не было хорошо, дружно')...' [Архипов 1982: 40];

тил'едын, тил'едыны J [Aminoff 1896: 30], *тил'едиң* M, MU [Wichmann 1987: 260], *t'il'ediң* MU [Wichmann 1893: 29], *тил'едон* K [Aminoff 1896: 30], *тил'едиң* U [Wichmann 1987: 260];

MU *t'il'ediң medam l'u-kiški šuřsa odig iřan kiңöi ve-ra* [Wichmann 1893: 29]. 'Чтобы не расстаться с вами, я не сказал ни одного плохого слова'.

Данная форма соответствует структуре инструменталю имени существительного притяжательного склонения.

Четыре варианта формы творительного падежа зафиксировал Т. Г. Аминофф в якшурском диалекте: в двух вариантах падежный суффикс находится в постпозиции к личному суффиксу (*тил'-ед-ын, тил'-ед-ыну*), в двух вариантах – постпозиции, одновременно в них отсутствует элемент *l'* основы, в последней форме употреблен личный суффикс мн. ч. (*ти-ены-д, ти-ены-ды*). В варианте *тил'-ед-ыну*, вероятно, под влиянием форм с дативной основой произошла метатеза, поменялись местами элементы падежного личного суффиксов.

Формы дательного падежа местоимений *pluralia tantum* имеют богатый спектр алломорфов. Падежный суффикс может находиться в пре-, интер- или постпозиции по отношению к личному суффиксу.

Формы творительного падежа 3-го лица ед. ч. образованы суффиксами:

а) *-ин* и его йотированным вариантом: *со-ин* сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 512], сред. [Кельмаков 1990а: 144], *со-иң* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], бес. [Люкина 2016: 91], // *си-ин* нч. [Тепляшина 1970б: 195] // *со-йин* южн. крк. [Кельмаков 1978: 67], *со-јиң* сред. [Kel'makov; Saarinen 1994: 224], *со-јиң* закам.

[Насибуллин 1972а: 153], *so-jin* татш. [Кельмаков 1978б: 107], *шо-йин* круф. [Насибуллин 1978: 98];

soin J [Aminoff 1896: 30], G, B, M, J, MU, U [Wichmann 1987: 224], *sojin* G, U [Wichmann 1987: 224].

сред. «*йэгит ни лыктис кэ, эн султы, эн вэрас'кы соин*», – шуо. ‘«Если молодой парень придет, не вставай, не разговаривай с ним», – говорят’ [Кельмаков 1990а: 144]; нч. *с'ур-вай баба со. сиин эн вэрас'кы*. ‘Она женщина непорядочная [болтунья]. С ней не разговаривай’ [Тепляшина 1970б: 195]; южн. крк. *тан'и табэрэ ми сойин кэз' т'амъс ар чош улис'ком ин'и, тарэ «кил'трэс салдатэ» аз'ло кад' шапль өвөл н'и*. ‘Вот уже двадцать восемь лет мы живем с ним вместе, и теперь мой «щеголеватый солдат» не такой шустрый, как прежде’ [Кельмаков 1978: 67–68]; сред. *so kiz doroz kulem mutre kel'aljalo val gurt kalikjos, tati sojin proš's'č'ko val* [Kel'makov; Saarinen 1994: 224]. ‘До той ели провожали покойника односельчане, здесь с ним прощались’; татш. *mar karono ini sojin, kezə soles d'žərze jevel karono?* ‘Что уж делать с ним, как его лишь головы?’ [Кельмаков 1978б: 107, 116];

б) -йэн: *со-йэн, so-jen* кукм. [Кельмаков 1992: 129; 1963: 341], *se-jen* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], *si-jen* кукм. [Кельмаков 1970б: 341];

sojen К [Aminoff 1896: 30].

кукм. *монэ но шькас'ки зъ, мал сойэн ве'лит шуса*. ‘И мне выговаривали, почему [мол] ездил с ним’ [Кельмаков 1992: 129–130].

В основе местоимения 3-го лица ед. ч. гласный *о* преобразуется в варианты *и* // *э*. Форму *сиин* [Тепляшина 1970б: 195], *сэйэн, сийэн* [Кельмаков 1970б: 341] можно объяснить ассимилятивными процессами, но корреспонденцию гласного суффикса *и* / *э* интерпретировать как позиционное изменение проблематично.

Инструментальные формы 3-го лица мн. ч. образованы суффиксом *-ын* и его вариантами: *соос-ын* сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 517], сред. [Кельмаков 1990а: 139], южн. [Кельмаков 2015: 78], *соос-ин* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143] // *sos-ин* закам. [Насибуллин 1972а: 154] // *сойос-ын* нч. [Карпова 2020: 517], *sojos-ин* закам. [Насибуллин 1972а: 154] // *соос-ьн* сч. гл. [Карпова 2020: 517] // *соос-ьн* сч.

гл., юк. [Карпова 2020: 517], *soos-ən* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], бес. [Тепляшина 1970а: 184], *soos-ân* бес. [Люкина 2016: 92], *шоош-ън* круф. [Насибуллин 1978: 98];

soosîn В [Wichmann 1893: 119], *soosîn* М [Wichmann 1987: 265], *sojosîn* У [Wichmann 1987: 224];

сред. *соос пöлис' тужгес но висйас'ко, нэ, вал ул'л'ойэн- ул'л'ойэн вуылис' чэбэрэс' тöд'ы йус'йос, ву выл соосын тöд'ы-тöд'ы тырмэ вылэм.* 'Среди них особо выделялись-де прилетающие стаями красивые белые лебеди, вся водная гладь от них белым-бела становилась' [Кельмаков 1990а: 139]; южн. *соосын ми пукон мунчоосы но вэ'лим, ул'л'ас'ком вал отис'.* 'Вместе с ними мы ходили и по посиделочным баням, прогоняли [мы людей] оттуда' [Кельмаков 2015: 78];

В *piñalioste no kel'tid, mon soosîn kîžî dauîrtom?* [Wichmann 1893: 119]. 'И детей своих оставил, я с ними как буду вековать?'

Инструменталь от инклюзивного *асьмеос* в литературном языке имеет три варианта, структурное членение которых представлено в «Грамматике современного удмуртского языка»: *ас-эн-ы-мы, ась-ме-м-ын, ась-ме-ос-ын* [ГСУЯ 1962: 184]. В данное морфемное членение нужно внести коррективы: *ас-эны-мы* – к основе ед. ч. *ас-* присоединяется вариант показателя инструменталю *-эны-* и личный суффикс мн. ч. *-мы*; *асьме-м-ын* – к основе мн. ч. *асьме-* присоединены личный суффикс *-м* и падежный *-ын*; *асьме-ос-ын* – основа мн. ч. осложнена показателем мн. ч. *-ос* имен существительных и падежным суффиксом *-ын*. В диалектах можно выделить следующие способы образования падежных форм:

а) суффикс *-эн / -ын* присоединяется к основе номинатива:

ачимэс-эн нч. [Карпова 2020: 523];

асьмиос-ын вч. тыл. [Тепляшина 1955: 204];

аśmes-ən кукм. [Кельмаков 1970б: 343].

Нижнечепецкий диалект ориентирован на образование формы от номинативной основы множественного числа с помощью падежного форманта *-эн* [Карпова 2020: 261];

аслэм-эн сч. яр. [Карпова 2020: 523],

По мнению Л. Л. Карповой, основа *аслэм-* представляет собой генитивную форму (*аслам-*), в которой *а* подверглась полной регрессивной ассимиляции под воздействием гласного суффикса *-эн* [Карпова 2020: 260–261];

ачим-эны-м(ы) сч. [Карпова 2020: 523].

В смежных бalezинском говоре среднечепецкого диалекта и кезском говоре верхнечепецкого диалекта спорадически наблюдается форма, образованная от номинативной основы ед. ч. [Карпова 2020: 260] посредством суффикса притяжательного склонения *-эны-*.

сч. *ачимэным со мил'ицца өз вэ'рас'кы, айымэс нэ йуаз*. 'С нами тот милиционер много не разговаривал, только спросил об отце' [Карпова 2020: 260].

ас-эны-мы вч. тыл. [Тепляшина 1955: 204], сч. бал., вч. *ас-эны-м(ы)* сч. яр., гл., юк. [Карпова 2020: 523], *ас-энь-м(ь)* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 261], *ас-енъ-тê* бес. [Люкина 2016: 94];

асм-эны-мы вч. кез. [Карпова 2020: 523], *ас'т-енө-тө* бес. [Тепляшина 1970а: 188], *ас'т-енъ-тê* бес. [Люкина 2016: 94], *äs't-enĭ-mĭ* закам. [Насибуллин 1972а: 158]; *äs'tem-ĭn* закам. [Насибуллин 1972а: 158];

as'mesõn К [Aminoff 1896: 37]. Форма инструментала в якшурском говоре Т. Г. Аминоффом не записана.

Формы творительного падежа личных местоимений образованы вариантами сочетаний личных и падежных суффиксов. Маркеры инструментала предсталены в таблице 12:

Таблица 12. Суффиксы инструментала личных местоимений

	Аллофоны суффикса <i>-эн-</i>		Аллофоны суффикс <i>-ын-</i>
МОН ТОН	<i>-эн</i>	<i>-эны-</i> (// <i>-энь-</i> // <i>-энь-</i>)	
МИ ТӢ		<i>-эны-</i> (// <i>-энь-</i>)	<i>-ын</i> (// <i>-ӓн</i> // <i>-ьн</i>)
СО	<i>-ӓн</i>		<i>-ин</i> // <i>-ӓн</i>
СООС			<i>-ын</i> (// <i>-ӓн</i> // <i>-ьн</i>)
асьмеос	<i>-эн</i>	<i>-эны-</i> (// <i>-энь-</i>)	<i>-ын</i> (// <i>-ӓн</i> // <i>-ьн</i>)

В формах инструменталю первой и второй группы наблюдается наибольшее количество вариантов сочетания падежного и личного показателя, что отражено в таблице 13:

Таблица 13. Сочетание инструментальных и личных суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежных суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	Сх / СхРх
II	<i>ми</i> <i>тй</i>	РхСх / СхРх / РхСхРх
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Сх
IV	<i>асьмеос</i>	Сх / СхРх

Семантическая структура творительного падежа

Формы творительного падежа обладают широким спектром семантики [Кондратьева 2008: 46; 2011а: 121]. Они употребляются:

1) для выражения комитативного значения, которое содержит указание на лицо / лица как равноправного соучастника / равноправных соучастников действия [Кондратьева 2011а: 122]: *Василий Николаевич, азыланьын, монЭНЫМ кенешытэк, озьы эн лэсьтэ ни* (Валишин 1978, 109). ‘Василий Николаевич, впредь, не посоветовавшись со мной, больше так не делайте’; *Мон отчы уг мын, тонЭНЫД уло* (Первошиков 1988, 155). ‘Я туда не пойду, буду жить с тобой’; *Соин колхозлэн ударницаез Оги ялан танцевать карылэ* (Блинов 1986, 99). ‘С ним ударница колхоза Оги постоянно танцует’; *Айда милемын, мылкыддэ живо-два жэутом* (Первошиков 1988, 439). ‘Айда с нами, твоё настроение поднимем в два счёта’; *Тйледын, председатель эш, даллашем уг поты* (Никитин 1965, 55). ‘С вами, товарищ председатель, ругаться не хочется’; *Юн осконо муртъёс соин герзаськемын. Соосын гурезьёсыз берыкъяны луоз* (Медведев 2006, 547). ‘Верные люди связаны с ним. С ними можно будет горы свернуть’.

Данное значение может быть выражено в сочетании с послелогом *чош, валче* ‘вместе’:

Пуксы милемын чюш, Матрон (Красильников 1991, 311). ‘Садись вместе с нами, Матрон’; *Жожтійськон мугъёс вань дыръя, соосын чюш эжожтійське* (Медведев 2006, 579). ‘Когда есть причины жаловаться, вместе с ними [с колхозниками] жалуется’; *Колхозэ нуаллы быдэ вуыло куриськонъёс: «Тйледын валче ужаны турттійсько. Пыртэ... Бадзым Иван»* (Медведев 2006, 216). ‘В колхоз ежедневно поступают заявления: «Собираюсь работать с вами вместе. Примите... Большой Иван»’; *Мон соосын валче изыны но дась* (Медведев 2006, 665). ‘Я вместе с ними [с лошадьми] спать готов’;

2) для выражения объектного значения. Участник речи представлен в качестве объекта, над которым совершается действие: *Со яратэ Суринэз, нош монэн шудійз гинэ* (Ар-Серги 1993, 31). ‘Она любит Сурина, а мной только играла’; – *Кытын улїд берло дыре... адзыны уг луы вал? – юаз Соснов, нош аслаз йыраз мукет: «Уг ни малпаськы вал тонэн пумиськыны, Матвеев. Тон сярысь тодам но медам ни вайылы шуисько вал... Мон тонэ ас сюлмысьтым воксёлы чушем ни вал.»* (Красильников 1991, 22). ‘– Где ты жил в последнее время... не было видно тебя? – спросил Соснов, а у самого в мыслях другое: «Не думал с тобой повстречаться, Матвеев. Не вспоминать бы о тебе никогда... Я тебя из своего сердца уже навсегда стер»’; *Тонэныд маке луиз ке ведь... Шузимо ук соку!* (Первошиков 1988, 147). ‘Ведь если с тобой что-нибудь случится... Я же тогда с ума сойду!’; *Нош ворттійсь мурт соин чюшам бере, урдэсаз тэтчыса, солэн кияз пычалэн шуккиз* (Коновалов 1990, 38). ‘А всадник, поровнявшись с ним, соскочив набок, ударил ему по руке ружьем’; *Дышетскемез но тыро-пыдо өвёл! Нош милемын кузёяське* (Гаврилов 1982, 180). ‘И образования [у него] толкового нет! А нами командует’; *Астэ соосын эн чюшаты, соос дышеткемын өвёл* (Первошиков 1988, 401). ‘Себя с ними на сравнивай, у них нет образования’;

3) для представления значения орудия (в широком смысле) действия. В данных семантических отношениях участвуют местоимения 3-го лица: *Бур кияз солэн кык пакет, соосын сзэъя Сенька* (Медведев 2006, 676). ‘В его правой руке два пакета, их (букв. ими) трясет Сенька’;

4) для актуализации значения сопоставления: *Ну, учкы, со пась сапеген нушы – со ведь асьме вакытэ вордїськемын, тонэн одйг ёрос луоз* (Красильников 1991,

297). ‘Ну, смотри, тот дылда в рваных сапогах – он ведь родился в наше время, с тобой одного возраста будет’;

5) для выражения причинного значения: *Верочкаен ёрмемын, монэн калыз быриз ни, нош йыраз тйни Бушмакин но, эшио олокинъёс, вылды* (Первошиков 1988, 272). ‘С Верочкой замучался, из-за меня изнемогает, а в мыслях вон Бушмакин, еще, наверное, кто-то’; *Ах, тйни мар! Тонэныд юнме чылкыт ымзэс пожамзы уг пот ни* (Первошиков 1988, 266). ‘Ах, вот оно что! Из-за тебя не хотят напрасных проблем (букв. не хотят напрасно свои чистые рты поганить)’; *Бырод, бырод тонэныд* (Первошиков 1988, 296). ‘Пропадешь, пропадешь с тобой (из-за тебя)’.

Значение причины может усиливаться в сочетании с предлогами *сэрен* ‘из-за кого-то, чего-то’ и *йырин* ‘тж.’: *Мар-о, монэным сэрен гинэ-а, мар-а ог кутскемен со вылэ но сялад?* (Первошиков 1988, 56). ‘Что же, наужели только из-за меня заодно и на него наплевал?’; *Сидор Петрович, тонэныд сэрен мон аслэсьтым картме но уг адзылйськы* (Широбоков 1992, 209). ‘Сидор Петрович, из-за тебя я даже своего мужа уже не вижу’; *Бен вань улонэз йырчукин кымалтйськиз бере, сюлэм яраез сокем сутэ дыръя, тонэныд йырин шат али солы?!* (Первошиков 1988, 80). ‘Раз вся ее жизнь опрокинулась с ног на голову, когда душевная рана так сжигает, разве до тебя ей сейчас?!’; *Тодйськод-а, кёня курадзонэз чидай мон тонэн йырин?* (Гаврилов 1982, 145). ‘Ты знаешь, сколько горя я вытерпела из-за тебя?’; *Бен вань улонзэ пинальёслы сйизиз ини но, гужемъёсы но соосын йырин Мугшурлэсь палэнэ потатэк* (Чернов 1989, 252). ‘Уже всю жизнь посвятил детям, из-за них даже летом за пределы Мугшура не выезжал’;

б) для выражения пространственных отношений представлено в послеложно-падежных конструкциях с послелогом *артэ* ‘рядом’: *Картэз сярысь гинэ малпаны кутске но, олокытысь вуыса, соин артэ султэ егит Камаев...* (Валишин 1978, 89). ‘Только начинает думать о муже, непонятно откуда, рядом с ним предстает молодой Камаев...’; *Милемын артэ улэ пересь Чочия* (Красильников 1991, 216). ‘С нами рядом живет старая Чочия’; *Тйрме кор вылэ мертчытыса, соосын артэ пукси* (Красильников 1991, 262). ‘Воткнув топор в бревно, сел рядом с ними’;

7) для обозначения субъекта действия: *Кузьма Семёнович, урок дыръя запискаос гожъян сям монэным гинэ кылдытэмын өвёл, дыр* (Никифоров 1995, 110). ‘Кузьма Семенович, традиция писать записки во время урока создана наверное, не только мною’;

8) формы местоимений 2-го лица для обозначения эмоций раздражения, недовольства чем-нибудь в сочетании с междометием указывают:

– *Тамара, мын ай книга лыдэзы. Таёе фильмёсты берло но учкыны вуод.*

– *Ой, тонэныд, – вазытэк уг чида Николай Васильевич. – Мед учкоз* (Никифоров 1995, 44).

‘– Тамара, иди-ка книгу почитай. Такие фильмы и позже успеешь смотреть.

– Ну, тебя (букв. ой, с тобой), – не стерпел Николай Васильевич. – Пусть смотрит’.

3.2.3.7. Лишительный падеж (Абессив)

Абессив – единственный падеж в прономинальном склонении, формы которого от всех личных местоимений и в литературном языке, и в диалектах образуются безвариантным суффиксом *-тэк* и без присоединения личных показателей: *Мон тонтэк одйгнам, / Тон монтэк одйгнад. / Йыромем муртёслы / Кельшииськом кыкнамы* (НКУЯ). ‘Я без тебя один, / Ты без меня одна, / На заблудившихся людей / Похожи мы оба’;

– *Тйтэк сюлмаськись уг тырмы кожаськоды-а? Уть, кыёе начальникёс соос, – серемпыр шуиз Орина.*

– *Уз, митэк уг тырмы, – чик пальпотытэк вераз Петыр Очан* (НКУЯ).

‘– Полагаете, что без вас [о нас] некому заботиться (букв. ‘заботящихся не хватает’)? Ух, какие они начальники, – с иронией сказала Орина.

– Нет, без нас некому (букв. ‘не хватает’), – совсем без улыбки ответил Петыр Очан’;

Только эн тйя, мыным соостэк улыны мёзмыт луоз (НКУЯ). ‘Только не сломай, мне жить без них [рабочих инструментов] станет скучно’; *Макси соку ик шёдэ, макем яратэ со Маисазэ, сотэк солы улон өвёл* (НКУЯ). ‘Макси сразу же

понимает, насколько [сильно] любит своею Маису, без нее ему жизни нет'; *Со быдза воргорон асьметэк уг тоды-а, кызьы улыны?* (НКУЯ). 'Такой взрослый мужчина без нас не знает, как жить?'

Диалектные формы

мон-тэк сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 508], сред. [Кельмаков 1990а: 46], круф. [Насибуллин 1978: 98], *мон-тек* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], куqm. [Кельмаков 1970б: 340], *тоң-тек* закам. [Насибуллин 1972а: 153].

сред. *с'ин шорам йотылиз, кызьы кураззыса улизы соос монтэк, соин ик т'э:хн'икуммэ кушти*. 'Я [все] представлял, как они трудно ('мучаясь') жили без меня. Поэтому я техникум бросил' [Кельмаков 1990а: 46].

тон-тэк сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], сред. [Кельмаков 1990а: 44], круф. [Насибуллин 1978: 98], *тон-тек* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], куqm. [Кельмаков 1970б: 341], *тоң-тек* закам. [Насибуллин 1972а: 153].

сред. *нош пов'эска с'отизы шуса тодизы но, лэз'эмзы ик ук по ты вал: кызьы, нэ, колхозмы тонтэк*. 'А как узнали, что мне дали повестку, и отпустить не хотели: как, мол, наш колхоз без тебя' [Кельмаков 1990а: 44].

ми-тэк сев. [Тепляшина 1955: 200; Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 513], круф. [Насибуллин 1978: 98], *ми-тек* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], куqm. [Кельмаков 1970б: 341], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], закам. [Насибуллин 1972а: 153].

mitек J, K [Aminoff 1896: 30].

ти-тэк сев. [Тепляшина 1955: 200; Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 515], южн. [Атаманов 2005: 50], круф. [Насибуллин 1978: 98], *ти-тек* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], куqm. [Кельмаков 1970б: 341], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], закам. [Насибуллин 1972а: 153].

южн. *йаратис'ко мон тил'эдыз, уг лу титэк улэмэ*. 'Люблю я вас, Не могу без вас жить' [Атаманов 2005: 50].

titek J, K [Aminoff 1896: 30].

со-тэк сев. [Тепляшина 1955: 199; Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], *so-tek* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], кукм. [Кельмаков 1970б: 341], закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *шо-тэк* круф. [Насибуллин 1978: 98].

sotek J, K [Aminoff 1896: 30], G, J [Wichmann 1987: 224].

соос-тэк сев. [Тепляшина 1955: 200; Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 517], *soos-tek* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 91], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], кукм. [Кельмаков 1970б: 341] // *шоош-тэк* круф. [Насибуллин 1978: 98] // *sos-tek* закам. [Насибуллин 1972а: 153] // *сойос-тэк* нч. кос. [Карпова 2020: 517], *sojos-tek* закам. [Насибуллин 1972а: 153].

soostek J [Aminoff 1896: 30], *sojostek* K [Aminoff 1896: 30], *sojostek* MU [Wichmann 1893: 33].

MU *ai atikai no anikai, sojostek uujini ug lo dir* [Wichmann 1893: 33]. ‘Ой, отец да мать, без них невозможно жить, наверное’.

Формы аблатива инклюзивного местоимения образуются со стандартным суффиксом *-тэк* от разных основ:

а) номинативной:

ачымэс-тэк нч. [Карпова 2020: 523], *ачимэс-тэк* нч., сч. [Карпова 2020: 523], *ас'imes-tek* бес. [Тепляшина 1970а: 187], *ас'mes-tek* бес. [Тепляшина 1970а: 187; Люкина 2016: 94], кукм. [Кельмаков 1970б: 343]; *ас'мэос-тэк* вч. кез. [Карпова 2020: 523], *асьмиос-тэк* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 204], *äs'mijos-tek* закам. [Насибуллин 1972а: 157];

б) осложненной личным суффиксом *ачимэ-* ~ *ачмэ-* ~ *асмэ-* ~ *ас'мэ-*: *ачимэ-тэк* вч. кез. [Карпова 2020: 523], *ачмэ-тэк* сред. (ГАП), *асмэ-тэк* вч. кез. [Карпова 2020: 523], *асьме-тэк* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 204], *ас'мэ-тэк* вч. [Карпова 2020: 523], *äs'me-tek* закам. [Насибуллин 1972а: 157].

Также Т. И. Тепляшина отмечает, что в бесермянском наречии в речи старшего поколения использовалась форма с палатализованным согласным *t'* суффикса: *asət'ek* [Тепляшина 1970а: 189].

Семантическая структура лишительного падежа

Местоимения в лишительном падеже используются:

1) для выражения невовлеченности⁴⁰ соучастника в действие. В силу того, что личные местоимения 1-го и 2-го лица, за редким исключением, реферируют к субъектам коммуникации, абессивные формы показывают на отсутствие соучастника, который сопровождает действие: *Пересьмиськод монтэк озёлын, Музоназ дуннеын* (Кельмаков 2014, 88). ‘Стареешь без меня вдалеке, Другом мире’; *Эн чагиськы. Агаед тонтэк но верасал* (НКУЯ). ‘Не жалуйся. Твой старший брат и без тебя бы признался’; *Митэк шулдыр улйськоды вылэм тii* (Самсонов 1979, 176). ‘Без нас, оказывается, вы весело жили’; *Тiитэк, Насьтii, уз пöрмы мынам сюанэ* (Гаврилов 1984, 17). ‘Без Вас, Настенька, не состоится моя свадьба’; *Адямиос, <...> Тiитэк улыны но, шоканы но, Гижы пум кузьда вамыштыны но Уг быгатiськы <...>* (Котков 2016, 173). ‘Люди <...> Без вас ни жить, ни дышать, Ни сделать мелкий шаг Не могу <...>’; *Мед асьметэк дасяськозы жамдэ...* (НКУЯ). ‘Пусть без нас немного порепетируют...’.

Местоимения 3-го лица могут отсылать к объектам речи – людям и предметам. При отсылке к человеку тоже наблюдаем значение отсутствия сопутствующего участника: *Мон быро сотэк, шуяло!* (Перевозчиков 1992, 189). ‘Я пропаду без нее, зачахну’. *Кык пиез пöлысь огез но öз лыктэ. <...> Мар бен, кутском соостэк* (Красильников 1991, 169). ‘Из двух сыновей ни один не пришел. <...> Что же, начнем без них’.

Абессивное *монтэк* антонимично форме инструменталю *монэн* ‘мною, мной’ и послеложно-падежному сочетанию *монэн ёош* ‘вместе со мной’. Такое же противопоставление возможно и с другими местоимениями: *тонтэк ~ тонэн / тонэн ёош* и т. д.

Таким образом, для абессивных форм личных местоимений ведущим значением является отрицание комитатива;

⁴⁰ Универсальное определение значения каритива (абессива) как невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие в ней) некоторого участника (абсенса) было сформулировано в [Оскольская 2020: 21–22]. Авторы под обобщающее значение невовлеченности объединяют несколько частных значений: отрицание спутника (соучастника) в конкретной ситуации, неучастие инструмента, отрицание посессивности.

2) для обозначения невовлеченности объекта. Формы личных местоимений 3-го лица лишительного падежа указывают на неучастие инструмента в широком смысле: *Ижын зорылйз, нош татын со тырысен шапык но усъымтэ. Кулэ ни, туж кулэ вылэм, **сотэк** юос но паимозы, турын но пумыны кутскоз* (Перевозчиков 1992, 193) ‘В Ижевске время от времени шли дожди, а здесь с тех пор не выпало ни капли. Нужен уже, очень нужен [дождь], без него хлеба засохнут, травы начнут грубеть’; *Нош Нюра уг быгаты **соостэк** [книгаостэк – Т. П.] улон-вылон сюрес вылтй вамышъяны* (Самсонов 1996, 302). ‘А Нюра не может без них [без книг] шагать по жизненному пути’;

3) для передачи значения отрицательной посессивности. Передавая атрибутивные отношения, личные местоимения сочетаются с ограниченным кругом слов. В первую очередь, это отглагольные существительные *улон, улэм* ‘жизнь, житье’.

*Малы сюлэмме нуиськод / **Монтэк** улон дуннеяд?* (Эркишева 2008, 43). ‘Почему уносишь мое сердце / В свой мир (букв. ‘жизненный мир’), котором нет меня?’; *Ку мон **тонтэк** улонэз аджом?!* (Чернов 1991, 18). ‘Когда я увижу жизнь без тебя / жизнь, в котором нет тебя?!’.

4) для выражения темпорального значения, которое присуще абессивным формам в том случае, когда в предложении чаще всего обозначены природные явления, которые не зависят от того, существует человек или нет. Форма лишительного падежа личного местоимения указывает на период времени, когда отсутствует говорящий, его собеседник либо третье лицо:

***Монтэк** музейем вылын / Чирдозы учыос, / Вуоз ю-нянь лудын / **Монтэк** дунне вылын* (Ворончихин 1996, 28). ‘Без меня на земле / Будут петь соловьи, / Созреет хлеб полях / В мире без меня’.

Рассматривая семантику данного предложения, можно сказать, что соловьи будут петь вне зависимости от того, существует ли говорящий субъект или нет, в конкретной ситуации наличие человека вообще не нужно, чтобы пели соловьи. Автор высказывания использует слово *монтэк* для обозначения времени, когда самого уже не будет на земле, в этом мире. Местоимение в абессивном падеже

монтэк синонимично сочетанию личного местоимения, причастия с суффиксом отрицания от отрицательного глагола *өвөл* ‘нет, не существует’ и послелого *дырья* ‘во время’ *мон өвөлтэм дырья* и послеложно-адъективному сочетанию *монтэм дырья*, означающих ‘(в) то время, когда меня нет’.

Монтэк ортче нунал, / Чебереныз шока (Катков 2016, 7). ‘Без меня (букв. в то время, когда меня нет) проходит день, / Дышит красотой’; *Мыным уд оскиськы вал, табере адзид-а, соос тонтэк нуналлы быдэ огазын... учкы, учкы... уть соос кыче!* (Садовников 1975, 47). ‘Мне не верила, сейчас увидела, они без тебя (когда тебя не было) каждый день вместе... смотри, смотри... у, какие они!’; *Асьметэк төлзиз төдөы льөмпүэд, / Асьметэк кошкиз тури уллөөд* (Романова 2013, 92). ‘Без нас отцвела белая черемуха, / Без нас улетела журавлиная стая’;

5) при обозначении исключения лица либо предмета из общего числа подобных. В данном случае падежный маркер *-тэк* синонимичен послелогу *сяна* ‘кроме какого-либо лица, предмета’. Значение актуализируется, когда выделенный элемент обязательно сочетается с ассоциированным множеством, которое выражено вопросительными местоимениями *кин* ‘кто’ (при отсылке к одушевленным предметам), *ма, мар* ‘что’ (при референции к неодушевленным предметам), производных от них отрицательных (типа *нокин* ‘никто’, *номыр* ‘ничто’), неопределенных (типа *кин ке* ‘кто-нибудь’) определительных (типа *котькин* ‘кто угодно, любой’), а также обобщительных (типа *ваньмы* ‘все мы’) и некоторых других. Иногда противопоставленное множество может быть опущено, но его легко восстановить. Подтверждением цельности группы «выделенный элемент и ассоциативная множественность» (термины из [Янко: 2001; Оскольская 2014]) является согласование последней с падежной формой основы выделенного элемента. Значение отрицания утрачивается: *Табере закон азын кин-о янгыш, монтэк?* (Самсонов 1989, 63). ‘Теперь перед законом кто виноват, кроме меня’. *Бен тонтэк татын нокин номыре уг тоды-а, мар-а?* (Перевозчиков 1988, 247). ‘А здесь, кроме тебя, никто ничего не знает что ли?’.

Г. А. Некрасова данное значение определяет как значение добавления участника [Некрасова 2023: 261]. Мы склонны связывать подобные случаи с

семантикой контраста, включающей в себя отрицание и противопоставление частей. Например, в предложении *Монтэк тій понна сьолмаськись но өвёл, Наталь* (Кедра Митрей 1989, 33). ‘Кроме меня, о вас и заботиться некому (букв. ‘и заботящегося нет’), Наталь’. Мы не можем соотнести *монтэк* со значением добавления участника. Тогда бы смысл предложения был следующим: ‘говорящий один из тех, кто заботится о Наталь и ее ребенке’. На самом же деле говорящий хочет подчеркнуть, что он – единственный, кто заботится о них. Словоформой *монтэк* ‘кроме меня’ говорящий выделяет себя из множества остальных, кто мог бы прийти на помощь Наталь. Смысловой контраст выделенного элемента в предложении дополнен отрицательным предикатом *өвёл* ‘нет, не имеется, не существует’, что неудивительно, поскольку в самой семантике контраста заложено отрицание, противопоставление [Янко 2001: 47–49].

3.2.3.8. Соответственный падеж (Адвербиаль)

Адвербиальные формы личных местоимений образуются стандартным субстантивным суффиксом *-я*: – *Мынэ, мынэ... Доказать карыны быгатом – монья ик луоз!* (НКУЯ). ‘– Идите, идите... Сможем доказать – по-моему же и будет!’; *Ныл ке, тонья мед луоз: Люда...* (НКУЯ). ‘Если девочка, пусть будет по-твоему: Люда...’; *Улыны ум быгатіське уга, мар мия карод?* (НКУЯ). ‘Раз не умеем жить, зачем под нас подстраиваться?’; *Мон тійя кутско, Юрий Сергеевич, – пунктъёсын* (НКУЯ). ‘Я начну как Вы, Юрий Сергеевич, – по пунктам’; *Но мар паймымонэз – кышноез озьы вазиськыку, солэн кыльёсыз чарак ёжоггес пеляз вуо но туж ваньмыттэ дыръяз но номырлэсь пыкиськемез уг лу ни, чаляк гинэ соя кариське* (Первошиков 1988, 291). ‘Но чему удивляться – когда жена так обращается [к нему], ее слова намного быстрее доходят до него, и, даже когда ему совсем недосуг, не может ей ни в чем отказать, тотчас соглашается с ней’; *Мон люкасько оброс коллекция, кулэ ке, соосья лыдžo жеч лекция* (НКУЯ). ‘Я собираю коллекцию икон, если нужно, по ним прочитаю хорошую лекцию’; *Ваньмыз асьмея луоз, дасяськиды умой* (НКУЯ). ‘Все будет по-нашему, вы хорошо подготовились’.

Диалектные формы

мон-йа сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], южн. [Архипов 1978: 22], *тон-ја* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], бес. [Люкина 2016: 91].

тон-йа сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], южн. [Архипов 1978: 22], *тон-ја* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], бес. [Люкина 2016: 91].

Наряду с общераспространенным суффиксом *-йа* встречается ассимилированный вариант *-н'а(-)*:

мон'-н'а сч. гл. (дб.), *тон'-н'а* нч. [Тепляшина 1970а: 184].

тон'-н'а сч. гл. (дб.), *тон'-н'а* нч. [Тепляшина 1970а: 184].

Суффикс *-н'а-* образован от суффикса *-йа-*: сначала путем неполной регрессивной ассимиляции произошла палатализация финали основы, затем при полной прогрессивной ассимиляции согласный суффикса уподобился согласному корню: *монйа* > *мон'йа* > *мон'н'а*, *тонйа* > *тон'йа* > *тон'н'а*.

Иногда в образовании падежной формы 1 л. и 2 л. участвует личный суффикс:

монъ-я-м вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *тон-ја-т* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143];

тон'-н'а-т бес. [Тепляшина 1970а: 184].

тон-ја-d ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143].

тоñ-ña-d бес. [Тепляшина 1970а: 184].

ми-йа сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 513], южн. [Архипов 1978: 22; Загуляева 1982: 16], *ти-ја* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143 об.].

южн. *ой, та пин'ал даурмы одиг даур орччэ мийа, орччэмэз, ой, потыса*. ‘Ой, да наша молодасть, одна молодость, Проходит ли она по нашей воле?’ [Загуляева 1982: 16].

ти-йа сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 515], южн. [Архипов 1978: 22], *ти-ја* бес. [Тепляшина 1970а: 184], [Люкина 2016: 92], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143об.].

ми-я-мы вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200].

тй-я-ды вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200].

со-йа сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], южн. [Архипов 1978: 22], *со-я* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *со-ја* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *сија* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

соос-йа сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 517], южн. [Архипов 1978: 22], *соосъ-я* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200], *соос-ја* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92], ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143].

Падежные формы адвербиала инклюзивного местоимения образуются также суффиксом *-йа* от нескольких основ:

а) номинативной:

ачымэс-йа нч. [Карпова 2020: 523], *ачимэс-йа* нч., сч., вч. кез. [Карпова 2020: 523], *ас'мес-ја* бес. [Тепляшина 1970а: 188], *ас'мэос-йа* сев. [Карпова 2020: 523];

б) основы ед. ч., осложненной притяжательным суффиксом 1 лица ед. ч. *ачимы-* ~ *ачимэ-*:

ачимы-йа сч. бал. [Карпова 2020: 523]; *ачиме-йа* вч. кез. [Карпова 2020: 523];

в) от основы мн. ч. *ачмэ-* ~ *асмы-* ~ *асмэ-* ~ *ас'мэ-*:

ачмэ-йа сред. (ГАП), *асмы-йа* вч. деб. [Карпова 2020: 523], *асмэ-йа* сев. [Карпова 2020: 523], *ас'мэ-йа* сев. [Карпова 2020: 523], *ас'ме-ја* бес. [Люкина 2016: 94].

Формы адвербиала личных местоимений образуются суффиксом *-йа* (*-н'а*), в структуре местоимений 1-го и 2-го лица могут присутствовать личные суффиксы, их сочетание с падежным показателем представлено в Таблице 13. Личный суффикс всегда занимает постпозицию.

Таблица 14. Суффиксы адвербиала личных местоимений

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежных суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	Сх СхРх
II	<i>ми</i> <i>ти</i>	Сх СхРх
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Сх
IV	<i>асьмеос</i>	Сх СхРх

Формы местоимений соответственного падежа отсутствуют в ряде срединных, южных и периферийно-южных говоров, например, кырыкмасских [Кельмаков 1977: 42, 47], кукморском [Кельмаков 1970б: 268], закамских [Насибуллин 1972а: 154], красноуфимском [Насибуллин 1978: 98], они заменяются послеложными конструкциями: крк. с послелогом *c'aин* 'в соответствии', закам. *mi bujiŋša* 'в соответствии с нами' [Насибуллин 1972а: 154]. В среднеюжном диалекте южного наречия «форма соответственного падежа чаще всего применяется в составе личных местоимений» [Архипов 1978: 22], т. е. в южных говорах существует тенденция к сокращению числа падежных форм имен существительных, личные местоимения, как более консервативный разряд лексики еще сохраняет исчезающий падеж. В красноуфимском, ташкичинском и канлинском говорах личные местоимения со значением сравнения или уподобления лексикализировались: «для образования наречий со значением сравнения или уподобления употребляются суффиксы *-la / -lä* и *-ča / -čä*. В ташкичинском и канлинском – *-ča*, напр.: *мон* 'я': *монla ~ монса* 'помою'» [Насибуллин 1981: 151].

Семантическая структура соответственного падежа

Местоимения в лишительном падеже используются:

1) для актуализации объектного значения. Формой личных местоимений, указывают на лицо, чью позицию принимает или не принимает субъект действия: *Мылкыдыд каллен-каллен, дыр, Кариськоз монъя* (Федотов 1988, 74). 'Потихоньку твое настроение, наверное, переменится, станек, как мое (так, как я хочу)'; *Таће улон – тонъя, Медаз луы музон* (Федотов 1988, 7). 'Такая жизнь – по твоей душе, Пусть не будет иной'; *Вань улонме тонъя берыктй, тынэсьтыд кылзйськи* (Перевозчиков 1995, 89). 'Всю свою жизнь по-твоему повернула, тебя послушалась' – *Ортчыт мудрон уж вылэм та турнанды. Шонаськи, шонаськи – толыкес өвёл, дэреме гинэ котмиз, – соягес ик кариськиз эмести* (Загребин 1997, 370). '– Слишком мудреным делом оказалась эта ваша косьба. Размахивался, размахивался – толку нет, только моя рубашка взмокла, – согласился больше с его мнением зять'; *Вот тауз соку ик мия кутске* (Гаврилов 1982, 327). 'Вот этот сразу

же по-нашему начинает'; *Кытын улйськод, соосья кырзаськод, шуо...* (Перевозчиков 1995, 22). 'Где живешь, говорят, по их [манере] же поешь,';

2) для выражения значения объекта, который воспринимается в качестве образца: *Монья нош, чебер сяськаос, умой кылбуръёс син азым мед улозы кадъ* (Загребин 1997, 14). 'По мне так, красивые цветы, хорошие стихи пусть будут перед глазами'; *Но соослэн ужзы монья өвёл* (Загребин 1997, 169). 'Но у них нет работы по мне'; *Оло, куноос тонъяд өвёл?* (Загребин 1997, 86). 'Может, гости не по тебе?'; *Огвакытэ Павел юри соя вераськыны, лёгаськыны но дауртйз но, өз пиимыты* (Чернов 1989, 14). 'В одно время Павел специально старался говорить, ходить, как он, но не вышло'; *Соя мертало нюлэслэсь кужымзэ, / Соя ик вёлдо нюлэслэсь жеч данзэ* (Васильев 1980, 46). 'По нему (по большому дереву – Т. П.) измеряют силу леса, / Благодаря ему (букв. по нему) разносят славу о лесе'.

3.2.3.9. Направительный падеж (Аппроксиматив)

Литературные формы образуются с помощью суффикса *-лань*. В проанализированных нами текстах найдены единичные примеры словоупотреблений, они представлены в разделе о семантической характеристике падежных форм. В Национальном корпусе удмуртского языка примеры не зафиксированы.

Диалектные формы

мон-лан' сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 508], *mon-lań* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

тон-лан' сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 510], *ton-lań* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

Также имеются формы, образованные при участии личного суффикса:

мон-ланья-м вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *mon-lańa-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

бес. *monlańam berəč'ok* 'повернись ко мне' [Тепляшина 1970а: 185].

тон-ланья-д вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *ton-lańa-d* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

бес. *tonlańad šagž'o* 'к тебе (по направлению к тебе) сделаю один шаг' [Тепляшина 1970а: 185].

ми-лан' сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 513], *ми-лань* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200] *mi-lañ* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

ти-лан' сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 515], *тй-лань* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200], *ti-lañ* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

ми-ланья-мы вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200], *mi-laña-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *mil'-am-lañ* бес. [Люкина 2016: 92].

тй-ланья-ды вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200], *ti-laña-d* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *til'ad-lañ* бес. [Люкина 2016: 92].

со-лан' сев. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], *со-лань* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 199], *so-lañ* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

соос-лан' сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 517], *соос-лань* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 200], *soos-lañ* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

so-laña-z бес. [Тепляшина 1970а: 184].

бес. *solañaz uskaltiz* 'он взглянул на ее сторону' [Тепляшина 1970а: 185].

soos-laña-z бес. [Тепляшина 1970а: 184].

Формы аппроксиматива инклюзивного местоимения образуются присоединением падежного показателя к двум основам:

а) основе номинатива ед. ч.: *aç'im-lan'* бес. [Тепляшина 1970а: 188];

б) основе мн. ч.: *асьме-лань* вч. тыл. [Тепляшина 1955: 204].

В средневосточных говорах «аппроксиматив в системе склонения местоимений имеет тенденцию к исчезновению (возможно, не получил развития), больше употребляются послеложные сочетания: *monlañ* ~ *mon diñam*, *mon palam* 'по направлению ко мне'» [Бушмакин 1971б: 21]. Склонность к замещению падежной формы послеложно-местоименным сочетанием зафиксирована и в верхнечепецких говорах северного наречия: «направительный падеж характерен параллельным употреблением суффиксальной и послеложной формы, например: *монлан'* ~ *мон пала* 'ко мне, по направлению ко мне, в мою сторону», *милан'* ~ *ми пала* 'к нам, по направлению к нам, в нашу сторону» [Алашеева 1999: 64].

Формы аппроксиматива образованы от основы номинатива, в бесермянском наречии имеется вариант 2 рl, образованный от основы датива (личный маркер

находится в препозиции к падежному) суффиксом *-лан'*. В северном, бесермянском наречии употребляются формы с личными маркерами и вариантом суффикса аппроксиматива *-лан'а-*. Таким образом, в диалектах представлены формы и простого, и притяжательного склонения. Личный суффикс в данном падеже присоединяется и к местоимениям третьей группы (представлено в Таблице 15).

Тенденции к утрате подвержены формы аппроксиматива усилительно-личных (соответственно и инклюзивного) местоимений. В северном наречии в последние годы они не зафиксированы, произошла их замена на сочетание с послелогом *пала* 'по направлению к, в сторону': *ачимэс пала* 'в нашу сторону' [Карпова 2020: 262]. Падежная форма, записанная ранее в тыловайском говоре в [Тепляшина 1955: 204], образована от основы мн. ч. В бесермянском наречии падежная форма базируется на основе номинатива ед. ч.

Таблица 15. Сочетание аппроксимативного и личного суффиксов

Группы	Местоимения	Сочетание личных и падежного суффиксов
I	<i>мон</i> <i>тон</i>	Сх / СхРх
II	<i>ми</i> <i>тй</i>	Сх / СхРх
III	<i>со</i> <i>соос</i>	Сх / СхРх
IV	<i>асьмеос</i>	Сх / СхРх

Семантическая структура направительного падежа

Формы рассматриваемого падежа указывают на направление движения: *Гуртысь куараосты уни пельы кылэ, / Ыр төл, дыр, соосты ыстэ монлань* (Васильев 1980, 80). 'Голоса деревни уже слышат мои уши, / Наверное, свежий ветер направляет их в мою сторону'; *Оло нош, кожоз аджонэ тонлань, / Куке шундые кариськиз жытлань* (Чернова 1991, 40). 'А может, завернет моя судьба в твою сторону, / Когда мое солнце повернет к вечеру'.

3.2.3.10. Вторичные пространственные падежи

В нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия и бесермянском наречии образуются формы пространственных падежей: приблизительных инессива, иллатива, элатива, эгрессива, терминатива. Падежные маркеры представляют собой элемент *-н'* плюс падежный суффикс реже простого, чаще притяжательного склонения. Данные падежи имеют узкую семантику, характеризующуюся выражением пространственно-посессивных отношений. Т. И. Тепляшина отмечает, что суффиксы приблизительноместных падежей указывают на нахождение или действие по отношению к конкретному лицу [Тепляшина 1981: 286]. С. А. Максимов утверждает, что данные падежи обозначают не просто местоположение объекта или движение по направлению к объекту, от или до него, а «нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо, и т. д.» [Максимов 1999: 194]. Их дистрибуция ограничена существительными и местоимениями со значением «лицо» [Карпова, Кондратьева 2014: 33].

Существуют две гипотезы происхождения элемента *н'*. А. И. Емельянов считал лативный суффикс *-н'ε* остатком от *ин'ε* – иллативной формы существительного *ин'* ‘место’ [1927: 123]. Позднее данный вторичный маркер локализации лингвисты начали рассматривать как остаток послелогов от основы *дйнь* ‘комель, корень, основа’: *дйньын* ‘у’, *дйньысь* ‘от’, *дйне* ‘к’ и т. д. В результате выпадения первого слога, слившись с основным словом, послелогои начали восприниматься как падежные окончания [Вахрушев 1959: 236; Тепляшина 1981: 287; Карпова, Кондратьева 2014: 33].

В бесермянском наречии Т. И. Тепляшина выделяет формы одного вторичного пространственного падежа с семантикой иллатива, называя его приблизительным [Тепляшина 1970а: 184]. Н. М. Люкина зафиксировала формы приблизительного инессива и приблизительного иллатива, у местоимений 1-го и 2-го лица они совпадают друг с другом, т. к. представляют собой формы притяжательного склонения имен существительных, семантическое различие

актуализируется лишь в контексте [Люкина 2016: 92]. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах североудмуртского языкового ареала распространены формы и других вторичных пространственных падежей: элатива, эгрессива, терминатива, но местоимения *singularia tantum* имеют неполную парадигму.

Для большинства говоров верхнечепецкого диалекта вторичные пространственные падежи не характерны. Их эквивалентом выступают сочетания основной формы местоимения с послелогом с пространственным значением: *дин'ын* ~ *дорын* 'у', *дин'э* ~ *доры* 'к', *дин'ыс'* ~ *дорыс'* 'от', *дин'ыс'эн* ~ *дорыс'эн* 'от', *дин'оз'* ~ *дороз'* 'до' вч. [Алашеева 1999: 64, Карпова 2020: 508–518].

Вторично-местные падежи в научной литературе именовались по-разному, подробно эта тема рассматривается в [Некрасова 2023: 38]. Мы пользуемся терминологией, используемой в трудах Л. Л. Карповой [1997; 2005; 2020].

Приблизительный инессив

мон'-н'ын сч. бал. (ис).

тон'-н'ын сч. бал. (ис.).

со-н'ын сч., нч. [Карпова 2020: 512] // *со-н'ын* сч. гл. [Карпова 2020: 512] // *со-н'ын* сч. юк. [Карпова 2020: 512] *со-ñân* бес. [Люкина 2016: 92].

соос-н'ын сч., нч. [Карпова 2020: 512] // *соос-н'ын* сч. гл. [Карпова 2020: 512] // *соос-н'ын* сч. юк. [Карпова 2020: 512], *соос-ñân* бес. [Люкина 2016: 92].

Данные формы представляют собой форму простого склонения, образованы суффиксом *-н'ын*. Конечная согласная основы *-н* местоимений ед. ч. ассимилируется под влиянием элемента *-н'*. Местоимения *pluralia tantum* в домусиннесиве нами в научных трудах не зафиксированы. Возможно, чаще употребляются формы притяжательного склонения с суффиксом *-н'а-* и следующим за ним маркером соответствующего лица.

мон'-н'а-м сч., нч. [Карпова 2020: 508], *тоñ-ñа-т* бес. [Люкина 2016: 92].

тон'-н'а-д сч. [Карпова 2020: 510], *тоñ-ñа-д* бес. [Люкина 2016: 92].

ми-н'н'а-м сч., нч. [Карпова 2020: 513], *ти-ñña-т* бес. [Люкина 2016: 92].

бес. *tunne miññam korka miški-zâ*. ‘Сегодня у нас в доме убирались (букв. вымыли дом)’ [Люкина 2016: 93].

ти-н'н'а-д сч., нч. [Карпова 2020: 513], *ti-ñña-d* бес. [Люкина 2016: 92].

ас-н'а-м нч., сч. [Карпова 2020: 523], *ас-н'а-мы* нч., сч. [Карпова 2020: 523], *ас-н'а-мы* сч. [Карпова 2020: 523];

ас'мэ-н'ын сч. бал. [Карпова 2020: 523].

Суффикс с удвоенным согласным у местоимений *pluralia tantum*, по нашему мнению, возник по аналогии с формами *singularia tantum*, в которых первая *н'* относится к основе, вторая – к суффиксу: *мон'н'ам* ~ *мин'н'ам*, *тон'н'ад* ~ *тин'н'ад*.

Приблизительный иллатив

мон'-н'э сч. бал. (ис.), *тоñ-ñe* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

тон'-н'э сч. бал. (ис.), *тоñ-ñe* бес. [Тепляшина 1970а, 184].

ми-н'э сч. бал. (ис.), *ti-ñe* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

ти-н'э сч. бал. (ис.), *ti-ñe* бес. [Тепляшина 1970а: 184].

со-н'э сч., нч. [Карпова 2020: 512], *so-n'e* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

соос-н'э сч., нч. [Карпова 2020: 518], *soos-ñe* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92].

sojosñe G [Wichmann 1987: 224].

G *so-bere lîktem sojosñe kñon no juam*: «*ma karîsko·dî ti tàtîñ?*» [Wichmann 1901: 155]. ‘Потом к ним пришел волк и спросил: «Что вы здесь делаете?»’.

ас'мэ-н'э сч. бал. [Карпова 2020: 523].

Формы представляют собой конструкцию простого субстантивного склонения, образованы суффиксом *-н'э*. Падежные варианты образованы использованием личных суффиксов, они идентичны формам приблизительного инессива:

мон'-н'а-м сев. сч. [Карпова 2020: 508], *тоñ-ña-т* бес. [Люкина 2016: 92].

тоññam pinal'losâ kartoška koranâ lâkti-zâ. ‘Мои дети пришли ко мне копать картошку’ [Люкина 2016: 93].

тон'-н'а-д сев. сч. [Карпова 2020: 510], *тоñ-ña-d* бес. [Люкина 2016: 92].

toñnad G [Wichmann 1893: 89] *ton-ña-d* G [Munkácsi 1952: 65].

G. *ɟiŋŋi šiŋŋi lĩktim, toñnad kunoje lĩktim!* [Wichmann 1893: 89]. ‘Приехали угощаться, к тебе в гости приехали’; *uɟ-bɟt šudäm-berazi, tšukna pal so pi koškĩni medäm-no vu=murt-nɟl'l'os veral'l'am: »tɟnad mumid tunmä tabań kotiz; askɟ tšukna mi mɟnom tonñad šuanän tabań šini» šuil'l'am-no valäktil'l'am: «mumidä ton gõršokän võji šuntɟni kos, so šuntäm võizä vaj džõk-vɟlä aɟt'š'ɟd!* [Munkácsi 1952: 65]. ‘После того как играли всю ночь, под утро тот парень задумал уйти, а русалки сказали [ему]: «Твоя мать сегодня приготовила тесто для табаней; завтра утром придем к тебе есть свадебные табани, – сказали и объяснили. – Попроси свою мать в горшке масло растопить, это топленое масло поставь на стол сам»’.

ми-н'н'а-м сев. [Кельмаков 2006: 182], сч., нч. [Карпова 2020: 513], *ти-н'ña-м* бес. [Тепляшина 1970а: 280], [Люкина 2016: 92].

тиññam B [Wichmann 1893: 168].

сев. *о, умой, пе, мад'ис'кот, пър мин'н'ам из'ънь*. ‘О, красиво, мол, поешь, заходи к нам на ночлег’ [Кельмаков 2006: 182]; бес. *šisko-maralo no, ajda miññam suo, sebere kœket'ijaz, kwñmetiaz pœralo*. ‘Поедут, поугощаются у одного, и другой приглашает к себе (букв. айда к нам, говорят) Затем приглашает к себе третий, четвертый’ [Тепляшина 1970а: 284].

В *тиññam no d'es pœrale!* [Wichmann 1893: 168]. ‘И к нам добро пожаловать!’

ти-н'н'а-д сч., нч. [Карпова 2020: 516], *ти-ñña-d* бес. [Люкина 2016: 92].

ас-н'а-м нч., сч. [Карпова 2020: 523], *ас-н'а-мы* нч., сч. [Карпова 2020: 523], *ас-н'а-мы* сч. [Карпова 2020: 523].

Приблизительный элатив

Падежные формы местоимений *singularia tantum* в приблизительном элативе, приблизительном эгессиве, приблизительном терминативе зафиксированы в деревне Исаково Балезинского района. Населенный пункт относится к среднечепецкому диалекту.

мон'-н'ыс' сч. бал. (ис.).

тон'-н'ыс' сч. бал. (ис.).

Падежный показатель *-н'ыс'* и его фонетические варианты относятся к простому субстантивному склонению. Формы приблизительного элатива личных местоимений *pluralia tantum* образованы суффиксом *-н'н'ыс'ты-* и его фонетическими вариантами, принадлежащими притяжательному склонению имени существительного.

ми-н'н'ыс'ты-м нч., сч. [Карпова 2020: 514], *ми-н'н'ыс'ты-м* сч. гл. [Карпова 2020: 514], *ми-н'н'ыс'ты-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 514].

ти-н'н'ыс'ты-д нч., сч. [Карпова 2020: 516], *ти-н'н'ыс'ты-д* нч., сч. [Карпова 2020: 516], *ти-н'н'ыс'ты-д* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 516].

со-н'ыс' сев. сч., нч. [Карпова 2020: 512] // *со-н'ыс'* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 512] // *со-н'ыс'* сч. гл. [Карпова 2020: 512].

соос-н'ыс' сч. [Карпова 2020: 518] // *сойос-н'ыс'* нч. [Карпова 2020: 518] // *соос-н'ыс'* сч. [Карпова 2020: 518] // *соос-н'ыс'* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 518], [Кельмаков 2006: 182].

сев. *соосн'ыс'* *потэмэз бэрэ, табэрэ з'азэк с'отъл'л'ам н'и* 'Когда он уходил от них ('после его выхода от них'), теперь уж подарили ему гуся' [Кельмаков 2006: 182].

Приблизительный эгрессив

мон'-н'ыс'эн сч. бал. (ис.).

тон'-н'ыс'эн сч. бал. (ис.).

ми-н'н'ыс'эны-м сч., нч. [Карпова 2020: 514] // *ми-н'н'ыс'эны-м* сч. гл. [Карпова 2020: 514] // *ми-н'н'ыс'эны-м* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 514].

ти-н'н'ыс'эны-д сч., нч. [Карпова 2020: 516] // *ти-н'н'ыс'эны-д* сч. [Карпова 2020: 516] // *ти-н'н'ыс'эны-д* сч. [Карпова 2020: 516].

со-н'ыс'эн сч., нч. [Карпова 2020: 518] // *со-н'ыс'эн* сч. гл. [Карпова 2020: 518] // *со-н'ыс'эн* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 518].

соос-н'ыс'эн сч., нч. [Карпова 2020: 518] // *сойос-н'ыс'эн* нч. кос. [Карпова 2020: 518] // *соос-н'ыс'эн* сч. [Карпова 2020: 518] // *соос-н'ыс'эн* сч. [Карпова 2020: 518].

Так же, как и в предыдущих падежах, формы приблизительного эгрессива образованы суффиксом простого склонения *-н'ыс'эн*, суффиксом притяжательного склонения *-н'н'ыс'эны-*.

Приблизительный терминатив

мин'н'ам-оз' сч. бал. (ис.).

тин'н'ад-оз' сч. бал. (ис.).

Формы представляют собой интересный вариант – двупадежное образование: к основе домусинессива *мин'н'ам-*, *тин'н'ад-* присоединяется показатель падежа *-оз'*. Они включают в себя и значение терминатива – достижения предела, а пределом является то место, где находимся мы (наш дом, наша усадьба) или вы (ваш дом, ваша усадьба) – значение инессива. Подобная морфемная структура выделяется и у терминатива имен существительных в притяжательном склонении: *гурт-озя-м(ы)* ‘до моей (нашей) деревни’, где *-озя-* < *-оз'* (суффикс терминатива простого склонения) + *-а-* (суффикс инессива / иллатива притяжательного склонения) [Кельмаков 2005б: 80].
Формы личных местоимений *singularia tantum* в источниках не зафиксированы.

со-н'оз' сч., нч. [Карпова 2020: 512].

соос-н'оз' сч., нч. [Карпова 2020: 518], *сойос-н'оз'* нч. [Карпова 2020: 518].

Итак, вторичные пространственные падежи образуются следующими суффиксами (см. Таблицу 16):

Таблица 16. Суффиксы приблизительно-местных падежей

	Прибл. инессив		Прибл. иллатив		Прибл. элатив	Прибл. эгрессив	Прибл. Терминатив
	Аллоформы суффикса <i>-н'ын-</i>	Аллоформы суффикса <i>-н'а-</i>	Суффикс <i>-н'э</i>	Аллоформы суффикса <i>-н'а-</i>	Аллоформы суффикса <i>-н'ыс'</i>	Аллоформы суффикса <i>-н'ыс'</i>	Суффикс <i>-оз'</i>
МОН ТОН	<i>-н'ын</i>	<i>-н'а-</i>	<i>-н'э</i>	<i>-н'а-</i>	<i>-н'ыс'</i>	<i>-н'ыс'эн</i>	-
МИ ТЙ		<i>-н'н'а-</i>		<i>-н'н'а-</i>	- <i>н'н'ыс'ты</i> -	<i>-н'н'ыс'эн</i>	<i>-оз'</i>
СО СООС	<i>-н'ын</i> (<i>-н'ын // -н'э</i>)					<i>-н'ыс'</i>	<i>-н'ыс'эн</i>
асьмеос	<i>-н'ын</i>	<i>-н'а-</i>	<i>-н'а-</i>	-	-	-	-

Таким образом, формы приблизительных инессива, иллатива, элатива, эгрессива личных местоимений 1-го и 2-го лица могут образоваться двумя способами: наличием или отсутствием личного суффикса (см. таблицу 16). В данных падежах конечный гласный основы 1 sg. и 2 sg. претерпевает позиционные изменения – смягчается под воздействием гласного суффикса. В падежной морфеме 1 pl. и 2 pl. удваивается начальный консонантный компонент согласным, тем самым падежные формы уподобляются сингулярным местоимениям. Формы приблизительного терминатива 1 sg., 2 sg. образованы от основы приблизительного инессива.

Выводы по Главе 3

В диалектах удмуртского языка представлено большое разнообразие падежных суффиксов. Однако лишь аккузативные суффиксы плюральных личных местоимений является морфологическими вариантам. Остальные представляют собой фонетические модификации и соотносимы с падежными показателями имен существительных.

В образовании падежных форм личных местоимений участвуют личные суффиксы, которые можно разделить на три группы: а) в генитиве, дативе, аблативе ед. ч. и мн. ч., инструментале мн. ч. они являются неотъемлемой частью падежной формы; б) в аккузативе десемантизированные личные суффиксы выступают в роли падежных (в т. ч. и в субстантивной парадигме); в) в инструментале ед. ч., адвербиале, аппроксимативе, вторичных пространственных падежах могут иметь факультативное употребление. В аппроксимативе личные суффиксы могут присоединяться и к местоимениям 3-го лица. Абессив образуются без участия личных маркеров.

Аккузатив – единственный частотный по употреблению падеж, который, выражает одно значение – прямого объекта. Данное явление связано со стремлением разграничить прямой объект от косвенного. Моносемантичными являются аппроксиматив и приблизительно-местные падежи, поскольку имеют относительно позднее образование и предназначены для выражения специфичной

локальной семантики. Остальные падежи многозначны. Генитив, датив, инструменталь, абессив обладают целым комплексом значений.

В удмуртском языке не наблюдается единообразия в образовании падежных форм инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы'. В диалектах номинативная форма может быть образована двумя способами: а) от номинатива ед. ч. в нижнечепецких, среднечепецких, кукморском говорах, бесермянском наречии: *ачым-эс* (*ачъм-эс*, *ачим-эс*); б) от связанной основы мн. ч. в остальных говорах: *ачмэ-ос* (*ачмэ-йос*, *ас'мэ-ос*, *ас'мэ-йос*, *ачми-йос*, *ачми-ос*, *ас'ми-йос*, *әс'ми-йос*). В северных диалектах удмуртского языка парадигма склонения инклюзивного местоимения сформировалась по аналогии с парадигмой склонения личного местоимения *1p1 ми*. В южных диалектах основой падежного словоизменения стало субстантивное склонение.

ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

4.1. Происхождение собственно-личных местоимений

Трехчленная система собственно-личных местоимений удмуртского языка является наследием системы личных местоимений финно-угорского (уральского) языка-основы, в котором «были представлены следующие личные местоимения: **mz* ‘я’, **tз* ‘ты’, **sз* ‘он’ <...> окончательно определившихся личных местоимений мн. числа в финно-угорском языке-основе не было» [Майтинская 1979: 187–188; Федюнева 2005а: 3–4; Федюнева 2008а: 16]. Корни личных местоимений лингвисты возводят к доуральским дейктическим частицам, которые выступали в функции указательных и личных местоимений [Основы 1974: 284; Федюнева 2008а: 16]. Местоимения 1-го и 2-го лица обособились от указательных в уральском языке-основе [Основы 1974: 284]. К основам местоимений 1-го и 2-го лица присоединился форматив **-nz*, который в качестве местоименного суффикса последовательно прослеживается во всех финно-угорских языках (подр.: [Майтинская 1979: 190; Федюнева 2005а: 9]). Он этимологически восходит **-nz* к уральскому указательному местоимению и, вероятно, выполнял функцию разграничения лица (человека) от не-лица, так как обнаруживается в сфере вопросительного местоимения со значением ‘кто’ [Майтинская 1962: 79–80; Основы 1974: 380; Федюнева 2005а: 9].

Местоимения 3-го лица возникли как самостоятельные лексические единицы в прафинно-угорский период [Основы 1974: 284]. Ряд исследователей отмечает, что личное местоимение 3-го лица ед. ч. в «пермских и марийских [языках] до сих пор <...> недостаточно дифференцированы» [Федюнева 2005а: 10; Майтинская 1979: 193]. Действительно, личные местоимения идентичны указательным, их склонение, за исключением аккузатива и инструменталю, соответствует парадигме имен существительных [Winkler 2011: 68]. Б. А. Серебренников предполагает, что, в отличие от финно-волжских языков, пермское местоимение 3-го лица ведет свое происхождение от другого указательного местоимения, т. к. в современных коми и удмуртском языках «местоимения *sijö* и *so* употребляются также в значении <...>

указательного местоимения ‘тот’» [Серебрянников 1963: 192]. Ш. Чуч отмечает, что пермские личные местоимения являются фонетически регулярными продолжениями прафинно-угорских личных местоимений. Ученый считает маловероятным отсутствие в раннепермском языке личного местоимения 3-го лица. В прапермском языке существовали два местоимения одной формы (*sV) разных по происхождению, личное и указательное, последнее из которых впоследствии взяло на себя роль личного местоимения. Данное дейктическое местоимение было односложным (*sV), этимологически связанным с финно-угорским *s-овым личным местоимением. Ситуация осложняется еще и тем, что исконно пермское указательное местоимение *sV не имеет регулярных эквивалентов в родственных языках и, следовательно, можно предположить, что это местоимение появилось в общепермском языке [Csúcs 2005: 226–227]. Возникающее противоречие снимается, если предположить, что первично корень *sV был личным местоимением, вытеснившим указательное от уральской основы *éel/éi, у которого была супплетивная форма мн. ч. *na- (именно данная древняя основа осталась в коми языках). *s-овое личное местоимение имело стандартную для общепермского языка форму мн. ч. *sejas, которое закрепилось в удмуртском языке [Csúcs 2005: 227].

Аргументами, доказывающими версию Ш. Чуча о существовании двух *s-овых местоимений и в праудмуртский период, могут быть аккумулятивные формы местоимения 3-го лица ед. ч. Наряду с формой *сойэ* ‘его, ее’, в современных диалектах зафиксированы следующие вариации: *сэйэ, сийэ, сō йэ, сээ, сэ, сиэ, суэ*. Т. Г. Аминоффом в конце XIX века на территории современных средневожосточных говоров были записаны формы *совэ, суэ*. Таким образом, в основе личного местоимения наблюдается следующая корреспонденция гласных: *о // э // и // ö° // у*. Изменение качества вокального элемента исследователи объясняют комбинаторными изменениями: в варианте *сэйэ* прошла регрессивная ассимиляция, гласная корня уподобилась гласной суффикса. Варианты *сээ, сиэ* образованы путем регрессивной ассимиляции и выпадением *-й-*. Звукпереход гласной основы *о > i* И. В. Тараканов объясняет влиянием согласного суффикса. «Иногда ассимиляторное воздействие *j* распространяется и на <...> широкие гласные: *а, о, е*, которые также,

оказываясь в позиции перед аффиксальным *j* при словообразовании и словоизменении, переходят в узкий гласный *i*» [Тараканов 1960: 131]. Вариант *сэ* характеризуется максимальным стяжением формы, значение 3-го лица выражено согласным звуком, значение падежа – гласным. В варианте *сö°йэ*, по предположению В. К. Кельмакова, присутствуют вторичные комбинаторные изменения *o > ö°* (кукм. *со > сö°йэ*), имеющие место в отдельных говорах [Кельмаков 1998: 71; 2006: 71].

Мы полагаем, что в имеющейся вокальной корреспонденции: *o // э // u // ö° // y* наблюдается смешение двух рядов соотносимых гласных: а) гласные среднего подъема *o // э // ö°*, б) гласные верхнего подъема *u // y*. Возникновение первого междиалектного звукосоответствия в удмуртском языке, по В. К. Кельмакову, мотивировано различными рефlekсами праудмуртского **ö* [Кельмаков 1998: 71]. Данный звуковой параллелизм *ö // э // o* фиксируется и в некоторых отместоименных образованиях: южн. ср-юр. *сöбрэ* (< *сöбере*) [Архипов 1981: 16] // бес. *сэбрэ, сэбэрэ* [Тепляшина 1970а: 280] // лит. *собере* ‘потом после этого’; *ö° // ö // o: сö'н'а* (мьнда) // *сö'н'а // сон'а*. Вторая вокальная корреляция может быть реализацией утраченного в отдельных говорах праудмуртского гласного, возможно **y⁴¹*, которая в диалектах представлена корреспонденцией *y // ы // y̆* [Кельмаков 1998: 69], притом *ы* перед палатализованными гласными (в нашем случае – *й*) может измениться в *и* [Там же: 67]. Междиалектные вокальные соответствия *u // y* в основе местоимения *со* вполне вписываются в стандартную историческую звукозамену **j̆*. Считаем, что личное и указательное местоимения в праудмуртский период не были омофонами. Первое из них имело форму с гласным среднего подъема **сö(н)⁴²*, так же, как и личные местоимения 1sg, 2sg. Дейктическое местоимение имело огласовку верхнего подъема **сy̆*.

Формы личных местоимений, указывающие на множественность, появились позже. К. Е. Майтинская пишет, что у личных местоимений 1-го и 2-го лица в прафинно-угорский период специальных числовых форм не было. Количественные

⁴¹ Мы озвучиваем предварительные заключения. Может быть и другой гласный верхнего подъема.

⁴² Л. Хонти для раннеудмуртского периода восстанавливает формы 3-го лица ед. ч. с формантом -н [Honti 2012: 125].

различия выражались путем употребления различной огласовки местоименных корней, причем праязыковые диалекты использовали разные варианты соотношения гласных, которые впоследствии закрепились в языках [Основы 1974: 285]. В своих ранних работах исследователь в местоимениях *ми*, *тй* выделяет суффикс мн. ч. *-i*, подобный суффиксу мн. ч. в финском языке: «Сравнительно недавно *i* в личных местоимениях множественного числа мордовских языков, равно как и *i* в первом и втором лице пермских <...> языков, рассматривался как общепермско-угорский признак множественного числа» [Майтинская 1964: 49]. Но с таким утверждением не соглашаются другие лингвисты. Например, Т. Э. Уотила высказывает сомнение в возможности отождествления элемента *-i* с суффиксом мн. ч. [Uotila 1936: 466]. Он отмечает, что «*мы*» – это не несколько «*я*», «*вы*» – не множественное «*ты*». В данном случае речь идет о коллективном множестве: «*мы*» – это «*я* с другими (такими, как) «*я*» [Uotila 1936: 466–467]. П. Равила склонен считать *-i* чередующейся гласной основы мн. ч. с *-o-* основы ед. ч.: *мон ~ mi*, *тон ~ ti*, подобно чередованию в гласных в личных местоимениях финского языка *minä ~ me*, *sinä ~ te* [Серебренников 1963: 193; Майтинская 1964: 49]. Той же точки зрения придерживается Г. В. Федюнева и подчеркивает, что у пермских местоимений сохранилась общая финно-угорская (уральская) черта выражать числовые значения «1 sg. / 2 sg. и 1 pl. / 2 pl. с помощью противопоставления корневых гласных: *e ~ i*, *o ~ i*» [Федюнева 2008а: 22].

К разряду личных местоимений в удмуртском языке традиционно относят шесть лексем. Но, как мы указывали выше, семантика инклюзивного 1-го лица мн. ч. *асьмеос* ‘мы’ позволяет рассматривать его в качестве собственно-личного местоимения. Мы не располагаем данными о наличии инклюзивного местоимения в родственных финно-угорских языках [Основы 1974; Хакулинен 1953; Майтинская 1955; Левина 2003; ÖKK 2002; Федоркив 2022 и др.], в связи с чем смеем предположить, что потребность в двойком маркировании адресата, как своего или чужого, возникла в период обособленного развития удмуртского языка. Полисемантизм является универсальной чертой местоимений [Федюнева 2008в: 176], что наглядно отражается в значении местоимения *асьмеос*: первоначальная

усилительно-личная (возвратная) семантика ‘мы сами’, т. е. ‘без чьего-либо постороннего участия’ и инклюзивная – ‘я (мы) с тобой’. Инклюзивное (усилительно-личное) местоимение имеет неместоименное происхождение, основа которого находит параллели в финно-угорских языках: фин. *itse* ‘сам, свой’, мокш., эрз. *eś* ‘тж’, мар. *ške* ‘тж’, хант. *jis, ĩs, ĩs, ĩs* ‘дыхание, душа, жизнь’. К. Е. Майтинская предполагает, что первоначальное значение соответствующего прафинно-угорского слова было «тень», которое впоследствии переосмыслилось в «душа, сердцевина». По ее мнению, слово входит в состав исконной лексики и предположение, что оно заимствовано из тюркских источников, является маловероятным. Проминализация имени со значением «душа» относится к финно-пермской общности»⁴³ [Майтинская 1989: 240].

Таким образом, собственно-личные местоимения удмуртского языка уходят корнями к указательным местоимениям доуральского периода, числовые формы появились в финно-угорском языке-основе. Усилительно-личные местоимения возникли путем переосмысления имени существительного, однако расширение семантического поля в сторону инклюзивности произошло исключительно в праудмуртский период.

Не раз отмечалось, что в агглютинативных языках относительная морфемная свобода и семантическая аморфность местоимений дают возможность сосуществовать в языке большому количеству вариативных форм: «Коллекционный принцип сборки словоформы позволяет также использовать несколько возможностей для актуализации одного значения, что тоже ведет к возникновению вариантов. В таком случае эти значения накладываются друг на друга, одна из морфем десемантизируется, а морфемы откладываются, как угольные пласты» [Федюнева 2008а: 11]. Падежные формы могут дать ключ к решению некоторых вопросов исторической грамматики, поэтому так важно описать все вариативное разнообразие местоимений конкретного языка. При

---

⁴³ Выше была рассмотрена версия генезиса усилительно-личных местоимений, предложенная Х. Паасоненом и поддержанная А. И. Емельяновым, о заимствовании данного корня из арабского языка [Емельянов 1927: 151].

сравнении парадигм личных местоимений уральских языков обнаруживается, что они сформировались в ходе обособленного развития отдельных языков (или языковых групп). В возникших таким путем (причем в большинстве языков неполных) парадигмах могут выступать древние формы местоимений, часто нечленимые даже диахронически, их падежные суффиксы могут не соответствовать субстантивным. Если же в склонении личных местоимений присутствуют именные падежные маркеры, то такие образования имеют более поздний характер [Хайду 1985: 233–234].

Вероятно, в финно-угорском праязыке местоимения были односложными, чем и отличались от понятийных слов, имевших двусложный состав. При быстром темпе речи из-за слишком короткого звучания они произносились недостаточно четко, поэтому нуждались в удлинении в виде добавлений: суффиксов, дополнительных указательных местоимений, повтора основы. Контаминация разных местоименных основ служила «средством усиления односложных слов, которые, как известно, могут исчезнуть быстрее по причине фонетического разрушения» [Серебренников 1974: 187]. Постепенно шла деэтимологизация формативов: усилительное значение прилепов исчезало, они превращались в неотъемлемые компоненты местоимений [Майтинская 1989: 180]. Именно такими добавочными элементами являются *-n* в основе удмуртских личных местоимений 1 sg., 2 sg. и *-лГ-* в основе некоторых косвенных падежных форм местоимений 1 pl., 2 pl.

Элемент *-n-* в местоимениях *мон, тон* представляет собой местоименный суффикс, восходящий к уральскому указательному местоимению **-nз*, основной функцией которого, вероятнее всего, было указание на людей для их отграничения от нелюдей: кроме основ личных местоимений, он обнаруживается и в вопросительных со значением ‘кто?’, ср. фин. *ken*, манс. *k^hn, kan*, удм., к. *кин*, ‘кто?’, мокш. *кона* ‘который?’. В финно-угорском языке-основе «намечалась тенденция к оформлению специальной категории «личности» путем присоединения *-n* к личным местоимениям, а также к вопросительным со значением ‘кто?’. Эта тенденция не получила полного развития, поскольку не достигла полной грамматической обобщенности» [Майтинская 1962: 79]. Л. Хонти

из-за отсутствия в номинативе коми личных местоимений *singularia tantum* суффикса *-n*, для пермского языка основы восстанавливает два типа основы, с показателем *-n* и без нее: **m̄(n-)*, **t̄(n-)* [Honti 2012: 229].

Появление чередования гласных *o // ы* в корне личных местоимений 1 sg., 2 sg. исследователи объясняют по-разному. Для праудмуртского языка Б. А. Серебренников реконструирует основы **meny*, **teny*, в которых после отпадения конечной гласной изменилась гласная корня: *meny* > *men* > *mon*, *teny* > *ten* > *ton* [Серебренников 1963: 185].

В сравнении с субстантивным склонением в падежной парадигме личных местоимений имеется несколько особенностей. Наблюдается нехарактерное для агглютинативных языков чередование гласных *o // ы* в корне личных местоимений 1 sg., 2 sg.: от основы *мон-*, *тон-* образованы номинатив, аккузатив, инструменталь, абессив, адвербиаль, аппроксиматив, от основ *мын-*, *тын-* – генитив, аблатив, датив.

Лингвисты отмечают, что для пермских, волжских, угорских языков характерно использование лично-притяжательных маркеров при образовании падежных форм личных местоимений. Вероятно, еще в финно-угорском языке-основе появилась тенденция употреблять лично-притяжательные суффиксы для различения падежных форм. Первоначально «использовался только для подчеркивания определенных прямого и косвенного (дативного) объектов, впоследствии же они обобщились и для указания на неопределенные прямой и косвенный объекты, т. е. личное местоимение с таким лично-притяжательным суффиксом уже воспринималось как особая форма аккузатива или датива» [Основы 1974: 289]. Древнейшая местоименная парадигма в отличие от субстантивной, вероятно, включала только падеж субъекта (номинатива) и общую форму для косвенных падежей, оформленную посессивным суффиксом [Bartens 2000: 150; Федюнева 2008а: 30]. В удмуртском языке форма с личным суффиксом закрепилась, вероятно, за дательным падежом. Именно датив, по мнению К. Редеи, был первым падежом личных местоимений [Rédei 1998: 346]. Ш. Чуч считает его гипотезу неверной, поскольку К. Редеи прослеживает корни марийского аккузатива в финно-пермском языке-основе, следовательно, и пермские аккузатив

и датив должны восходить к финно-пермскому праязыку. Но таких свидетельств нет, поскольку пермский аккузатив является лишь общепермским новообразованием [Csúcs 2005: 229].

Т. Э. Утила отмечает ограниченное количество падежей в парадигме удмуртских личных местоимений как особенность, унаследованную от общепермского языка-основы. Лишь шесть падежей личных местоимений 1 sg., 2 sg., в том числе и номинатив, исследователь считает общепермского происхождения. Данное утверждение подтверждается и тем, что в коми-зырянском языке более древние формы с элементом *n* (адессив (генитив), аллатив (датив), аблатив и аккузатив) подобны удмуртским. Удмуртский инструменталь также является древним падежом, коми-зырянская без *n*-овая форма – результат поздних изменений. Также исследователь заостряет внимание на адессиве (традиционно – генитив), аллативе (датив), аблативе, которые «первоначально идентичны инессиву, иллативу и элативу притяжательного склонения» [Uotila 1936: 471]. Ш. Чуч, анализируя структуру падежных форм пермских личных местоимений ед. ч., приводит следующую последовательность образования косвенных падежных форм: аккузатив, одновременно генитив и датив, затем – аблатив и в конце общепермского периода – инструменталь [Csúcs 2005: 228–231].

Склонение местоимений 1 pl., 2 pl. базируется на двух вариантах основы: от *ми-*, *ти-* – номинатив, абессив, адвербиаль, аппроксиматив (заметим, что последние два косвенных падежа малочастотны); от основ с элементом *л'* – *мил'*-, *тил'* – аккузатив, генитив, аблатив, датив, инструменталь. Это является существенным отличием от близкородственного коми языка, где падежные формы местоимений образуются от двух типов основ: номинативной и генитивной (адессивной) [Федюнева 1999: 307]. Некоторые ученые проводят параллель с коми языком и выделяют у удмуртских личных местоимений 1 pl., 2 pl. историческую «аллативную (дативную) основу», как основу для образования падежных форм, которую можно обнаружить в винительном, творительном и самом дательном падежах: «дативной основе присоединяются целая серия аккузативных маркеров, субстантивные суффиксы *-ын* и *-лы*» [Uotila 1936: 475; Bartens 2000: 152; Csúcs

2005: 232]. Факт, что основа части косвенных падежей имеет дополнительные элементы, сигнализирует о том, что в пермском праязыке наблюдалась системная недостаточность краткой основы личных местоимений *pluralia tantum*, она требовала наращений при образовании частотных падежных форм.

Этимология элемента *-l'*- основы некоторых косвенных падежей местоимений *pluralia tantum* имеет несколько гипотез. По мнению Т. Э. Уотилы, *l'* не имеет ничего общего с элементами *j*, *i*, присутствующими в формах коми местоимений (*mijan*, *miĵan*, *tijan*, *tiĵan*), также считает сомнительным сравнение Оянсуу с саамским *d⁻'* и древнефинским *δ* [Uotila 1933: 214, 215]. Элемент *-l'a-*, по его версии, представляет собой суффикс местного падежа *-l-*, тот же, что и участвует в образовании субстантивных казуальных суффиксов адессива *-len*, аллатива *-li*, аблатива *-leś*, *-l-* смягчился под влиянием предшествующего гласного, притяжательный суффикс в ауслауте возник по аналогии с ед. ч. [Uotila 1933: 473–474; 1936: 469]. Данный же элемент участвует в склонении возвратных (усилительно-личных) местоимений от основы *as-*. Анализируя участие уже десемантизированного суффикса *-l-* в образовании послелогов, Уотила предполагает, что его первоначальное значение было иллативным (внутриместным) [Uotila 1936: 470].

Б. А. Серебренников считает, что формы 1 pl., 2 pl. восходят к более древним формам *mil'a* и *til'a*, образованным от основы местоимения специальным суффиксом *-la*, который в пермских языках, по-видимому, был близок по значению к суффиксу относительных прилагательных на *-a*: *mila* 'относящийся к нам, наш', *tila* 'относящийся к вам, ваш'. Лингвист проводит параллель со словообразовательным суффиксом *-la* в прибалтийско-финских языках, имеющим подобное значение. Притяжательные суффиксы присоединились позднее [Серебренников 1963: 198]. Данной гипотезы придерживаются и другие лингвисты [Основы 1976: 165; Федюнева 2008а: 60]. Согласный *l* палатализировался под влиянием предшествующего гласного *i* основы [Uotila 1936: 469].

По мнению Ш. Чуча, в общепермский период генитивные и дативные формы местоимений *pluralia tantum* после утраты конечного гласного падежного суффикса

формы приобрели буферный *l* под влиянием генитива субстантивного склонения, позже *l* смягчился [Csúcs 2005: 233].

О времени возникновения косвенных падежных форм с элементом *-l'*, соответственно и с личным суффиксом, относительно безличных форм сказать сложно. Т. Э. Уотила пишет, что падежные формы без элемента *-l'* (например, каритив) могут быть древними, хотя также возможно, что они были сформированы позже [Uotila 1933: 215]. В удмуртском языке, по мнению Г. В. Федюновой, парадигма множественного числа «развивалась по аналогии с сингулятивной» [2008а: 61]. Одним из аргументов данного утверждения является и практически идентичное использование / неиспользование личных суффиксов. Причем к личным местоимениям *pluralia tantum* присоединяется личный суффикс ед. ч. (за исключением инструментала) [Winkler 2011: 62].

4.2. Генезис падежных маркеров

в структуре собственно-личных местоимений

В ходе нашего исследования выявлено, что наибольшее разнообразие формообразовательных морфем представлено в объектных падежах (см. Таблицу 17).

Таблица 17. Варианты объектных падежных суффиксов

Падежи	<i>мон тон</i>	<i>ми тii</i>	<i>со</i>	<i>соос</i>	<i>асьмеос</i>
винительный	-э	-ды, -эс ~ -ыз, -дыс -эсты -ьсть	-э (-йэ)	-ты	-ды, -эс ~ -ыз, -дыс -эсты
дательный	-ы- (-ö-)	-э- ~ -ь- / -лы-	-лы-		
разделительный	-эс'ты- ~ -эс'кы- ~ -ыс'ты- (-ис'ты-) ~ -ис'кы-		-лэс' ~ -лэс' (-лис')		-лэс'ты- ~ -лис'ты- -лэс' ~ -лэс' (-лис')
творительный	-эн (-эны-)	-эны- ~ -ын	-йэн ~ -ин (-йэн)	-ын	-эн (-эны-) ~ -ын
соответственный	йа- ~ н'а-	йа- ~ н'а-	йа-	йа-	йа-

Фонетическое разнообразие форм объясняется их местом внутри структуры слова: финальная позиция либо расположение между корнем и личным суффиксом. Не вызывает сомнений также тот факт, что различие показателей падежей возникло в

ходе формирования служебных аффиксов. Настоящий раздел посвящен истории возникновения падежных суффиксов.

4.2.1. Винительный падеж (Аккузатив)

Б. А. Серебренников предполагает, что в финно-угорских языках не было специального винительного падежа. Связано это с тем, что прямой объект достаточно надежно был выражен порядком слов. Этим объясняется тот примечательный факт, что показатели аккузатива часто имеют непадежное значение [Серебренников 1988: 40]. П. Хайду, в свою очередь, не согласен с подобным мнением. Разделяя точку зрения Б. Викмана, он убежден, что в праязыке существовало два способа выражения прямого дополнения: неоформленной (номинативной) формой выражалось неопределенное прямое дополнение, а с суффиксом **-m* – определенное [Хайду 1985: 232]. По мнению Д. В. Бубриха, падежный суффикс **-m* был присущ лишь местоимениям: «Древний *m*-овый “аккузатив” без оснований трактуется как падеж существительных. Пермские языки ясно свидетельствуют, что этот падеж когда-то употреблялся лишь в местоименных рамках. <...> Относительно истории его функций в местоименных рамках (первоначально, надо думать, совсем не аккузативных) мы ничего определенного не знаем» [Бубрих 1948: 54]. Каким бы ни было исходное значение морфемы **-m*, но образованные с ее помощью формы стали первыми маркированными формами, противопоставленными номинативу. Ш. Чуч считает аккузатив самой древней падежной формой пермских личных местоимений [Csúcs 2005: 229]. Ю. Вихманн, Т. Э. Уотила, Д. В. Бубрих, Ш. Чуч аккузативный суффикс удмуртских личных местоимений ед. ч. *-э* рассматривают как конечную гласную некогда двусложной основы местоимения [Wichmann 1923–24: 160; Uotila 1933: 176, 220; 1936: 475; Бубрих 1948: 54; Csúcs 2005: 229]: удм. *tone, tone* ~ к. *tene, tene* < общеп. *tene, tene* < праперм. *menem, tenem*. Первоначальный финно-угорский показатель аккузатива **-m*, следовавший за основой, исчез точно так же, как был утрачен в абсолютном ауслауте суффикс **-m* 1 л. ед. ч. в личных глагольных формах (удм. *ton tino* ‘я пойду’) и притяжательных формах (удм. *piε,*

pije ‘мой сын’) [Wichmann 1923–24: 160–161]. Здесь же финский исследователь приводит в пример склонения имени существительного *murt* ‘человек’, аккузативная форма которого образуется суффиксом *-э*.

А. И. Емельянов поддерживает точку зрения Ю. Вихманна и приводит единственный оставшийся случай, «где это *-m* в вин[ительном] падеже уцелело, это местоимение *mar: marim*, так говорят, когда затрудняются продолжать речь, забыв предмет ее, русское: как его!..» [Емельянов 1927: 119]. Далее исследователь приводит редкие примеры с суффиксом *-ε* – некогда бывшей конечной гласной основы: местоимения *monε* ‘меня’, *tonε* ‘тебя’, *soje* ‘его’, *taje* ‘это’, *maie* ‘что’ и существительные *murte* ‘человека’, зафиксированное Т. Г. Аминоффом *bure vaiško* ‘добром поминаю [добро (жертву) приношу]’ и Б. Мункачи *háñä sísa* ‘съев хлеб’ [там же]. Той же точки зрения придерживается В. К. Кельмаков. После отпадения финно-угорского аккузативного **-m* в прапермский период его функция выражения определенного прямого объекта перешла на конечный гласный основы (удм. *-э*, к. *-ö*), сохранившийся до наших дней [Кельмаков 1990б: 112; 2003: 225].

Б. А. Серебренников сомневается в существовании *-m*-ового суффикса аккузатива в пермских языках, мотивируя тем, что в них не осталось реликтовых аккузативных форм типа коми *mortö* ‘человека’, *vörö* ‘леса’ [Серебренников 1960: 125], поэтому в другой работе выдвигает иную версию суффикса *-э*. Он мог представлять собой по происхождению усилительную частицу, при глагольном управлении указывал на определенность объекта, выраженного в том числе и местоимением. Кроме этого, частица могла усиливать формы местоимений и в именительном падеже [Серебренников 1963: 189]. Вслед за Б. А. Серебренниковым, Г. В. Федюнева предполагает, что «скорее всего, аккузатива на **-m*, реконструируемого для имен, личные местоимения не имели» [Федюнева 2008а: 33], в этой функции выступил древний местоименный суффикс **-ne*. Для допермского состояния языковед реконструирует два архетипа личных местоимений 1 л. и 2 л. ед. ч. с суффиксом **-ne*, указывавшим на одушевленность, и без него: **-te / *-tene*, **-te / *-tene*. Впоследствии удмуртская аккузативная форма образовалась на базе

«длинной основы» присоединением того же суффикса *-ne: ном. * -тene > праудм. *-тeп-ne > удм. *tone* [Там же].

Мы все же склонны согласиться с гипотезой, выдвинутой Ю. Вихманном, по крайней мере, для праудмуртского языка существование суффикса *-m вполне доказано: бытует и местоимение *марым* ‘как его, это самое’, образованное от вопросительного местоимения *мар* ‘что’ с архаичным уже десемантизированным суффиксом. Также финальная гласная пермской основы выступает в качестве современного аккузативного суффикса не только в местоимениях, но и при склонении имени существительного *мурт* ‘человек’ и в формах существительных притяжательного склонения. Различные гипотезы о происхождении, функционировании *-m-ового суффикса в субстантивной падежной системе подробно рассмотрены Н. В. Кондратьевой [2011б: 109–116].

Элемент -s в формах винительного падежа на -эс, по мнению Ю. Вихманна, изначально идентичен суффиксу 3 л. ед. ч. с его определительной функцией. После того, как конечное лативное окончание *-k иллатива и исходное окончание *-m винительного падежа в прапермском языке исчезло, формальное различие между иллативом и аккузативом уменьшилось. Таким образом, притяжательный суффикс -s мог выступать уже не только как определяющий, но и как дифференцирующий признак в винительном падеже (как показатель определенного объекта). Позже этот -s стал восприниматься в языковом сознании как окончание винительного падежа [Wichmann 1924: 160]. Данную гипотезу поддерживал и Т. Э. Уотила [1933: 178]. А. И. Емельянов не сомневался, что -ez по происхождению притяжательный суффикс местоимения 3 л., выступавший как выделительный суффикс. Форма аккузатива на -ez “представляет из себя собственно именительный с притяжат[ельным] суффиксом мест[оимения] 3 л. ед. ч. и, если можно назвать его винительным, то только винительным неоформленным” [Емельянов 1927: 119–120]. Он также отмечает имеющиеся следы чередования обычного гласного суффикса -e- с редким -y-: *nîlîz potto* ‘девушку выводят’. А. И. Емельянов предполагает, что, показатель аккузатива -ыз является результатом чередования гласных.

Суффикс *-эс* (*-эз*), по мнению Б. А. Серебренникова, состоит из двух элементов: «*-e* – окончание аккузатива, *-s*- усилительный элемент, использовался для выделения существительных. В удмуртском языке усилительный *s* использовался для устранения омонимичных форм винительного и входного падежей» [Серебренников 1963: 38]. Н. В. Кондратьева рассматривает суффикс *-эс* как «плеонастическое сращение аккузативного форманта *-э* и показателя множественного обладателя», который характерен для имен существительных в притяжательном склонении с множественным обладателем *-с*, например, *танк-м-эс* ‘наш танк’ *ым-д-эс* ‘ваши рты’, и для местоимений с лично-притяжательными суффиксами, напр. *вань-м-ес* / *вань-д-эс* / *вань-з-эс* ‘всех нас / вас / их’ [Кондратьева 2010а: 60; 2011б: 39]. Аккузативные формы личных местоимений структурно и семантически также представляют собой имя в притяжательном склонении: *мил'э-м-эс*, *тил'э-д-эс*. Образование варианта винительного падежа с суффиксом *-эс* можно объяснить влиянием субстантивной парадигмы. Л. Л. Карпова предполагает, что данный падежный формант – результат прогрессивной ассимиляции. «Развитие показателя *-эс* в северноудмуртских диалектах можно представить следующим образом: в силу ассимилятивных процессов гласный *ы* показателя аккузатива *-ыз* уподобляется предшествующему гласному *э*, в результате чего имеем *-эс*: *мил'эмэс* < *мил'эмьз* ‘нас’, *тил'эдэс* < *тил'эдьз* ‘вас’» [Карпова 2020: 245]. В вопросе о первичности того или другого варианта рано ставить точку. Возможно, суффиксы *-эс* (*-эз*) и *-ыс* (*-ыз*) употреблялись параллельно, лишь со временем разделив сферу функционирования. Озвончение согласного суффикса связано с тенденцией сделать более слышимым значимый форматив, находящийся в ауслауте (подр.: [Серебренников 1974: 79]).

Элемент *-t* суффикса *-ты* А. И. Емельянов возводит к финно-угорскому суффиксу мн. ч. Под влиянием сонорного *m* и звонкого *d* в формах личных местоимений озвончается: *mil'emdî*, *til'eddî*. Гласный *-î*– конечный редуцированный основы суффикса [Емельянов 1927: 127]. Б. А. Серебренников элемент *-t* также возводит к показателю мн. ч. **-t*, указывает, что формы «законсервировались, поскольку они напоминали близкие по звучанию притяжательные формы»

[Серебрянников 1963: 42]. Суффикс винительного падежа С. П. Жуйков связывает с притяжательным суффиксом 2 л. мн. ч. [Жуйков 1933: 35]. Выбор притяжательных суффиксов в качестве показателей определенного аккузатива не случаен, именно посессивные показатели задают определенность именам, выделяя их из ряда подобных. «Аналогичный путь формирования окончания определенного винительного падежа имел место также в тюркских языках» [Серебрянников 1962: 11]. В связи с этим гипотеза А. И. Емельянова и Б. А. Серебрянникова о генетической связи элемента *-t* аккузативного суффикса с показателем мн. ч. кажется менее правдоподобной.

Параллельное функционирование суффиксов *-ыз*, *-эс* // *-ты* (*-ды*) представлено не только в удмуртском языке, но и диалектах коми языка [Тепляшина 1975: 179–180], поэтому их функционирование следует относить к прапермскому периоду [Кельмаков 1998б: 120; Кондратьева 2011б: 118]. Как отмечает В. И. Лыткин, суффикс *-ды* / *-дö* употреблялся в качестве аккузативного и в древнепермском языке [Лыткин 1952: 106].

Причиной возникновения новых показателей винительного падежа имен существительных, восходящих к притяжательным суффиксам 2-го и 3-го лица, В. К. Кельмаков видит в стремлении избежать омонимии ряда грамматических форм на гласный *-э* (аккузатив, иллатив и притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) [Кельмаков 2003: 225–226]. Впоследствии субстантивные суффиксы были заимствованы в прономинальную падежную парадигму.

4.2.2. Родительный падеж (Генитив)

В пермских языках генитив 1 sg. и 2 sg. образован суффиксом *-а-* и следующим за ним показателем лица. Подобная же структура у форм датива, где маркером падежа выступает в удм. *-ы-* / коми *-ы-* / *-и-* / *-у-* (все диалектные формы представлены в [Федюнева 2008а: 35]). Одинаковая схема образования данных падежей в родственных языках указывает на то, что формы генитива и датива образованы в общепермский период.

Т. Э. Уотила утверждал, что формы личных местоимений 1 sg., 2 sg. *tynam*, *tynad* представляют собой формы инессива притяжательного склонения, как, напр., формы имени существительного [*kar* 'город']: *karam* 'в моем городе', *karad* 'в твоём городе', с чем также соглашались Б. А. Серебренников [1963: 185], Т. И. Тепляшина и В. И. Лыткин [Основы 1976: 164]. Финский ученый предполагал, что за конечным гласным *a* основы некогда следовал суффикс инессива *-n*, который впоследствии исчез перед притяжательным суффиксом [Uotila 1933: 233]. Из архетипа **tznzntz* возник *tynam*, из **tznzntz* – *tynad*. Б. А. Серебренников возводил генитивную форму к локативу на *-an* [1963: 185]. Ш. Чуч, анализируя теорию Т. Э. Уотилы, заключает, что она формально применима, но функционально маловероятна, поскольку в современных пермских языках формы личных местоимений в местных падежах либо отсутствуют, как в удмуртском, либо используются ограниченно, как в коми. В системе склонения имен существительных уже существовал генитив с суффиксом *-len*, неясно, почему он не вошел в парадигму личных местоимений вместо инессива-иллатива. Непонятно и исчезновение суффикса *-n* перед притяжательным суффиксом [Csúcs 2005: 230].

Уральское происхождение генитива, по мнению П. Хайду, не бесспорно. Против возведения его к уральскому праязыку говорит то, что в языках-потомках достаточно часто встречаются неоформленность притяжательной связи и неоформленность объекта, а в части языков окончания генитива вообще не представлены. Окончание генитива **-n* не отражено в пермских и угорских языках, где существует ряд других способов выражения притяжательной связи. Притяжательная конструкция может вообще оставаться неоформленной, в основном при сложениях определяемого слова с определением по принадлежности. Праязыку была, однако, известна и притяжательная конструкция, не имеющая оформления или оформленная с помощью лично-притяжательного показателя. Два способа выражения притяжательности могли сосуществовать, как это имеет место в некоторых современных уральских языках [Хайду 1985: 228, 231].

С нашей точки зрения, использование инессивного суффикса для выражения локального значения было вовсе не обязательным, поскольку «отношение

принадлежности, выражаемое через родительный падеж, изначально выражалось простым соположением двух имен существительных (в нашем случае личного местоимения и существительного – *T. II.*) и притяжательные отношения понимались еще и как пространственные, близость предмета символизировала его отношения к другим предметам. Впоследствии такие сочетания могли перейти в изафетные конструкции, когда имена формально объединяются связующими элементами» [Серебренников 1988: 36].

Р. Бартенс посессивные суффиксы рассматривает как показатели и генитива, и датива, различались они, по ее мнению, только гласной второго слога основы [Bartens 2000: 150]. Ш. Чуч поддерживает гипотезу финского лингвиста, считает, что генитивные и дативные формы состоят из основы и посессивного суффикса, образовались они одновременно. Различная огласовка падежных форм появилась позже под давлением субстантивной парадигмы, в частности, в дативе закрепился *-i* под действием суффикса имени существительного *-li* [Csúcs 2005: 40, 230]. Соглашаясь с точкой зрения Р. Бартенс и Ш. Чуча, что формы генитива и датива состоят лишь из древней основы и притяжательного суффикса, Г. В. Федюнева предполагает, что формы двух падежей могли возникнуть в разное время [Федюнева 2008а: 40]. Таким образом, в генитиве и дативе падежным показателем изначально выступал личный суффикс. В результате отпадения вокальной финали суффикса, вероятно, конечной гласной основы получил разные огласовки перед личным суффиксом: широкий гласный в генитиве, узкий – в дативе, конечный гласный основы стал восприниматься как падежный маркер, а личный – в своей основной функции. Суффикс *-a* этимологически является конечной гласной осложненной местоименной основы, исторически генитив сингулярных и плюральных форм 1 л. и 2 л. образован наращением соответствующего личного суффикса ед. ч. *-m*, *-d*.

К личным местоимениям 3-го лица ед. ч. и мн. ч. присоединяется стандартный суффикс имен существительных *-len*, который в диалектах имеет несколько фонетических вариантов. Ю. Вихманн предполагает, что пермский *-l-*, ставший основой для серии местных падежей, берет начало в финно-пермской

языковой эпохе [Wichmann 1923–1924: 161]. Той же точки зрения придерживается Б. А. Серебренников. Элемент *-l-* пермских падежей, по его мысли, произошел от древнего *l*-ового суперэссива. «Падежи, содержащие в составе элемент *-l* в прибалтийско-финских, а также в пермских языках, имеют вполне определенную семантику: они обозначают или движение по направлению к предмету, без проникновения в его внутреннюю сферу, или местонахождение на поверхности предмета. Таким образом, понятие внутренней сферы предмета совершенно исключено из значения внешнеместных падежей. <...> так называемые внутреннеместные падежи упорно сопротивляются проникновению элемента *-l*» [Серебренников 1962: 12–13; 1963: 48]. Ученый делает вывод, что элемент *-l* мог стать показателем внешнеместных падежей? только обладая сходной, суперэссивной семантикой, и считает ошибочным гипотезу своих предшественников, возводящих *-l* к словообразовательному *-la*, т. к. последний означает нахождение внутри какого-либо пространства.

Серийные *l*-овые падежи в удмуртском и коми языках имеют одни генетические корни. Идентичность их консонантного обрамления подтверждает общее развитие [Некрасова 2002: 13]. Г. А. Некрасова рассматривает *-l-* как словообразовательный суффикс, возникший в общепермский период [Там же: 14]. Н. В. Кондратьева, подводя итоги многим гипотезам финно-угорских исследователей, считает, что «формирование падежей генитив, аблатив, датив и аппроксиматив, по-видимому, следует относить к прапермскому (= общепермскому периоду)». В основе всех *l*-овых маркеров лежит словообразовательный суффикс **la- / lä-*, причиной для образования серийных суффиксов стал процесс отпадения конечных гласных [Кондратьева 2011б: 67]. Генитивная форма инклюзивного местоимения от основы ед. ч. образована суффиксом *-la*, восходящим к словообразовательному суффиксу **la- / lä-*, этимологически он связан и совпадает «с иллат[ивом] *-la* некоторых собственных имен существительных (Можга-*ла*)» [Кельмаков 2005б: 80].

Второй элемент суффикса генитива развился из финно-угорского локативного **na- / nä-* (подр.: [Кондратьева 2011б: 75–76]).

4.2.3. Дательный падеж (Датив)

Б. А. Серебренников в формах 1 sg. и 2 sg. выделял три составные части: *туп-* – основа местоимения, форматив *-у-*, и в зависимости от лица формант *-m* и *-d*. Гласный *у* считал особым элементом, несущим собственную семантическую нагрузку. Формант *-у-* он связывал с суффиксом латива, пережиточно сохранившегося в некоторых удмуртских наречных формах типа *kytc-у*, *tatc-у* [1963: 188]. По мнению лингвиста, наличие в этой форме суффикса латива на *-у* дает ответ на вопрос, почему формы личного местоимения имеют значение дательного падежа. Считал, что в пермских языках сходство показателей *-um*, *-ud* с формами личных местоимений может быть только внешним [Серебренников 1963: 187–188].

Более предпочтительной является гипотеза о том, что дативный суффикс исторически восходит к конечной гласной основы [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230]. По мнению Г. В. Федюновой, «датив как самостоятельный падеж оформлялся позже, когда сами лично-притяжательные суффиксы уже претерпели изменения» [Федюнова 2008а: 40]. По аналогии с плюральными местоимениями образована форма инклюзивного местоимения *аслэм*.

4.2.4. Разделительный падеж (Аблатив)

Аблатив, по предположению Ш. Чуча, возник вслед за генитивом и дативом. Формы личных местоимений являются конструкцией, появившейся путем «нагромождения» суффиксов: падежных элатива и аблатива плюс посессивного. Вероятно, форма возникла в период, когда аблатив и элатив существительных еще не дифференцировались друг от друга. Этим объясняется и тот факт, что окончание современных форм удмуртского и коми-зырянского языков такое же, как и у элатива с притяжательным суффиксом. Однако формы личных местоимений никогда не имели элативной функции [Csúcs 2005: 231]. В современном удмуртском языке суффикс *-Vc'tы-* – элативный в субстантивной парадигме и аблативный – в прономинальной.

Имеется несколько гипотез происхождения элементов суффикса разделительного падежа *-эс'tы-* ~ *-ыс'tы-* (*-ис'tы-*). Элемент *-с'*, по мнению

исследователей, может представлять из себя: а) древний посессивный суффикс [Емельянов 1927: 123], б) лативный аффикс [Серебренников 1963: 83], в) «реликт односложного корня с местной семантикой», который отличается устойчивым отделительно-исходным значением и не имеет общих корней с падежным показателем *-s-* внутриместных падежей прибалтийско-финских и волжских языков, являясь чисто пермским образованием в суффиксах *-Všt-*, *-лэс'* [Гуляев 1960: 135–137], г) суффикс прилагательных **-ś*, обозначающих происхождение, принадлежность [Csúcs 2005: 231].

Элемент *-m* языковеды возводят к аблативному суффиксу **-t*, но указывают различные периоды его возникновения: уральский [Csúcs 2005: 231], финно-угорский [Емельянов 1927: 123], или не обозначают время его возникновения [Серебренников 1963: 83]. Однако Д. В. Бубрих убежден, что «*m*-овый аблатив может называться аблативом лишь самым условным образом. Мнение, что этот падеж значил первоначально только “откуда”, решительно неверно. В пермских языках этот падеж отражается как падеж с самым широким местным значением, охватывающим и “где”, и “куда”, и “по какому месту” (плюс “когда” и др.). Значения “откуда” как раз и нет: оно сошло со сцены, так как в этом значении *m*-овый аблатив вытеснен специфически-пермским *s*-овым падежом» [Бубрих 1948: 55].

В суффиксах аблатива, по предположению Е. С. Гуляева, «в эпоху общепермского языка-основы могла произойти контаминация древнего аблативного суффикса *-m* и пермского показателя *-сь*, в результате чего возник суффикс *-ысьт-* с аблативно-элативной семантикой (один из суффиксов мог содержать общее, другой – частное конкретное значение)» [Гуляев 1960: 139]. Наличие / отсутствие компонента *t* обусловлено фонетическими условиями: оказавшись в ауслaute, он выветрился, как и многие конечные согласные не только основы, но и суффиксов прапермского языка, приобрел форму *-ысь*, находясь в инлауте, сохранился [Гуляев 1960: 139; Серебренников 1963: 14]. Суффикс аблатива *-leś* возник в период общепермского языка-основы путем сложения *л*-ового и *с'*-ового элементов. Коми лингвист ссылаясь Й. Синнеи, предполагает, что

аблативный суффикс *-лэсь, -лісь, -лысь* в пермских языках возник путем сложения словообразовательного суффикса *л* с суффиксом элатива *-сь*» [Гуляев 1960: 152].

В варианте суффикса *-эс'кы-* (*-ьс'кь-* *-ис'кы-*): *-с (к)* А. И. Емельянов считает поссессивным суффиксом *s(k)*, где *с* смягчился под влиянием гласных *э, и* [Емельянов 1927: 112].

4.2.5. Творительный падеж (Инструменталь)

Творительный падеж в уральских языках возник на базе так называемого *n*-ового локатива. Первоначальное значение местонахождения могло послужить причиной возникновения производного значения совместного пребывания <...>. В дальнейшем в отдельных языках значение совместного пребывания могло превратиться в значение обладания чем-либо или в значение принадлежности [Серебренников 1988: 43]. Прафинно-угорский локатив на *-n*, по мнению Д. В. Бубриха, изначально был полисемантичным: «“где” и “с чем”. Эти два значения проходят по всем финноугорским языкам, – разумеется, с разными производными значениями. В финно-пермских языках на почве противостояния двух значений *n*-ового локатива с течением времени возникло два (и больше) *n*-овых падежа» [Бубрих 1948: 55]. Генетическая связь местного и творительного падежей, дифференциация семантических функций которых произошла в общепермский период, в системе имен существительных удмуртского языка не вызывает сомнений: «творительный падеж, помимо выражения субъектно-объектных значений, участвует для выражения пространственно-временных отношений» [Кондратьева 2011б: 31]. Гласные суффикса *-э // -ы (-и)* генетически восходят к конечным гласным основы. «За формами инессива закрепился вариант *-ын*, за формами инструменталю – вариант *-ен/-эн* (в большинстве случаев), а также его алломорфы – *-ин* и *-ын*» [Кондратьева 2011б: 30].

Суффикс *-эн* в плюральных формах *мил'эмэн, тил'эдэн*, по предположению Л. Л. Карповой, «возник в результате ассимилятивного явления, когда гласный *ы* показателя инструменталю *-ын* уподобляется предшествующему гласному *э*» [Карпова 2020: 249]. С нашей точки зрения, гласная *э* суффикса – не обязательно результат

ассимиляции, т. к. плюральная парадигма возникла под влиянием сингулярной, стандартный суффикс инструменталю ед. ч. *-en* мог перейти и в формы мн. ч.

Ш. Чуч, рассматривая диалектные инструментальные формы коми языков и расширенные формы в удмуртском языке (*mon-en-ijn*, *ton-en-ïd*), проводит параллель с аблативным «нагромождением» суффиксов. Венгерский лингвист предполагает, что формы инструменталю вполне могли развиваться уже к концу прапермского периода под влиянием соответствующих форм имен существительных, т. к. наблюдаются идентичные падежные показатели в сингулярной и плюральной парадигмах [Csúcs 2005: 231].

4.2.6. Лишительный падеж (Абессив)

Т. Э. Утила рассматривает *-tek* как двухэлементный суффикс. Основываясь на труды своих предшественников (С. Доннера, Й. Буденца, Э. Беке, Й. Синеи, Й. Х. Тойвонена) предполагает, что элемент *t* каритивного суффикса восходит к финно-угорскому каритивному суффиксу **pt*. Кроме падежного маркера отрицания, он входит в состав суффикса деепричастий, омонимичного падежному, *-tek* (у автора – отглагольных наречий), прилагательных со значением отрицания *-tem*, причастий (отглагольных имен) *-mte*, *-ntem* (последний является результатом слияния *-mte* и *-tem*) [Uotila 1933: 90–91]. Второй элемент *k* ученый возводит к прапермскому **k*. Данный коаффикс имел важное функциональное значение, он воспринимался как носитель каритивного падежа и служил для дифференциации с адъективным суффиксом *-tem* [Uotila 1933: 129, 132]. А. И. Емельянов также рассматривает данный суффикс как составной, элемент *k* возводит к суффиксу деепричастия *-kic* усеченной конечной гласной [Емельянов 1927: 104]. Элемент **-m* адъективного суффикса исследователи возводят к именному отыменному суффиксу [Цыпанов 1990: 6; Namari 2011: 40].

Подробно проанализировав все гипотезы возникновения абессивного суффикса отечественных и зарубежных лингвистов, Н. В. Кондратьева делает заключение, что «маркер абессива по своему происхождению относится к финно-пермскому периоду и состоит из двух компонентов: коаффикс **-tV* генетически

восходит к уральскому каритивному суффиксу **-pt(V) >* фин-уг. **-tt(V)*, а коаффикс *-k* представляет собой лативный суффикс **-k*» [Кондратьева 2011б: 107; Кондратьева 2011в: 11]. Сохранение ауслатного *k* удмуртский лингвист, так же, как и Т. Э. Уотила, объясняет смысловозначительной функцией. Она проявляется в двух рядах противопоставлений: а) в оппозиции деепричастий на *-тэк* и причастий на *-тэм*, падежных форм на *-тэк* и прилагательных на *-тэм*; б) в противопоставлении двойного и одинарного отрицания в контексте с лексемами с темпоральным значением [Кондратьева 2011б: 108].

4.2.7. Соответственный падеж (Адвербиаль)

А. И. Емельянов отмечает, что адвербиаль «по своему происхождению он собственно не падеж, а имя с посессивным суффиксом» [Емельянов 1927: 143]. Элемент *j* исследователь рассматривал как суффикс отыменного глагола, *-a* как архаичный посессивный суффикс [Там же: 125]. Авторы исследования «Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки» [Основы 1976: 148] показатель адвербиаля возводят финно-угорскому лативу **-j*. Ш Чуч предполагает, что в общепермский период существовало именное окончание (?суффикс) *-ja* [Csúcs 2005: 183]. Также ученый излагает мнение К. Редери, который высказывал две гипотезы о происхождении адвербиального суффикса. Во-первых, он мог быть прапермской составной морфемой, объединившей два компонента: лативны-пролативный **-j* и лативный *-a*, который, вероятно, первоначально будучи гласным суффикса вследствие выветривания лативного аффикса **k*, взял на себя роль показателя падежа. Во-вторых, **j* может быть рефлексом финно-пермского коаффикса **-ja / -jä*. Однако решить вопрос генезиса не просто, поскольку и суффикс падежа, и данный коаффикс в конечном итоге имеют одно и то же происхождение [Csúcs 2005: 183].

4.2.8. Направительный падеж (Аппроксиматив)

Суффикс *-лан'* – один из серийных *л*-овых пермских суффиксов. Он сохранился в своем первоначальном виде: для общепермского языка В. И. Лыткин

восстанавливает суффикс **-lań* [Лыткин 1977: 24]. Б. А. Серебрянников предполагает, что данный суффикс обнаруживается лишь в наречиях [1963: 17]. Подробно о природе начального элемента *l* шла речь выше в разделе о генезисе генитивных форм. Второй элемент суффикса *-ń* исследователи рассматривают как лативный суффикс **-ń*, унаследованный из уральского языка-основы [Основы 1974: 257; Некрасова 2002: 16].

4.3. Морфонологическая вариативность падежных форм собственно-личных местоимений

Разнообразие морфемных и фонетических вариантов, зафиксированных в синхронном и диахроническом срезе, дают возможность сделать некоторые выводы о становлении системы словоизменения удмуртских личных местоимений. Исследователи пермских языков отмечали, что основные падежные формы (ном., акк., ген., дат., абл., INSTR.) личных местоимений 1 pl., 2 pl. сформировались в общепермский период [Csúcs 2005: 226]. Система падежных форм остальных личных местоимений: плюральных, 3-го лица происходила в период самостоятельного развития удмуртского языка. Параллельно с ними зарождались парадигмы склонения усилительно-личных местоимений, сначала ед. ч., позднее – мн. ч.

«Краткой отяцкія грамматики опытъ» М. А. Мышкина является богатым источником для изучения морфологии личных местоимений в диахроническом аспекте. В грамматике у местоимения *монь* ‘я’ представлены две формы творительного падежа: с суффиксом *-эн*: *монэнь* ‘мною’ и удвоенным показателем инструменталю *-энэн*: *моненъень аслемэнь* ‘мною самимь’; у местоимения *тонь* ‘ты’ – с суффиксами простого и притяжательного склонения *-эн*, *-эны-*: *тонэнь* ‘тобой’; *тонэныдъ* ‘тобой’ [Мышкин кон. 1770-х: 64]. Использование неосложненной притяжательным суффиксом формы является нетипичным для северного наречия на современном этапе. Лишь «в отдельных населенных пунктах (дд. Сибирь, Астрахань Унинского р-на Кировской области) бытования косинского говора нижнечепецкого диалекта наряду с расширенным вариантом параллельно отмечается и неосложненная форма инструменталю – *монэн*, *тонэн*»

[Карпова 2021: 409]. Вопрос о первичности формы – краткой или осложненной личным суффиксом – окончательно не решен. Для северного диалектного ареала Л. Л. Карпова считает первичной «расширенную» форму, краткая форма появилась в ходе заселения территории современной Кировской области удмуртов-калмезов, представителей южных удмуртов [Карпова 2020: 247]. М. П. Безенова фиксирует расширенные формы в памятниках письменности, основанных на южных и северных говорах, и предполагает, что они могут быть более ранними формами [Безенова 2024: 422].

Инструменталь с дублированным падежным маркером для современного удмуртского языка уже является архаизмом, но данное явление было зафиксировано в переводах церковных текстов начала XIX века, подготовленных на севернoudмуртском диалекте [Безенова 2024: 15]. Подобная грамматическая избыточность, вероятно, придавала статичность падежной форме в потоке речи, поскольку «в тех случаях, когда говорящие интуитивно обеспокоены тем, что внутренняя форма слова стерлась, они пытаются ее усилить избыточными распространителями, в том числе редупликацией» [Воейкова 2010: 11].

Датив личных местоимений *pluralia tantum* представлен двумя формами: *милямлы* и *милемь* намь, *тиледь* вамь [Мышкин кон. 1770-х: 64], причем, для современных северных говоров характерным является усеченная форма без падежного показателя *-лы* [Карпова 2009: 126; Кельмаков 2014б: 14].

Также М. А. Мышкиным записаны косвенные падежные формы множественного числа местоимений *ми* ‘мы’ (дательный, винительный, творительный), *ти* ‘вы’ (творительный), которые образованы от основ генитива: *милямлы* ‘нась, наше’, *милямълы* *асламълы* ‘намь самùm’, *милямэзь* ‘нась’, *милямэзь* *асламэзь* ‘нась самихъ’ *милямэнь* ‘нами’, *милямэнь* *асламинэнь* ‘нами самими’, *тиядэнь* ‘вами’. Эта особенность склонения личных местоимений *pluralia tantum* характерна для коми языка, где парадигма данных местоимений строится на основе генитива [Федюнева 2008а: 53], но она совершенно не свойственна современному удмуртскому языку. В ярском говоре среднечепецкого диалекта [Карпова 2009: 124; 2010: 33–35; 2013: 50] и ворцинского говора

бесермянского наречия [Люкина 2016: 12], к которым, по исследованиям Т. И. Тепляшиной [1966: 290–291], В. К. Кельмакова [2014б: 15], Л. М. Ившина [2010: 158], принадлежит материал грамматики, формы косвенных падежей образуются только от основ *mil'*- и *til'*- (спорадически – от подвергшихся синкопе основ *ml'*-, *tl'*-) с присоединением личного суффикса *-em / -ed* (формально совпадает с формой дательного падежа): сев. *mil'эм* ‘нам’, *mil'эмэс*, *mil'эмэсть*, *mil'эмдъ* ‘нас’, *mil'эмын*, *mil'эмэн*, *mil'эным*, *mil'энымы*, *mil'эмэн*, *мл'эмэн* ‘нами’, *тил'эдэс*, *тл'эдэс*, *тил'эдэсты*, *тил'эдды*, *тил'эддыс* ‘вас’, *тил'эдын*, *тил'эдэн*, *тил'эныд*, *тил'эныды*, *тил'эдэн*, *тл'эдэн* ‘вами’ [Карпова 2010: 33–35]; бес. *mil'em* ‘нам’ *mil'emes(tə)* ‘нас’, *mil'enəm* ‘нами’, *til'ed* ‘вам’, *til'edes(tə)* ‘вас’, *til'edən* ‘вами’ [Тепляшина 1970а: 184]. Также при склонении местоимения *ти* ‘вы’ автором зафиксированы обычные для удмуртского языка падежные формы, образованные от основы *тилед-*: форма винительного *Тиледэсь* ‘вась’, в сочетании с усилительно-личным местоимением – творительного *тиледёнъ аследёнъ* ‘вами самими’ [Мышкин кон. 1770-х: 65].

Допустил ли М. А. Мышкин неточности при записи падежных форм или исследователь засвидетельствовал функционирование дублирующих друг друга типов склонения местоимений (от основ генитива и датива), одно из которых впоследствии утратилось? «Краткой отяцкія грамматики опытъ» был скрупулезно изучен лингвистом Т. И. Тепляшиной. Она отмечает в этой работе лишь некоторые неточности передачи специфических звуков удмуртского языка [Тепляшина 1966: 237–240]. Фонетические и морфологические особенности грамматики проанализировала Л. Л. Карпова. Она отмечает, что «в корпусе грамматического материала М. Могилына языковые своеобразия, отражающие характерные северноудмуртские особенности и имеющие место в языке современных носителей среднечепецкого диалекта, в частности ярского говора. Наряду с северноудмуртскими явлениями <...> здесь обнаруживаются также некоторые черты и других удмуртских диалектов» [Карпова 2009: 128]. Хотя исследователь делает правку для форм аккузатива «*милямезь* [*mil'эмэз*] ‘нась (с. 63), *тилядэсь* [*тил'эдэс*] ‘вась’ (с. 64)» [Карпова 2009: 126], считаем, что М. А. Мышкин вряд ли

мог спутать знакомые ему фонемы, *тилядэзь* ‘вась’ и *тиледэсь* ‘вась’, тем более у местоимения 1 pl. указаны две формы дательного падежа: «*милямлы* или *милемь*» [Мышкин кон. 1770-х: 160].

Возможно, что в памятнике удмуртской письменности XVIII в. записаны архаичные формы, сохранившиеся с общепермского праязыка, что вполне укладывается в ареально-генетическую теорию Е. А. Хелимского. Материал уральских языков свидетельствует о том, что чисто генетическим связям, обусловленным последовательностью дроблений, сопутствует цепочка ареально-генетических связей, в том числе коми-северно-удмуртских, южнокоми-удмуртских [Хелимский 1979: 114]. Наблюдаемая аналогия специфичных падежных форм одного из северноудмуртских говоров с общими для коми языка падежными формами, таким образом, можно объяснить длительным процессом распада пермской языковой общности, когда крайние диалекты праязыка имели уже кардинальные различия, а срединные сочетали в себе их особенности. Впоследствии коми-удмуртская языковая граница прошла уже по неоднородной диалектной области распространения пермского праязыка. Некоторые говоры, близкие к крайним удмуртским говорам, оказались в среде коми языка, и наоборот. «Связи между праязыковыми диалектами, занимавшими смежные ареалы, можно назвать ареально-генетическими, – пишет Е. А. Хелимский. – Они обуславливали возникновение параллелей, имеющих генетический характер (восходящих к одному праязыковому источнику), но распространившихся лишь на определенный ареал праязыковых диалектов [Хелимский 1982: 24–25].

Возникновение падежной парадигмы личных местоимений 1 pl., 2 pl. на основе притяжательного падежа является общей тенденцией пермских языков. Генитив первоначально имеет значение обладания чем-либо. Но и семантика датива, по утверждению Г. В. Федюновой, также была близка к значению притяжательности: «личное местоимение в дативе, по существу, является притяжательным: дать, направить, предоставить и т. д. мне = сделать моим» [Федюнова 2008а: 39]. Поэтому выбор формы дательного падежа как основы для падежной парадигмы в удмуртском языке не является чем-то неординарным. В

ходе языковых исканий для ранних падежных форм личных местоимений мн. ч. в коми языках закрепились генитивная основа, в удмуртском – дативная. Однако в части удмуртских говоров падежные формы также могли быть образованы от основы генитива. Впоследствии данные формы под влиянием окружающих «дативных» говоров вытеснялись из речи.

Согласно венгерскому лингвисту Ш. Чучу, на базе раннепермской дативно-генитивной падежной формы в позднепермский период в результате редукции прапермского *ä основы личных местоимений образовались двойные формы: *miemj ~ *miamj, *tiedj ~ *tiadj. В параллельных формах позже возникло функциональное разделение; формы с нижнерядным *a* (по аналогии с 1 sg. и 2 sg.) стали использоваться в значении родительного падежа [Csúcs 2005: 232]. Семантическая дифференциация генитива и датива в говорах праязыка шла неравномерно. Об этом свидетельствует распространение генитивных форм функции дательного падежа в вымском, ижемском, нижневычегодском, удорском диалектах коми-зырянского языка [Попова 2012: 64]. Подобное же явление могло быть и в некоторых северноудмуртских говорах. Итак, в грамматике М. А. Мышкина с большой долей вероятности зафиксирован случай собственного удмуртского формообразования личных местоимений от основы генитива.

По аналогии с личными местоимениями развилась и парадигма склонения усилительно-личных местоимений мн. ч., в рамках нашего исследования интересны нетипичные формы 1-го лица мн. ч.: ген. *асламлёнъ* ‘нас самих’, INSTR. *асламинёнъ* ‘нами самими’ [Мышкин кон. 1770-х: 64–65]. В обеих формах падеж маркируется дважды: генитив *асламлёнъ* прономинативным суффиксом *-a* и субстантивным *-лэн*, данное явление можно объяснить давлением словоизменительной парадигмы имен существительных; инструменталь *асламинёнъ* – вариантами падежного маркера *-ин* (сравните: *соин* ‘им, ею’), *-эн* (сравните: *монэн* ‘мною’), суффиксы присоединяются к генитивной основе.

В современных северных говорах зафиксированы формы от основы датива: АКК. *аслэмэс*, *аслэмэсты*, INSTR. *аслэмэн* [Карпова 2020: 522–523]. которые являются аргументом к гипотезе о длительном и неравномерном процессе

семантического разделения генитива и датива в говорах праязыка. С другой стороны, морфологические и фонетические варианты падежных форм инклюзивного (усилительно-личного местоимения 1-го лица ед. ч.) местоимения могут быть подтверждением относительно изолированного развития двух групп удмуртов на протяжении довольно длительного временного отрезка, поскольку в образовании падежных форм инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы' в удмуртском языке не наблюдается единообразия и выделяются «северный» и «южный» варианты склонения.

Номинативные формы в южных и срединных диалектах образованы субстантивным суффиксом мн. ч. от основы мн. ч. *ачмэ-* (< *ач-* + личный суффикс *мэ-*) и его аллофонов. В северных диалектах и языке бесермян, кроме «южного» варианта, который, вероятно, распространился после начала переселения южных «казанских» удмуртов на северные территории, номинатив образован кратким вариантом суффикса мн. ч. *-эс* от основы ед. ч. *ачым-* / *ачим-*).

«Южные» варианты косвенных падежей образованы от основы мн. ч. *ачме-* и его аллофонов субстантивным суффиксом *-ыз* и его фонетическими вариантами. «Северный» вариант аккузатива строится на дативной форме мн. ч. *аслэм-* суффиксами *-эс*, *-ды*, *-эсты*; генитив образован двумя способами: идентичен генитиву ед. ч. *аслам* или к форме ед. ч. присоединяется субстантивный суффикс *-лэн* и т. д. На основе анализа парадигмы склонения инклюзивного местоимения можно заключить, что северные и южные удмурты выбрали различные пути словоизменения. «Южная» парадигма основывается на субстантивной, «северная» парадигма строится по аналогии со склонением личного местоимения 1 рл. *ми* 'мы'.

Специфичными являются аккузативные и инструментальные формы от основы *ас-*, осложненные суффиксом *-ле* (палатальность/велярность согласного по записям автора определить невозможно, но современные северные говоры свидетельствуют в пользу велярного варианта), соответствующими показателями лица: *-м*, *-д* и падежными маркерами акк. *-э*, INSTR. *-ень* (во 2-ом лице произошло стяжение гласных двух суффиксов в один), *-ыдъ*: *монé аслемé* 'меня самого', *тонé аследé* 'тебя самого'; *моненьень аслемёнъ* 'мною самимъ', *тонэныдъ аследыдъ*;

тонёнъ аслёнъ ‘тобою сами[мь]’ [Мышкин кон. 1770-х: 64–65]. Формы инструменталю усиительно-личных местоимений представлены по аналогии с сопутствующими им личными, этим фактом, вероятно, можно объяснить необычный суффикс *-ыдь* у местоимения 2-го лица. Суффикс *лэ-* до сих пор задействован в образовании форм мн. ч. акузатива и датива в нижнечепецком диалекте и большинстве говоров среднечепецкого диалекта [Карпова 2020: 522, 524, 526]. Использование форм ед. ч. в значении мн. ч. являлось обычным явлением для прапермского языка, данная тенденция частично сохранилась в современных языках. Например, в нижнечепецких, закамских говорах, ворцинском говоре бесермянского наречия генитив мн. ч. совпадает с формой генитива ед. ч. [Карпова 2013: 451; Федотов 1982:123; Насибуллин 1982: 154].

Косвенные падежные формы усиительно-личного местоимения 1-го лица мн. ч. (инклюзивного) так же, как и личные, образованы на генитивной основе ед. ч. *аслам-*: Р. *милямъ асламълёнъ* ‘нась самихъ’, Д. *милямлы́ асламлы́* ‘намъ самймъ’, В. *милямэзь асламэзь* ‘нась самихъ’, Т. *милямёнъ асламинёнъ* ‘нами самими’ [Мышкин кон. 1770-х: 64–65]. В инструментальной форме суффикс падежа присоединяется дважды.

4.4. Чередование гласных в основе сингулятивных местоимений

В удмуртском языке наблюдается строгая закономерность в чередовании *о- ~ ы-*основ местоимений 1 sg., 2 sg., которая зависит от отсутствия или наличия в структуре падежной формы личного суффикса: в номинативе, акузативе, инструментале, каритиве, адвербиале, аппроксимативе *мон-* // в генитиве, дативе, аблативе *мын-* [ГСУЯ 1962: 169]. В части современных срединных говоров остались единичные употребления дативных и аблативных форм от основы *мён-, тён-*. В диалектных текстах зарубежных исследователей конца XIX в. Т. Г. Аминоффа и Б. Мункачи был зафиксирован более широкий ареал распространения *ө-*основы – в населенных пунктах современных Якшур-Бодьинского, Завьяловского, Селтинского районов. В материалах финского ученого Т. Г. Аминоффа, собранных в 1878 году во время полевой экспедиции в

с. Якшур-Бодья Вятской губернии, зафиксированы дативные *ö*-формы: *tönyd*, *töyd* [Aminoff 1896: 30].

Венгерский ученый Б. Мункачи летом и осенью 1885 года собирал текстовый и словарный материал в различных местах проживания удмуртов [Кельмаков 1987: 15], в 1888 году по пути следования к манси, вероятно, в Казани записал значительный лексический материал у двух удмуртов, уроженцев Елабужского и Сарапульского уездов (подр.: [Кельмаков 2011: 196], в 1915–1916 годы записывал речь военнопленных удмуртов. Им были зафиксированы следующие *ö*-овые варианты местоимений в сарапульском и малмыжском диалектах: дативные *mönim* S., M. [Munkácsi 1896: 723], *teñid* S. [Munkácsi 1952: 3]; аблативные *möneštım* S., M. [Munkácsi 1896: 722], усеченная форма *töneštıd* S., M. [Munkácsi 1887: 13; Munkácsi 1896: 364], *teñıstıd* S. [Munkácsi 1952: 4], усеченные формы *möštım* S. [Munkácsi 1896: 722], *teštıd* S. [Munkácsi, 1896: 363]. Кроме того, в сарапульском диалекте от основы *mön-* зафиксирована и форма инструменталю с личным суффиксом: *tönenıd* S. [Munkácsi, 1896: 364]. В верхнеижских говорах (Завьяловский район) были формы *möныс'тым*, *möныс'тыд* нами были записаны у старшего поколения, в средневожских говорах основы с *ö* до недавнего времени также функционировали в усеченных формах [Бушмакин 1971б: 21], там же были записаны полные формы: *mönэсьтым* [Владыкина 2023: 73]. Писателем Г. К. Перевощиковым, говор которого относится к средневожским, в произведениях были использованы следующие фонетические диалектизмы с *ö*-огласовкой: *mööm* ‘мне’, *mööd* ‘тебе’, *möсьтым* ‘от меня, мой’, *möсьтыд* ‘от тебя, твой’ [Вахрушев 1983: 8].

В части срединных говоров наблюдается чередование трех вариантов основ местоимений *singularia tantum*: номинатив, аккузатив, абессив, адвербиаль *мон-* ~ генитив, инструменталь *мын-* ~ абл., датив *mön-*. Таким образом, в основе личных местоимений 1-го и 2-го лица в аблативе, дативе наблюдается корреспонденция: большая часть диалектов *-ы-* // срединные говоры *-ö-*. Варианты с *ö* огласовкой сохранили праудмуртский облик основы личных местоимений *singularia tantum*. В отличие от многих диалектов, в отдельный период развития удмуртского языка

полностью утративших данный гласный [Кельмаков 1978: 34], в части говоров *ö* сохранился, о чем свидетельствуют оставшиеся исключения: *l'öm-täj* [Munkácsi 1887: 2] (лит. *лемтэй*), ‘клевц’, *śökít* [Munkácsi 1887: 2] (лит. *секыт*) ‘тяжело’, *чöрыг* (лит. *чорыг*) ‘рыба’, воршудные названия *Бöдйа*, *Дöкйа*, *Бөн'а* [Бушмакин 1971а: 10, 26 об.], *пöнна* (лит. *понна*) ‘ради, для’ [Кельмаков 1981а: 209], (ГАП). Корреспонденция *ö* ~ *ы* наблюдается в граховских говорах: *кö* ~ лит. *кы* ‘ость (злаков)’, *лö* ~ лит. *лы* ‘кость’, *öčэ* ~ *сыčэ* ‘такой’, *кöčэ* ~ *кыčэ* ‘какой’ [Атаманов 1981: 48]. Последняя вариативная пара встречается и в срединных говорах. К данному списку можно добавить однокоренные слова из литературного языка с чередованием *ö* // *и* (< *ы*): *вöсь* ‘больно’ // *висьыны* ‘болеть’ и диалектные варианты с корреспонденцией *ö* ~ *ы* ~ *у*: диал. *кöиськыны* [Владыкина 2023: 20] ~ диал. *кыиськыны* (ГАП) ~ лит. *куиськыны* ‘ткать’.

По гипотезе лингвистов-исследователей исторической морфологии, генитив, датив, аблатив, инструменталь возникли в общепермском языке [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230; Федюнева 2008а: 40] и могли сохранить более древнюю форму финно-угорской основы с переднерядной огласовкой. В результате утраты конечного гласного корня в номинативе гласный корня мог перейти в гласный заднего ряда *о*. Г. В. Федюнева выдвигает гипотезу, что чередование в корне личных местоимений *singularia tantum* изначально возникло, чтобы дистанцировать основной падеж местоимения от падежа прямого объекта. «Наиболее древним падежом личных местоимений после номинатива был аккузатив: их функциональное противостояние в выражении субъекта и объекта легло в основу парадигмы склонения 1 sg. и 2 sg.» [Федюнева 2008а: 30–31]. Для пермских языков коми лингвист реконструирует одну основу с переднерядным гласным, которая впоследствии закрепились в ранней аккузативной форме, аккузативная же основа приняла участие в становлении генитива, аблатива и датива. Заднерядная огласовка (*тон*, *тон*) могла появиться после отпадения конечной гласной основы (фактически суффикса одушевленности **-нз*), позднее под давлением номинатива в основе аккузативной формы гласный заменился на заднерядный [Там же: 34].

Однако остается неясным, почему аккузатив, функционально важная форма, поменял свой облик. Ни в одном из диалектов удмуртского языка не сохранилось рефлексов первоначальной переднерядной огласовки аккузатива, поэтому сложно сказать, могли ли происходить подобные фонетические изменения.

Л. Хонти связывает чередование гласных в корне личных местоимений ед. ч. с переосмыслением форм двойственного⁴⁴ числа. Он поддерживает гипотезу Э. Итконена, считавшего, что «в раннем финно-угорском языке *и*-производные (с велярным, заднерядным гласным) местоимения единственного числа (*minu-*, *sinu-*) являются производными от основ **mun*, **tun*, **sun*, которые функционировали как личные местоимения двойственного числа. В финском языке местоимения 1-го и 2-го числа в период утраты двойственности слились бы с парадигмой местоимений единственного числа и получили там функцию основы косвенных падежей» (цит. по: [Honti 2012: 123]). Венгерский ученый считает, что аналогичный процесс прошел и в удмуртском языке [Honti 2012: 125].

В гипотезах коми и венгерского лингвистов не учтены формы с *ö*-огласовкой, т. к. функционирование последних узколокально и постепенно утрачивается. С нашей точки зрения, вариант корней основы на *ö* (*mön-*, *tön-*) являются более ранним, поскольку именно он закономерно чередуется с основой коми местоимений на *э*. По мнению В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, в общепермский период гласным основы личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. был **e* [КЭСК: 170, 293–294], вероятно, все падежные формы образовались от основ **men-*, **ten-*. В период самостоятельного развития удмуртского языка, предположительно в XIV–XV вв., произошел массовый звукопереход **e > o* [Кельмаков 2004: 118]. В части говоров древнеудмуртский **e* сохранялся дольше. В нижнечепецких говорах фонема *ö* имеет бóльшую частотность, нежели в других, она фигурирует в исконно удмуртских

---

⁴⁴ К. Е. Майтинская уверена, что категория двойственного числа впервые появилась в сфере личных местоимений, впоследствии распространилась на те формы, которые образовались путем агглютинации личных местоимений [Основы 1974: 229]. Двойственное число, по мнению Э. Беке, первоначально служило для подчеркивания тесной взаимосвязи двух предметов или лиц. М. Кертес также отмечал, что двойственное число выражало подчеркнутую единственность двух связанных между собой предметов [Основы 1974: 230]. В современных финно-угорских языках данная грамматическая форма осталась в обско-угорских и саамских языках. Его рефлексы явно прослеживаются в венгерском, прибалтийско-финских, мордовских языках [Основы 1974: 230–231].

словах, например: *трѳс* (лит. *трос*) ‘много’, *пѳчи* (лит. *пичи*) ‘маленький’, *гѳрд* (лит. *горд*) ‘красный’, *зѳр* (лит. *зор*) ‘дождь’, *тѳлызь* (лит. *толэзь*) ‘месяц’ [Тепляшина 1970б: 134]. В части срединных говоров гласный *ѳ* остался неизменным в нескольких падежных формах личных местоимений *мон* ‘я’ и *тон* ‘ты’. Основываясь на письменные памятники и собственные наблюдения, можно отметить, что в последние два столетия в основе косвенных падежей местоимений *singularia tantum* идет постепенный процесс изменения в *ы*. Возможно, ассимилятивное влияние оказал суффиксальные гласные датива *-ы-* и аблатива *-ыс'ты-*.

4.5. Варьирование гласных в падежных суффиксах собственно-личных местоимений

В диалектах удмуртского языка обнаруживается широкий диапазон вариантов падежных показателей личных местоимений с *-э* и *-ы* / *-и* огласовкой:

1) в суффиксах аблатива: 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl. и 3 л. ед. ч. и мн. ч.:

а) 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl.: *-эс'т(к)ы-* ~ *-ыс'ты-* / *-ис'т(к)ы-*:

1 sg.⁴⁵: *мын-эс'ты-м* ‘(у) меня’ вч. [Кельмаков 1981а: 94], сев. [Карпова 2020: 508], сред. [Кельмаков 1990а: 146], южн. [Кельмаков 2015: 86], *мын-эс'кы-м* южн. [Атаманов 1981: 59], *миң-эски-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153] ~ *мын-ыс'ты-м* вч., сред. [Кельмаков 1981а: 96, 225], *мън-ѳс'тъ-м* сч. [Кельмаков 1981а: 40], *т'н-ѳстѳ-т* бес. [Тепляшина 1970а: 183] / *мын-ис'ты-м* вч. [Алашеева 1999: 63], сред. [Кельмаков 1981а: 252], канл. [Насибуллин 1981: 175], *мын-ис'кы-м* бавл. (ник.), *т'н-иск'т-т* бавл. [Тараканов 1960: 133], *мън-ис'къ-м* кукм. (сюм.);

2 pl.: *тил'-эс'ты-д* ‘(у) вас’ вч. [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 515], южн. [Архипов 1982: 39; Кельмаков 2015: 53], закам. [Насибуллин 1982: 156], *тил'-эсти-д* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], *тил'-эсти-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *тил'-эстѳ-д* бес. [Тепляшина 1970: 184], *тил'-эски-т* закам. [Насибуллин 1972а: 153] ~ *тил'-иск'т-т* бавл. [Тараканов 1960: 133];

⁴⁵ Здесь и далее представлены формы только одного лица, падежные формы другого лица образуются с теми же суффиксами.

б) 3-го лица ед. ч. и мн. ч.: *-лэс' ~ -лъс' / -лис': со-лэс' ' (у) него / нее' сев.* [Алашеева 1999: 63; Карпова 2020: 512], сред. [Кельмаков 1990а: 82; 2015: 316], *so-leś* бавл. [Тараканов 1960: 133], *со-ўэс'* южн. [Kel'makov; Saarinen 1994: 252], *шо-лэч* круф. [Насибуллин 1978: 98] ~ *со-лъс'* бес. [Федотов 1982: 117], *so-lâś* бес. [Люкина 2016: 91] / *со-лис'* кукм. [Кельмаков 1992: 120], *so-liś* бес. [Тепляшина 1970: 183], бавл. [Тараканов 1960: 133], *soiś* кукм. [Кельмаков 1970б: 341];

2) в суффиксах инструменталей местоимений 1 рл. и 2 рл. и 3 л. ед. ч.:

а) 1 рл., 2 рл.: *-эны- ~ -ын:* 1 рл.: *мил'-эны-м ' (с) нами' вч.* [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 513], *mil'-enə-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184], *мил'-эны-мы* вч. [Карпова 2020: 513], южн. [Атаманов 2005: 181], *mil'-eni-mi* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143об.] ~ *мил'-эм-ын* сч. [Карпова 2020: 513], южн. [Атаманов 2005: 180], *мил'-эм-ън* сч. гл., юк. [Карпова 2020: 513], кукм. [Кельмаков 1992: 117], круф. [Насибуллин 1978: 98], *mil'-em-ən* бес. [Тепляшина 1970: 184]; имеются формы, в которых употреблены оба варианта инструментального суффикса: сев. *mil'-en-ijm-ijn*, *til'-en-id-ijn* [Кельмаков 1998: 135];

б) 3-го лица ед. ч.: *-йэн ~ -(й)ин:* *со-йэн 'им /ею; с ним / с ней' кукм.* [Кельмаков 1992: 129;] ~ *со-ин* вч. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2020: 512], сред. [Кельмаков 1990а: 144], *so-in* ср-вост. [Бушмакин 1971а: 143], бес. [Люкина 2016: 91], *си-ин* нч. [Тепляшина 1970б: 195], *со-йин* южн. [Кельмаков 1978: 67], *so-jin* сред. [Kel'makov; Saarinen 1994: 224], татш. [Кельмаков 1975: 107], *so-jin* закам. [Насибуллин 1972а: 153], *шо-йин* круф. [Насибуллин 1978: 98];

3) в суффиксе аккузатива 1 рл., 2 рл.: *-эс ~ -ыз:* 1 рл.: *мил'-эм-эс 'нас' нч., сч. яр.,* гл., юк. [Карпова 2005: 101; 2020: 242], *mil'-em-es* бес. [Тепляшина 1970а: 185] ~ *мил'-эм-ыз* сред. [Кельмаков 1990а: 114], южн. [Кельмаков 1977: 47; Атаманов 1981: 60; Загуляева 1982: 13; Архипов 1982: 58], закам. [Насибуллин 1982: 158], *мил'-эм-ъз* южн. крк. [Кельмаков 1978: 82], кукм. [Кельмаков 1992: 138], *mil'-em-âz* бес. [Люкина 2016: 92], *мил'эм-ъж*⁴⁶ круф. [Насибуллин 1978: 98];

⁴⁶ В красноуфимском говоре з перешло в ж [Насибуллин 1978: 94].

4) в суффиксах датива 1 pl., 2 pl.: *-э- ~ -ь-*: *мил'-э-м* 'нам' сев. [Алашеева 1999: 64; Карпова 2005: 99], *mil'-e-m* бес. [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92], *мил'-э-м-лы* сред. [Кельмаков 1990а: 76], южн. [Кельмаков 1977: 47; 2015: 257], *закам*. [Насибуллин 1972а: 153], *mil'-e-m-lə* кукм. [Кельмаков 1970б: 341], *мил'-э-м-ль* круф. [Насибуллин 1978: 98] ~ *мил'-ь-м* бес. [Кельмаков 1992: 72], *mil'-â-m* бес. [Люкина 2016: 92].

Четкую диалектную привязку имеют лишь шесть падежных форм: аккумулятивные *мил'эмэс* 'нас', *тил'эдэс* 'вас' распространено в северной диалектной зоне; *мил'эмыз* 'нас', *тил'эдыз* 'вас' – в южной диалектной зоне и части срединных говоров; аблативные *мил'ис'кьм* 'у нас', *тил'ис'кьт* 'у вас' употребляются в бавлинском говоре, *солис'* 'у него, у нее', *соослис'* 'у них' – в кукморском, бавлинском говорах, бесермянском наречии, в последнем также распространены формы *сольс'*, *соосльс'*, в кукморском говоре бытует оригинальная форма инструменталя *сойэн* 'им, ею; с ним, с нею' только в бесермянском наречии зафиксированы дативные *мил'ьм* 'нам', *тил'ьд* 'вам'.

Кроме того, в том или ином говоре оба варианта могут функционировать параллельно: так, например, формы аблатива 1 sg. и 2 sg. зафиксированы в верхнечепецких говорах [Кельмаков 1981а: 94, 96], формы инструменталя 1 pl., 2 pl. в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а: 184; Люкина 2016: 92–93] и др. Варианты могут совместно употребляться в говоре нескольких населенных пунктов, как в бавлинском аблативные формы *solis'* (~ *soleś*) [Тараканов 1960: 133], и даже в пределах отдельной деревни, как в говоре д. Старая Игра Граховского района, но форма с суффиксом *-эны-* употребляется реже, чем форма с суффиксом *-ын* [Атаманов-Эграпи 2005: 181].

Дативный суффикс *-э- ~ -ь-* в формах *мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам' ~ *мил'ьм*, *тил'ьд* является характерным в падежном словоизменении личных местоимений: его нет в субстантивном склонении. Плюральные формы датива структурно тождественны сингулятивным *мыным* 'мне', *тыныд* 'тебе'. Оригинальный суффикс *-ь-* в бесермянском наречии, на наш взгляд, был заимствован у форм ед. ч. Этимологически маркером падежа являлся посессивный суффикс, следовавший за

основой, а выделяемый на современном этапе показатель падежа *-ы-* представляет собой конечный гласный основы [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230; Федюнева 2008а: 40]. Суффикс *-э-* множественного числа, таким образом, исторически также может восходить к конечному гласному основ **mila > milem, *tila > tiled*.

Остальные рассматриваемые нами падежные маркеры заимствованы из системы склонения имен существительных. Аблативные формы личного местоимения 3-го лица образованы по аналогии с аблативными формами субстантивного простого склонения. Суффиксу *-лэс'*, распространенному в большинстве диалектов, в кукморском, шошминском, канлинском говорах и бесермянском наречии соответствует показатель *-лиц'* (в бесермянском sporadически *-льс'*). В бавлинском говоре отмечено параллельное употребление алломорфов *-лэс'* и *-лиц'*, например, *solis' (~ soles')* [Кельмаков 2006: 120]. По мнению В. К. Кельмакова, «варианты *-лэс'* и *-лиц'* по фонетическим законам современного удмуртского языка не выводимы один из другого (изменения *и > э* или *э > ы* в непервых слогах неизвестны)» [2005а: 63; 2006: 120]. Основываясь на данных коми языков, ученый восстанавливает для прапермского языка суффикс аблатива с *-ы* огласовкой **-liś(t-)* [Кельмаков 2006: 121], тем самым языковед не разделяет точку зрения И. В. Тараканова, который предполагал, что первичным был суффикс *-лэс'*, впоследствии перед палатальным *ś e* перешел в *i* [Кельмаков 2006: 120]. В. К. Кельмаков также выдвигает гипотезу о параллельном существовании показателей аблатива *-les'* и *-liś'* не только в праудмуртском языке, но и прапермском. Гласные суффикса представляют собой древние форманты латива на **-e* и на **-i* [Кельмаков 2005а: 63].

Объяснить же возникновение остальных вариативных суффиксов на *-э-* ~ *-ы-* довольно проблематично. Форма аккузатива с падежным формантом на *-э* структурно подобна падежным формам существительных в притяжательном склонении единственного числа: акк. *мил'-эм-эс* 'нас' ~ *гурт-м-эс* 'нашу деревню', *тил'-эд-эс* 'вас' ~ *гурт-т-эс* 'вашу деревню'. Формы с *-ы-*суффиксом, хотя и содержат в составе притяжательный суффикс *-эм-*, *-эд-*, присоединяют морфему простого склонения во мн. ч.: акк. *мил'-эм-ыз* 'нас', *тил'-эд-ыз* 'вас' ~ *гуртийос-ыз* 'деревни'.

Схожий случай употребления *-э-* ~ *-ы-* суффиксов наблюдается в формах инструментала: с падежным формантом на *-э* структурно подобны падежным формам существительных в притяжательном склонении мн. ч. (формы ед. ч. образуются исключительно с *-э-* суффиксом: *монэн*, *монэным* '(со) мной'): *мил'-эны-мы* '(с) нами' ~ *гурт-эны-мы* '(с) нашей деревней', *тил'-эны-ды* '(с) вами' ~ *гурт-эны-ды* '(с) вашей деревней', в то же время с *-ы-* суффиксом – простому склонению во множественном числе: *мил'-эм-ын* '(с) нами', *тил'эдын* '(с) вами' ~ *гуртйос-ын* '(с) деревнями'. Вероятно, ко времени распространения суффиксов на *-ы* показатель лица уже воспринимался как часть основы.

Формы аблатива 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl. с *-ы* (*-и*)-вариантом морфемы омонимичны формам элатива притяжательного склонения существительных: *мын-ыс'ты-м* 'у меня', *тил'-ис'къ-д* 'у вас' ~ *гурт-ыс'ты-м* 'из моей деревни'. Формы с *-э-* вариантом функционируют в прономинальном склонении и отсутствуют в субстантивном.

Однако варианты *-э(-)* ~ *-ы(-)* морфем представлены в трех морфологических категориях имен существительных: притяжательных суффиксах: *ние* 'мой сын', *нылы* 'моя дочь'; в маркерах инструментала: *ниен* 'мальчиком, сыном', *нылын* 'девочкой, дочерью' и пролатива: *гуртэти* 'по деревне', *нюлэскыти* 'по лесу'. Гласный в составе первых двух суффиксов исторически является конечным гласным основы, который в результате переразложения морфемного шва перешел в состав суффикса. Качество гласного генетически связано с широким и узким гласным финно-угорской основы: **a / *ä* > *э*, **e* > *ы*. В основах с широким конечным гласным (**-a / *-ä*) притяжательные суффиксы и окончание инструментала получили *э*-овую огласовку, а в основах с конечным узким гласным обобщилась *ы*-овая огласовка [Кельмаков 2003: 234]. Ф. Мольнар предполагает, что личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. в начале общепермского периода имели двусложную основу и оканчивались на широкий гласный [Molnár 1974: 82–83], к началу дивергенции пермских прадиалектов процесс утраты финального гласного завершился: доперм. **minä* > *общеп. *теп* [КЭСК 1999: 170]. Лингвисты считают, что выветривание конечного гласного происходило постепенно, во

второй половине общепермского периода гласные в конце слова сначала стали *ú*же и только затем исчезли. Данный процесс мог закончиться между III в. до н. э. и VI в. н. э. [Molnár 1974: 117]. Следовательно, в результате переразложения морфемного шва могли возникнуть суффиксы с *-э*-огласовкой: аккузативный *-es*, аблативный *-ešti-* и инструментальный *-en(i)-*, где *-e* исторически является широким гласным конца местоименной основы, *-i* – финальный гласный суффикса, который либо сохранился благодаря следующей за ним лично-притяжательной морфеме, либо исчез, если находился в конце словоформы. Эти же суффиксы позже перешли в парадигму склонения личных местоимений 1 pl., 2 pl. По всей вероятности, в период сужения конечных гласных возникли важные для коммуникации аккузативные и дативные формы плюральных местоимений от осложненных притяжательными суффиксами основ **mila-*, **tila-* присоединением в первом случае указательного местоимения на *s*-овую основу, во втором случае – соответствующих лично-притяжательных суффиксов: *mil'emes* ‘нас’ / *til'edes* ‘вас’, *milem* ‘нам’ / *til'ed* ‘вам’. В дальнейшем конечный гласный притяжательного суффикса в аккузативе стал восприниматься как элемент суффикса, а в дативе – в качестве полноценного падежного маркера.

В ходе исторического развития на базе дублетных суффиксов имен существительных в удмуртском языке «начала складываться особая лексико-семантическая группа имен существительных, объединенных общим значением “неотъемлемой принадлежности”. <...> притяжательные суффиксы в *ы*-овой огласовке получили наибольшее распространение именно в группе слов, обозначающих части тела живых существ, родственные отношения, стороны предмета и др.» [Кельмаков 2003: 234]. Однако данный процесс по неизвестной причине не завершился, под действием закона аналогии некогда существовавшее различие между широкими и узкими гласными суффиксов в удмуртском языке нивелируется: «происходит постепенное поглощение немногочисленной *ы*-овой группы имен существительных *э*-группой через промежуточный этап свободного варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [Кельмаков 2003: 234]. Следует полагать, что *-ы*-овая огласовка была присуща не только инструментально, но и другим падежным

суффиксам имен существительных удмуртского языка. Так А. И. Емелянов приводит пример аккузативного суффикса *-ыз*: *nîlîz potto* ‘девушку выводят’ [1927: 120], совр. *нылэз потто*. Данное чередование закономерно, так как маркеры аккузатива восходят к притяжательным суффиксам.

Полагаем, что в системе личных местоимений 1-го и 2-го лица суффиксы на *-ы* возникли в период распространения аффиксов с *ы*-огласовкой. Но все же с началом доминирования в языке суффиксов с *-э*-овой огласовкой в части диалектов появляется параллельное использование форм с обоими суффиксами, как в вышеупомянутом бавлинском говоре или в северных говорах, где З. Кротов зафиксировал варианты творительного падежа: *соынъ*, *соень* ‘имъ’ [Кротов 1816: 33 об.]. В дальнейшем в части диалектов произошла утрата *-ы* суффиксов, остались лишь *-э*-овые: *мил'эмэс* ‘нас’, *мынэс'тым* ‘у меня’, *солэс'* ‘у него (нее)’, *тил'эныды* ‘с вами’.

Таким образом, большинство падежных суффиксов личных местоимений, имеющие вокальные варианты, исторически имели *-э*-огласовку. Суффикс аблатива существительных и личных местоимений 3-го лица уже в общепермский период имел два варианта: *-leś ~ liś'*. Остальные вариативные формы в падежных суффиксах личных местоимений возникли позже и по разным причинам: а) в дативе мн. ч. по аналогии с формами ед. ч. узколокально (в части бесермянских говоров) развились формы с *-ы*-огласовкой *мил'ъм*, *тил'ьд*; б) суффиксы аккузатива 1 pl., 2 pl., аблатива ед. и мн. ч., инструменталю 1 pl., 2 pl., 3 л. ед. ч.

Выводы по Главе 4

Падежные суффиксы личных местоимений возникли в связи с переразложением морфемного шва, действием аналогии, заимствованием словоизменяемых морфем из субстантивной парадигмы. Парадигма склонения личных местоимений формировалась на протяжении длительного периода, в связи с чем в падежной парадигме присутствуют разные исторические слои.

Номинативные формы личных местоимений ед. ч. возникли от основ личных местоимений прафинно-угорского языка **тз* ‘я’, **тз* ‘ты’, **сз* ‘он’.

Местоимения 1-го и 2-го лица были осложнены суффиксом *-нз, указывавшим на одушевленный предмет.

Аккузатив был первым косвенным маркированным падежом в системе личных местоимений 1 sg., 2 sg., 3-го лица ед. ч. и, вероятно, обозначался аффиксом аккузатива *-т прафинно-угорского происхождения. В процессе выветривания конечных согласных показатель аккузатива исчез во всех трех формах, функция аккузативной морфемы перешла на финальный гласный основы, который к тому времени в номинативе редуцировался в узкий гласный, что впоследствии привело к его утрате. Аккузативный суффикс *-V также «преобразился» в гласный среднего подъема переднего ряда -э.

Существование нескольких вариативных фонетических форм местоимения 3-го лица ед. ч.: *сойэ, сэйэ, сийэ, сё'йэ, сээ, сэ, сие, суэ*, с нашей точки зрения, не может быть объяснено лишь позиционными изменениями, поскольку корреспонденция гласных: *о // э // и // ё' // у* не встречается ни для одной лексической единицы. Подобное разнообразие возникло из-за слияния двух основ на *s- – личного и указательного местоимений ед. ч. (корень *sV был личным местоимением финно-угорского происхождения, подобный же корень, но с другой вокальной огласовкой был указательным, восходящим к уральской основе **cé/ci*), у каждого из которых в праудмуртский период имела своя аккузативная форма.

Генитив, датив личных местоимений 1 sg., 1 pl., 2 sg., 2 pl. имеют присущие только местоимениям показатели падежа. С исторической точки зрения генитив и датив 1 sg., 2 sg. были образованы путем присоединения соответствующего личного суффикса в разные периоды и, вероятно, обозначали отношения принадлежности. В падежный показатель генитива перешел широкий конечный гласный осложненной местоименной основы после его выпадения в номинативной форме. В дативе представлен тот же гласный, но подвергшийся редукции.

В грамматике М. А. Мышкина зафиксированы формы, ставшие для современного удмуртского языка морфологическими архаизмами. Падежные формы местоимений, образованные на отгенитивной основе указывают либо на собственную вариативную систему формообразования падежных суффиксов, либо

на длительную дивергенцию пермского праязыка, при которой будущие северноудмуртские говоры и коми диалекты находились в тесном контакте, в отличие от южноудмуртских говоров.

Архаичные формы также показывают, что в удмуртском языке существовала тенденция к дублетному оформлению инструменталя.

Чередование в основах личных местоимений 1-го и 2-го лица *singularia tantum* *мон-* // *мын-* // *мӧн-*, *тон-* // *тын-* // *тӧн-* могли появиться в результате фонетических явлений либо вследствие контаминации с формами двойственного числа.

Фонетические варианты падежных суффиксов возникли в связи с фонетическими изменениями, действием аналогии, переразложением морфемного шва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе «Личные местоимения удмуртского языка в синхронии и диахронии» в соответствии с поставленной целью описаны и проанализированы морфонологические, морфологические, синтаксические и семантические характеристики собственно-личных местоимений удмуртского языка.

Использованные в работе методы позволили в полном объеме решить поставленные задачи, достичь цели исследования и конкретных результатов:

1) история фиксации местоимений удмуртского языка насчитывает три столетия, морфологическое описание имеет 250-летнюю историю. Удмуртская лингвистика прошла долгий путь от частичной фиксации и фрагментарного изучения местоимений удмуртского языка через поиск методов научного осмысления к комплексному описанию их парадигмы склонения и междиалектного варьирования;

2) определены семь собственно-личных местоимений удмуртского языка: 1sg *мон* 'я', 2sg *тон* 'ты', 1pl, эксклюзивное *ми* 'мы', 2 pl *тй* 'вы', инклюзивное 1-го лица *асьмеос* 'мы', 3-го лица ед. ч. *со* 'он, она', 3-го лица мн. ч. *соос* 'они';

3) выявлены синтагматические и парадигматические характеристики взаимного местоимения *ог-оглы* (*одйг-оглы*) 'друг друга', образованного нулевой морфемой. В его падежной парадигме отсутствуют формы номинатива и генитива. Описаны два местоимения *ог-огед* (*одйг-огед*), *ог-огез* (*одйг-огез*) 'друг друга', имеющие обобщенную семантику взаимности, парадигма склонения которых в грамматиках ранее не описывалась;

4) предложены принципы дифференциации личных местоимений от лексем с категорией притяжательности, разграничение проводится с учетом синтаксических функций слов и их референциальных характеристик. Местоимения удмуртского языка разделены на две большие группы: личные и неличные местоимения. Личные, в свою очередь, подразделяются на собственно-личные и личные местоимения вторичного происхождения. Последние дифференцированы на шесть подгрупп: усилительно-личные, счетно-личные, разделительно-личные,

отрицательно-личные, неопределенно-личные, определительно-личные. Неличные местоимения распределяются на следующие разряды: указательные, притяжательные, взаимные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные;

5) из состава местоимений исключены послеложно-личные образования, высказано предложение рассматривать их в качестве наречий;

6) описана семантическая структура собственно-личных местоимений с точки зрения теории референции. Так, местоимение *я* указывает на субъекта речи, адресанта, а *ты* – на слушающего, адресата. В диалоге происходит постоянная взаимозамена этих ролей, т. е. создается ситуация, когда оба участника коммуникации совмещают в себе две функции: говорящего – потенциального слушателя и слушателя – потенциального говорящего. Местоимение *ми* ‘мы’ часто обозначает 1-е лицо в эксклюзивном значении ‘я и другие, за исключением адресата’, *ми* ‘вы’ употребляется для обозначения множества, в число которых входит ‘адресат речи и другие’ или это ‘несколько адресатов’. В зависимости от того, кто входит в круг «других», личные местоимения *pluralia tantum* могут иметь несколько референциальных типов значений (по М. А. Даниэлю): ассоциативный, когда «другие» – совокупность людей, связанная с более или менее тесной группообразующей связью: семья, команда, народ, или т. д. – это такие же как я), симулятивный: «другие» – открытый класс лиц, объединенных одним свойством. Локутивный референциальный тип свойствен для инклюзивного местоимения *асъмеос*, когда «другие» – это адресат. Данное местоимение также может иметь ассоциативный референциальный тип.

Местоимения *со* ‘он, она’, *соос* ‘они’ являются анафорическими, другими словами, имеют antecedent, обозначают лицо или предмет, не участвующие в речи, но известные или названные ранее.

На основе анализа художественных текстов и опроса информантов были выявлены случаи транспозиции собственно-личных местоимений. Возможность замены одного местоимения на другое свидетельствует о наличии у местоимений собственной семантики. В большей степени транспозиция свойственна

местоимениям 2 sg., 1 pl., 3-го лица ед. ч. Местоимение 2 sg. *тон* 'ты' используется: а) в функции 1 sg. («автоадресатное употребление»); б) со значением обобщения, т. е. не имеет конкретного референта. Местоимение 1 pl. *ми* 'мы' употребляется в роли: а) 1 sg. – «авторское мы»; б) 1 sg. в шутливой речи; в) 3-е лицо ед. ч. – «материнское мы». Местоимение 3-го лица *со* 'он, она' может стать заменой: а) 1 sg. – «иллеизм»; б) 2 sg. при пренебрежительном отношении говорящего к адресату;

7) проанализированы грамматические категории лица, числа и падежа. Показано, что личные местоимения имеют свои характерные морфологические черты. Категория числа у местоимений 1-го и 2-го является постоянным признаком: *мон* 'я', *тон* 'ты' – это особые местоимения, являющиеся *singularia tantum*, соответственно *ми* 'мы' и *тй* 'вы' – *pluralia tantum*, поскольку они соотносятся не как формы единственного и множественного чисел, а как отдельные слова. Местоимения 3-го лица противопоставлены друг другу наличием / отсутствием стандартного суффикса множественного числа *-ёс*. Соответственно у местоимений *со* 'он, она' и *соос* 'они' категория числа является формообразовательной. С целью преодоления возникающего противоречия нами предложено признать категорию числа личных местоимений удмуртского языка постоянным признаком, так как личные местоимения 1-го и 2-го лица являются первичными, а личные местоимения 3-го лица считать исключением;

8) семантические функции падежей разнообразны, у каждой падежной формы имеется целый комплекс значений, в который объединены основное и частные значения. В некоторых случаях семантика падежной формы раскрывается в сочетании с послелогом.

Выражение одного значения присуще аккузативу, аппроксиматив и приблизительно-местным падежам. *Аккузатив* указывает на прямой объект, который в языке важно отделить от косвенного объекта. *Местные падежи* имеют относительно позднее образование и предназначены для выражения конкретной локальной семантики. *Адвербиаль* указывает на: а) лицо, с чьей позицией согласен или не согласен субъект; б) объект, который воспринимается в качестве образца.

Большая часть объектных падежей обладает целым комплексом значений. *Генитив* выражает: а) атрибутивную и предикативную посессивность, б) агентивное значение, в) пространственные, объектные, определительно-обстоятельственные отношения, г) указание на источник информации. Характерными для *дativa* является выделение: а) лица, которому адресовано или в отношении которого направлено действие, б) объекта, в пользу которого совершается действие, в) субъекта действия в безличных предложениях, г) лица-обладателя, д) причинно-следственных отношений. *Аблативные* формы выступают актуализаторами: а) атрибутивных отношений, б) агентивного, в) объектного, г) транслитивного значений. Формы *инструментalia* выражают: а) комитативное, б) объектное, в) сопоставительные, г) причинные значения, д) значение орудия, е) пространственные отношения. Через *абессивные* формы представляется возможность выразить: а) невовлеченность соучастника, б) объекта в действие, в) отрицательную посессивность; г) темпоральные значения, д) исключение лица либо предмета из общего числа подобных;

9) формирование падежной системы собственно-личных местоимений началось в прапермский период. Аккузатив с аффиксом *-*m* стал первым косвенным падежом в системе личных местоимений единственного числа. В процессе выветривания конечных согласных маркер аккузатива исчез во всех трех формах, и его функции были перенесены на финальный гласный основы, который к тому времени в номинативе также подвергся редукции, что в конечном итоге привело к его утрате. Аккузативный суффикс *-*V* также претерпел трансформацию в гласный -*э* переднего ряда среднего подъема.

Чередование в основе личных местоимений *singularia tantum o // i* или в малой части говоров *o // i // e* – позднее явление, возникшее в общеудмуртский период в силу фонетических изменений либо контаминации парадигм единственного и двойственного числа.

К периоду самостоятельного развития удмуртского языка также можно отнести присоединение элемента -*l'* к основе личных местоимений *pluralia tantum*, существует прямая зависимость наличия элемента -*l'* в основах *mil'*-, *til'*- от участия

личного суффикса в образовании падежной формы, т. е. данные формы плюрального склонения подобны формам существительных притяжательного склонения. Мы склонны полагать, что элемент *l'* – это словообразовательный суффикс, и согласиться с гипотезой Б. А. Серебренникова, характеризующего его как суффикс со значением отношения к лицу.

В парадигме склонения собственно-личных местоимений можно выделить следующие особенности:

а) генитив, датив личных местоимений имеют присущие только местоимениям показатели падежа. С исторической точки зрения в генитиве в падежный маркер перешла конечная гласная осложненной местоименной основы, в дативе представлена та же гласная, подвергшаяся редукции в период выпадения конечных гласных основы;

б) падежные маркеры местоимений 3-го лица, за исключением аккузатива ед. ч., совпадают с суффиксами имен существительных;

в) повсеместно в образовании падежных форм генитива, датива, аблатива ед. и мн. ч., инструменталю 1 pl., 2 pl. участвуют личные суффиксы, являясь неотъемлемой частью падежной формы. В диалектах отмечено различное использование личных суффиксов в образовании падежных форм в инструментале ед. ч., адвербиале, аппроксимативе, вторичных пространственных падежах. В аппроксимативе личные суффиксы могут присоединяться также и к местоимениям 3-го лица. Во всех диалектах имеется единая форма каритива, она образуются без участия личных маркеров;

г) в удмуртских говорах представлено большое разнообразие падежных суффиксов. Однако лишь аккузативные суффиксы 1 pl., 2 pl. являются морфологическими вариантами. Остальные являются фонетическими вариантами.

д) в диалектах удмуртского языка распространено варьирование *-э* и *-ы* / *-и* в падежных суффиксах разделительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица (*мын-эс'ты-м* ~ *мын-ыс'ты-м* / *мын-ис'ты-м*) личных местоимений *singularia tantum*; винительного (*мил'-эм-эс* ~ *мил'-эм-ыз*), разделительного (*мил'-эс'ты-м* ~ *мил'-ис'къ-м*) и творительного падежей (*мил'-эны-мы* ~ *мил'-эм-ын*) *pluralia tantum*;

творительного падежа 3-го лица ед. ч. (*сойэн / соэн ~ сойин / соин*). Мы считаем, что они являются рефлексамии широких и узких гласных непервых слогов, *-ы* вариант мог быть заимствован из субстантивной системы склонения;

е) варьирование гласных в показателях дательного падежа личных местоимений *pluralia tantum* (*мил'-э-м ~ мил'-ь-м*) появилось вследствие заимствования суффикса *-ы-* (*-ь-*) из парадигмы склонения личных местоимений *singularia tantum*;

ж) альтернатива в маркерах разделительного падежа (*солэс' ~ сольс' / солис'*) 3-го лица ед. и мн. ч. имеет общепермские корни, вероятно, в формировании данных суффиксов участвовали параллельно функционировавшие *-е / -і* лативные суффиксы;

з) в северном диалектном ареале обнаружено разнообразие морфологических вариантов инклюзивного (этимологически – усилительно-личного местоимения 1-го лица мн. ч.) местоимения, которое противопоставлено единой форме (имеются лишь фонетические варианты) в южном наречии и не имеет параллелей в коми языках. Данный факт свидетельствует, во-первых, о позднем образовании форм множественного числа усилительно-личных местоимений и формировании парадигмы склонения в целом, во-вторых, указывает на относительно длительное самостоятельное развитие говоров северных и южных диалектов удмуртского языка;

и) морфологические архаизмы из письменного памятника конца XVIII в. указывают на то, что в части северных говоров плюральная парадигма строилась на основе генитивной формы, что присуще коми языкам, впоследствии в период интенсивного заселения северного языкового ареала южными удмуртами (в XVII–XVIII вв.) данная особенность была утрачена и заимствована стандартная для удмуртского языка парадигма на дативной основе. Существование в прошлом падежной системы на основе генитива может указывать, с одной стороны, на длительную дивергенцию северных удмуртов и южных коми, с другой – на языковые искания для ранних падежных форм личных местоимений, которые в отдельных диалектах привели к разным результатам.

В проведенном исследовании впервые был осуществлен комплексный анализ грамматических категорий личных местоимений литературного языка и диалектов в синхронии и диахронии. Полученные результаты в будущем найдут применение в вузовской практике преподавания морфологии, исторической грамматики, диалектологии. Материалы могут быть использованы при составлении учебных пособий, академической грамматики удмуртского языка, внести определенный вклад в типологическое и сравнительно-историческое исследование личных местоимений.

В перспективе требуют комплексного изучения другие разряды местоимений удмуртского языка. Дальнейшие исследования видятся в системном анализе усилительно-личных местоимений, становлении их парадигм склонения в удмуртских диалектах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения названий падежей

абес.	абессив, лишительный падеж
абл.	аблатив, разделительный падеж
адв.	адвербиаль, соответственный падеж
акк.	аккузатив, винительный падеж
аппр.	аппроксиматив, направительный падеж
ген.	генитив, родительный падеж
дат.	датель, дательный падеж
инстр.	инструменталь, творительный падеж
ном.	номинатив, именительный падеж
пр. ил.	приблизительный иллатив, приблизительный входный падеж
пр. ин.	приблизительный инессив, приблизительный местный падеж
пр. терм.	приблизительный терминатив, приблизительный предельный падеж
пр. эгр.	приблизительный эгрессив, приблизительный отдалительный падеж
пр. эл.	приблизительный элатив, приблизительный исходный падеж

Сокращения названий языков и удмуртских диалектов

бавл.	бавлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
бал.	балезинский говор среднечепецкого диалекта северного наречия
бес.	бесермянский язык / бесермянское наречие удмуртского языка
вч.	верхнечепецкий диалект северного наречия северного наречия
гл.	глазовский говор среднечепецкого диалекта северного наречия
деб.	дебесский говор верхнечепецкого диалекта северного наречия
доперм.	допермские формы
закам.	закамские говоры периферийно-южного диалекта южного наречия
зур.	зуринский говор верхнечепецкого диалекта северного наречия
к.	коми языки
канл.	канлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
кез.	кезский говор верхнечепецкого диалекта северного наречия
кос.	косинский говор нижнечепецкого диалекта северного наречия

крк.	кырыкмасские говоры южного диалекта южного наречия
круф.	красноуфимский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
кукм.	кукморский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
лит.	литературный язык (удмуртский)
мар.	марийский язык
мокш.	мокшанский язык
нч.	нижнечепецкий диалект северного наречия
общеп.	общепермская форма
приклм.	прикильмезские говоры
сев.	северное наречие
сред.	срединные говоры
ср-вост.	средневосточные говоры
ср-зап.	средне-западные говоры
ср-юж.	среднеюжный говор южного диалекта южного наречия
ср-юр.	среднеюринский говор
сч.	среднечепецкий диалект северного наречия
татш.	таташлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
удм.	удмуртский язык, удмуртская форма
ф.-уг.	финно-угорский
фин.	финский язык
хант.	хайнтытский язык
южн.	южный диалект южного наречия
юк.	юкаменский говор среднечепецкого диалекта северного наречия
яр.	ярский говор говор среднечепецкого диалекта северного наречия

Сокращения названий удмуртских диалектов в трудах
Т. Г. Аминоффа [1896; 1898]

Ј	якшурский (вятский) = якшур-бодьинский говор средневосточных говоров [Бушмакин 1969; 1971] = срединные говоры
К	казанский = кукморский говор южного наречия

Сокращения названий удмуртских диалектов в трудах
Ю. Вихманна [1893; 1901a; 1901b; 1987]

В	бесермянский = бесермянское наречие
Ј	елабужский = южный диалект южного наречия

G	глазовский = нижнечепецкий диалект северного наречия
M	малмыжский = срединные говоры
MU	малмыжско-уржумский = шошминский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
S	сарапульский = срединные говоры
U	уфимский = закамские говоры периферийно-южного диалекта южного наречия

Сокращения названий удмуртских диалектов в словаре Б. Мункачи «A votják nyelv szótára» [1896]

Mal.	малмыжский = срединные говоры
Sar.	сарапульский = срединные говоры
Uf.	уфимский = закамские говоры периферийно-южного диалекта южного наречия

Сокращения названий удмуртских диалектов в труде Б. Мункачи «Volksbräuhe Volksdichtung der Wotjaken» [1952]

G	глазовский = нижнечепецкий диалект северного наречия
J	елабужский = южный диалект южного наречия
K	казанский = кукморский говор периферийно-южного диалекта южного наречия
M	малмыжский = срединные говоры
S	сарапульский = срединные говоры
U	уфимский = закамские говоры периферийно-южного диалекта южного наречия

Сокращения названий населенных пунктов

вун.	с. Верх-Уни Юкаменского района Удмуртской Республики
дб.	с. Дебы Красногорского района Удмуртской Республики
ис.	д. Исаково Балезинского района Удмуртской Республики
можг.	д. Можга Янаульского района Республики Башкортостан
ник.	д. Николашкино Бавлинского района Республики Татарстан
нт.	д. Новые Татышлы Татышлинского района Республики Башкортостан
сюм.	д. Старая Юмья Кукморского района Республики Татарстан

Общеупотребительные и официальные сокращения

букв.	буквально
в.	век

в т.ч.	в том числе
г.	год
д.	дело
ед. ч.	единственное число
кон.	конец
мн. ч.	множественное число
напр.	например
нескл.	несклоняемое слово
Оп.	опись
подр.	подробнее
РТ	Республика Татарстан
РФ.	Рукописный фонд Научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
совр.	современный
спр.	спряжение
т. е.	то есть
т. к.	так как
т. н.	так называемый
тж	также, то же, тождественно
УР	Удмуртская Республика

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азылань: Комитет партиялэн но Исполкомлэн газетэз / Орган Комитета партии и Исполкома ВКП(б). – Глазов, 1925, № 53 (30 окт.).
2. Ар-Серги, В. Тулкымъёс вылын – пыжед: повестьёс, веросьёс, кылбуръёс / Вячеслав Ар-Серги. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 224 б.
3. Архипов, Т. А. Лудзи шур дурын: роман-диалогия / Т. А. Архипов. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 522 с.
4. Атаманов, М. Г. Тангыра: кузьмадёс: 12 эпических песен-сказаний / М. Г. Атаманов. – Ижкар: Удмуртия, 2008. – 320 с.
5. Батуев, Э. Н. Уйшор вуюись – Ночная радуга: поэзия, проза, публицистика / Эрик Батуев; ред.-сост. С. В. Матвеев; авт. предисл. Р. Ф. Казакова. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 368 с.
6. Белоногов, А. Е. Шудо жыт. [Электронный ресурс]. URL: <http://udmmusic.ru/category/tip-stati/teksty-pesen?page=2>. (Дата обращения 15.05.2016).
7. Блинов, П. А. Улэм потэ: роман / П. А. Блинов. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 168 с.
8. Боталова, Н. П. Шор ёзо школаын «Вордскем (удмурт) кыл» предметъя дышетскон ужъемышьёсты дунъянлэн аспөртэмдыкез. («Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» сузьетъя) / Н. П. Боталова // Этнокультурное образование как феномен современной педагогической науки: сборник статей / Министерство образования и науки Удмуртской Республики, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»; ред. колл.: Н. И. Ураськина (отв. ред.) и др. – Ижевск: Шелест, 2024. – С. 59–63.
9. Валишин, Р. Г. Инвожо уйшоре но пиштэ: повесть / Р. Г. Валишин – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 154 б.
10. Валишин, Р. Г. Төл гурезь: повестьёс / Р. Г. Валишин. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 276 б.

11. Васильев, Н. В. Кин тон, атай? / Н. В. Васильев // Выль дунне. Удмурт верос: антология: в 2 томах; Т. 2 / дасяз Романова Г. В.; редакторез Петрова Т. Н. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 352 с.
12. Васильев, Ф. И. Ойдо вераськом: выль кылбурьёс / Ф. И. Васильев. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – 222 с.
13. Ворончихин, А. С. Югыт дунне – мынам юртэ = Мой дом – мироздание: кылбурьёс / А. С. Ворончихин; пер. и вступ ст. Р. И. Яшиной. – Ижевск: Тодон, 1996. – 78 с.
14. Гаврилов, И. Г. Вордйськем пальёсын: роман-трилогия / И. Г. Гаврилов. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 734 с.
15. Гаврилов, И. Г. Кезыт ошмес: пьесаос / И. Г. Гаврилов. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 134 с.
16. Ганькова, Л. Л. Мон кышномурт: кылбурьёс, кырзаньёс, веросьёс / Л. Л. Ганькова. – Ижевск: Инвожо, 2012. – 142 с.
17. Герд, К. Сйзыл туриос / К. Герд // Гудыри = Гром / Обком РКП (б), Обисполком раб, кр., и крест. деп., Обком РКСМ и Облпрофсовет Вотск. авт. области. – Ижевск, 1924, № 138 (18 сент.).
18. Голубев, В. В. Пыраклы егитэсь: очеркьёс, документальной повестьёс – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 231 с.
19. Гудыри = Гром / Обком РКП (б), Обисполком раб, кр., и крест. деп., Обком РКСМ и Облпрофсовет Вотск. авт. области. – Ижевск, 1924, № 75 (23 мая). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/14318>. (Дата обращения 20.11.2022).
20. Данилов, Г. Д. Кырзамтэ кырзан; Пинал мылкыд – юмал йёлпыд: повестьёс / Г. Д. Данилов. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 311 с.
21. Емельянов, Л. П. Съод пилем но эркин төльёс: документально-художественной повесть / Л. П. Емельянов. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 109 с.
22. Загребин, Е. Е. Гомась шунды: статьяос, зарисовкаос / Е. Е. Загребин; худож. Д. С. Осипов. – Ижевск: Удмуртия, 2012. – 187 с.

23. Загребин, Е. Е. Тулыс зор: пьесаос, веросьёс / Е. Е. Загребин; послесловиез А. Г. Шкляевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 416 с.
24. Ёечбур!: удмурт пинальёслэн но егитъёслэн газетсы / учредитель АУ «Редакция газеты “Ёечбур!”». – Ижевск, 2022, № 3 (27 янв.).
25. Иднакар, 2018 – Ог-огтэк мӧзмыт // Иднакар, 2018, № 049 (13 дек.).
26. Кедр Митрей. Секыт зйбет: роман, повестьёс, веросьёс, кылбуръёс, поэма, тодэ ваёнъён. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 392 б.
27. Кедр Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: антология: в 2 томах; Т. 1 / Кедр Митрей; дасяз Романова Г. В.; редакторез Федотов М. И.; азыкылэз А. А. Ермолаевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 368 с.
28. Кедров, Ф. Г. Катя: кылбуръёс но повесть / Ф. Г. Кедров; дасяз но азыкыл гожтйз А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 112 с.
29. Кельмаков, В. К. Япон витьчуръёс но удмурт кылбурет: витьымтэ шорысь йыре лыктэм уйбырес малпанъёс [Японские пятистишия и удмуртская лирика: неожиданно появившиеся бредовые мысли] / В. К. Кельмаков // Кенеш. – 2014. – № 4. – С. 84–91.
30. Кизили: литературно-художественный журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста. – Ижевск, 1986 – 2010, № 5/6.
31. Коновалов, М. А. Гаян: романъёс но веросьёс / М. А. Коновалов; азыкылэз Ф. К. Ермаковлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 384 б.
32. Котков, В. В. Эн дырты, сюләмы...: кылбуръёс / В. В. Котков // Кенеш. – 2016. – № 10. – С. 3–8.
33. Красильников, А. Г. Кыће со удмурт лул-визь дунне? / А. Г. Красильников // Инвожо. – 2013. – № 8–9. – С. 52–57.
34. Красильников, Г. Д. Вуж юрт: дилогия / Г. Д. Красильников; послесл. Н. Васильева. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 410 с.
35. Красильников, Г. Д. Тонэн кылисько: проза: роман, повесть но веросьёс / Г. Д. Красильников; редакторез Т. Н. Петрова; йылпумъян кыльёссы В. М. Ванюшевлэн, А. Г. Шкляевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 390 б.

36. Максимов, С. А. Тамара Ивановна Тепляшина – бесерман кылэз эскерись // Пермистика 20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник статей / УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2025. – С. 180–187.
37. Матвеев, С. В. Чурыт пус: кылбуръёс / С. В. Матвеев; редакторез В. С. Уразаева – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 158 с.
38. Матвеев, С. В. Инсьӧр пӧртмаськонъёс: кылбуръёс / С. В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – 286 с.
39. Медведев, Г. С. Выль дунне: веросьёсын но очеркъёсын сборник / Г. С. Медведев. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1961. – 156 с.
40. Медведев, Г. С. Лӧзя бесмен: Роман-трилогия, верос, Г. С. Медведев сярысь / Г. С. Медведев – Ижевск: Удмуртия, 2006 – 712 с.
41. Никитин, А. И. Пычанкаысь бригадир: документальной повесть / А. И. Никитин. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 103 с.
42. Никифоров, Н. М. Толэзен вераськон: веросьёс, повестьёс / Н. М. Никифоров; редакторез В. С. Уразаева; худож. Р. З. Батыршин. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 199 с.
43. Перевозчиков, А. А. Чулпон: очерк, веросьёс, юморескаос / А. А. Перевозчиков; редакторез В. С. Уразаева. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 174 с.
44. Перевощиков, Г. К. Йӧвалег: Роман-дилогия / Г. К. Перевощиков. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 504 б.
45. Петров, М. П. Люкам сочинениос, кыкетӥ тоmez: пьесаос: 6 томен / М. П. Петров. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959а. – 206 с.
46. Петров, М. П. Люкам сочинениос, куинетӥ тоmez: веросьёс но очеркъёс: 6 томен / М. П. Петров. – Ижевск: Удмурт книжной издательство, 1959б. – 280 с.
47. Петров, М. П. Ӗрдон азын: повесть, поэмаос, кылбуръёс, веросьёс / М. П. Петров. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 260 с.
48. Петров, М. П. Вуж Мултан: роман / М. П. Петров; азыкылэз Ф. К. Ермаковлэн. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 357 с.

49. Поздеев, П. К. Утыны сйзем кырзан / П. К. Поздеев // Выль дунне. Удмурт верос: антология: в 2 томах; Т. 2 / дасяз Г. В. Романова; редакторез Т. Н. Петрова – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 154–168.

50. Романова, Г. В. Асьметэк төлзиз льөмпү / Г. В. Романова // Мусо удмурт кырзан: удмурт кырзанъёс, гажаса верам чуръёс / книгаез дасязы Т. А. Пояркова, Т. П. Четкарёва; удмурт кылбурчиослэсь эшлыко но гажан мылкыдо чуръёссэс люказ Н. А. Пчеловодова; художник В. Ю. Семенов. – 3-тй издание. – Ижевск: Удмуртия, 2013. – С. 92.

51. Романова, Г. В. Шунды-Мумы: веросьёсын повесть, веросьёс, пьесаос, очеркъёс, серемес веросьёс, сценкаос, кылбуръёс, кырзанъёс = Гора моя высокая: повесть в рассказах, рассказы, стихи, песни / Г. В. Романова. – Ижевск: Шелест, 2015. – 463 с.

52. Садовников, В. Е. Меё яр дурын: пьесаос / В. Е. Садовников; вступ. ст. П. К. Поздеева. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 123 с.

53. Самсонов, Е. В. Тулыс чукна: повесть, очеркъёс но веросьёс / Е. В. Самсонов; люказ но азыкылзэ гожтйз И. В. Тараканов; редакторез В. С. Уразаева. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 с.

54. Самсонов, Н. Агбай: веросьёс, повестьёс / Н. Самсонов; редакторез С. В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 413 с.

55. Самсонов, С. А. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо: роман / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 384 с.

56. Самсонов, С. А. Вужер: повестьёс / С. А. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 358 б.

57. Самсонов, С. А. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее: повесть, веросьёс, очерк, тодэ ваёнъёс / С. А. Самсонов; редакторез Т. Н. Петрова. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 384 с.

58. Уваров 1997 – Нуналлы быдэ выжыкыл: Дуннеысь пöртэм калыкъёслэн выжыкыльёссы / люказ но поттыны дасяз А. Н. Уваров; суредазы А. М. Гусаров, В. Б. Михневич. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 456 с.

59. Федотов, М. И. Берекет: выль книга / М. И. Федотов. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 106 с.
60. Хайдар, Р. Ачим: веросьёс, юморескаос, скетчъёс / Р. Хайдар. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 199 с.
61. Чернов, П. К. Тулысысен сйзылозь: роман / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 с.
62. Чернов, П. К. Лыз Яг: повестьёс но веросьёс / П. К. Чернов. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 270 с.
63. Чернов, П. К. Казак воргорон: повестьёс / П. К. Чернов; послесловиез А. А. Ермолаевлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 478 с.
64. Чернова, Т. Н. Тй ой тодысалды...: кылбуръёс / Т. Н. Чернова; редакторез М. И. Федотов. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 112 с.
65. Ширококов, С. П. Яратон ке өвёл: Комедия / С. П. Ширококов // Вақытлэн гуръёсыз: кылбуръёс, поэмаос, басняос, веросьёс, гожтэтъёс, статьяос / дасяз Г. П. Макаров; редакторез М. И. Федотов. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – С. 202 – 249.
66. Шихарев, С. Т. Улонэн кулон вискин: война сярысь тодэ ваёнъёс, художественно-документальной повесть / С. Т. Шихарев; редакторез Т. Н. Петрова. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 150 с.
67. Эркишева, А. Малы? / А. Эркишева // Инвожо. – 2008. – № 9/10. – С. 43.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алатырев, В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка / И. В. Алатырев // Удмурт-ӗзч словарь = Удмуртско-русский словарь: около 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – С. 563–591.
2. Алашеева, А. А. Верхнечепецкие говоры / А. А. Алашеева // Образцы речи удмуртского языка: сб. текстов / ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 91–105.
3. Алашеева, А. А. О личных местоимениях в верхнечепецком диалекте / А. А. Алашеева // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Министерство образования Российской Федерации. Удмуртский гососударственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания; ред. колл. В. К. Кельмаков (сост. и отв. ред. и др.). – Ижевск: Типография УдГУ, 1999. – С. 63–66.
4. Алашеева, А. А. Туала удмурт кыл. Сямкыл. / А. А. Алашеева – Ижкар: «Удмурт университет» книга потгон корка, 2003. – 32 б.
5. Арбатский, Д. И. Семантическая система языка и части речи / Д. И. Арбатский // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. статей / АН СССР, Урал. отделение, Удмуртский инстит истории, языка и литературы; ред. колл.: Г. А. Ушаков (отв. ред.) и др. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1990. – С. 5–9.
6. Архипов, Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I / Г. А. Архипов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. статей и материалов / Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР; ред. колл.: В. М. Вахрушев (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР, 1978. – С. 3–46.

7. Архипов, Г. А. Среднеюринский говор I / Г. А. Архипов // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР; ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981. – С. 5–44.
8. Архипов, Г. А. Среднеюринский говор II / Г. А. Архипов // Образцы речи удмуртского языка: сб. текстов / ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 28–59.
9. Атаманов, М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия / М. Г. Атаманов // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР; ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981. – С. 45–96.
10. Атаманов–Эграпи, М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.
11. Бабаев К. В. О происхождении личных местоимений в языках мира / К. В. Бабаев // Вопросы языкознания. – 2009. № 4. – С. 119–138.
12. Безенова, М. П. Диалекиные особенности местоимений в удмуртских письменных памятниках второй половины XIX – начала XX в. / М. П. Безенова // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14. – № 3 (58). – С. 417–425.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. – М.: Издательство «Прогресс», 1974. – 446 с.
14. Борисов, Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: около 15 тыс. слов / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. – 384 с.

15. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер; перевод В. В. Рынкевича // М. Бубер. Два образа веры: сб.: пер. с нем. / М. Бубер; вступ. ст. Г. С. Померанца. – М.: Республика, 1995. – С. 16–92.
16. Бубрих, Д. В. Сравнительная грамматика финноугорский языков в СССР / Д. В. Бубрих. // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Выпуск 2. Советское финноугроведения / отв. ред. чл.-кор. АН проф. Д. В. Бубрих. – Л.: Издательство Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1948. – С. 47–80.
17. Бубрих, Д. В. Грамматика литературного коми языка / Д. В. Бубрих. – Л.: Издательство Ленинградского государственного Ордена Ленина Университета им. А. А. Жданова, 1949. – 206 с.
18. Бубрих, Д. В. К вопросу о пермском вокализме (Из сообщения в Литературно-Лингвистической Секции 16.XI.1929) / Д. В. Бубрих. // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. статей / Удмуртский гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – С. 203–204.
19. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев; вступ. статья И. Кузьминой и др.; Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 628 с.
20. Бушмакин, С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка / С. К. Бушмакин // Советское финно-угроведение. – 1969. – № 1 (V). – С. 59–69.
21. Бушмакин, С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка / С. К. Бушмакин // Советское финно-угроведение. – 1970. – № 2 (VI). – С. 101–111.
22. Бушмакин, С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бушмакин Сергей Константинович; Тартуский государственный университет. – Тарту, 1972а. – 201 с. – Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 3-Н. Д. 248.

23. Бушмакин, С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат филологических наук / Бушмакин Сергей Константинович; Тартуский государственный университет. – Тарту, 1971. – 28 с.

24. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 2000. – 502 с.

25. Валгина, Н. С. Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.

26. Вахрушев, В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка / В. М. Вахрушев // Записки УдНИИ. Выпуск 19: сб. статей / ред. колл.: Емельянов И. П. (отв. ред.) и др.; Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959. – С. 228–241.

27. Вахрушев, В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке / В. М. Вахрушев // Записки УдНИИ. Выпуск 21: Филология / ред. колл.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.: сб. статей / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: УдНИИ, 1970. – С. 78–105.

28. Вахрушев, В. М. Диалектизмы в произведениях Г. К. Перевощикова / В. М. Вахрушев // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск, 1983. – С. 5–35.

29. Вахрушев, В. М. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами числительными и местоимениями / В. М. Вахрушев // Вопросы грамматики удмуртского языка. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, Ижевск, 1984. – С. 67–78.

30. Вахрушева, Л. В. Удмурт кыл: 10–11-тй классъёслы (= Удмуртский язык: для 10–11 классов) / Л. В. Вахрушева, Н. Н. Тимерханова, Н. И. Ураськина; огъясь редакторез Л. В. Вахрушева. – Ижевск: Удмуртия, 2020. – 272 бам.
31. Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – 291 с.
32. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. / В. В. Виноградов – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
33. Владыкина 2023 – «Ми ум вераське – лул-сюлэм вера...» = «Не мы говорим – душа говорит...»: коллективная монография Т. Г. Владыкина и др.; сост. и отв. ред. Т. И. Панина, Е. В. Ложкина; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2023. – 476 с.
34. Воейкова, М. Д. Предисловие / М. Д. Воейкова // Избыточность в грамматическом строе языка. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – С. 7–8.
35. Вольф, Е. М. Местоимения в иберо-романских языках (личные, притяжательные, указательные): специальность 10.02.05. «Романские языки (французский язык и испанский язык)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Вольф Елена Моисеевна; АН СССР. Институт языкознания. – М. [б. и.], 1974. – 47 с.
36. Гильмаев, А. В. Татышлинский диалект I / А. В. Гильмаев // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР; ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981. – С. 97–102.
37. Гильмаев, А. В. Татышлинский диалект II / А. В. Гильмаев // Образцы речи удмуртского языка: сб. текстов / ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 167–170.

38. Глезденев, П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. / П. П. Глезденев; ред. Я. Ильин. – Вятка: Издание Вятского губернского отделения Госиздата, 1921. – 55 с.
39. Грамматика 1960 – Грамматика русского языка: Т. 1. Фонетика и морфология / ред. колл.: акад. В. В. Виноградов – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – Т. 1. – 720 с.
40. Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 767 с.
41. Грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. – 788 с.
42. ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевошиков. Удм. НИИ истории, экономики, языка и литературы. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
43. ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / отв. ред. В. И. Алатырев. Удмуртский НИИ истории, экономики, языка и литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 252 с.
44. Гуляев, Е. С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке / Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник. Выпуск 5. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1960. – С. 131–163.
45. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
46. Гуреев, В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В. А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57–68.
47. Гуреев, В. А. Языковой эгоцентризм и система частей речи / В. А. Гуреев // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6. – С. 491–494.

48. Гуреев, В. А. Основы теории языкового антропоцентризма: истоки, эволюция, современное состояние: монография / В. А. Гуреев. – М.: РУСАЙНС, 2023. – 116 с.
49. Гутнер, Г. Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия / Г. Б. Гутнер // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 82–108.
50. Даниэль, М. А. Типология ассоциативной множественности: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук / Даниэль Михаил Александрович; Российский государственный гуманитарный университет. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/tipologiya-assotsiativnoi-mnozhestvennosti>. (дата обращения 08.07.2012).
51. Дахалаева, Е. Ч. Лингвистический статус 3-го лица в рамках категории лица / Е. Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1: электронный журнал. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8420> (дата обращения: 07.03.2025).
52. Евтюхин, В. Б. Местоимения / В. Б. Евтюхин // Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, М. Д. Воейкова, В. Б. Евтюхин и др. – Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 240–300.
53. Едыгарова, С. Категория посессивности в удмуртском языке. / С. Едыгарова – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – 290 с.
54. Елисеев, Ю. С. Финский язык / Ю. С. Елисеев // Языки народов мира: Уральские языки / ред. колл.: Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова. – М.: Наука, 1993. – с. 90–115.
55. Емельянов, А. И. Грамматика вотяцкого языка / А. И. Емельянов; ЦИК СССР. Ленинград. Восточный институт имени А. С. Енукидзе. – Л.: Издательство Ленинградского Восточного института, 1927. – 160 с.

56. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.

57. Жуйков, С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 гг. обучения / С. П. Жуйков. – Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. – 117 с.

58. Загуляева, Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: специальность 10.02.07 «Финно-угорские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Загуляева Бибинур Шараповна; Тартуский государственный университет. – Тарту, 1980. – 18 с.

59. Загуляева, Б. Ш. Прикильмезские говоры / Б. Ш. Загуляева // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР; ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981а. – С. 103–125.

60. Загуляева, Б. Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали / Б. Ш. Загуляева // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР; ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981б. – С. 126–136.

61. Загуляева, Б. Ш. Говоры удмуртов Кизнерского района / Б. Ш. Загуляева // Образцы речи удмуртского языка: сб. текстов / ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 5–27.

62. Загуляева, Б. Ш. Форма множественного числа имен существительных в южноудмуртском наречии / Б. Ш. Загуляева // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. статей. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. – С. 92–97.

63. Захаров, В. Н. Особенности категории имени существительных русского и удмуртского языков / В. Н. Захаров // 200 лет удмуртской письменности.

– Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1976. – С. 88–93.

64. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М.: «Просвещение», 1967. – 338 с.

65. Зверева, Л. Е. Говоры удмуртов Вавожского и Увинского районов / Л. Е. Зверева // Образцы речи удмуртского языка: сб. текстов / ред. колл.: Р. Ш. Насибуллин (отв. ред.) и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 60–72.

66. Ившин, Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / Л. М. Ившин. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. – 236 с.

67. Ильенко, С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: учебное пособие по направлению «Филологическое образование» / С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 398 с.

68. Кадар, Д. Контуры уральской философии / Д. Кадар. – М.: Academia, 2006. – 276 с.

69. Каракулов, Б. И. Говор села Юски / Б. И. Каракулов // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 106–115.

70. Каракулов, Б. И. О некоторых нерешенных вопросах удмуртской грамматики с точки зрения синтаксических отношений / Б. И. Каракулов. – Текст электронный. – URL: <http://www.ksu.ru/conf/LENCA-2/175.pdf> (дата обращения 20.02.2013).

71. Каракулова, М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 228 с.

72. Карпова, Л. [Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора философии

по уральским языкам / Карпова Людмила; науч. рук.: Кюннап А., Алвре П. – Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 1997. – 223 с.

73. Карпова, Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи: монография / Л. Л. Карпова; науч. ред. В. К. Кельмаков; Российская академия наук, Уральское отделение, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – 580 с.

74. Карпова, Л. Л. О диалектных особенностях рукописной грамматики М. Могилина / Л. Л. Карпова // Третьи Флоровские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева (18–19 февраля 2009 г., Глазов) / Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко; ред. колл.: Т. Г. Волкова и др. – Глазов: [б. и.], 2009. – С. 124–129.

75. Карпова, Л. Л. Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Т. 17 (198). – С. 32–38.

76. Карпова, Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект / Л. Л. Карпова; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук; отв. ред. С. А. Максимов. – Ижевск, 2013. – 600 с.

77. Карпова, Л. Л. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты / Л. Л. Карпова, Н. В. Кондратьева // Финно-угорский мир. – 2014. – № 3 (20). – С. 24–31.

78. Карпова, Л. Л. Специфика словоизменения усилительно-личных местоимений в удмуртском языке (на материале северных диалектов) / Л. Л. Карпова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (43). – С. 81–84.

79. Карпова, Л. Л. Функционирование усилительно-личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2017. – Т. 27. – № 5. – С. 805–810.
80. Карпова, Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: монография / Л. Л. Карпова; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: МарШак, 2020. – 563 с.
81. Карпова, Л. Л. Морфология личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 402–413.
82. Карпова, Л. Л. Особенности парадигматики личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14. – № 4 (59). – С. 646–656.
83. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.–Л., 1965. – 68 с.
84. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л., 1972. – 213 с.
85. Кельмаков, В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кельмаков Валея Кельмакович; Институт языкознания АН СССР. – М., 1970. – 683 с.
86. Кельмаков, В. К. Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка / В. К. Кельмаков // Советское финно-угроведение. – 1974. – № 2 (X). – С. 101–106.
87. Кельмаков, В. К. Дореволюционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка / В. К. Кельмаков // 200 лет удмуртской письменности. – Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1976. – С. 104–111.
88. Кельмаков, В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I / В. К. Кельмаков // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. статей. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1977. – С. 26–61.

89. Кельмаков, В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II / В. К. Кельмаков // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. статей. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1978а. – С. 65–85.
90. Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи I. Татышлинский диалект / В. К. Кельмаков // Труды по финно-угроведению 5. Ученые записки Тартусского государственного университета. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1978б. – С. 101–122.
91. Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы: северное наречие и срединные говоры / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Удмуртия, 1981а. – 299 с.
92. Кельмаков, В. К. Кырыкмасские говоры III // Материалы по удмуртской диалектологии / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981б. – С. 137–148.
93. Кельмаков, В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка / В. К. Кельмаков // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. статей. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. – С. 26–51.
94. Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / В. К. Кельмаков; научный ред. И. В. Тараканов; АН СССР. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; Удмуртский государственный университет. – Ижевск [б. и.], 1990а. – 368 с.
95. Кельмаков, В. К. Взаимодействие факторов разных уровней в истории пермских языков / В. К. Кельмаков // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Debrecen, 1990б. – I A: Sessiones plenarias: Dissertations. – С. 105–124.
96. Кельмаков, В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. – Ижевск: Издательство УдГУ, 1992. – 176 с.

97. Кельмаков, В. К. Удмуртский язык / В. К. Кельмаков // Языки мира: Уральские языки // Ред. колл.: Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова. – М.: Наука, 1993. – С. 239–255.
98. Кельмаков, В. К. К вопросу о лексико-семантическом разряде лица / нелица имен существительных в удмуртских диалектах / В. К. Кельмаков // Вестник Удмуртского университета. – 1995. – № 5. – С. 13–19.
99. Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998а. – 386 с.
100. Кельмаков, В. К. Морфологические различия в удмуртских диалектах и их типы / В. К. Кельмаков // *Linguistica Uralica*. – 1998б. – Т. 34. – № 2. – С. 106–120.
101. Кельмаков, В. К. Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 232 с.
102. Кельмаков, В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания / В. К. Кельмаков // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. статей / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; редкол.: Л. Л. Карпова (отв. ред.), Л. Е. Кириллова, О. В. Титова; сост.: Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова. – Ижевск УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – С. 17–53.
103. Кельмаков, В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1: учебное пособие для студентов педвузов, обучающихся по специальности «Родной язык и литература» (= Удмурт вераськетъёс (Удмуртские говоры) 6) / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. – 276 с.
104. Кельмаков, В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. / В. К. Кельмаков; РАН УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы. – Ижевск, 2004а. – 140 с.

105. Кельмаков, В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка: учеб. пособие для педвузов. Ч. 2. / В. К. Кельмаков; Удмурт. гос. ун-т, каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004б. – 394 с.

106. Кельмаков, В. К. Некоторые проблемы коми-пермяцкого и пермского языкознания / Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / В. К. Кельмаков. – Пермь: Пермский государственный педагогический институт, 2005а. – Выпуск 2. – 183 с.

107. Кельмаков, В. К. К проблеме морфемного членения удмуртских личных местоимений / В. К. Кельмаков // *Congressus decimus internationalis fenno-ugristarum*, Joshkar-Ola, 15.08–21.08 2005. P. II. *Summariacroasium in sectionibus. Lingustica*. – Йошкар-Ола, 2005б. – С. 79–81.

108. Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учебное пособие для вузов / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – 2-е изд., стер. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 386 с.

109. Кельмаков, В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие (= Удмурт вераськетъёс 8) / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – 420 с.

110. Кельмаков, В. К. Вехи истории удмуртского языковедения / В. К. Кельмаков; Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и удмуртского языкознания. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011. – 518 с.

111. Кельмаков, В. К. Преобразование словоизменяющих суффиксов в деривационные (на материале удмуртского языка) / В. К. Кельмаков // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы. Петрозаводск, 25–28 июня

2014 г. / Редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. – Петрозаводск, 2014а. – С. 190–193.

112. Кельмаков, В. К. Сведения об удмуртских диалектах в XVIII столетии / В. К. Кельмаков // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2014б. – № 2. – С. 12–18.

113. Кельмаков, В. К. Образцы удмуртской речи = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы / В. К. Кельмаков; Министерство образования и науки РСФСР [и др.]. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 421 с.

114. Кельмаков, В. К. Об одном знакомом незнакомце в морфемике удмуртского языка / В. К. Кельмаков, М. А. Самарова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2023. – Т. 33. – № 2. – С. 257–270.

115. КОГКЯ – Лыткин, В. И. Краткий очерк грамматики коми языка / В. И. Лыткин, Д. А. Тимушев // Коми-русский словарь / Под ред. проф. В. И. Лыткина. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. С. 837–923.

116. Кондратьева, Н. В. Семантические возможности падежа инструменталь в современном удмуртском языке / Н. В. Кондратьева // Язык, литература, национальное образование: диалог культур и поколений: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Ф. К. Ермакова (24 октября 2007 г.). – Ижевск: Издательство ИПК и ПРО УР, 2008. – С. 46–51.

117. Кондратьева, Н. В. Способы передачи семантических значений удмуртского инструментального падежа на финский язык / Н. В. Кондратьева // Вестник Челябинского университета. – 2009. – №7 (145). – С. 78–81.

118. Кондратьева, Н. В. Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта): монография / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2010а. – 249 с.

119. Кондратьева, Н. В. Семантическая структура родительного падежа в современном удмуртском языке / Н. В. Кондратьева // Вестник Ярославского

государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010б. – № 4 (14). – С. 129–132.

120. Кондратьева, Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: монография / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011а. – 256 с.

121. Кондратьева, Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке: монография / Н. В. Кондратьева. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011б. – 154 с.

122. Кондратьева, Н. В. К вопросу происхождения абессивного суффикса в удмуртском языке/ Н. В. Кондратьева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011в. – № 2 – С. 7–13.

123. Краснощеков, Е. В. Категория притяжательности в синхронно-диахроническом аспекте (на материале языков различных систем): специальность 10.02.19. «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. / Краснощеков Евгений Владиславович; Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (РГЭУ (РИНХ)). – Майкоп, 2020. – 44 с.

124. Кротов 1785 – Кротовъ, З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785). – XX + 208 с.

125. Кротов 1816 – Кротов, З. Г. Отяцкая грамматика для обучения малолетних юношей равно же и взрослых знать отяцкой язык желающих, сочиненная Вятской епархии Глазовской округи села Еловскаго Троицкой церкви заштатным иереем Захаріею Кротовым. 1816-го года июля 21-го дня. – Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 573. Оп. 1. Д. СПбДА 330.

126. КТУ – Корпус таташлинского удмуртского. [Электронный ресурс]. URL: udmurt.web-corpora.net/tatyshly/. (дата обращения 31.01.2025).

127. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 114 с.

128. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Российская академия наук. Институт языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

129. КЭСК 1970 – Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

130. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз; перевод с английского языка под редакцией и с предисловием В. А. Звегинцева. – М.: «Прогресс», 1978. – 543 с.

131. Левина, М. З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка: специальность 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Левина Мария Захаровна; Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева – Саранск, 2003. – 212 с.

132. Лисова, Т. В. Разряды местоимений в липшинском говоре марийского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. статей. – Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 2001. – С. 155–159.

133. Ломоносов 1755 – Российская грамматика Михайла Ломоносова. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/94b/lomonosov%20rossiyskay%20grammatika.pdf> (дата обращения: 14.01. 2020).

134. Лудыкова, В. М. Выражение субъекта высказывания в пермских языках / В. М. Лудыкова // Динамика структур финно-угорских языков: сб. научных статей на материалах Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Евгения Александровича Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации Анатолия Николаевича Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2011. – С. 143–154.

135. Луппов 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Удмурт. научно-исслед. ин-т истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров УАССР; сост. П. Н. Луппов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. – 419 с.

136. Лыткин, В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / В. И. Лыткин; АН СССР Ин-т языкозн. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 174 с.

137. Лыткин, В. И. Некоторые особенности глазовского диалекта / В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина // Записки УдНИИ. Выпуск 19: сб. статей / ред. колл.: Емельянов И. П. (отв. ред.) и др.; Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959. – С. 218–228.

138. Лыткин, В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков / В. И. Лыткин // *Congressus tertius internationalis fenn-ugristarum/ Tallinnae habitus* 17. – 23. VIII 1970. Pars I Acta linguistica. – Tallinn: «Valgus», 1977. – S. 41–58.

139. Лыткин, В. И. Историческая морфология коми языка (= Коми кывлӧн историческӧй морфология) / В. И. Лыткин. – Пермь, Сыктывкар, 1977. – 86 с.

140. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

141. Люкина, Н. М. Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Люкина Надежда Михайловна; ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». – Ижевск, 2008. – 23 с.

142. Люкина, Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: монография / Н. М. Люкина; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 200 с.

143. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. Введение. Фонетика. Морфология. Ч. 1. / К. Е. Майтинская – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 304 с.

144. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. Грамматическое словообразование. Часть 2 / К. Е. Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 227 с.
145. Майтинская, К. Е. Функция местоименного суффикса *-n* в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / К. Е. Майтинская. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 65–80.
146. Майтинская, К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках / К. Е. Майтинская. – М.: Издательство «Наука», 1964. – 110 с.
147. Майтинская, К. Е. Некоторые общие черты местоименных слов в мордовских и марийских языках / К. Е. Майтинская // Вопросы финно-угорского языкознания. Выпуск 3. – М.: Институт языкознания Академии наук СССР, ужгородский государственный университет, 1966. – С. 53–61.
148. Майтинская, К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская. – М.: Издательство «Наука», 1979. – 262 с.
149. Майтинская, К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – 186 с.
150. Майтинская, К.Е. Местоимения и служебные слова / К. Е. Майтинская // Финно-волжская языковая общность / Б. А. Серебренников, Г. И. Ермушкин, К. Е. Майтинская; АН СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1989 – С. 175–262.
151. Майтинская, К. Е. Местоимения в языках разных систем / К. Е. Майтинская. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 312 с.
152. Максимов, С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке / С. А. Максимов // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. – Ч. 2 Языкознание. Фольклор и краеведение. – Ижевск, 1999. – С. 193–208.
153. Максимов, С. А. К проблеме категории инклюзивности у местоимений в удмуртском языке / С. А. Максимов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Том 13. – Выпуск 3. – С. 390–402.

154. Максимов, С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология: монография / С. А. Максимов; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Издательство «Шелест», 2018. – 336 с.

155. Миллер 2005 – Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола). Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков...: (репринт издания 1791 г.). Hamburg Institut fuer Finnougristik/Uralistik der Universitaet. – Hamburg, 2005. – 186 с.

156. Мышкин кон. 1770-х – Могилин, М. Краткой отяцкія Грамматики опыт=Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кирилловой; предисловие К. И. Куликова; приложения Т. И. Тепляшиной. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комментарии: с. 121–191; приложения: с. 192–201.

157. Напольских, В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта = D. G. Messerschmidts wotjakische materialie: дневниковые записи, декабрь 1726 / В. В. Напольских – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 220 с.

158. Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Насибуллин Риф Шакрисламович; Институт языкознания АН СССР. – М., 1972а. – 202 л.– Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 251.

159. Насибуллин, Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: приложение к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. / Насибуллин Риф Шакрисламович; Институт языкознания АН СССР. – М., 1972б. – 339 л. – Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 252.

160. Насибуллин, Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов / Р. Ш. Насибуллин // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1978. – С. 86–151.

161. Насибуллин, Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала I / Р. Ш. Насибуллин // *Материалы по удмуртской диалектологии*. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1981. – С. 149–180.
162. Насибуллин, Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала II / Р. Ш. Насибуллин // *Образцы речи удмуртского языка*. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 154–166.
163. Невская, И. А. Категория инклюзива и эксклюзива в алтайских языках / И. А. Невская // *Вестник ТГПУ*. – 2012. – № 1 (116), – С. 75–81.
164. Некрасова, Г. А. Семантическая структура присубстантивного генитива в финно-пермских языках / Г. А. Некрасова // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*. – Juväskylä, 1996. – С. 166–169.
165. Некрасова, Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2002. – 166 с.
166. Некрасова, Г. А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) / Г. А. Некрасова // *Финно-угроведение*. – 2012. – № 1. – С. 3–10.
167. Некрасова, Г. А. Двойное падежное маркирование в коми языке / Г. А. Некрасова // *Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. статей*. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – С. 232–238.
168. Некрасова, Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2023. – 516 с.
169. Никольская, Г. Н. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы (= Удмуртский язык. Учебное пособие для 6–7 классов) / Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов. – 2-й изд. – Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1995. – 248 с.
170. Никольская, Г. Н. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы (= Удмуртский язык. Учебник для 6–7 классов) / Г. Н. Никольская, И. В. Тараканов. – 3-й изд. – Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2005. – 264 с.

171. Оскольская, С.А. Конструкции и союзом *кроме как* и предлогом *кроме* в русском языке. / С. А. Оскольская // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2014. – С. 363–398.

172. Оскольская, С. А. Определение каритива как сравнительного понятия / С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. // Вопросы языкознания, 2020, № 3. С. 7–25. – URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2020-3/7-25> (дата обращения: 14.12.2021).

173. Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 484 с.

174. Основы 1975 – Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – М.: Издательство «Наука», 1975. – 348 с.

175. Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Издательство «Наука», 1976. – 464 с.

176. ÖKK 2002 – Öñia коми кыв. Морфология (‘Современный коми язык. Морфология’). – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории, 2002. – 281 с.

177. Падучева, Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 440 с.

178. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. Изд. стереотип. (6-му испр.). – М.: Издательство ЛКИ, 2024. – 294 с.

179. Пантюхина, Т. В. К вопросу о послеложных местоимениях удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сб. статей. – Ижевск–Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 400–405.

180. Пантюхина, Т. В. Эксклюзивное и инклюзивное *мы* в удмуртском языке / Т. В. Пантюхина // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сб. статей. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский государственный университет», 2017. – С. 244–250.

181. Пантюхина, Т. В. Семантические и синтаксические значения удмуртских личных местоимений с суффиксами отрицания / Т. В. Пантюхина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024д. – Т. 18. – № 2. – С. 166–173.
182. Пантюхина, Т. В. К вопросу о статусе взаимных местоимений в удмуртском языке / Т. В. Пантюхина, Н. В. Кондратьева // Вестник угроведения. – 2024ж. – Т. 14. – № 4 (59). – С. 695–704.
183. Пантюхина, Т. В. Морфология личных местоимений удмуртского языка в грамматике М. А. Мышкина / Т. В. Пантюхина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2025в. – Т. 17 – Вып. 2. – С. 69–77.
184. Пантюхина, Т. В. Грамматическая избыточность личных местоимений удмуртского языка / Т. В. Пантюхина // Вестник угроведения. – 2025г. – Т. 15. – № 2 (61). – С. 299–309.
185. Перевозчикова, Т. Г. Нижненьлгинские говоры / Т. Г. Перевозчикова // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 73–90.
186. Перевозииков, П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка / П. Н. Перевозииков // Русско-удмуртский словарь / УдНИИИЯЛиФ при СМ УАССР. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – С. 369–446.
187. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
188. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 762 с.
189. Попова, Р. П. Коми диалектология. Часть 2. Морфология: учебное пособие / Р. П. Попова. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2012. – 151 с.
190. Сажина, С. А. Местоимение в языке кировских пермяков / С. А. Сажина // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. Сер. Выпуск 77. Труды

Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019. – С. 152–175.

191. Селиверстова, О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1988. – 151 с.

192. Серебренников, Б. А. О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка / Б. А. Серебренников // Историко-филологический сборник. Вып. 5. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1960. – С. 119–131.

193. Серебренников, Б. А. Из истории падежной системы пермских языков / Б. А. Серебренников // Вопросы финно-угорского языкознания. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С. 9–32.

194. Серебренников, Б. А. Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 392 с.

195. Серебренников, Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике / Б. А. Серебренников. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 352 с.

196. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М.: Издательство «Наука», 1988. – 242 с.

197. Сидоренко, Е. Н. Морфология современного русского языка. Части речи и контаминаты: учеб. пособие. / Е. Н. Сидоренко. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 368 с.

198. СКЯ – Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. – 312 с.

199. Словарь 1912 – Словарь вотского языка, составленный Вятским Губернским Акцизным управлением в 1912 году: рукопись. – Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 3-Н. Д. 25.

200. Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка. Въ СанктпетербургѢ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

201. Стрелкова, О. Б. Имена числительные удмуртского языка: история и типология / О. Б. Стрелкова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 238 с.
202. Тараканов, И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) / И. В. Тараканов // Труды института языка и литературы – Тарту: Эстонское государственное издательство, 1960. – Т. V. – С. 117–153.
203. Тараканов, И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. статей: пособие для высших учебных заведений / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 484 с.
204. Тараканов, И. В. Туала удмурт кыл. Нимвоштос. Азьпечатлос / И. В. Тараканов. – Ижкар: «Удмурт университет» книга потгон корка, 2003. – 31 б.
205. Тараканов, И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: сб. статей / И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 2007б. – 286 с.
206. Тепляшина, Т. И. Тыловайский диалект удмуртского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тепляшина Тамара Ивановна; Институт языкознания АН СССР. – М., 1955. – 257 с. + прилож. 215 с. – НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 226.
207. Тепляшина, Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века (выпуск первый) / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Институт языкознания; отв. ред. В. И. Лыткин. – М., 1966. – 324 С.
208. Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Институт языкознания – М.: Издательство «Наука», 1970а. – 288 с.
209. Тепляшина, Т. И. Нижне-чепецкие говоры северноудмуртского наречия / Т. И. Тепляшина // Записки УдНИИ. Вып. 21: Филология: сб. статей / ред. колл.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.; Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров УАССР. – Ижевск: УдНИИ, 1970б. – С. 156–196.
210. Тепляшина, Т. И. Заметка по верхнеижским удмуртским говорам / Т. И. Тепляшина // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2: сб. статей и

материалов. – Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров УАССР, 1973. – 230 с.

211. Тепляшина, Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах / Т. И. Тепляшина // Советское финно-угроведение. – Таллинн, 1975а. – Т. 11. – № 3. – С. 179–185.

212. Тепляшина, Т. И. Способы выражения вокативности в удмуртском языке / Т. И. Тепляшина // Вопросы удмуртского языкознания: сборник статей. Выпуск 3. – Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров удмуртской АССР, 1975б. – С. 191–202.

213. Тепляшина, Т. И. О новых удмуртских падежах / Т. И. Тепляшина // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – Turku, 1981. – S. 285–292.

214. Тужаров, Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке / Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. – 144 с.

215. УК 1984 – Никольская, Г. Н. Удмурт кыл. 5–6 классъёслы (= Удмуртский язык: учебное пособие для 5–6 классов) / Г. Н. Никольская, А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, Р. И. Яшина. – Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1984. – 208 с.

216. УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов. – Ижевск: Удмурт университет, 2011. – 408 б.

217. УРС 1983 – Удмурт-зуч словарь = Удмуртско-русский словарь: Около 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Рус. яз., 1983. – 591 с.

218. УРС 2008 – Удмурт-зуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. институт ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров,

Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

219. Ушаков, Г. А. Сопосиавительная грамматика русского и удмуртского языков / Г. А. Ушаков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.

220. Федоркив, Л. А. Выражение личными местоимениями категории инклюзивности / эксклюзивности в обско-угорских языках / Л. А. Федоркив // Вестник угроведения. – 2022. – Т. 12. – № 4 (51). – С. 731–742.

221. Федотов, М. И. Ворцинский говор бесермянского наречия Образцы речи удмуртского языка / М. И. Федотов. – Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. – С. 116–130.

222. Федюнева, Г. В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка) / Г. В. Федюнева. – Сыктывкар. 1990. – 59 с.

223. Федюнева, Г. В. Формальная вариативность личных местоимений в коми языке и проблема языковой нормы / Г. В. Федюнева // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов / Удм. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1999. – С. 305–318.

224. Федюнева, Г. В. Коми местоимение: к проблеме формального варьирования в языке / Г. В. Федюнева. – Сыктывкар. 2000. – 76 с.

225. Федюнева, Г. Ф. Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели / Г. В. Федюнева. – Сыктывкар, 2005. – 52 с.

226. Федюнева, Г. В. О суффиксах личных местоимений в пермских языках / Г. В. Федюнева // *Congressus decimus internationalis fenno-ugristarum, Joshkar-Ola, 15.08–21.08 2005. P. II. Summariaacroasium in sectionibus. Lingustica.* – Йошкар-Ола, 2005. – С. 162–163.

227. Федюнева, Г. В. Первичные местоимения в пермских языках / Г. В. Федюнева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008а. – 427 с.

228. Федюнева, Г. В. Структурные типы неопределенных местоимений в финно-угорских языках / Г. В. Федюнева // *Пермистика XII: Диалекты и история*

пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21–22 октября 2008 г., Ижевск) / отв. ред. А. Ф. Шутов; Удмуртский государственный университет / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008б. – 386 с.

229. Федюнева, Г. В. О типологии местоименного значения / Г. В. Федюнева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008в. – Т. 1. – № 4–1 (16). – С. 172–179.

230. Федюнева, Г. В. Язык и языковая личность. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipologii-mestoimennogo-znacheniya.pdf> (Дата обращения: 19.09.2024).

231. Филимонова, Е. Ю. К вопросу об иерархическом упорядочении лиц. Выделенность 2-го лица. Гипотеза языковой корреляции / Е. Ю. Филимонова // Вопросы языкознания, 4, 1997. – С. 85–91.

232. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языкознание. Избранные труды. Т. 1 / Ф. Ф. Фортунатов – М.: Учпедгиз, 1956. – 471 с.

233. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду; пер. с венг. яз. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. Б. А. Серебренникова. – М.: «Прогресс», 1985. – 430 с.

234. Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка. Фонетика и морфология. Часть I / Л. Хакулинен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – 312 с.

235. Хелимский, Е. А. Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка / Е. А. Хелимский // Вопросы финно-угроведения. – Сыктывкар, 1979. – С. 114.

236. Хелимский, Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация) / Е. А. Хелимский. – М.: Издательство «Наука», 1982. – 164 с.

237. Цыпанов, Е. А. Система суффиксального отрицания пермских языков на финно-угорском фоне / Е. А. Цыпанов // Congressus septimus internationalis fenno-

ugristarum, Debrecen 27. VIII. – 2. IX. 1990. Sessiones sectionum dissertations/ Linguistica. – Debrecen, 1990. – S. 165–169.

238. Чураков, В. С. Об авторе и времени создания «Краткой отяцкой грамматики опыта» / В. С. Чураков // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции – 2015. – № 3 (28). – С. 56–63.

239. Чураков, В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» / В. С. Чураков // Ежегодник финно-угорских исследований – 2016а. – Т. 10. – № 3. – С. 184–196.

240. Чураков, В. С. Памятники письменности удмуртского языка начала XIX в. (Речь по случаю коронации Александра I (1801) и удмуртская грамматика З. Г. Кротова (1816)) / В. С. Чураков // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: сб. статей по материалам докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2016б. – С. 373–378.

241. Шарандин, А. Л. Морфология современного русского языка: учебное пособие / А. Л. Шарандин. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

242. Шахматов 1952 – Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку: (Учение о частях речи) / А. А. Шахматов; вступ. статья В. В. Виноградова – М.: Учпедгиз, 1952. – 272 с.

243. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

244. Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.

245. Шибанов, А. А. Наречия в удмуртском языке / А. А. Шибанов. – Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2012. – 192 с.

246. Шибанов, А. А. Некоторые морфологические признаки наречий в удмуртском языке / А. А. Шибанов // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 125–132.

247. Широбокова, С. Н. Междометия в удмуртском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Широбокова Светлана Николаевна; ФГБОУ ВП «Удмуртский государственный университет». –Ижевск, 2013. – 161 с.

248. Щерба, Л. В. Избранные труды по русскому языку / Л. В. Щерба; предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М. И. Матусевич. Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

249. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 95–113.

250. Яковлев, И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика удмуртского языка / И. В. Яковлев. – Ижевск: Удкнига, 1930. – 82 б.

251. Яковлева, Е. С. К описанию русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1–2–3. – С. 47–56.

252. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

253. Aminoff, T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos / T.G. Aminoff. // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja = Journal de la Société Finno-Ougrienne 2 (XIV). – 1896. – P. 1–48.

254. Aminoff, T.G. Wotjakilaisia kielinäytteitä / T.G. Aminoff. // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja = Journal de la Société Finno-Ougrienne 1 – 1898. – P. 32–55.

255. Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys / R. Bartens. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. – 376 p. (= Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 238).

256. Csúcs, S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 405 S.

257. Hamari, A. The abessive in the Permic languages / A. Hamari. // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja = Journal de la Société Finno-Ougrienne* 93. – 2011. – P. 37–84. – URL: <https://www.sgr.fi/susa/93/hamari.pdf> (дата обращения: 14.12.2021).
258. Honti, L. Das Zeitalter und die Entstehung der Personalpronomina mit velaren Vokalen / L. Honti // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne* 264. – Helsinki, 2012. – S. 121–129.
259. Kel'makov, V., Saarinen, S. 1994 – Kel'makov, V. Udmurtin murteet / V. Kel'makov, S. Saarinen. – Turku-Iževsk, 1994. – 368 s. (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47).
260. Maksimov, S. A., Panina, T. I. 2018 – Maksimov, S. A. On the Category of Clusivity in the Udmurt Language / S. A. Maksimov, T. I. Panina // *Linguistica Uralica*. – 2018. – Vol. 54, Issue 3. – P. 213–224.
261. Molnár, F. A permi nyelvek szóvégi magánhangzóinak történetéről / F. Molnár // *Nyelvtudományi Közlemények* 76. – Kötet 1–2. szám. – Budapest, 1974. – S. 76–118.
262. Munkácsi, B. Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. – Budapest, 1887. – 335 S.
263. Munkácsi, B. A votják nyelv szótára / B. Munkácsi. – Budapest, 1880–1896. – 836 + XVI S.
264. Munkácsi, B. Volksbräuhe Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi herausgegeben von D. R. Fuchs. *Suomalais-Ugrilainen Seura Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 102 / B. Munkácsi. – Helsinki, 1952. – XXXVII + 715 S.
265. Ravila, P. Zur Geschichte der Deklination der Personapronomina in den uralischen Sprachen / P. Ravila; *Commentationes Fenn-Ugricae in honorem Y.H. Toivonen*. (= MSFOu 98). – Helsinki, 1950. – S. 311–323.
266. Rédei, K. Geschichte der finnougri-schen Personalpronomina / K. Rédei // *Linguistica Uralica*. – 1998. – № 4. – S. 341–352.
267. Setälä, E. N. Suomen kielioppi. Äänne- ja sanaoppi. Oppikoulu ja omin pain opiskelua varten / E. N. Setälä. – Helsinki, 1930. – 136 S.

268. Uotila, T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen / T. E. Uotila. – Helsinki, 1933. – 446 S. (= MSFOu 65).
269. Uotila, T. E. Zur Deklination der Personalpronomina in der permischen Sprachen / T. E. Uotila. // *Nyelvtudományi Közlemények* 50. – L. 1–3 fuzet. – 1936. – S. 464–476.
270. Wichmann 1893 – Wotjakische Sprachproben.: Lieder, Gebete und Zaubersprüche / im auftragk der finnisch-ugrischen grsellschaft gesammelt und herausgegeben von Yrjö J. Wichmann / Y. Wihmann. – Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. – XX, 199, [1] s.
271. Wichmann 1901a – Wotjakische Sprachproben. [Ч.] 2: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen / im auftragk der finnisch-ugrischen grsellschaft gesammelt und herausgegeben von Yrjö J. Wichmann / Y. Wihmann. – [Helsingissä: Suomal. Kirjallis. Seuran kirjapainon Osakeyhtiö], 1901a. – IV, 48 s.
272. Wichmann, Y. Wotjakische Crestomathie mit Glossar / Y. Wihmann. – Helsingfors, 1901b. – 136 S.
273. Wichmann, Y. Zur permischen Grammatik / Y. Wihmann // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – 1923–1924. – XVI. – S. 143–163.
274. Wichmann, Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann / Y. Wichmann; Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen; Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.
275. Wiedemann, F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche / F. J. Wiedemann. – Reval, 1851. – 390 S.
276. Wiedemann, F. J. Zur Dialektenhunde der wotjakischen Sprache / F. J. Wiedemann // *Bulletin Historico-Philologique de l'Academie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*, III, 5 livraison. – St-Pétersbourg, 1858. – S. 533–555.
277. Wiedemann, F.J. Grammatik der syrjäischen Sprache mit berücksichtigung ihrer dialekte und des Wotyjakischen / F. J. Wiedemann. – St. Peterburg, 1884. – 255 S.
278. Winkler, E. Udmertische Grammatik/ E. Winkler. – Wiesbaden, 2011. – 181 S. (+7) (Veröffentlichungen der societias uralo-altaica. Band 81).

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- АЭВ   Абдуллина Элеонора Владиславовна, 1975 г.р., с. Пештерек Янаульского района Республики Башкортостан, образование высшее. – ПМА, 1997
- ГАП   Галанова Анна Петровна, 1918 г.р., д. Старое Мартьяново (удм. Тяма) Завьяловского района Удмуртской Республики, образование 4 класса. – ПМА, 1995
- ЗТМ   Золотарева Татьяна Михайловна, 1977 г.р., д. Сибирь (удм. Печкезь) Унинского района Кировской области, образование среднее. – ПМА, 1997
- КАВ   Коновалова Алевтина Васильевна, 1976 г.р., д. Нижние Юраши (удм. Йыраш) Граховского района Удмуртской Республики, образование высшее. – ПМА, 1997
- ТИВ   Тараканов Иван Васильевич, 1928 г. р., д. Покровский Урустамак (удм. Урсыгурт) Бавлинского района Республики Татарстан, образование высшее. – ПМА, 1997

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Диалектные морфонологические варианты собственно-личных местоимений удмуртского языка

Таблица 18. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 1 sg. *мон* 'я'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>
акк.	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>
ген.	<i>мЫнам</i> ⁴⁷ <i>мнам</i>	<i>мънам</i>	<i>мынам</i>	<i>мЫнам</i>	<i>мЫнам</i>	<i>мънам</i>	<i>мънам</i>	<i>мънам</i>
дат.	<i>мЫнЫм</i>	<i>мънъм</i>	<i>мыным</i> <i>мõным</i>	<i>мЫнЫм</i>	<i>мЫнЫм</i>	<i>мънъм</i>	<i>мънъм</i>	<i>мънъм</i>
абл.	<i>мЫнэс'тЫм</i> <i>мнэс'тым</i> <i>мыныс'тым</i> <i>мънис'тым</i>	<i>мънъс'тым</i> <i>м'нъс'тым</i> <i>мънис'тым</i> <i>мъс'тым</i>	<i>мынэс'тым</i> <i>мõнэс'тым</i> <i>мõныс'тым</i> <i>мынис'тым</i> <i>мыс'тым</i> <i>мõс'тым</i>	<i>мынэс'тым</i> <i>мЫнэс'кЫм</i>	<i>мынэс'тым</i> <i>мынис'тым</i> <i>мънэс'кым</i>	<i>мъс'кым</i> <i>мънис'кым</i>	<i>мънэс'тым</i>	<i>мънэс'тым</i>
инстр.	<i>монэнЫм</i>	<i>монэнъм</i>	<i>монэным</i> <i>мõнэным</i>	<i>монэн</i>	<i>монэн</i>	<i>монэн</i>	<i>монэнъм</i>	<i>монэнъм</i>
абес.	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>
adv.	<i>монйа</i> <i>монйам</i>	<i>мон'н'а</i> <i>мон'н'ам</i> <i>монйа</i>	<i>монйа</i>					
аппр.	<i>монлан'</i> <i>монлан'ам</i>	<i>монлан'</i> <i>монлан'ам</i>						
пр.ин.	<i>мон'н'ам</i>	<i>мон'н'ам</i>						
пр.ил.	<i>мон'н'ам</i>	<i>мон'н'э</i> <i>мон'н'ам</i>						

⁴⁷ Заглавной буквой *Ы* мы обобщаем диалектные варианты фонемы *ы*: *ь*, *ы́*, *ы*.

Таблица 19. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 2 sg. тон 'ты'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>
акк.	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>
ген.	<i>тЫнад</i> <i>тнад</i>	<i>тънад</i>	<i>тынад</i>	<i>тЫнад</i>	<i>тЫнат</i>	<i>тънат</i>	<i>тънаД</i>	<i>тънат</i>
дат.	<i>тЫнЫд</i>	<i>тънъд</i>	<i>тыныд</i> <i>тѳныд</i>	<i>тЫнЫд</i>	<i>тЫнЫд</i>	<i>тънът</i>	<i>тънъД</i>	<i>тънът</i>
абл.	<i>тЫнэс'тЫд</i> <i>тнэс'тыд</i> <i>тыныс'тыд</i> <i>тънис'тъд</i>	<i>тънъс'тъд</i> <i>т'нъс'тъд</i> <i>тънис'тъд</i> <i>тъс'тъд</i>	<i>тынэс'тыд</i> <i>тѳнэс'тыд</i> <i>тѳныс'тыд</i> <i>тыс'тыд</i> <i>тѳс'тъд</i>	<i>тынэс'тыд</i> <i>тЫнэс'кЫд</i>	<i>тынэс'тыд</i> <i>тънэс'кът</i>	<i>тъс'кът</i> <i>тънис'кът</i>	<i>тънис'тит</i>	<i>тънэс'тът</i>
инстр.	<i>тонэнЫд</i> <i>тонэн</i>	<i>тонэнъд</i>	<i>тонэныд</i> <i>тѳнэныд</i>	<i>тонэн</i>	<i>тонэн</i>	<i>тонэн</i>	<i>тонэнъД</i>	<i>тонэнът</i>
абес.	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>
адв.	<i>тонйа</i> <i>тонйад</i>	<i>тон'н'а</i> <i>тон'н'ад</i> <i>тонйа</i>	<i>тонйа</i>					
аппр.	<i>тонлан'</i> <i>тонлан'ад</i>	<i>тонлан'</i> <i>тонлан'ад</i>						
пр.ин.	<i>тон'н'ад</i>	<i>тон'н'ад</i>						
пр.ил.	<i>тон'н'ад</i>	<i>тон'н'э</i> <i>тон'н'ад</i>						

Таблица 20. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 1 рл. *ми* 'мы'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>
акк.	<i>мил'эмэстЫ</i> <i>мил'эмэс</i> <i>мл'эмэс</i> <i>мил'эмдэсты</i> <i>мил'эмдъ</i> <i>мил'эмдыс</i> <i>мил'эмъсть</i>	<i>мил'эмэс</i> <i>мил'эмэсть</i> <i>мил'эмъз</i>	<i>мил'эмды</i> <i>мил'эмдыс</i>	<i>мил'эмЫз</i>	<i>мил'эмЫз</i>	<i>мил'эмъз</i>	<i>мил'эмъж</i>	<i>мил'эмъз</i>
ген.	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>
дат.	<i>мил'эм</i> <i>мл'эм</i>	<i>мил'ъм</i> <i>мил'эм</i>	<i>мил'эмлы</i>	<i>мил'эмЫ</i>	<i>мил'эмЫ</i>	<i>мил'эмль</i>	<i>мил'эмль</i>	<i>мил'эмль</i>
абл.	<i>мил'эс'тЫм</i> <i>мл'эс'тым</i>	<i>мил'эс'тъм</i> <i>мил'ис'тъм</i>	<i>мил'эс'тым</i> <i>мил'эмлэс'</i>	<i>мил'эс'тЫм</i>	<i>мил'эс'тЫм</i>	<i>мил'эс'към</i>	<i>мил'эс'тимъ</i>	<i>мил'эс'тъм</i>
инстр.	<i>мил'эмэн</i> <i>мл'эмэн</i> <i>мил'эмЫн</i> <i>мил'эным</i> <i>мил'энымы</i>	<i>мил'энъм</i> <i>мил'эмън</i> <i>мил'эмэнъм</i>	<i>мил'эмын</i>	<i>мил'эмЫн</i>	<i>мил'эмЫн</i>	<i>мил'эмън</i>	<i>мил'эмън</i>	<i>мил'эмън</i>
абес.	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>
adv.	<i>мийа</i> <i>мийамы</i>	<i>мийа</i>	<i>мийа</i>					
аппр.	<i>милан'</i> <i>милан'амы</i>	<i>милан'</i> <i>милан'ам</i> <i>мил'амлан'</i>						
пр. ин.	<i>мин'н'ам</i>	<i>мин'н'ам</i>						
пр. ил.	<i>мин'н'ам</i>	<i>мин'э</i> <i>мин'н'ам</i>						
пр. эл.	<i>мин'н'Ыс'тЫм</i>							
пр. эгр.	<i>мин'н'Ыс'энЫм</i>							
пр. терм.	<i>мин'н'амоз'</i>							

Таблица 21. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 1 рl. *тй* 'вы'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>
акк.	<i>тил'эдэстЫ</i> <i>тил'эдэс</i> <i>тл'эдэс</i> <i>тил'эддъ</i> <i>тил'эддыс</i> <i>тил'эдъсть</i>	<i>тил'эдэс</i> <i>тил'эдэсть</i> <i>тил'эдъз</i>	<i>тил'эдды</i> <i>тил'эддыс</i>	<i>тил'эдЫз</i>	<i>тил'эдЫз</i>	<i>тил'эдъз</i>	<i>тил'эдъж</i>	<i>тил'эдъз</i>
ген.	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i> ~ <i>тил'ат</i>	<i>тил'ат</i>	<i>тил'аД</i>	<i>тил'ат</i>
дат.	<i>тил'эд</i> <i>тл'эд</i>	<i>тил'ъд</i> <i>тил'эд</i>	<i>тил'эдлы</i>	<i>тил'эдлЫ</i> ~ <i>тил'э'ль</i>	<i>тил'эдлЫ</i> ~ <i>тил'э'ль</i>	<i>тил'э'ль</i>	<i>тил'эдлъ</i>	<i>тил'э'ль</i>
абл.	<i>тил'эс'тЫд</i> <i>тл'эс'тыд</i>	<i>тил'эс'тъд</i> <i>тил'ис'тъд</i>	<i>тил'эс'тыд</i>	<i>тил'эс'тыд</i> ~ <i>тил'эс'къд</i>	<i>тил'эс'тыд</i> ~ <i>тил'эс'тът</i>	<i>тил'эс'кът</i>	<i>тил'эс'тидъ</i>	<i>тил'эс'тът</i>
инстр.	<i>тил'эдэн</i> <i>тл'эмэн</i> <i>тил'эдЫн</i> <i>тил'эныд</i> <i>тил'эныды</i>	<i>тил'эдън</i> <i>тил'эдэнъд</i>	<i>тил'эдын</i>	<i>тил'эдЫн</i>	<i>тил'эдЫн</i>	<i>тил'эдън</i>	<i>тил'эдън</i>	<i>тил'эдън</i>
абес.	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>
adv.	<i>тийа</i> <i>тийады</i>	<i>тийа</i>	<i>тийа</i>					
аппр.	<i>тилан'</i> <i>тилан'ады</i>	<i>тилан'</i> <i>тилан'ад</i> <i>тил'адлан'</i>						
пр.ин.	<i>тин'н'ад</i>	<i>тин'н'ад</i>						
пр.ил.	<i>тин'н'ад</i>	<i>тин'э</i> <i>тин'н'ад</i>						
пр. эл.	<i>тин'н'Ыс'тЫд</i>							
пр. эгр.	<i>тин'н'Ыс'энЫд</i>							
пр. терм.	<i>тин'н'адоз'</i>							

Таблица 22. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 3-го лица ед. ч. *со* 'он, она'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>шо</i>	<i>со</i>
акк.	<i>сойэ сиэ сүэ</i>	<i>сойэ сиэ сийэ</i>	<i>сойэ</i>	<i>сойэ сээ</i>	<i>сойэ</i>	<i>сойэ сэйэ сийэ</i>	<i>шойэ</i>	<i>сойэ</i>
ген.	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн соцэн</i>	<i>шолэн</i>	<i>солэн</i>
дат.	<i>солЫ</i>	<i>соль</i>	<i>солы соцы</i>	<i>солЫ</i>	<i>солы</i>	<i>соль соць</i>	<i>шоль</i>	<i>соль</i>
абл.	<i>солэс'</i>	<i>солэс' солэс' солис'</i>	<i>солэс' соцэс'</i>	<i>солэс'</i>	<i>солэс'</i>	<i>солис' социс'</i>	<i>шолэс'' шолэч</i>	<i>солэс'</i>
инстр.	<i>соин</i>	<i>соин сиин</i>	<i>соин сойин</i>	<i>соин</i>	<i>соин</i>	<i>сойэн сэйэн сийэн</i>	<i>шойин</i>	<i>соин сойин</i>
абес.	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>сойин</i>	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>шотэк</i>	<i>сотэк</i>
adv.	<i>сойа</i>	<i>сойа сийа</i>	<i>сойа</i>					
аппр.	<i>солан'</i>	<i>солан' солан'аз</i>						
пр.ин.	<i>сон'Ын</i>	<i>сон'эн</i>						
пр.ил.	<i>сон'э</i>	<i>сон'э</i>						
пр. эл.	<i>сон'Ыс'</i>							
пр. эгр.	<i>сон'Ыс'эн</i>							
пр. терм.	<i>сон'оз'</i>							

Таблица 23. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты местоимения 3-го лица мн. ч. *соос* 'они'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	срединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>соос</i> <i>сойос</i>	<i>соос</i>	<i>соос</i>	<i>соос</i>	<i>соос</i> <i>сос</i>	<i>соос</i>	<i>шош</i> <i>шоош</i>	<i>сойос</i>
акк.	<i>соостЫ</i> <i>сойостЫ</i>	<i>соостъ</i> <i>соосъз</i>	<i>соосты</i>	<i>соосЫз</i>	<i>соосыз</i> <i>сосыз</i>	<i>соосъз</i>	<i>шоошъж</i>	<i>сойосъс</i>
ген.	<i>соослэн</i> <i>сойослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>шоошлэн</i>	<i>сойослэн</i>
дат.	<i>соосЫ</i> <i>сойосЫ</i>	<i>соосль</i>	<i>соослы</i>	<i>соосЫ</i>	<i>соослы</i>	<i>соосль</i>	<i>шоошль</i>	<i>сойосль</i>
абл.	<i>соослэс'</i> <i>сойослэс'</i>	<i>соослэс'</i> <i>соослъс'</i> <i>соослис'</i>	<i>соослэс'</i>	<i>соослэс'</i>	<i>соослэс'</i>	<i>соослис'</i>	<i>шоошлэс''</i> <i>шоошлэч</i>	<i>сойослэс'</i>
инстр.	<i>соосЫн</i> <i>сойосЫн</i>	<i>соосън</i>	<i>соосын</i>	<i>соосЫн</i>	<i>соосын</i>	<i>соосън</i>	<i>шоошън</i>	<i>сойосън</i>
абес.	<i>соостэк</i> <i>сойостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>шооштэк</i>	<i>сойостэк</i>
adv.	<i>соосйа</i> <i>сойосйа</i>	<i>соосйа</i>	<i>соосйа</i>					
аппр.	<i>соослан'</i> <i>сойослан'</i>	<i>соослан'</i> <i>соослан'аз</i>						
пр. ин.	<i>соосн'Ын</i> <i>сойосн'ын</i>	<i>соосн'ън</i>						
пр. ил.	<i>соосн'э</i> <i>сойосн'э</i>	<i>соосн'э</i>						
пр. эл.	<i>соосн'Ыс'</i> <i>сойосн'ыс'</i>							
пр. эгр.	<i>соосн'Ыс'эн</i> <i>соосн'ыс'эн</i>							
пр. терм.	<i>соосн'оз'</i> <i>сойосн'оз'</i>							

Таблица 24. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы'

Падежи	Диалекты							
	северное наречие	бесермянский язык	серединные говоры	южный диалект	закамские говоры	кукморский говор	красноуфимский говор	татышлинский говор
ном.	<i>ачимэс ачымэс ачмэс ас'мэс ас'мэос ас'миос</i>	<i>ачъмэс асъмэс ас'мэс</i>	<i>ачмийос ачмэос ас'мэос</i>	<i>ас'мэос ас'миос ас'мэс</i>	<i>ӱс'мийос</i>	<i>ас'мэс</i>	<i>ачмэш</i>	<i>ӱс'мийос</i>
акк.	<i>аслэмэс аслэмды аслэмэстЫ асмэс асмэсты ачимэстЫ ас'мэды ас'мэдыс</i>	<i>асъмэстъ ас'мэстъ</i>	<i>ачмэдыс ас'мэдыс ас'мэды</i>	<i>ас'мэмЫз</i>	<i>ӱс'мэмыз</i>	<i>ас'мэсъз</i>	<i>ачмэмъж.</i>	<i>ӱс'мэмъз</i>
ген.	<i>аслам асламЫлэн асламлэн асмэлэн ас'мэлэн ачимэлэн</i>	<i>ас'мэлэн</i>	<i>ачмэлэн ас'мэлэн</i>	<i>ас'мэлэн ас'мээн</i>	<i>ӱс'мэлэн</i>	<i>ас'мэлэн ачмээн</i>	<i>ачмэлэн</i>	<i>ӱс'мэлэн</i>
дат.	<i>аслэм аслэмЫлЫ асмэлы ас'мэлы ачимэлы ачимэслы</i>	<i>ас'мэль</i>	<i>ачмэлы ас'мэлы</i>	<i>ас'мэльЫ</i>	<i>ӱс'мэлы</i>	<i>ас'мэль</i>	<i>ачмэль</i>	<i>ӱс'мэль</i>
абл.	<i>аслэс'тЫм ас'мэлэс' вч.</i>	<i>ас'мэл'ис' ас'мэлэс' ас'мэльс'</i>	<i>ачмэлэс' ас'мэлэс'</i>	<i>ас'мэлэс'</i>	<i>ӱс'мэлэс'</i>	<i>ас'мэлис'</i>	<i>ачмэлэч</i>	<i>ӱс'мэлэс'</i>
инстр.	<i>аслэмэн асэныЫм ~асэныЫ-мы асмэнымы ачимэным ~ачимэнымы</i>	<i>ас'мэнъм ас'мэнъм ас'мэнъмъ ас'мэнъ-мъ асэнь-мъ</i>	<i>ачмэмын ас'мэмын асэнымы</i>	<i>ас'мэмЫн</i>	<i>ӱс'мэмың ӱс'мэныЫмы</i>	<i>ас'мэсэн</i>	<i>ачмэмън</i>	<i>ӱс'мэмън ~ ӱс'мэнъмъ</i>

Продолжение таблицы 24. Диалектные морфологические и морфонологические падежные варианты инклюзивного местоимения *асьмеос* 'мы'

инстр.	<i>ачимэсэн ас'миосын</i>						
абес.	<i>ачимэстэк ачымэстэк асмэтэк ас'мэтэк ас'мэостэк ачимэтэк ас'миостэк</i>	<i>ас'мэстэк ачимэстэк</i>	<i>ачмэтэк ас'мэтэк</i>	<i>ас'мэтэк</i>	<i>әс'мийостэк әс'мэтэк</i>	<i>ачмэтэк</i>	<i>әс'мэтэк</i>
адв.	<i>ачимэсйа ачымэсйа ачимыйа ачимэйа асмэйа ас'мэйа ас'мэосйа</i>	<i>ас'мэсйа ас'мэйа</i>	<i>ачмэйа ас'мэйа</i>				
аппр.	<i>ас'мэлан'</i>	<i>ачимлан'</i>					
пр.ин.	<i>асн'ам ~ асн'а·мЫ</i>	<i>асн'а·мъ</i>					
пр.ил.	<i>асн'ам ~ асн'а·мЫ</i>	<i>асн'а·мъ</i>					